

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ПОДДАЙ ПАРУ!

Raising Steam

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

Annotation

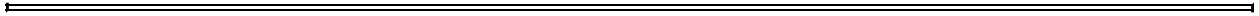
Мокриц фон Липвиг как никогда доволен своей жизнью. После публичного признания в мошенничестве он все еще жив. Почтамт, Монетный двор и Банк работают как часы. Супруга Мокрица все так же души не чает в нем и в семафорах. И вроде для скуки нет не то что места, но даже и времени... И все же, когда первый паровой двигатель завоевывает Анк-Морпорк, Мокриц фон Липвиг снова в гуще событий и снова на коне!

Заключительная книга трилогии о самом обаятельном мошеннике Плоского мира впервые на русском языке!

- [Терри Прагчетт](#)
 -
 -
 -
 - [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)

- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)

Терри Пратчетт

Поддай пару!

Terry Pratchett

Raising Steam

Copyright © Terry and Lyn Pratchett 2013.

First published as Raising Steam by Transworld Publishers

© Е. Шульга, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

Посвящается Дэвиду Пратчетту и Джиму Уилкинсу – двум блестящим инженерам, которые научили своих детей осмотрительности

Сложно постичь ничто, хотя множественная вселенная полна им. Ничто странствует повсюду, вечно что-то опережает, и в великом облаке неведомого ничто стремится стать чем-то, вырваться наружу, прийти в движение, ощущать, меняться, танцевать, познавать – попросту говоря, *быть* чем-то.

И когда такой шанс повис в воздухе, ничто ухватилось за него. Ничто всегда знало про что-то, но это что-то было совсем не похоже на другие, и вот ничто тихо проскользнуло во что-то и поплыло, грезя обо всем сразу, и удачно приземлилось на спину одной очень большой черепахе, и поспешило скорее стать чем-то. Это было стихийно, это было фантастически, и вдруг – стихия попала в ловушку! Приманка сработала.

Всякий, кто хоть раз видел берега и воды реки Анк, кишашие самой несусветной дрянью, должен понимать, почему рыбными деликатесами жителей Анк-Морпорка в полном объеме снабжал рыболовецкий флот Щеботана. Анк-морпоркские рыботорговцы, в порядке профилактики ужасных желудочных заболеваний среди населения, следили за тем, чтобы

товар попадал на их прилавки из сетей, закинутых как можно дальше от города.

Для поставщика первоклассных морепродуктов Боудена Джеффриса двести с лишним миль, разделявшие рыболовные базы Щеботана и рынки Анк-Морпорка, были трагически долгим расстоянием, особенно зимой, осенью и весной, а летом так и вовсе сущей пыткой, когда дорога, если это можно так назвать, превращалась в раскаленную печку протяженностью до самой столицы. Если ты однажды имел дело с тонной перегретой осьминожины, это навсегда оставалось в твоей памяти. Запах потом стоял еще не один день, преследовал тебя даже тогда, когда ты ложился спать, и ни в какую не хотел отстирываться от одежды.

Люди – ужасно требовательные создания, вот и элита Анк-Морпорка (да и не только элита) хотела получать свежую рыбу даже в самые жаркие дни года. Собственными руками Джеффрис смастерил ледник и даже организовал на полпути смену, но все равно вонь стояла такая, что, ей-богу, слезы наворачивались на глаза.

Так он и сказал своему кузену Релаксу Джеффрису, садоводу и огороднику, который в ответ опустил взгляд в кружку с пивом и сказал:

– А вот всегда так. Никто не думает о мелком предпринимателе. Ты хоть представляешь, как быстро ягоды клубники превращаются в кашу на жаре? Так вот я тебе скажу: очень быстро. Моргнешь – и нет твоей клубники, а покупателю подавай ягоду. А спроси у зеленщика, как непросто довести чертов кресс-салат до города, чтобы он не завял, как уши прихожан на двухчасовой проповеди. Мы должны жаловаться правительству!

– Нет, – пресек его кузен. – Я уже сыт этим по горло. Лучше давай напишем в газеты! Вот как дела надо делать. Все ведь жалуются на фрукты, на овощи, на рыбу. Пусть уже Витинари войдет в положение мелкого предпринимателя. В конце концов, зачем-то же мы иногда платим налоги?

Дику Кексу было десять лет, когда в их семейной кузнице в Овцекряжье его отец взял и исчез среди разлетевшихся обломков кузнечного горна и кусков железа, в облаке розоватого пара. Его так и не нашли в кошмарном тумане, который буквально обжигал своей сыростью, но в тот день маленький Дик дал слово отцу, навсегда оставшемуся в этом обжигающем мареве, что он поработит пар.

Но у его матери были другие планы. Элси Кекс была повитухой – и говорила соседям: «Детишки везде рождаются. Без клиентов не останусь». Так что вопреки желаниям сына мать увезла его из родного дома, который

теперь почитала проклятым. Она собрала все свои пожитки, и они вдвоем вернулись в родное гнездо Элси в окрестностях Сто Лата, где люди не исчезали необъяснимым образом в горячих розовых облаках.

Вскоре с мальчиком приключилось нечто знаменательное. Однажды, ожидая возвращения матери со сложных родов, Дик набрел на любопытное здание, которое на поверку оказалось библиотекой. Поначалу он было решил, что книги состоят сплошь из напыщенной чепухи: все эти короли, поэты, возлюбленные, баталии, – но в одной, все определившей для него книге он обнаружил нечто под названием *математика* и целый мир чисел.

Вот почему в один прекрасный день, десять лет спустя, он набрался духу, насколько хватило легких, и признался матери:

– Помнишь, ма, как в прошлом году я сказал, что иду с друзьями в поход в горы Убервальда? Короче, я вроде как, это, типа немного приврал, но только чуть-чуть, честное слово, – Дик покраснел. – Дело в том, что я нашел ключи от старой папиной мастерской, ну и, в общем, поехал в Овцекряжье, провел там пару экспериментов, и, короче... – он с тревогой посмотрел на мать. – Кажется, я понял, в чем была папина ошибка.

Дик был готов к категоричным возражениям, но слез – стольких слез – он не ожидал. Пытаясь успокоить мать, он добавил:

– Ма, вы с дядей Флавием дали мне образование, я теперь знаю и цифры, и арифметику, и даже всякие странные штуки, выдуманнные эфебскими философами, где даже верблюды копытами чертят графики. А папа не знал ничего такого. У него были интересные идеи, но он не разбирался в *те-хно-логии*.

Когда он наконец дал матери вставить слово, та сказала:

– Знаю уж, что никак тебя не отговорить, сыночка, в этом ты весь в отца, такой же твердолобый. И этим ты занимался в амбаре? *Эхо-логией*? – Она посмотрела на него с укоризной и вздохнула. – Не стану указывать тебе, что делать, но вот ты сам мне скажи: как твои *ложнорифмы* уберегут тебя от судьбы бедного твоего отца? – И она снова разразилась рыданиями.

Дик достал из кармана куртки нечто похожее на волшебную палочку для карликового волшебника и объявил:

– Вот что убережет меня от беды, ма! Я освоил счетную линейку! Я могу командовать синусом, и распоряжаться косинусом, и даже искать квадратные корни! Так что кончай беспокоиться и пойдем лучше со мной в амбар, я хочу кое с кем тебя познакомить.

Госпожа Кекс нехотя потащила за сыном в большой амбар, где он обустроил себе мастерскую, как в Овцекряжье. Напрасно мать надеялась, что сын каким-то чудом нашел себе девушку. Войдя внутрь, она

беспомощно поглядела на большой металлический круг, который занимал большую часть амбара. Что-то металлическое со свистом носилось в нем кругами, как белка в колесе, источая специфический запах, похожий на запах камфоры.

– Вот она, мамуль. Правда, красавица? – ликовал Дик. – Я зову ее Железная Ласточка!

– Да, но что это такое?

Он расплылся в улыбке.

– Это называется *про-то-тип*. Нельзя стать инженером, если у тебя нет прототипа.

Мать слабо улыбнулась, но Дика было не остановить. Слова так и сыпались из него:

– Смысл в том, что, прежде чем браться за какое-то дело, нужно хоть немного представлять, что такое ты хочешь сделать. Мне как-то попала одна книга в библиотеке, и было там про то, как работают архитекторы. Так вот, автор написал, что каждый раз, перед тем как браться за новый большой дом, он делал малехонькие модельки, чтобы понять, как у него все это получится. Он говорит: как бы нудно это ни казалось, но если ты хочешь чего-то добиться, главное, никуда не спешить и подходить ко всему обстоятельно. Вот я и экспериментирую с ней, чтобы понять, что у нее получается, а что нет. Я так-то собой очень даже доволен. Сначала я сделал колею деревянной, а потом подумал, что сюда нужен такой тяжелый мотор, вот я и порубил деревяшку на дрова и вернулся в нашу кузницу.

Госпожа Кекс разглядывала миниатюрный механизм, наворачивающий круги на амбарном полу.

– Да, сыночка, но для чего это? – поинтересовалась она, что есть силы пытаюсь понять, о чем он толкует.

– Я вспомнил, как папа однажды следил за кипящим чайником и заметил, что под давлением крышка на нем прыгает вверх и вниз. Папа тогда сказал мне: когда-нибудь кто-то смастерит такой большой чайник, что он будет поднимать штуки и потяжелее крышки. И я думаю, что с моими знаниями могу смастерить такой чайник, ма.

– Но где же такое может пригодиться, сыночка? – спросила мать строго.

У сына загорелись глаза, и он ответил:

– Везде, мама. *Везде*.

Все еще недоумевая, госпожа Кекс смотрела, как сын развернул перед ней большой и сильно замызганный лист бумаги.

– Это, мама, называется чертеж. Чертеж нужен обязательно. На нем

видно, как все друг с другом состыкуется.

– Это часть твоего *про-то-типа*?

Юноша заглянул в лицо своей любящей матери и понял, что от него ждут более подробного объяснения. Тогда он взял ее за руку и сказал:

– Ма, я понимаю, что для тебя это одни только палочки да кружочки, но если бы ты разбиралась в палочках и кружочках, то поняла бы, что перед тобой схема мотора.

Госпожа Кекс вцепилась в его руку.

– И что же ты собираешься с этим делать, а, Дик?

И юный Дик усмехнулся и с блаженством на лице произнес:

– Менять все, что требует перемен, мама.

Госпожа Кекс с любопытством взгляделась в лицо сына, после чего крепя сердце приняла решение.

– А ну-ка ступай со мной, сын.

Она повела его обратно в дом, и по лесенке они взобрались на чердак. Госпожа Кекс указала ему на прочный моряцкий сундук, заросший пылью.

– Твой дедушка наказал, чтобы я передала это тебе, когда понадобится. Вот ключ.

Мать порадовало, что он не стал сразу хвататься за ключ, а сперва внимательно осмотрел сундук и только потом отпер его. Когда Дик приподнял крышку, чердак озарился мерцанием золота.

– Твой дедушка был немножко пиратом, а как уверовал, то и струхнул. А его последние слова на смертном одре были такие: «Твой малец еще заявит о себе, помани мое слово, девочка моя, но чтоб мне провалиться, если я знаю, что он там заявит».

Жители города уже давно свыклись с лязгом и дребезгом, ежедневно доносящимися из многочисленных кузниц, которыми славился этот край. Но вышло так, что, даже обзаведясь собственной кузницей, юный Дик Кекс предпочел не заниматься кузнечным ремеслом, возможно, как раз из-за того, каким жутким и внезапным образом покинул этот мир господин Кекс-старший. Для местных кузнецов вскоре стало обычным делом изготавливать на заказ непонятные предметы, которые Кекс-младший тщательно для них зарисовывал. Дик никогда не признавался, что же такое он мастерит, но поскольку кузнецы зарабатывали на нем кучу денег, они и не возражали.

Разлетелись вести о его наследстве (как же без этого – золото всегда найдет способ просочиться в пространство), и горожане чесали в затылках, соглашаясь со старейшим жителем городка, который, рассевшись на лавке

у входа в таверну, воскликнул:

– Вот те на! Парню привалил ящик золота в наследство, а он возьми и преврати все в груды старого железа!

Он рассмеялся, и остальные рассмеялись, но тем не менее продолжали наблюдать, как юный Дик Кекс ходит в старый, разваливающийся на части амбар, неизменно запертый на два висячих замка.

Дик нашел среди местных парней пару перспективных ребят и зазвал их себе в помощники: делать то, двигать это. Амбар постепенно обрастал пристройками. Были наняты дополнительные помощники. Весь день напролет изнутри доносился стук молотков, и по словечку, по капельке в некое коллективное сознательное просачивалась информация.

Парень-де соорудил насос, особенный такой насос, который качает воду с огромной глубины. А потом все бросил и заявил, мол: «Нам не нужно железо – нам нужна сталь!»

Из уст в уста передавались предания о громадных кипах бумаг на столах, за которыми Дик корпел над своим замечательным «предприятием», как он это называл. Разумеется, случался иногда и взрыв-другой, и тогда поползли слухи о том, что рабочие называли «бункером», куда нужно было прыгать, если случалось... недоразумение. А потом появилось незнакомое, но какое-то уютное мерное пыхтение. Очень приятный, на самом деле, звук, почти гипнотизирующий. Странно, что механический зверь, который производил эти звуки, на слух казался живее, чем следовало ожидать.

Местные подметили, что двое главных помощников господина Кекса (или Чокнутого Железного Кекса, как его теперь величали) как будто изменились, повзрослели, что ли, и были уже не юнцами, а сосредоточенными молодыми людьми, служителями таинственного механизма за закрытой дверью. И ни кружкой пива, ни лаской женщины из таверны – никакими взятками нельзя было заставить их раскрыть вожделенные секреты амбара^[1]. Они держали себя, как и подобало истинным хозяевам огненных печей.

И конечно, еще были солнечные дни, когда Дик и его помощники рыли длинные траншеи в поле за амбаром и закладывали в них металл, а печи пылали денно и ночью, и люди качали головами и приговаривали: «Сумасшествие». И продолжалось это, кажется, целую вечность, пока однажды вечность не подошла к концу, и не стало больше ни стука, ни лязга, ни искр. Тогда подручные Дика Кекса распахнули двойные амбарные двери, и мир заволокло дымом.

В той части Сто Лата никогда ничего не происходило, и этого хватило,

чтобы отовсюду сбежались люди. Большинство подросли как раз вовремя, чтобы увидеть, как им навстречу, сопя и исторгая клубы пара, движется *нечто* на быстро вращающихся колесах, с ходящими ходуном поршнями, которые то призрачно проступали из-за дымовой завесы, то прятались обратно. А на вершине, словно король огня и дыма на своем троне, восседал сам Дик Кекс с застывшим на лице выражением предельной сосредоточенности. Отчасти успокаивало то, что этакое *нечто* было подвластно человеку – впрочем, внимательный зритель мог бы задаться встречным вопросом: «Ну и что с того? Ложка тоже подвластна», – и пуститься наутек, когда дымящая машина, приплясывая и работая поршнями, выкатилась из амбара и устремилась вперед по рельсам, проложенным в поле. Зеваки быстро прекращали зевать и бросались врассыпную – разумеется, за исключением мальчишек всех возрастов, которые провожали машину с широко распахнутыми глазами, и каждый на месте давал себе клятву, что однажды тоже будет капитаном такой громадной и опасной штуковины, вот увидите. Князем пара! Повелителем искр! Погонщиком молний!

А дым, вырвавшись наконец на волю, устремлялся прочь от амбара и летел в направлении самого большого города в мире. Сначала медленно, но постепенно набирая скорость.

Чуть позже, несколько раз успешно съездив туда и обратно по короткому участку пути в поле, Дик со своими помощниками уселся за стол.

– Уолли, Дэйв, парни, медь уже на исходе, – сказал он. – Так что пусть ваши матери соберут вам вещички, сготовят бутербродов в дорогу, и седлайте лошадей. Отвезем Железную Ласточку в Анк-Морпорк. Говорят, там происходит все самое интересное.

Да, лорд Витинари, тиран Анк-Морпорка, иногда встречался с леди Марголоттой, правительницей Убервальда. А что такого? Встречался же он и с Алмазным королем троллей близ Кумской долины, и, уж конечно, с гномьим королем-под-горой Рысом Рыссоном в его пещерах под Убервальдом. Все прекрасно понимали, что это и есть политика.

Да, политика. Невидимый клей, не позволяющий миру расколоться на воюющие фрагменты. Прошлые и так видели слишком много войн. И каждому школьнику было известно – во всяком случае, было бы известно, если бы школьники читали не только надписи на пакетах с печеньем, – что в недалеком прошлом чуть не случилась одна очень страшная война, последняя битва в Кумской долине, и в результате гномы и тролли сумели добиться если не мира, то взаимопонимания, из которого с помощью богов

мог еще вырасти мир. Произошел обмен рукопожатиями (*важные* люди *важно* пожали друг другу руки), и появилась надежда – хрупкая, как мысль.

И впрямь, думал лорд Витинари, подъезжая в трясущейся карете к Убервальду, после знаменитого Кумского мирного соглашения в обществе царил такой оптимистический настрой, что даже гоблинов в кои-то веки согласились признать разумными существами, к которым нужно относиться как к братьям, пускай и к меньшим. Патриций размышлял о том, что со стороны внешнеполитическая обстановка вполне могла сойти за мирную, но мир – это такое состояние, которое рано или поздно все равно заканчивается войной.

Он поморщился, когда карета налетела на очередной ухаб. По его приказу сиденья были снабжены дополнительными подушками, но ничто не могло избавить путника, ехавшего в Убервальд, от тех пыток, которые подстерегали его на каждой выбоине на пути, причиняя колоссальные неудобства. Продвигались они медленно, но остановки у клик-башен, попадавшихся на пути, позволяли секретарю лорда Витинари Стукпостуку получать ежедневные кроссворды, без которых день патриция был бы неполным.

Снаружи раздался стук.

– Боги праведные! Стукпостук, неужто непременно нужно въехать в каждую колдобину на дороге?

– Увы, сэр, похоже, даже сейчас ее светлость не может контролировать разбойников на Дичьем перевале. Она проводит периодические зачистки, но, боюсь, этот маршрут самый безопасный.

Послышался крик и потом – снова стук. Витинари потушил лампу для чтения за секунду до того, как некто свирепой наружности приставил наконечник арбалета к окну кареты, в которой теперь царила тьма, и потребовал:

– А ну, выходите и прихватите с собой все свои ценности, а не то... понятно вам? И без фокусов! Мы наемные убийцы!

Лорд Витинари невозмутимо отложил книгу и со вздохом обратился к Стукпостуку:

– Похоже, на нас напали *наемные убийцы*, Стукпостук. Не правда ли, мило?

Стукпостук слегка улыбнулся:

– Очень мило, сэр. Вы же так любите встречи с наемными убийцами. Не стану вам мешать, сэр.

Витинари закутался в плащ и выбрался из кареты со словами:

– Нет повода прибегать к насилию, господа. Я отдам вам все, что у меня есть...

Не прошло и двух минут, прежде чем его светлость вернулся на свое место и как ни в чем не бывало подал вознице сигнал трогать.

Некоторое время спустя из чистого любопытства Стукпостук поинтересовался:

– Что случилось на этот раз, милорд? Я ничего не слышал.

Сидя рядом с ним, лорд Витинари ответил:

– Они тоже, Стукпостук. Подумать только, сколько сил потрачено впустую. Невольно задаешься вопросом, почему они так и не научились читать. Тогда они опознали бы герб на моей карете, что могло бы их как-то вразумить.

Карета постепенно набрала скорость, которую можно было назвать разве что хаотичной.

– Но ваш герб, сэръ, он черного цвета на черном фоне, и снаружи темным-темно, – заметил Стукпостук, немного поразмыслив.

– Ах да, – отозвался лорд Витинари с тем, что у него сходило за улыбку. – Знаешь, Стукпостук, а ведь я об этом не подумал.

Было в замке леди Марголотты что-то неизбежное. Величественные двери отворялись медленно и с протяжным скрипом. В конце концов, статусную атрибутику никто не отменял. В самом деле, какой уважающий себя вампир захочет жить в замке, где двери не будут скрипеть и стонать по первому требованию? Да и Игори ни за что бы не согласились. Здешний Игорь как раз встретил лорда Витинари и его секретаря и пригласил в напоминавший пещеру холл с потолками, затянутыми колыхавшейся паутиной. И было такое ощущение – одно лишь ощущение, не более того, – что глубоко в подземелье что-то кричало.

С другой стороны, рассуждал Витинари, здесь обитала удивительная женщина, которая сумела втолковать вампирам, что возвращение из могилы с такой частотой, что голова может закружиться, – не самая умная затея, и которая каким-то чудом убедила их поумерить пыл во время ночного досуга. Помимо этого она завезла в Убервальд кофе, вероятно, чтобы подменить одно пагубное пристрастие другим.

Леди Марголотта всегда говорила коротко и по делу, и именно такой разговор состоялся между ними после пышного ужина несколько дней спустя.

– Это все граги. Опять граги! А ведь столько времени прошло! Ситуация только обостряется, как ты и предсказывал, дорогой Хэвлок. Как

мог ты это предвидеть?

– Алмазный король троллей задал мне такой же вопрос, и я могу только повторить свой ответ. Разумные существа по природе своей неумны. Иными словами, все они не могут быть удовлетворены одновременно. Или ты думала, что флагами, фейерверками, рукопожатиями и обещаниями после подписания Кумского соглашения дело и кончилось? Лично я всегда воспринимал это как антракт. В сущности, Марголотта, мир – это то, что происходит, пока зреет следующая война. Невозможно угодить всем сразу и особенно невозможно угодить всем гномам сразу. Видишь ли, когда я веду переговоры с алмазным королем троллей, он выступает от лица всех троллей, представляет интересы *каждого* из них. Когда дело касается политики, им хватает ума предоставить разговоры ему. Но взять, к примеру, тебя, дорогая леди Марголотта. Ты выступаешь от лица всех своих... подданных в Здеце^[2], и когда нам приходится проводить переговоры с тобой, они проходят в целом адекватно... Но гномы – это стихийное бедствие. Только ты договоришься с их предводителем, как на поверхность выползает какой-нибудь граг с выпученными глазами, и все вдруг возвращается на исходную позицию, все мировые соглашения аннулированы и недействительны, и ни о каком доверии не может быть и речи! Ты сама знаешь, что король – «десятник»^[3], выражаясь их словами, – есть в каждой шахте на Диске. Как вести дела с таким народом? Каждый гном сам себе тиран.

– Что ж, Рыс Рыссон справляется вьесьма недурно в сложившихся обстоятельствах, а мы в вьерхнем Убервальде... – леди Марголотта почти шептала, – ...очень радеем за прогресс. Но да, как одержать окончательную победу, вот что мне хотьелось бы знать.

Его светлость аккуратно отставил бокал.

– Увы, этого не достичь никогда. Меняются звезды, меняются люди, и нам остается только содействовать будущему, заботиться о нем с решимостью и осмотрительностью, дабы мир пребывал в мире, даже если для этого придется истребить на корню нависшую над ним угрозу. Должен отметить, вкрадчивые и пространные расспросы о сегодняшнем положении дел в мире подсказывают мне, что король-под-горой – которому я нанес визит накануне нашей с тобой встречи, как того требует протокол, – уже вынашивает планы. И как только он сделает свой ход, мы бросим все силы на его поддержку. Он строит большие планы на будущее. Он считает, что подходящее время пришло, тем более теперь все знают, что в Анк-Морпорке проживает самое многочисленное в мире сообщество гномов.

– Но его народ не очень-то жалуется прогрессу. И должна признать, я понимаю почему. Прогресс – серьезный повод для беспокойства, когда из всех сил пытаешься сохранить мир. Он такой... непредсказуемый. Мне же не нужно напоминать тебе, Хэвлок, как много льет тому назад один эфебский философ построил мощную машину, пугающе мощную. Если бы те люди сохранили для будущих поколений секрет мотора, движимого силой пара, жизнь сегодня могла бы быть совсем другой. Тебе не кажется это тревожным? Как мы можем контролировать будущее, когда один дурак может придумать механизм, способный перевернуть *весь мир*?

Лорд Витинари вылил себе в бокал остатки бренди и беззаботно ответил:

– Леди Марголотта, только дурак будет стоять на пути у прогресса. Глас народа – глас богов. Впрочем, под чутким управлением разумного правителя. Поэтому я придерживаюсь той точки зрения, что когда придет время парового двигателя, паровой двигатель придет.

– Что это ты тут делаешь, а, гном?

Юный Магнус Магнуссон не сразу обратил внимание на старого гнома с угрюмым лицом (насколько его было видно под бородой). Он явно принадлежал к тому типу гномов, которые сами никогда не были молоды. Поэтому Магнус пожал плечами и ответил:

– Без обид, о почтенный, но я вроде иду себе, никого не трогаю и надеюсь, что окружающие поступят точно так же. Крысовать-то зачем?^[4]

Говорят, что кроткий ответ отгоняет гнев, но наблюдение это, которое зиждется на одной лишь надежде, в ту минуту продемонстрировало свою несостоятельность, поскольку даже внятный и продуманный кроткий ответ вполне способен вывести из себя того, кому только дай повод. И пожилой гном сейчас упивался собственным гневом.

– Ты почему каску задом наперед надел, юный гном?

Магнус был гномом простым и допустил роковую ошибку: он применил логику.

– Ну так, о почтенный, на нем мой скаутский значок. Слыхали про скаутов? Прогулки на свежем воздухе? Абсолютно безвредное и полезное для общества занятие?

Перечисление добрых намерений Магнусу ничем не помогло, и в нем запоздало проснулось предчувствие беды. Старый гном был очень сильно недоволен, и за короткое время их разговора к ним успели подтянуться другие гномы, которые смотрели на Магнуса так, будто примеривались перед дракой.

Магнус впервые оказался в городах-близнецах Здеце и Шмальцберге и не рассчитывал на такой прием. Эти гномы были совсем не похожи на тех, с кем он вырос на улице Паточной шахты. Поэтому Магнус начал пятиться, торопливо бормоча:

– Я здесь, если что, навещаю бабушку, она у меня приболела, и я приехал аж из самого Анк-Морпорка. Добирался на попутных телегах, спал на улицах, в стогах сена и амбарах. Это очень, очень далеко...

И потом все случилось.

Магнус бегал быстро, как и подобало члену анк-морпоркской Крысиной стаи^[5]. Уже на бегу он пытался сообразить, что же пошло не так. Он ведь так долго добирался на перекладных до Убервальда, и он был гномом, и они были гномами, и...

Тут он вспомнил, как читал что-то такое в газетах еще дома, про то, как некоторые сообщества гномов до сих пор отказываются иметь дело с любыми организациями, которые включают в свои ряды троллей – их извечных инстинктивных врагов. Но на родине Магнуса тролли водили с гномами дружбу, и они все до единого были нормальными ребятами – да, может быть, туповатыми, но Магнус порой захаживал к ним в гости на чашку чая, да и они к нему. Только сейчас он вспомнил, как старые тролли и пожилые гномы огорчались по той лишь причине, что после многовековых попыток истребить друг друга они после одного-единственного рукопожатия должны были вдруг стать приятелями.

Магнус знал, что подземный город подгорного короля был местом темным, и гномов это устраивало, ведь гномы и темнота всегда шли рука об руку. Но оказавшись там, он ощутил какую-то особенно едкую темноту. В ту нелегкую минуту Магнусу показалось, что здесь у него нет ни одной близкой души, за исключением бабушки, на пути к которой, похоже, его поджидало еще немало неприятностей.

Он уже запыхался, но шум погони за Магнусом все еще не стихал, даже когда он оставил позади глубинные коридоры и туннели и устремился к выходу из подземного города Шмальцберга, понимая, что к бабушке ему придется вернуться в другой день... или другим путем.

Он остановился лишь на секунду перевести дух, но стражник у городских ворот перегородил ему дорогу с жадным выражением лица.

– И куда это ты торопишься, господин Анк-Морпорк? На солнечный свет к своим дружкам-троллям?

Стражник взмахнул пикой, сшиб Магнуса с ног, и избиение началось всерьез. Магнус откатился, пытаясь увернуться от ударов, и, повинувшись некоему рефлексу, выкрикнул:

– Так не просит, чтобы мы думали о нем, но Так требует, чтобы мы думали!

Он захрипел и выплюнул зуб и в этот момент увидел, как к ним приближается еще один гном. Новоприбывший на вид казался немолодым и состоятельным, так что ни о какой дружбе не могло быть и речи. Но вместо того чтобы надавать Магнусу пинков, гном рявкнул голосом, похожим на грохот молота:

– А ну, слушай меня, юный гном, никогда не теряй бдительности...

Он отшвырнул его обидчика с похвальной свирепостью и восхитительно чрезмерной жестокостью и, пока стражник кряхтел на земле, помог Магнусу подняться.

– Ну, бегаешь ты, юноша, лучше всех гномов, которых я знаю. Но на будущее имей в виду, что анк-морпоркские гномы в наших краях нынче не в фаворе. Да я и сам от вас не в восторге, если откровенно, но драка должна быть честной.

С этими словами он дал пинка ошалевшему стражнику и добавил:

– Мое имя Грох Грохссон. А тебе, юноша, рекомендую обзавестись микрокольчугой, если ты и впредь намерен навещать свою бабушку, вырядившись, как анк-морпоркец. Хотя мне стыдно видеть, что мои братья так скверно обращаются с младшим товарищем только за то, как он одет, – и он еще раз пнул распростертого стражника, как будто поставил жирную точку после своей гневной речи. – Но ты молодец, я впервые вижу, чтобы гном так быстро бегал! Ох, как же ты бежал... Но бывает, нужно уметь и прятаться.

Магнус отряхнулся и посмотрел на своего спасителя.

– Грох Грохссон! Да ты же легенда! – воскликнул он и отступил на шаг. – Я все про тебя читал! Ты стал грагом, потому что не любишь Анк-Морпорк!

– Может, и не люблю, юноша, но и убийств в темноте, в отличие от этих поганых глубинников, не одобряю. Лично я предпочитаю драться на равных.

С этими словами Грох Грохссон еще разок увесисто пнул павшего стражника своим огромным, подбитым железом сапогом.

А потом один из самых известных и уважаемых гномов в мире протянул руку юному Магнусу и сказал:

– Дальше о тебе позаботится твой талант. Как ты и сказал, Так не просит нас думать о нем, но он просит нас думать, – помни об этом и думай, во что одеваться в следующий раз, когда поедешь к бабушке. Вдруг ей тоже не понравится анк-морпоркская мода. Рад знакомству, пострел. А

теперь уноси ноги, в следующий раз меня может и не оказаться рядом.

Далеко от убервальдских гор сэр Гарри Король предавался размышлениям о текущих делах. Все знали его как Короля Золотой Реки, потому что он сколотил свое состояние, заботясь о чужих текущих делах.

Гарри обычно был неунывающим человеком с крепким пищеварением, но только не сегодня. Уже много лет он был заботливым мужем, любящим свою жену Юфимию, но, опять же, не сегодня. Гарри был хорошим начальником, но тоже не сегодня, потому что сегодня Гарри мучился животом из-за палтуса, к которому если и можно было обратиться фразой «давно не виделись», то без особой радости. Вид палтуса не понравился ему еще на тарелке, поскольку палтус – это рыба, которая всегда смотрит на тебя с упреком. Последние несколько часов Гарри воображал, как чертова рыбина разглядывает его внутренности.

Проблема, как считал Гарри, была в том, что Юфимия никак не могла забыть старое доброе время, когда они были бедны как церковные мыши и ужасно бережливы от бесконечной нужды, а такие привычки въедаются в самое нутро. Почти как неблагоприятно съеденная рыба, которая плескалась теперь где-то в районе кишок и норовила заплывать куда не надо.

Гарри был воспитан в том духе, что есть надо все, что дают, – да, да, все и без остатка. Когда он наконец был готов выйти из уборной (там ему мерещилось, будто рыба продолжает наблюдать за ним из дыры), он дернул за цепочку с такой силой, что она порвалась, и у женщины, которую он иногда называл Герцогиней, нашлась для него пара ласковых. А пара ласковых закономерно привела к еще большему количеству уже совсем не ласковых слов от обеих, которые Гарри, будь его воля, адресовал бы пресловутой рыбе, из-за которой все это началось. Но вместо этого между ним и его женой началось то, что было прекрасно знакомо обоим: грызня. И Юффи, рожденная в соседней помойке, тут могла даже ему дать фору, особенно когда вооружалась каким-нибудь ценным декоративным кувшином. От острого язычка Юффи даже сапожник покраснел бы – а потом она назвала Гарри «навозным королем», вынудив его сделать то, о чем он никогда даже не помышлял, а именно – замахнуться на жену, тем более что кувшин, которым она была вооружена, оказался очень тяжелым^[6].

Ясное дело, все, как всегда, обязательно уляжется, и крепкое супружеское счастье постепенно воцарится в их доме. И все-таки целый день Гарри расхаживал по своим владениям, как старый лев в клетке. «Навозный король»... Ну да, и благодаря ему на улицах было чисто, или,

по крайней мере, чище, чем было до тех пор, пока не установилась в некотором роде империя Гарри Короля. Он бродил и думал, что его работа была связана со всеми теми гадостями, которые люди оставляли за собой. Так что на верхушке социальной лестницы ловить ему было нечего. Да, он был сэром, но еще он знал, как Юффи мечтала, чтобы они бросили все это смердящее дело.

– В конце концов, – заявила она, – ты и так богат, как Креозот. Неужели нельзя найти другое занятие – что-нибудь такое, чем люди занимаются по желанию, а не по нужде?

Строго говоря, у Гарри с философией было так себе. Он гордился тем, чего достиг, но отчасти соглашался и с Юффи, что он мог бы заниматься чем-то более достойным, чем борьба с нечистотами и контроль вечно переполненных городских отстойников. Но и это надо было кому-то делать. Впрочем, сам Гарри уже много лет не прикасался к помоям – он платил ассенизаторам и золотарям, а теперь еще и целой армии гоблинов, чтобы они выполняли за него грязную работу. И все же ему хотелось заняться таким делом, которое было бы мужественным, но при этом чуть менее омерзительным.

Он уволил своего нынешнего законника, гнома, который стал запускать липкие ручонки к нему в карман, но по рассеянности даже не спустил паршивца с лестницы.

В непривычно подавленном настроении Гарри слонялся по участку, не зная, как успокоить душу. Дойдя до ограды, он остановился и вдохнул полной грудью. Ветер дул со стороны Пупа, и Гарри повернулся в ту сторону и уловил дразнящий запах: мужественный, бескомпромиссный, запах, который обещал открыть перед ним новые горизонты.

Отношения между Мокрицем фон Липвигом и Дорой Гаей Ласской были крепкими и счастливыми, возможно, еще и потому, что они подолгу не виделись. Она была занята управлением Гранд Магистралью, а он крутился между банком, Почтамтом и Монетным двором. Лорд Витинари мог себе думать что угодно, но Мокриц занимался во всех этих учреждениях реальными делами, что и называлось, по его собственному определению, «держат все на плаву». Все работало, и работало очень даже неплохо, но Мокриц не сомневался, что так было только потому, что его постоянно видели то в банке, то на Почтамте, то на Монетном дворе в качестве господина Банка, господина Почтамта и Господина Монетного двора соответственно.

Он общался с людьми, интересовался их работой, справлялся о здоровье их супругов, зная наизусть имена всех членов семьи каждого, с

кем ему приходилось иметь дело. Это был талант, очень полезный талант, и он постоянно выручал Мокрица. Пока ты интересуешься людьми, они интересуются своей работой, и, чтобы волшебство не улетучилось, присутствие Мокрица было жизненно необходимо.

Что касается Доры Гаи, семафоры были у нее в крови, семафоры были ее наследием, и горе всякому, кто встанет между ними^[7], даже если этим всяким окажется ее муж.

Как бы то ни было, а система работала так же слаженно, как и они, так что Мокриц и Дора Гая смогли позволить себе дворецкого по имени Кроссли, в комплекте с которым шла и госпожа Кроссли^[8]. В их доме на Лепешечной улице также обитал садовник, который, судя по всему, прилагался к недвижимости. Чип^[9] оказался рукастым и очень общительным, хотя Мокриц не понимал ни слова из того, что он говорил. Он приехал откуда-то из Графств и говорил такими словами, которые теоретически были морпоркскими, но на деле состояли из соломы и слога «а-ах», который принимал активное участие в каждом разговоре. Чип варил сидр в своем сарайчике на краю сада, найдя в этом применение яблоням, которые холил и лелеял прежний владелец. Заодно он мыл окна и при помощи всевозможных молотков, пил, сверл, отверток, стамесок, гвоздей и прочих неопознаваемых штукювин делал жизнь Мокрица намного легче, становясь при этом самым состоятельным мастеровым в округе.

Мокриц фон Липвиг однажды занялся физическим трудом и не нашел в этом никаких перспектив, но он мог часами смотреть, как работают другие. Кроме того, некоторых из этих других все устраивало, так что Мокрицу оставалось только пожать плечами и порадоваться, что Чипу нравилось работать руками, а ему нравится не поднимать ничего тяжелее стакана. Ведь работа Мокрица была не видна глазу и состояла из слов, которые, к счастью, не весили ни грамма и не нуждались в смазке. В пору его мошеннической карьеры они служили ему безотказно, и теперь он чувствовал некоторое самодовольство, используя их на благо общества.

Мокриц чувствовал необходимость подчеркнуть, что между банкиром и мошенником, честное слово, была разница, пусть даже и самая незначительная. К тому же лорд Витинари не спускал с него глаз.

Так что все были счастливы, и Мокриц ходил на работу в чистой одежде и с чистой совестью.

Умывшись и облачившись в эту самую одежду в своей отдельной ванной комнате^[10], Мокриц отправился к жене, по дороге упражняясь в улыбке, которая должна была казаться бодрой. С Дорой Гаей^[11] он никогда

не знал, чего ожидать. Иногда она бывала такой язвой. Да и немудрено, она ведь теперь заправляла всей системой семафорного сообщения.

Гоблинов она тоже любила, поэтому одни жили у них за обшивкой стен, а другие – под крышей. От гоблинов пахло. Запах, когда оправишься от первоначального шока, был даже не то чтобы ужасен. Все с лихвой искупало то, что гоблины как один полюбили семафоры всем своим щупленьким сердцем. Рычажки и колесики очаровывали их. Мокриц знал, что раньше гоблины прятались по пещерам и всяким нездоровым местам, которые люди обходили стороной, но сейчас, когда вдруг к ним стали относиться как к равным, они обнаружили, что вообще-то их стихией было небо. Гоблины могли взобраться на верхушку башни быстрее любого человека; ритмичные пощелкивания, лязг и неумные механизмы клик-башен покорили их раз и навсегда.

Гоблины обосновались в городе всего несколько месяцев назад, но уже втрое увеличили эффективность клик-сообщения по всем Равнинам Сто. Это были дети тьмы, но они отличались удивительным восприятием света. Полчища^[12] коварных гоблинов заселяли крыши, но если вы хотели, чтобы ваш клик мгновенно перепархивал с башни на башню, следовало воздержаться от таких выражений. Злодеи из сказок нашли наконец свое место в обществе. Для этого только и нужно было, что новые технологии.

Когда Дик Кекс вошел во владения сэра Гарри Короля, он слабо себе представлял, как нужно разговаривать с большим человеком. Но как-то ему удалось сказать нужные слова людям в приемной. Они ревниво поглядывали на него, будто считали своим долгом никого и никогда не допускать до Гарри Короля, особенно чумазных юношей с диким взглядом, которые из всех сил стараются выглядеть респектабельно, несмотря на поношенную одежду, которой, по мнению этих привратников, не помешал бы, например, хороший костер. Но Дик оказался назойливым, как оса, и пробивным, как отбойный молоток, так что в итоге он предстал перед этим большим человеком в качестве просителя.

Гарри с нетерпеливым выражением на румянном лице поглядел на него из-за стола и сказал:

– Сынок, время – деньги, а я человек занятой. Ты сказал Нэнси, там, в приемной, что у тебя есть для меня кое-что интересное. Так что кончай ерзать и смотри мне прямо в глаза. А захочешь меня облапошить – кубарем полетишь с чертовой лестницы^[13], и поминай как звали.

Дик молча посмотрел на Гарри, а потом произнес:

– Сэр господин Король, я построил такую машину, которая может перевозить людей и грузы куда хочешь и откуда хочешь, и ей не нужны лошади, она работает на воде и угле. Это моя машина, я сам ее построил и мог бы сделать даже лучше, если ты сочтешь возможным сделать небольшое вложение.

Гарри Король залез в карман и вынул увесистые золотые часы. Дик не мог не заметить знаменитые золотые перстни, которые, по слухам, Гарри Король никогда не снимал и, очень может быть, использовал в качестве социально приемлемого и жутко дорогого кастета.

– Я правильно тебя понял? Как тебя там, господин Кекс? Даю тебе пять минут, чтобы заинтриговать меня, и если мне покажется, что ты очередной базарный наперсточник, то вылетишь отсюда гораздо быстрее, чем вошел.

– Моя матушка всегда говорит, лучше один раз увидеть, господин Король, так что я пришел не с пустыми руками. И если ты дашь мне немного времени, чтобы привести ребят с лошадьми... – Дик прочистил горло. – В общем, я прямо скажу, господин сэр Гарри, я взял на себя смелость оставить все у входа в твои владения. Я там поговорил кое с кем, ну и мне сказали, что ежели Гарри Король захочет, чтобы что-то случилось, пусть это случится сразу... – Он осекся. Что это такое появилось в глазах Гарри – *огонек*?

– Время, конечно, деньги, сынок, – изрек мусорный магнат с большим апломбом, – зато разговоры идут по дешевке. Через пять минут я выйду, и лучше бы ты показал мне к этому времени что-то конкретное.

– Спасибо, сэр Король, премного благодарен, только нам сначала надо котел разогреть, а потом уж она и запыхтит, не позднее как через пару часов.

Гарри Король вынул сигару изо рта.

– Что? Кто запыхтит?

Дик нервно усмехнулся:

– Увидишь, господин, увидишь.

Очень скоро, как раз к условленному времени, дым и пар заволокли участок, и Гарри действительно увидел – и поразился.

Гарри был совершенно ошеломлен. Металлическая конструкция чем-то смахивала на насекомое. Ее фрагменты безостановочно вращались, а продолговатое туловище было затянуто облаком дыма и пара, которые она сама же и испускала. Гарри Король увидел перед собой воплощение функциональности. Более того, функциональности, которая вряд ли станет

клянчить отгул на бабушкины похороны.

Перекрикивая шум, он спросил:

– Как, говоришь, это называется, парень?

– Железная Ласточка, господин. Это локомотив – паровоз то есть. Его двигатель использует расширение или спонтанную конденсацию пара для выработки энергии. И если ты дашь нам проложить для нее рельсы, господин, вот тогда мы покажем, на что она способна.

– Рельсы?

– Ага. Она едет по железной дороге, ты все увидишь.

Внезапно раздался истерический вопль банши – это Уолли потянул за рычаг.

– Извиняй, господин, но пар надо выпускать. Тут вся соль в укрощении пара. Слышишь, как плачет? Это она хочет прийти в движение, сила растрачивается понапрасну, пока она тут стоит без дела. Дай мне немного времени и позволь проложить пробную колею вокруг твоего участка. Даю слово, скоро она побежит.

Гарри вопреки обыкновению молчал. Машинный гул поверг его в какой-то транс. И снова металлический крик пара пронесся над участком, как неприкаянная душа, и Гарри поймал себя на мысли, что не может уйти. Он не был склонен к самонаблюдению и прочим пустякам, но подумал, что это... о да, *это* стоило того, чтобы присмотреться поближе. А потом он заметил лица собравшейся вокруг толпы, гоблинов, вскарабкавшихся повыше, чтобы поглазеть на этого яростного демона, которого непостижимым образом держали в руках двое юнцов в фуражках и с сомнительными зубами.

Приводя мысли в порядок, Гарри повернулся к Дику:

– Господин Кекс, даю тебе два дня и ни днем больше. Это твой шанс, сынок, не упусти его. Я, повторюсь, человек занятой. Через два дня покажи мне то, что меня ошеломит. Вперед.

Гномы и люди внимательно слушали дедка, сидящего в углу «Паточного шахтера»^[14], – скорее всего, он был человеком, но с такой окладистой бородой, какую любой гном с руками бы оторвал, – и сейчас он решил поделиться с собравшимися своими познаниями о мире паточных рудников.

– Собирайтесь в круг, детишки, да подлейте мне пивка, и я расскажу вам страшную и липкую сказку. – Он многозначительно посмотрел на свою пустую кружку, все засмеялись, какой-то доброжелатель подал ему новую, и, потягивая пиво, он начал свой рассказ.

Много лет назад под Анк-Морпорком неожиданно были обнаружены

глубинные залежи патоки, на много саженой под землей, а каждому паточному шахтеру известно, что чем глубже патока, тем ровнее текстура и, следовательно, богаче вкус. Где как, а в Анк-Морпорке между кланами гномов не было особых разногласий по этому поводу, и кому разрабатывать месторождение, по-дружески решали между собой старики – гномы и люди.

Все сходились во мнении, что когда дело доходит до работ под землей, то гномам равных нет, но, к неудовольствию старших шахтеров, анк-морпоркская гномья молодежь не хотела лезть в шахту ни за какие коврижки. Так что умудренным седидами дедам пришлось приглашать местных шахтеров всех рас на работу под многовековыми улицами Анк-Морпорка, из чистого удовольствия снова наблюдать, как добывается патока, и шахтеры, кем бы они ни были, занялись липким делом по добыче глубинной сверкающей патоки.

А потом что-то случилось где-то в регионе Графств. Там шахтеры разрабатывали большой пласт, который частью залегал на территории, тогда принадлежавшей гномьему королю-под-горой. В те совсем недавние времена дипломатические отношения между людьми и гномами были в некотором роде напряженными.

В тот день произошел внезапный обвал темного ириса, безумно ценного и экзотического, но которого, тем не менее, боялись все паточные шахтеры, ибо тот имел обыкновение спонтанно обрушиваться в туннелях. По словам очевидцев, люди и гномы вместе бурили скважины под землей, пока политики спорили по обе стороны политической границы. И обвал произошел преимущественно на человеческой стороне, и многих захлестнуло беспощадным вязким потоком.

Дедок запнулся и сказал:

– Хотя, если подумать, может, это была и гномья сторона... – Он смутился, но продолжил: – В общем, сейчас уже и не важно чья, давно это было. Шахтеры, работавшие над пластом с обратной стороны обвала, услышали, что там осталось много своих, и они в ловушке, и тонут в сахарорафинадном продукте, и сказали: «Ну-ка, парни, возьмемся сообща и вытащим их оттуда».

Дедок еще помолчал, возможно, для выразительности, и продолжал:

– Но это, конечно, значило, что им надо вторгнуться на территорию, от которой их отделяли два проклятых блокпоста с вооруженной охраной. Охраной, которая, кстати, совсем не волновалась за шахтеров и уж точно не собиралась пускать вражеские силы на свою суверенную почву.

После очередной продолжительной паузы рассказ возобновился.

Шахтеры навалились на блокпосты. Кто-то воскликнул: «Нам их не одолеть, они вооружены!» – и они переглянулись с безумным озарением, и другой голос воскликнул: «Ну, если так посмотреть, то и мы тоже вооружены, и нас больше!» И тогда этот шахтер взмахнул своим огромным кулаком и добавил: «И мы шахты роем целый день, а не лицом торгуем».

И вот все как один человек – или, может быть, гном – они ринулись на баррикады, и охранники, осознав, что вселить страх у них не получилось, побежали искать укрытия, когда шахтеры с кирками и лопатами обрушились на них со всей мочи. И шестьдесят шахтеров по обе стороны границы были спасены из очень липкого положения.

Административных последствий удалось избежать, потому что официальным лицам не хотелось сознаваться в собственном позоре.

Дедок посмотрел по сторонам с сияющим видом, как будто он сам был одним из тех шахтеров. А может, и был. Его кружку снова наполнили до краев, и он мечтательно проговорил:

– Но то было тогда. Хотел бы я, чтобы и сейчас все было так же.

Подходил к концу второй назначенный день, когда стараниями Кекса и его помощников Железная Ласточка запыхтела и медленно, но целеустремленно поползла по короткой круговой колее на участке Гарри.

И Гарри не мог не заметить, что у машины изменился вид, и теперь она стала как-то... ровнее, чем прежде. Он даже подумал, что мог бы назвать ее изящной, хотя сложно было отнести такое слово к пятидесятитонному куску стали, но в принципе, подумал он, почему бы и нет? *Это* не могло быть красивым – но *она* была красавица. Сопящая, смердящая, ворчащая, дымящая – и такая красивая.

– Пока мы идем очень медленно, – втолковывал ему Дик. – Нужно будет погрузить на нее настоящий балласт, и тогда уже можно разгоняться, но к ней быстро прикипает, правда? И вот мы ее достроим, добавим вагонов, и тогда ее будет не остановить.

И вот опять это слово. Этот агрегат, по-хорошему, должен зваться «он», размышлял Гарри, но почему-то «она» засело накрепко.

А потом и без того угрюмый Гарри нахмурился еще сильнее. Этот паренек явно знает, о чем говорит, и он сказал, что машина сможет перевозить людей и грузы... Но кто захочет ехать на таком громяющем гиганте?

С другой стороны, вокруг пахло паром, и углем, и машинным маслом – все мужественные, здоровые запахи... Да, он даст им еще немного времени. Скажем, неделю. Уголь ведь стоит сущие гроши, а больше он ни

за что не платил. Гарри Король поймал себя на мысли, что он необычайно счастлив. Да, пусть останутся еще ненадолго... И запах был такой хороший, не то что те, с которыми приходилось годами мириться ему и Юффи. Да-да, пусть остаются сколько им будет угодно, лишь бы не расхолаживались. Гарри Король поднял взгляд на неистово мигающие клик-башни и увидел будущее.

Ветер над клик-башнями дул со стороны Пупа, холодный и решительный, и Доре Гае Ласске нравилось думать, что отсюда Диск видно до самого края. Она дорожила такими минутами. Они напоминали ей о детстве, раннем детстве, когда мама подвешивала ее колыбельку на верхушку башни, а сама уходила, оставляя дочь радостно гугукать в нескольких сотнях футов над землей. Мама говорила даже, что первым словом Доры было «сигнатура».

А теперь она любовалась поднимающейся над туманами горой Селести, которая переливалась на солнце, как большая зеленая сосулька. Дора Гая напевала, укрепляя катушки на верхней галерее. Чем дальше от собственного кабинета, тем прекраснее она себя чувствовала. Она даже кабинет отсюда видела. Наверное, отсюда Дора Гая могла бы увидеть все кабинеты, но она налаживала хрупкие мелкие механизмы и любовалась миром, где можно было протянуть руку и коснуться солнца – хотя бы метафорически. Ее грезы прервал один из башенных гоблинов.

– Я несю двадцать катушек и фляжку с кофе, все чисто, я сам лично вымыл чашку. Я. Из Сумерек Темноты, – добавил он с гордостью.

Дора Гая взглянула ему в лицо, полюбить которое мог только целый батальон самоотверженных матерей, но все равно улыбнулась и ответила:

– Спасибо. Должна сказать, ты превосходно акклиматизировался для того, кто провел большую часть жизни в пещере. Поверить не могу, что тебя нисколько не пугает высота. Это не перестает меня удивлять. И еще раз спасибо, кофе и вправду вкусный, и даже остыть не успел.

Из Сумерек Темноты пожал плечами, как умеют это делать только гоблины. В целом возникало впечатление мешка со змеями, пытающимися танцевать.

– Госпожа босс, гоблины привыкли акклиматизироваться. Не акклиматизируешься – не живешь! А внизу все идет хорошо, проблем нет. Гоблинов теперь ух-важают! А как дела у господина Мокрицы?

– *Мокриц* в полном порядке, и тебе прекрасно известно, что моему мужу не нравится имя, которым вы, гоблины, его наградили. Он говорит, что вы нарочно его коверкаете.

– Нам перестать?

– Нет, что ты! Это будет ему уроком смирения. Хотя тут и курсом университетских лекций не отделаться.

Гоблин понимающе усмехнулся, видя, что Дора Гая старается сдержать смех, а в это время над их головами клики продолжали рассылать сообщения по всему миру.

Дора Гая *почти* могла считывать их, просто наблюдая за башнями, но для этого была нужна очень быстрая реакция. Гоблины были намного быстрее. И кто бы мог подумать, что у них такой зоркий глаз? С наступлением темноты семафорщики использовали новую расширенную систему цветных заслонок, в которой могли различить четыре, пять, максимум шесть цветов в ясную ночь, но никто не ожидал, что гоблины, только-только выползшие из пещер, сумеют безошибочно отличить даже фуксию от розового, в то время как многие люди даже не знают, как эта самая фуксия выглядит.

Дора Гая еще раз взглянула на Из Сумерек Темноты и утвердилась во мнении, что именно благодаря гоблинам семафорное сообщение стало намного быстрее, точнее и бесперебойнее, чем когда-либо прежде. Но как она могла вознаградить их за такой вклад? Иногда гоблины даже не утруждались забирать свое жалованье. Они любили крыс, а крыс им всегда хватало, но поскольку она все-таки была их боссом^[15], Дора Гая считала, что ее должностная обязанность – убедить этих мелких трудоголиков, что в мире есть много других занятий помимо кодирования и расшифровывания кликов.

Ее аж передернуло. Они любили работать и делали это усердно и одержимо, весь день, а если разрешат, то и всю ночь.

Дора Гая знала, что если на двери ее кабинета висит табличка «Босс», то теоретически она и должна заботиться об их благополучии. Проблема в том, что гоблины сами не были в нем заинтересованы. Заинтересованы они были в кодах и шифрах и отрывались от работы только тогда, когда троллиха привозила из буфета тележку с крысами. Чистая правда! Им не просто нравилось работать – они жили работой. Часто ли боссам приходится обходить все рабочие места и настаивать, чтобы подчиненные прекращали уже работать и расходились по домам? Но нет, гоблины и тогда не расходились, они оставались наверху на своих башнях и во мраке ночи переговаривались по семафору с гоблинами из других мест. Они предпочитали эти разговоры еде и даже спали на башнях, притаскивая туда маленькие соломенные матрасы на случай, если природа все же возьмет свое.

Дора Гая уговаривала членов правления организовать для них фонд в ожидании того дня, когда гоблины и их дети вдруг решат продвинуться дальше в обществе. А ведь прошло совсем немного времени с тех пор, как выдающиеся музыкальные таланты Слезы Гриба были с фурором продемонстрированы высшему обществу Анк-Морпорка, и гоблинов признали людьми – странными, да, но все-таки людьми. Запах так никуда и не делся, но нельзя же получить все сразу.

Новшества распространялись по Анк-Морпорку, как неприличная болезнь, думал Гарри Король на следующий день, оглядывая участок. Люди заглядывали в ворота и через забор, громким шепотом обмениваясь догадками. Гарри знал своих земляков как облупленных, и все они были ротозеями до мозга костей, рабами новинок и экзотики. Толпа существовала как единый организм: как стая скворцов, они дружно вытягивали шеи, не отрывая взглядов от Железной Ласточки, а та все пыхтела, и Дик махал рукой из кабины машиниста, и воздух полнился копотью и запахом сажи. Однако, думал Гарри, люди дали добро. Не было видно ни возмущения, ни страха. Зверь из ниоткуда, огнедышащий дракон, весь в дыму и горящих угольках, возник среди них, а они усаживали детишек к себе на плечи, чтобы тем было удобнее смотреть, и махали руками, когда паровоз проезжал мимо.

Что за странное волшебство... Он поправился: что за странный механизм добился такого эффекта? Вот оно, чудище, и людям нравится.

«Придется выучить все эти слова, – думал Гарри, выходя из кабинета. – Кабина машиниста, топка, возвратно-поступательно, сернистый молибден^[16] – весь этот утомительный и такой увлекательный язык пара».

Заметив, что Гарри за ними наблюдает, Дик Кекс стал мягко замедлять ход Железной Ласточки, пока с еле слышным стуком она окончательно не остановилась. Дик соскочил с подножки и направился к нему, и Гарри увидел торжествующий блеск в его глазах.

– Молодец, – похвалил Гарри. – Но будь осторожен, будь *предельно* осторожен. Каждую секунду будь начеку. Я видел лица тех, кто жметя носами к моему забору так, что аж рожу плющит. Они заинтригованы, а когда люди заинтригованы, они тратят денежки. Главное в любом бизнесе – разобраться, кто получит эти денежки. Вот так, сынок, вокруг тебя дикие джунгли, а я не то что мультимиллионер, я намного дороже. И мне ли не знать, что рукопожатия могут быть сколь угодно теплыми и дружественными, но когда речь идет о деньгах, без законников нельзя ступить и шагу, я это знаю, потому что я в этих джунглях горилла! Так что, давай называй мне имя своего поверенного, и мой законник свяжется с

ним, чтобы перетереть это дело как законник с законником и подсчитать гонорар. Никто не посмеет сказать, что Гарри Король обобрал юнца, который укротил пар. Денег до поры до времени я тебе дам, не сомневайся, потому что я верю, что эта твоя машина открывает реальные перспективы, огромные перспективы. Меня ты заинтересовал, а когда об этом прознают газеты, ты заинтересуешь всех.

Дик пожал плечами и сказал:

– Что ж, господин Гарри, я так рад, что ты даешь мне шанс. Я согласен на любые условия.

Гарри Король буквально взревел:

– Нет, нет, нет! Ты мне симпатичен, очень даже симпатичен, но бизнес – это... короче, *бизнес есть бизнес!* – Лицо Гарри побагровело от злости. – Нельзя просто так брать и говорить людям, что ты согласен на любые условия! Торгуйся, сынок. Не лови ворон! Торгуйся. Жестко торгуйся.

Последовала пауза, а потом юноша ответил:

– Господин Король, перед тем как я решил поехать в Анк-Морпорк, я обсудил все со своей матушкой, а она у нас женщина прозорливая – да и нельзя иначе, когда батя мой сейчас витает себе в эфире, если ты меня понимаешь. И вот она мне сказала: «Если кто захочет делать с тобой дела в большом городе, Дик, строй из себя дурачка и смотри, как с тобой будут обращаться. Если к тебе отнесутся как надо, хоть ты и дурачок, таким людям, скорей всего, можно доверять. А потом можешь показать, какой ты на самом деле умный». А ты, господин, сдается мне, человек порядочный. Так что я прямо сейчас пойду и найду себе законника. – Он замешкался. – Э... а где тут найти законника, которому можно доверять? Я, наверное, не такой умный, каким себя считаю.

Гарри Король от души рассмеялся:

– Сложный вопрос, сынок, да я и сам, такое дело, хотел бы знать на него ответ. Мой друг Наверн Чудакулли из университета буквально вчера посоветовал мне одного законника, такого, мол, надежного, что твой лом. Пусть твои ребята и дальше демонстрируют Железную Ласточку толпе, а мы с тобой вместе поедem, хоть моя карета и меркнет по сравнению с твоим-то транспортом, да? Да! Ну что, поехали?

В Гильдии Законников Гарри Король и Дик Кекс познакомились с господином Громогласом, на удивление большим – и на удивление троллем. Троллем с голосом, подобным ласковому бурлению лавы.

– Вы наверняка пожелаете ознакомиться с моим послужным списком, господа. Я член Гильдии Законников Анк-Морпорка и служил у господина

Кривса, – объявил Громогласс. – Помимо практики в Анк-Морпорке, я единственный тролль, который аккредитован как законник во владениях короля-под-горой. К слову, я также прихожусь племянником алмазному королю троллей, хотя, разумеется, нужно уточнить, что в отношении тролльих кланов банальное «племянник» сути не отражает.

У него был профессорский голос – как если бы профессору вздумалось вещать в пещере с гулким эхом. Черты лица его более или менее походили на черты всех троллей, но если присмотреться, можно было заметить тонкую камнетесную работу, буйство растительной жизни в видимых глазу углублениях и не в последнюю очередь этот приглушенный блеск, даже мерцание, которое деликатно играло на свету, не бросаясь нахально тебе в глаза, но неоспоримо присутствующее.

– И да, я насквозь состою из алмаза, так что врать не могу под страхом расколоться вдребезги. И я даже не намерен пытаться. Из ваших слов, господа, я так понял, что вы солидарны друг с другом, никто не желает оставить другого в убытке, и вы оба хотите действовать честно по отношению друг к другу. При данных обстоятельствах, как бы ни возражали против такого подхода мои коллеги, я готов предложить свои юридические услуги вам обоим и выступать в качестве посредника. Правосудие у троллей исключительно прямолинейное – как бы мне хотелось, чтобы так было повсюду. И если между вами произойдет конфликт, я не стану работать ни на кого из вас.

Громогласс улыбнулся, и комнату усыпал фейерверк крошечных солнечных зайчиков.

– Я составлю небольшой документ, который в иных местах может быть назван соглашением о согласии. И я буду выступать судьей на стороне не кого-то одного, но вас обоих. Я алмаз, и я не могу позволить воцариться несправедливости. Я предлагаю вам, господа, продолжать работу над вашим замечательным, на мой взгляд, проектом и предоставить бумажную волокиту мне. С нетерпением жду встречи с вами обоими завтра на участке.

Гарри и Дик молча ехали в карете, пока Дик не сказал:

– Он ничего, правда? Для законника.

Ко времени, когда они вернулись во владения Гарри Короля, гоблин Билли Смальц, который работал на Гарри уже много лет, был весь в мыле – правда, он этого не знал, так как не знал о его существовании – и уже поджидал у ворот, когда карета подъехала.

Он истерично выпалил:

– Я запер ворота, господин Гарри, но они куда угодно влезут, чтобы увидеть это... это... эту штуку! Я им твержу, что у нас тут не цирк.

Уже сгущались сумерки, но наблюдатели все еще не отводили глаз от Железной Ласточки, которая кружила по рельсам, пока команда Дика совершала заведенный ритуал, разбрасывая искры в сумерках, словно сообщая вселенной, что пар не собирается никуда пропадать. И когда большая часть зевак нехотя побрела домой ужинать, на участок прокрались несколько гоблинов Гарри, чтобы поглазеть на чудо века. Они и вправду крались, заметил Гарри, не как воришки, а просто потому, что тело среднестатистического гоблина появлялось на свете уже крадучись. В ту минуту они кружили вокруг Железной Ласточки, и механикам приходилось прилагать массу усилий, чтобы тощие гоблинские пальцы не лезли куда не надо.

Железная Ласточка время от времени выпускала облако пара, и все это время в сумерках Гарри слышал отрывистые голоса гоблинов, которые допытывались у механиков: «Господин, что эта штука делает, господин?», «Что будет, если я нажму здесь, господин?», «А, вижу, господин, это соединяется с обмоткой трубы».

Гарри и Дик присоединились к Дэйву и Уолли, которые стояли у Ласточки и отвечали на вопросы, градом сыпавшие со всех сторон. Гарри удивился, когда увидел, что ребята улыбались гоблинам счастливыми улыбками и вовсе не собирались на них жаловаться.

– Они все понимают! Во как! – воскликнул Уолли. – Все им интересно знать! За ними глаз да глаз нужен, но они все схватывают еще до того, как им объяснишь, представляешь?

И Гарри изумлялся. Ему нравились эти мелкие шkodники – любому работодателю понравятся трудолюбивые работники, – но откуда у гоблинов понимание парового двигателя? Должно быть, что-то у них в крови. Их скукоженные миниатюрные физиономии перекашивались от улыбки при виде чего-то железного и сложного. Примета времени, подумал Гарри, и, похоже, это было время гоблинов.

Дик помолчал с минуту, как будто разогреваясь для следующей мысли, а потом сказал, очень осторожно:

– Можно подумать, они рождены для этого!

– Не скажу, что это меня удивляет, Дик, – заметил Гарри. – Семафорщики говорят то же самое. Кажется невероятным, но гоблины на лету схватывают устройства механизмов, так что смотри в оба: они любят разбирать все на детальки, просто чтобы посмотреть, как это устроено. Зато когда поймут, сразу соберут обратно. Никакого злого умысла, просто

им нравится во всем быть впереди, и знаешь, иногда они даже делают лучше, чем было. Ума не приложу, чем это объяснить. Но на твоём месте я бы уложил кого-то на ночь под Железной Ласточкой, чтобы гоблины не распускали руки.

На следующее утро Мокрица вежливо разбудил Кроссли, который до сих пор не усвоил глубины отношений своего хозяина со сном. Мокриц не преминул напомнить ему об этом, переворачиваясь на другой бок. Он сказал:

– Брмл брмл грррм брмл мммн брмл вон!

Дворецкому пришлось повторить процедуру тремя минутами позже и получить тот же ответ, только на сей раз последнее слово было интонационно выделено и повторено трижды со все возрастающей громкостью.

Затем – если быть точным, ровно пятнадцать минут спустя – Мокрица фон Липвига вырвали из объятий Морфея отнюдь не деликатным тычком меча, принадлежащего стражнику из анк-морпоркской дворцовой стражи (подвид человека, который Мокриц и без того не слишком жаловал за их флегматичность и тупость). Да, то же можно было сказать и о половине Городской Стражи, но их тупость, по мнению Мокрица, в общем и целом была изобретательной и даже комичной, так что с ними проводить время было куда интереснее. С ними можно было заговорить и быстро сбить с толку, тогда как дворцовая стража... Эти только и умели, что тыкать мечами, причем с большим знанием дела. Мокриц принял взвешенное решение не доставлять им лишних хлопот, а потому, будучи прекрасно знакомым с процессом, угрюмо оделся и отправился с ними во дворец, где, по всей видимости, его ждала аудиенция с лордом Витинари.

Патриций, вопреки обыкновению, не был занят бумагами, но изучал что-то на большом полированном столе, который занимал половину Продолговатого кабинета. Он во что-то играл. Казалось бредом, но нельзя было отрицать: Витинари внимательно следил за детской игрушкой, миниатюрной тележкой или вагончиком, на миниатюрной железной дороге. Игрушка, дребезжа, безостановочно нарезала круги с неясной на первый взгляд целью. Мокриц громко откашлялся, и патриций выпрямился.

– А, господин фон Липвиг. Как любезно с твоей стороны почтить нас своим присутствием... *в конце концов*. Скажи мне, что ты об этом думаешь?

Мокриц, слегка ошеломленный, ответил:

– Это похоже на детскую игрушку, сэръ.

– На самом деле это искусная модель чего-то большего и опасного, –

лорд Витинари повысил голос, обращаясь как будто не только к Мокрицу, но ко всему свету. – Кто-то скажет, что мне не составило бы труда это предотвратить. Бесшумно вонзенный клинок здесь, подсыпанный в вино яд там – и многие проблемы решились бы в мгновение ока. Вооруженная дипломатия – дело, конечно, прискорбное, зато не подлежит обжалованию. Кто-то решит, что я недосмотрел и, халатно отнесшись к собственным обязанностям, позволил отраве просочиться в человеческое воображение и необратимо изменить мир. Да, я мог бы принять меры, еще когда впервые увидел рисуночки, подозрительно похожие на эту игрушку, у Леонарда Щеботанского на полях его картины «Графиня Кватро Формаджи за туалетом», но нет, я скорее уничтожу ценнейшую в мире античную вазу, чем позволю упасть хоть одному волоску с этой бесконечно полезной и почтенной головы. Я думал, все кончится так же, как и с его летательными аппаратами, останется не более чем игрушкой. А теперь вот до чего дошло. Никогда нельзя доверять изобретателям. Они придумывают самые ужасные вещи из чистой любви к процессу, бездумно, безответственно, и откровенно говоря, я бы предпочел посадить их на цепь где-нибудь там, где они не смогут никому навредить, – здесь лорд Витинари взял паузу и продолжил: – И незамедлительно так бы и поступил, господин фон Липвиг, если бы эти проклятые существа не были так полезны.

Он вздохнул, и Мокриц невольно забеспокоился. Никогда он не видел его светлость в таких расстроенных чувствах. Патриций все не сводил глаз с тележки, которая так и ездил по кругу и наполняла кабинет запахом метилового спирта. В этом было что-то гипнотическое. Во всяком случае, для лорда Витинари.

Тихо и зловеще на плечо Мокрица опустилась рука. Он резко обернулся и увидел перед собой слегка улыбающегося Стукпостука.

– Советую сделать вид, что ты ничего не слышал, – прошептал секретарь. – Когда он находится в... кхм, меланхолии, так лучше всего, поверь. Конечно, во многом тут виноват кроссворд. Ты же знаешь, как он к ним относится. Придется лично написать редактору. Его светлость считает элегантное решение головоломки проверкой собственной состоятельности. Кроссворд должен быть увлекательной и познавательной загадкой. – Его розоватое лицо густо покраснело, и Стукпостук добавил: – Уверен, кроссворды не должны становиться пыточным орудием, и уж точно нет такого слова – «могарыч». Однако у его светлости восхитительные способности к реабилитации, так что если подождешь, пока я сварю тебе кофе, он наверняка придет в себя прежде, чем ты успеешь сказать «смертный приговор».

В итоге лорд Витинари простоял, уставившись в стену, всего восемь минут, после чего стряхнул с себя оцепенение. Он широко улыбнулся Стукпостуку и, уже менее радостно, отметил присутствие Мокрица, который искоса поглядывал на незавершенный кроссворд, разложенный прямо посреди стола.

– Милорд, – сказал Мокриц уверенно и с самыми чистыми помыслами, – вы наверняка знаете, что слово «магарыч» пишется совсем иначе. Это мысли вслух, конечно, просто я хотел помочь, сэр.

– Да. Я понимаю, – ответил лорд Витинари мрачно.

– Могу ли я *еще* чем-то вам помочь, милорд? – спросил Мокриц, понимая, что его выволокли из постельки не из-за кроссворда и не за тем, чтобы показать детскую игрушку.

Лорд Витинари сосредоточил взгляд на Мокрице и ледяным тоном произнес:

– Поскольку ты *наконец* соизволил присоединиться к нам в эти трудные времена, господин фон Липвиг, я расскажу тебе, что жил однажды человек по имени Нед Кекс, который изготовил механическое устройство для сбора урожая, приводимое в движение самым загадочным образом. Наши нынешние проблемы вполне могли начаться уже тогда, но, к счастью, его устройство не сработало, проявив склонность к самовозгоранию, так что равновесие в мире удалось сохранить. Но конечно же, изобретатели, которые не могут без каких-нибудь железяк, продолжали ковыряться в них по своим амбарам. Но это еще не все. Они находили барышень, разумных хороших барышень, которые непостижимым образом соглашались выйти за них замуж и нарожать им детей, тем самым продолжая и множа род изобретателей. Один из них, отпрыск вышеупомянутого Кекса, точно так же ковырялся в отцовской мастерской и наверняка задавался вопросом, а сможет ли он, со своей безудержной любознательностью, добиться того, что, увы, не удалось его отцу. И теперь этот юноша построил машину, которая поглощает дрова и уголь, исторгает огонь, коптит небо, наверняка вселяя страх во все живые существа в радиусе многих миль, и производит богомерзкий шум. Мне так рассказывали. И вот, юный господин Кекс нашел способ встретиться с нашим старым другом Гарри Королем. И, по всей видимости, вдвоем они замыслили предприятие, которое называется, если не ошибаюсь... железная дорога. – Витинари умолк совсем ненадолго и тут же продолжил: – Господин фон Липвиг, я чувствую, что будущее поджигает, и в эту ответственную минуту остается или быть раздавленным, или возглавить его. У меня на это нюх, господин фон Липвиг, наверняка ты понимаешь, о чем я. Так что я намерен взять пример

с обитателей Четвертого континента и оседлать волну будущего. Подогнать его немного под свой размер, тогда с ним можно будет работать. Мое чутье говорит мне, что эта самая железная дорога, которая представляется нам проблемой, может стать ее блестящим решением.

Мокриц посмотрел на сумрачное лицо патриция. Тот произносил слова «железная дорога» с такой интонацией, с какой пожилая герцогиня могла бы объявить, что нашла нечто непотребное в своем супе. Он был весь окутан аурой презрения. Но если рассматривать настроения лорда Витинари как погоду (а Мокриц был экспертом по метеорологии патриция), то легко можно было заметить, что зачастую метафизический проливной дождь очень скоро превращался в погожий летний денек. Мокриц буквально носом чувствовал, как патриций смиряется с представшей ему действительностью: перемены в мимике и осанке сменяли одна другую – и вдруг лицо Хэвлока Витинари озарилось такой улыбкой, что Мокриц понял: игра началась, и в голове лорда Витинари как по маслу закрутились шестеренки.

С каждым словом все приободряясь, Витинари сказал:

– Моя карета ждет внизу, господин фон Липвиг. Иди за мной.

Мокриц знал, что какие-либо возражения тут бесполезны, так же как знал, что и лорд Витинари это знает. Но у него еще оставалась гордость, поэтому он сказал:

– Милорд, я вынужден отказаться! У меня много работы. Вы же понимаете!

Лорд Витинари уже был у двери, край его мантии развевался за спиной, как парус. Он был долговяз, и Мокрицу пришлось бежать, чтобы поспевать за ним, иногда перепрыгивая по две ступеньки за раз. Стукпостук следовал за ними.

Патриций сказал через плечо:

– Господин фон Липвиг, нет у тебя никакой работы. Ты же главный почтмейстер, заместитель председателя Королевского банка Анк-Морпорка^[17], не говоря уже о распорядителе Монетного двора, в твоём подчинении состоит множество умнейших людей, у которых, в свою очередь, работы много, тут не поспоришь. Твое странное чувство локтя, твой талант нравиться людям с первой встречи и вопреки всем доводам рассудка *продолжать* им нравиться, что вообще поразительно, делают тебя отличным начальником, отдаю тебе должное, и твои подчиненные тебе очень преданы. Но в конечном итоге все, что тебе *нужно* делать в плане кабинетной работы, – это время от времени устраивать небольшие проверки.

Лорд Витинари ускорил шаг и продолжал:

– И какой можно сделать из этого вывод, не слышу я твоего вопроса? Я отвечу. Мудрый человек сделал бы вывод, что хорошему начальнику не жалко оказать любую услугу, а я, господин фон Липвиг, образцово-показательный и великодушный начальник. Это следует из того обстоятельства, что твоя голова все еще крепко держится на плечах, а ведь могла бы быть совсем в другом месте.

Страна Лламедос с гордостью называла себя *умеренно* гномьей. Вообще-то в Лламедосе проживало примерно столько же людей, сколько и гномов, но, поскольку большая часть его обитателей работала в шахтах, они были или низкорослы, или страдали чуть ли не хроническим сотрясением мозга, так что приходилось внимательно присматриваться, чтобы различить две расы между собой. И потому как почти все были примерно одного роста, в тех краях царила дружеская обстановка, особенно когда богиня любви сделала так, чтобы ее чары действовали на всех без разбора – хотя об этом обычно не распространялись. А поскольку об этом не распространялись, то... об этом не распространялись, и жизнь шла своим чередом, с добычей золота (последних его остатков), железных руд вроде цинка и мышьяка (которые приходилось буквально выжимать из неподатливых камней), ну и, конечно, угля. Все это дополнялось рыбной ловлей на побережье. Внешний мир вторгался изредка, только когда происходило что-то по-настоящему важное.

Но так было вчера. Сегодня важное случилось.

Корабль причалил в Пант-а-Лон, крупнейший лламедосский город, вскоре после обеда. Наличие на борту грагов, которые явились, чтобы проповедовать идею истинного гномства жителям города, было бы встречено радушнее, если бы вместе с ними не прибыли глубинники, ударные силы грагов, которые доселе никогда не выглядывали из-под земли. До той поры жителей Лламедоса вполне устраивало, что граги занимались своими делами в области духовной жизни и рассуждений об оной и следили за ее соблюдением, предоставляя остальным заниматься пустяками, такими как рудники, рыбалка и каменоломни в горах.

Но сегодня все пошло катастрофически наперекосяк, потому что Блодвен Щелкоступ выходила замуж за Дэви Кантера, первоклассного шахтера и рыбака, а главное, человека, хотя важность этой детали не казалась местным жителям такой уж, собственно, важной. Почти все в Пант-а-Лоне знали их обоих и считали подходящей парой, в первую очередь потому, что те знали друг дружку с пеленок. И пока они росли,

люди, по своему обыкновению, гадали, каковы шансы, что гном и человек смогут зачать ребенка, и считали это крайне маловероятным, но затем утешались разговорами о том, что уж любви-то между ними через край, и в конце концов, кого, кроме них, это касается? Блодвен и Дэви подходили друг другу и любили друг друга. А шахты и море унесли немало жизней шахтеров и рыбаков, и в городе было полно сирот, искавших новый дом в родной стране. И все в Пант-а-Лоне сходились во мнении, что такая ситуация, пускай и не идеальная, вполне устраивала тех, кто не совал нос в чужие дела, и земляки поздравляли счастливых влюбленных, которые, надо отметить, были практически одного роста, и желали им всего наилучшего.

Но увы, граги и глубинники считали иначе, и они снесли двери часовни, а поскольку ламедосцы не ходили на свадьбы вооруженными до зубов, граги все повернули по-своему. Могла бы случиться настоящая бойня, если бы старик Ффлергюнт, сидевший до тех пор незамеченным в уголке, не сбросил свой плащ, когда все ринулись в укрытие, и не оказался тем самым гномом, который ходит на свадьбы вооруженным до зубов.

Он замахнулся тяжелым мечом и топором одновременно в феерически сокрушительном дуэте, закружилась драка, и в итоге среди участников свадебной церемонии жертв было всего две. К сожалению, одной из них оказалась Блодвен, убитая грагом, но так и не выпустившая руки мужа.

Покрытый кровью, Ффлергюнт обвел взглядом перепуганных гостей и сказал:

– Вы все меня знаете. Я не люблю смешанных браков, но, как и вы, я вовсе не выношу этих чертовых грагов, ублюдки! Чтоб им обвалиться!

Карета лорда Витинари петляла по улицам Анк-Морпорка, и Мокриц наблюдал за дорожной суетой вокруг, пока они не достигли речных ворот и не выехали за пределы города. Карета быстро помчалась по дороге, протянувшейся вдоль берегов Анка, по направлению к промышленной зоне Гарри Короля – миру паров, дымов, а главное, сомнительных ароматов.

Анк-Морпорк приводил себя в порядок. Работы было непочатый край: пикантные запахи, эпидемии, потопаы и прочие увеселения. Но анк-морпоркский доллар вырос до небес, а вместе с ним и цены на недвижимость. Удивительно, как много людей хотели жить в Анк-Морпорке, а не в каком-нибудь другом месте (ключевое слово – *жить*, а не умереть в Анк-Морпорке, что всегда было доступной альтернативой). Но все понимали, что город стянут тугим каменным корсетом, и никому не хотелось оказаться поблизости, когда шнурок, образно выражаясь, лопнет.

Город выплескивался из берегов, да еще как! Фермерские уголья за пределами города всегда процветали, а сейчас изобиловали

спекулятивными проектами^[18]. Это была дивная игра, и Мокриц в прежней своей жизни несомненно вступил бы в ряды играющих и наварил себе состояние и даже несколько. И действительно, пока лорд Витинари смотрел из окна, Мокриц слушал песни сирен, заманчиво поющих о золоте, которое может заработать подходящий человек в этом – таком подходящем – месте, и чарующий мираж на одно соблазнительное мгновение возник перед его взором.

Анк-Морпорк стоял на суглинках, которые легко копать, так что, если коровий навоз заканчивался, материал для кирпичей валялся прямо под ногами, а пиломатериалы можно было запросто достать у гномов, которые брались сплавить их на стройку по реке. И совсем скоро у тебя на руках был готовый поселок новеньких чистеньких домиков, доступных для увеличивающегося в численности и переполненного амбициями населения. Все, что было нужно дальше, – это привлекательный плакат и, главное, план побега.

Карета проезжала мимо множества таких построек, которые наверняка покажутся маленькими дворцами своим будущим хозяевам, вырвавшимся с Куроносной улицы и с Поросячьего холма и из прочих районов, где люди все еще грезили, что могут «устроиться лучше» – достижение, которого якобы можно добиться, заимев в один прекрасный день «свой угол». Это была вдохновляющая мечта, если не вникать в такие слова, как закладная, и выплаты по кредитам, и изъятие, и банкротство. Поэтому низший средний класс Анк-Морпорка, который считал, что по нему топчутся представители верхнего класса и что его обирают представители нижнего, выстраивался в очередь с одолженными денежками, чтобы по кусочку купить себе свой собственный Ой-Донг^[19]. Карета с грохотом проезжала мимо поселков, вкупе получивших название Подморкпорк, и Мокриц гадал, сглупил ли Витинари, позволив колонизировать эти земли подобным образом, или наоборот, поступил *очень* умно. Мокриц поставил бы на «умно». Это была безопасная ставка.

В конце концов они подъехали к первому пропускному пункту у ворот сложно устроенного, смердящего (зато сказочно прибыльного), огороженного проволочной сеткой участка Гарри Короля, оборванца с помойки, который стал богатейшим человеком в городе.

Мокрицу Гарри был очень симпатичен, и они порой подмигивали друг другу, узнавая друг в друге людей, которые добились всего сложным путем. И Гарри Король действительно пришел к славе сложным путем, а те, кто вставал у него на пути, сложным путем летели вниз.

Большая часть территории была заполнена продуктами зловонного бизнеса Гарри Короля, конвейерные ленты поднимались и опускались страшно подумать куда и откуда, а гоблины и вольные големы помогали их грузить и разгружать. Мимо сновали лошади с повозками, нагруженные новым «зерном» для этой мельницы. В дальней зоне участка стояло несколько больших сараев, а перед ними – полоса неожиданно чистого пространства. Тут Мокриц заметил за забором толпу, жмущуюся к каждому дюйму сетки, и почувствовал их возбуждение.

Карета остановилась, и он почувствовал едкий запах угольного дыма, прорывающийся сквозь общее зловоние, и услышал звук, наводящий на мысль о драконе, страдающем бессонницей, какое-то ритмично повторяющееся пыхтение, а потом вдруг – вопль, как будто самый большой в мире чайник вдруг очень, очень рассердился.

Лорд Витинари похлопал Мокрица по плечу и сказал:

– Сэр Гарри уверяет меня, что эта штука совершенно безвредна, если обращаться с ней осторожно. Не хочешь составить мне компанию и посмотреть? Только после тебя, господин фон Липвиг.

Он кивнул в сторону барачков, и, когда Мокриц с патрицием подошли ближе, запах дыма стал гуще, а почти текучее пыхтение – громче. «Видимо, это какой-то механизм, – подумал Мокриц, – что же еще? Просто что-нибудь вроде часов, да, обыкновенный механизм». И он расправил плечи и бесстрашно (ну или так это должно было выглядеть со стороны) пошел вперед, к дверям, где чумазый юноша в промасленной фуражке и еще более промасленном комбинезоне приветствовал его лукавой усмешкой, как лисица, примеривающаяся к цыплятам. Судя по всему, их ждали.

Выскочил вперед Гарри.

– Приветствую вас, милорд... и господин фон Липвиг. Прошу, входите и познакомьтесь с моим новым партнером, господином Диком Кексом.

Позади них в бараке стояло дрожащее железное чудище, и оно было живое. Оно в самом деле было живое! Эта мысль сразу же прочно засела в голове Мокрица. Он чувствовал его дыхание и слышал голос. Да, жизнь... необычная форма жизни, но все-таки в каком-то роде жизнь. Это была живая вещь, и каждая ее частичка заметно подрагивала и шевелилась, почти танцуя, замерев в нетерпении.

Позади чудища в бараке он увидел вагоны, видимо, готовые к буксировке, и подумал: точно, это железная лошадь. Вокруг нее сновали помощники: они вытаскивали что-то на токарных станках, стучали молотками по железу, сновали туда-сюда с ведрами машинного масла и

банками мазута, и порой с какими-то дощечками, которые смотрелись не к месту среди всего этого металла. И вокруг стояло крепкое ощущение, говорившее: мы хотим сделать это, и мы хотим сделать это немедленно.

Дик Кекс широко улыбнулся под густым слоем сажи и сказал:

– Здравствуйте, господа. Ну, вот она! Да вы не бойтесь! Зовут ее, строго говоря, «номер первый», но я зову ее Железной Ласточкой! Это моя машина. Все детали тут сделаны моими руками: гайки, болты, фланцы и даже все до единого винтики. Тысячи штук! И всю работу по стеклу сделал. Вот смотровые оконца, вот измерительные приборы – очень важное дело. Мне все самому пришлось проектировать, потому что до меня этого никто не делал.

– А если поставить ее на рельсы, она сможет увезти груза больше, чем целая рота троллей, и доставит на место гораздо быстрее, – ввернул Гарри из-за плеча Мокрица. И добавил: – Это правда. Клянусь, юный Дик корпит над Железной Ласточкой постоянно: ковыряется и ковыряется, каждый день все до последнего винтика осмотрит. – Он засмеялся. – Не удивлюсь, если однажды она у него полетит.

Дик вытер руки грязной тряпкой, от чего они перепачкались еще сильнее, и протянул одну из них лорду Витинари, который вежливо отмахнулся и сказал:

– Я бы предпочел, чтобы ты имел дело с господином фон Липвигом, господин Кекс. Если я разрешу вам продолжать этот занимательный... эксперимент, отчитываться будете в первую очередь перед ним. Лично я дорожу своим неведением в области механики, хотя прекрасно понимаю, что для некоторых это представляет огромный интерес, – добавил патриций тоном, намекающим, что он имел в виду людей странных и загадочных... занятых, увлеченных, дотошных, кропотливых и взрывных. Таких людей, которые порой говорят невинные вещи, вроде: «А давай попробуем, какой от этого вред? В случае чего спрячемся под столом».

– Мой интерес, – продолжал лорд Витинари, – вызывают средства и способы, возможности, риски и последствия. Я понятно выражаюсь? Мне объяснили, что твой удивительный мотор приводится в движение паром, нагретым до состояния, когда котел почти взрывается, но не совсем. Это так?

Дик радостно усмехнулся:

– В общих чертах так оно и есть, шеф, я и взорвал пару-тройку, пока экспериментировал, мне не стыдно признаться! Но теперь-то, сэр, мы все сделали как надо. Предохранительные клапаны! Вот в чем соль! Свинцовые предохранительные клапаны с втулками, чтоб плавилась, когда

топка перегревается, и тогда туда льется вода и тушит огонь, прежде чем котел взорвется. Открытый пар, ясное дело, штука опасная для тех, кто в нем не разбирается, но, шеф, для меня он все равно что ласковый щеночек. Сэр Гарри позволил нам построить демонстрационные рельсы, – сказал он и показал на колею, выходящую из барака и делающую круг по периметру участка. – Могу я предложить вам прокатиться, господа?

Мокриц повернулся к Витинари и сказал с бесстрастным видом:

– Да, как насчет прокатиться... шеф? – на что получил в ответ острый как клинок взгляд, обещавший: об этом мы еще поговорим.

Витинари повернулся к Дику:

– Благодарю, господин Кекс. Но, боюсь, я не смогу составить вам компанию, будучи, э, шефом целого города. Кроме того, государственные дела не могут ждать, даже ради вашей чудесной машины. Впрочем, господин фон Липвиг наверняка не откажется. И осмелюсь предположить, что Стукпостук *с радостью* составит ему компанию.

Сказано это было бодро, но по лицу Стукпостука нельзя было сказать, что его прельщает такая перспектива, да и Мокриц, положив руку на сердце, был не в восторге: он слишком поздно вспомнил, что как раз надел новый дорогой сюртук.

Мокриц поинтересовался:

– Господин Кекс, если не сложно, объясни, почему твоему механизму нужны эти рельсы, чтобы ехать?

Дик Кекс улыбнулся щедрой улыбкой человека, которому очень хочется говорить о своем распрекрасном чудо-проекте и который, будь у него такая возможность, довел бы каждого встречного до отчаянной скуки, а в отдельных случаях и до самоубийства. Мокриц знал таких людей: полезные и дружелюбные сами по себе, совершенно беззлобные, но все-таки потенциально небезопасные.

И прямо сейчас Дик Кекс, довольный как слон и закопченный как шашлык, на полном серьезе начал рассказывать:

– Ну как, пару ведь нравится, чтобы машина ехала гладко, а за городом сплошные ямы и пригорки. К тому же пар с железом тяжелые. Мы еще дома в Швайнетауне это все обдумали и решили, что куда логичнее будет проложить рельсовое полотно – это такая дорога из железных линий, рельсы то есть, специально, чтобы по ней бегал наш локомотив.

– Паровоз звучит гораздо лучше, – заметил Гарри. – Я все твержу этому парню: пусть будет ясно и по делу, такие слова народ запоминает. Как можно рассчитывать, что люди захотят ездить на чем-то таком, что они и произнести не умеют.

Дик просиял, и его добрая улыбка вдруг как будто осветила собой все вокруг.

– Ну вот, Железная Ласточка на мази, на пару и разогрета специально для вас, господа. Кто хочет прокатиться?

Стукпостук не проронил ни звука, продолжая таращиться на покрытый испариной механизм, точно в ожидании своего смертного часа. Мокриц в кои-то веки проникся состраданием к маленькому секретарю и не то затащил его, не то помог забраться в небольшую открытую кабину на носу металлического чудища, пока Дик возился с приборами, постукивая по загадочным медным и стеклянным штукам, а огонь в животе чудища жарко горел и наполнял пространство еще большим количеством дыма.

Внезапно в руке у Мокрица оказалась лопата – Дик всучил ее так быстро, что Мокриц даже не успел отказаться. Инженер усмехнулся и сказал:

– Будешь за кочегара, господин фон Липвиг. Когда понадобится ее растопить, я дам тебе знать, и ты откроешь топку. Ух, и весело будет!

Дик перевел взгляд на растерянного Стукпостука и продолжал:

– Ага, а с тобой, господин, мы вот как поступим. Будешь давать гудок – для этого надо дернуть вон ту цепочку. Так вот, господа, это у нас рабочий прототип, удобств пока нет, но вы держитесь, и все будет в порядке, главное, голову не высовывайте слишком далеко. Сегодня мы тянем порядочный груз. Сэр Гарри хотел посмотреть, из какого мы теста, так что, это, господин Стукпостук, гудок, пожалуйста!

Стукпостук безмолвно дернул за цепь и содрогнулся, когда из мотора вырвался крик банши. А потом – потом, показалось Мокрицу, не было ничего особенного... один «чух», один рывок, еще «чух-чух», еще рывок, еще «чух», и вдруг они пришли в движение и стали набирать скорость, как будто хвост Железной Ласточки пытался вырваться вперед.

Мокриц оглянулся и сквозь клубы пара посмотрел на груз, который они волокли за собой в скрипящих вагонах. Он как будто сам почувствовал этот вес. А паровоз все набирал скорость и разбег. Дик невозмутимо постукивал по приборам и двигал рукоятки, и вот впереди показался поворот, и поезд запыхтел, и все вагоны один за другим, как утята, следующие за мамой-уткой, вписались в этот поворот, немного постанывая и скрипя, но оставаясь единым движущимся организмом.

Мокрицу было не впервой путешествовать на высокой скорости. Да, лошадь-голем, это редкое создание, с легкостью обошла бы их сейчас. Но этот механизм был создан человеческой рукой: колеса, гайки, медные ручки, приборы, клапаны, пар и хрипящая топка, рядом с которой сейчас

стоял Стукпостук, замороженно дергая цепочку гудка, словно выполняя священный долг, – и все непрерывно тряслось и дрожало в этом раскаленном докрасна дурдоме на колесах.

Показались лорд Витинари и Гарри – поезд несся прямо на них, завершая первый круг, – и скрылись за спиной у Мокрица в клубах дыма и пара, повисших в воздухе. И пока Железная Ласточка продолжала рассекать пространство, на Мокрица вдруг снизошло осознание, что это было не волшебство, но и не грубая сила – это была изобретательность. Уголь, железо и вода, пар и дым, слитые в божественной гармонии. Он стоял в жгучем жару кабины с лопатой в руках, глядел на все это и думал о будущем. Сцепленные вагоны прогремыхали еще один круг, слегка взвизгнув на втором повороте. Потом металл испустил утомленный стон, и паровоз проскользил по рельсам до полной остановки в нескольких шагах от наблюдателей, перед самым гаражом Железной Ласточки.

Дик засуетился и закрутился, отключая одни штуки и закручивая другие, когда чудо-машина затормозила. Не затормозила, поправил себя Мокриц, она заснула, но все еще капала водой и сопела паром и каким-то невероятным образом была совершенно живой.

Кекс соскочил с подножки на самодельную деревянную платформу, взглянул на свой огромный секундомер, проверил датчики и объявил:

– Недурно, но здесь никак не получится раскопечгарить ее как следует. На экспериментальной колее в Швайнетауне я разогнал ее почти до семнадцати миль в час и готов поклясться, что она могла бы ехать намного быстрее, если бы только проложить путь подлиннее! И как она славно шла, правда же, господа? И с таким-то грузом, несколько тонн, – последнее было обращено к коллегам-инженерам.

– А это еще что? – Дик кивнул на оборванного глазастого мальчишку, который как из-под земли вырос возле полотна. Дик с серьезным видом наблюдал, как оборванец извлек из кармана крошечную записную книжку и сосредоточенно внес туда цифру 1 – как будто отдавал блокноту команду.

А Мокриц почему-то не смог удержаться от замечания:

– Отлично подмечено, молодой человек, но знаешь что? Думается мне, что с такими темпами тебе понадобится книжка побольше.

В этот момент Мокрица охватила уверенность в будущем. Пусть Витинари оставался невозмутим, зато лица Гарри Короля и некоторых зрителей сияли в дымном свете грядущего. За забором уже собралась плотная толпа, люди тянули шеи, чтобы получше рассмотреть паровоз. Судя по всему, новости уже разлетелись по городу.

Гарри Король сказал:

– Ну, ребятаки, разве не чудо эта железная лошадка? Она *все что хочешь* сдвинет с места, готов биться об заклад. Кстати, в зале заседаний нас ждет сытный обед. Пойдемте, господа?.. Обещаю превосходную говядину.

Первым подал голос лорд Витинари:

– Разумеется, сэр Гарри. А заодно никто не поможет разыскать моего секретаря?

Все повернулись в сторону паровоза, который остановился совсем как человек, не вмиг и сразу, но постепенно успокаиваясь, – так старушка устраивается поудобней в любимом кресле, с той лишь разницей, что в эту секунду Железная Ласточка с шипением выпустила струю водяного пара, что нечасто бывает со старушками, во всяком случае, не при посторонних.

Стукпостук был все еще в кабине и отчаянно дергал за цепочку, вытягивая из паровоза очередной гудок; и он, похоже, плакал, как младенец, у которого отобрали игрушку, потому что шипение стало затихать. Стукпостук поймал на себе взгляды окружающих, осторожно выпустил цепь, слез с подножки и буквально на цыпочках прошел сквозь горячий пар, в котором время от времени, по мере того как остывал металл, слышались отрывистые механические поскрипывания. Он осторожно подступил к Дику Кексу и сиплым голосом попросил:

– Можно еще, пожалуйста?

Мокриц следил за выражением лица патриция. Витинари, казалось, был погружен в глубокие раздумья, а потом он бодро произнес:

– Отличная работа, господин Кекс, превосходная демонстрация! Я правильно понимаю, что посредством... этой штуки... можно перевозить большое число пассажиров и тонны грузов?

– Ну да, сэр, почему бы и нет, хотя, ясное дело, надо будет провести дополнительную работу, приличная амортизация там, мягкие сиденья... Я уж думаю, сделаем получше, чем в почтовых каретах, ихние сиденья, сэр, та еще заноза в заднице... извиняйте мой клатчский.

– Охотно извиняю, господин Кекс. Состояние наших дорог и, следовательно, экипажей на лошадиной тяге и впрямь оставляет желать лучшего. Поездка в Убервальд – это истинные незаслуженные мучения, и никакие подушки не спасают.

– Да, милорд, а вот поездка по гладким рельсам в хорошо обустроенном вагоне будет вершиной комфорта. Как по... маслу, – сказал Мокриц. – В подходящем вагоне ночью даже можно будет поспать, если такой вагон придумать, – добавил он. Мокриц даже удивился, что сказал это вслух, но он всегда был человеком, который везде видел новые

возможности, а сейчас от возможностей у него рябило в глазах. И он заметил, как разгладилось лицо лорда Витинари. Железная Ласточка катилась по рельсам намного лучше, чем почтовые кареты – по ухабам и выбоинам большой дороги. «Там, где нет лошадей, – думал Мокриц, – никто не нуждается в отдыхе и еде. Только уголь и вода, и Железная Ласточка увезет тонны груза и даже не охнет».

И когда Гарри ушел с патрицием в свой кабинет, Мокриц провел рукой по живому теплому металлу Железной Ласточки. «Она станет чудом нашего века, – думал он. – Я чувствую это! Земля, воздух, огонь и вода. Все стихии. Вот оно, волшебство, – там, где нет волшебников! Неужели я совершил в своей жизни что-то такое, чем заслужил право быть сегодня здесь – в этом месте, в это время?» Железная Ласточка прощально зашипела, и Мокриц бросился догонять остальных, в предвкушении обеда и парового будущего.

Устроившись в комфортабельном плюшевом зале заседаний Гарри Короля, где были медь и красное дерево и услужливые официанты, лорд Витинари произнес:

– Скажи мне, господин Кекс, может ли твоя машина довезти нас, скажем, до самого Убервальда?

Дик обдумывал вопрос с минуту, а потом ответил:

– Почему бы и нет, ваша светлость. Вокруг Скунда будет непросто, да и, конечно, чем ближе к Убервальду, тем круче уклон, но мне кажется, уж кто-кто, а гномы знают, как наделать в ландшафте дыр, если понадобится. Так что да, сэр, уверен, что со временем и это будет возможно, был бы паровоз надежный. – Он улыбнулся и продолжал: – Уголь, рельсы и вода – и локомотив увезет вас куда захотите.

– Но сможет ли каждый желающий построить такой локомотив? – спросил Витинари с сомнением.

Дик снова усмехнулся в ответ.

– Ну, пусть попытаются, конечно, сэр, но моих секретов никто не знает, а мы, Кексы, с паром работаем уже не первый десяток лет. Мы выучились на своих ошибках. Ну и другие пускай учатся на своих.

Патриций еле заметно улыбнулся.

– Ты знаешь, как покорить мое сердце. Однако оказаться размазанным по потолку собственной мастерской – это несколько радикальный урок.

– Да уж, мне ли не знать, но если вы простите мне мою дерзость, сэр, я бы хотел застолбить право на сотрудничество с Почтамтом прямо здесь и сейчас. Куй железо, пока горячо – такой у нас, Кексов, девиз. Знаю, что семафоры посылают сообщения со скоростью молнии, но посылок и людей

по башням не передашь.

Лицо Витинари оставалось бесстрастным.

– Неужели? Я-то кую, когда мне вздумается. Но не смущайся, господин Кекс. Не стану мешать вам с господином фон Липвигом рассматривать свои перспективы, но предлагаю заодно задуматься о положении возниц и кучеров в эпоху перемен.

«Да, – думал Мокриц, – грядут перемены». Но лошади останутся в городах, а Железная Ласточка не сумеет вспахать поле, хотя Дик наверняка мог бы ее научить.

– Одни потеряют, другие найдут – не так ли все происходило с самого начала времен? – сказал Мокриц вслух. – Вначале был человек, который умел делать орудия из камня, потом пришел человек, который сделал орудия из бронзы, и первому пришлось или тоже учиться работать с бронзой, или вовсе сменить сферу деятельности. А человеку, обработавшему бронзу, пришлось уступить человеку, обработавшему железо. И едва тот успел поздравить себя с тем, какой он молодец, как появился человек, выплавивший сталь. Это танец, где все боятся остановиться, потому что, однажды остановившись, ты отстанешь от остальных. Но не таков ли и весь наш мир?

Витинари повернулся к Дику:

– Юноша, не могу не спросить, каков будет твой следующий шаг?

– Столько людей приходят посмотреть на Железную Ласточку, вот я и подумал, может, прицепить вагоны, поставить там какие-нибудь лавки и дать всем возможность покататься на ней. Если сэр Гарри не станет возражать, конечно.

– Все еще остается вопрос общественной безопасности, – заметил Витинари. – Не ты ли говорил ранее, что взорвал... «пару-тройку», кажется, так ты выразился?

– Те я повзрывал специально, поглядеть, как это бывает. Так знания и приобретаются, сэр, вы же понимаете.

– А ты серьезно относишься к своему делу, господин Кекс. И как же другие оценили твои находки? Я хочу знать, господин Кекс, каково мнение твоих старших товарищей.

Дик просиял.

– Ах, вот оно что. Ну, если вы имеете в виду лорда Рансибля, сэр, нашего землевладельца из Сто Лата, так, когда я ему рассказал, он долго смеялся и сказал, мол, удивительно, чем только люди не страдают, и велел не запускать Железную Ласточку в сезон охоты на фазанов.

– Логично, – согласился Витинари. – Перефразирую. Что говорят

другие инженеры, которые уже видели твою машину на ходу?

– Ну, сомневаюсь, чтобы *кто-то* из инженеров, за исключением нас самих, вообще видел Железную Ласточку, хотя я слышал, что двое ребят из Фиглифьорда соорудили отличнейший паровой насос и выкачивают им грунтовые воды из шахт и вообще. Все это интересно, конечно, но Железная Ласточка поинтереснее будет. Я бы сам заглянул к ним как-нибудь на кружку пива и поболтать, но сами видите, занят, занят, вечно занят.

– Ваша светлость, – сказал Гарри. – Я господина Кекса уважаю, потому что лично убедился, что он такой человек, который заправляет рубашку в штаны, а для меня это знак *надежности*. А там выстроилась целая очередь из тех, кто ужасно хочет покататься на прицепе его, э... локомотива. И думаю, они хорошо отстегнут за поездку на самом первом паровозе в мире. А в Анк-Морпорке народ до того жадный до новинок, что весь город, можно сказать, так и подгоняет наступление будущего, только бы посмотреть, каким оно окажется. И я уверен, что каждый мужчина и каждый мальчишка, а то и дамочки, захотят прокатиться на этой чудомашине.

– Да и стоит ли обращать внимание на риски, когда сама жизнь в Анк-Морпорке – это ежедневные прогулки под ручку с риском, – пробормотал патриций. – Господин Кекс, я даю тебе свое благословение, что бы это ни было, и я вижу огонек в глазах сэра Гарри, который, смею заметить, имеет вид человека, который хочет стать твоим спонсором. Хотя, разумеется, это исключительно ваше с ним дело. Я же не тиран...

На секунду все звуки за столом стихли, и лорд Витинари продолжал:

– Правильнее сказать, я же не тиран, который настолько глуп, чтобы противиться духу времени. Зато, как всем вам известно, я тот человек, который может руководить им внимательно и взвешенно. Так что сегодня вечером я планирую пообщаться с издателем «Правды», чтобы ввести его, как он сам выражается, в курс дела. Ему нравится, когда с ним консультируются, от этого он ощущает собственную значимость.

Патриций улыбнулся:

– Удивительно, и как мы додумываемся до таких вещей? Мне прямо не терпится знать, что же ждет нас дальше?

Зверское нападение на семафорную башню в Сто Керриге, которая до недавнего времени связывала жителей города с внешним миром, шокировало всех. В сгущающихся сумерках, обводя взглядом погром, Дора Гая не удивилась, когда заметила большого и красивого волка, стремительно приближавшегося к ней с зажатым в зубах пакетом, что в

норме нехарактерно для этих животных. Волк скрылся за стогом сена, и вскоре оттуда вышла красивая женщина, лишь слегка растрепанная и одетая в форму анк-морпоркской Городской Стражи.

Капитан Ангва, самый выдающийся вервольф в Страже, сказала:

– Да, знатный погром они устроили. Ты уверена, что пострадал только один твой сотрудник?

– Двое, капитан, гоблины, но они отлично пружинят. И молниеносно соображают. Представляешь, успели сигнализировать, что башню атакуют гномы, прежде чем сделать ноги. Необыкновенно добросовестные создания, когда дело касается механизмов. Ночные смены даются им лучше всего. Предупреждаю, капитан, когда виновные будут найдены, я выдвину им обвинения, и выдвину со всей силы, так что стражникам вроде тебя придется отвернуться, чтобы ненароком не увидеть того, чего не хочется видеть.

– Я бы об этом не беспокоилась, госпожа Ласка. Его светлость придерживается мнения, что помеха семафорному сообщению суть помеха нормальному течению жизни. Измена не только собственному государству, но и всему миру.

– В настоящий момент у моего доброго друга Осколка Сосульки, старшего гоблина с этой башни, повреждена рука, но он, несомненно, поможет искать гномов, которые за это ответственны. Я только не знаю, куда делся Отсвет на Луне.

– Я порыскаю по окрестностям, пока подмога не приедет. Я все равно жду фургон и Игорину для экспертизы, – сказала Ангва. – Если услышишь крик – это могу быть я, но ты не пугайся. Командор Ваймс не выносит бессмысленных диверсий.

Повисло молчание.

– Мне нужно кое-что тебе показать, – мрачно сказала Дора Гая. – Загляни под обломки вот здесь. Этот гном, похоже, категорически мертв и чудовищно изувечен. Я полагаю, он оступился и упал, когда они поджигали башню. А ты что скажешь, капитан?

Капитан Ангва внимательно осмотрела труп.

– Он потерял ухо.

– Ни на что не намекаю, – ответила Дора Гая, – но, насколько мне известно, гоблины, если их как следует разозлить, начинают хулиганить и оставляют себе сувениры.

– Но твои семафорщики никогда бы не стали заниматься чем-то подобным, верно? – спросила Ангва.

Дора Гая сухо ответила:

– Ну да, почти сгореть заживо от рук гномов-экстремистов – это обычные трудовые будни, нет повода для нервов.

Она вопросительно посмотрела на капитана. Ангва ответила:

– Вот именно. Значит, у нас нет никаких сомнений, что травмы были вызваны некомпетентностью самих террористов.

– Естественно, – согласилась Дора Гая.

– Удивительно, однако, как он умудрился сам откусить себе ухо, – отметила Ангва.

– Так Отсвет на Луне уже может выйти из укрытия?

– Прости, – осторожно ответила Ангва, – я не расслышала за треском башни, что ты сказала.

Тишина в кабинете лорда Витинари была абсолютной. Поступь приближающихся шагов Стукпостука еще сильнее подчеркивала эту тишину. Секретарь вручил патрицию листок бумаги и сообщил, что еще одна семафорная башня была сожжена теми, кто называл себя, в переводе, «Единственные Истинные Гномы».

Стукпостук ждал. Ни один мускул не дрогнул на лице лорда Витинари, а потом патриций сказал:

– Доведи до общего сведения, что за вражеские атаки на семафорные башни мы будем карать смертью не только непосредственных участников, но и заказчиков, кем бы они ни оказались. Разошли эту информацию по всем посольствам, консульствам и главам государств. Сегодня же, пожалуйста, – и все так же невозмутимо Витинари продолжал: – Пожалуй, пришло время темным клеркам разобраться с нашими необычными подозреваемыми. Надеюсь, вердикторий дал нам необходимые зацепки, и тебе, Стукпостук, будет оказано любое посильное содействие. Король-подгорой наверняка... огорчен происходящим. Удар пришелся на наши башни, но понятно, что проблема обязательно скажется и на самом короле. Так что отправь ему сообщение черными кликами, дай знать, что лично я готов поддержать любое решение, которое он сочтет наилучшим, и за поддержку леди Марголотты я тоже ручаюсь. Граги в очередной раз нарушили торжественное соглашение, а это, Стукпостук, на корню расшатывает основы мира. Ведь если нельзя доверять собственному правительству, кому тогда остается доверять?

Стукпостук тихонько откашлялся. Его улыбка сейчас больше напоминала гримасу. Прежде чем секретарю разрешили вернуться в его личный кабинет и приняться за плетение интриг, лорд Витинари, продолжая ловить рыбку в собственном потоке сознания, сказал:

– Ты знаешь, Стукпостук, я редко злюсь, но сейчас я очень зол. Буду признателен, если ты пошлешь за командором Ваймсом в его второй ипостаси – Дежурным по Доске Ваймсом. Мне нужна его помощь. И вряд ли он этому обрадуется, что, с моей точки зрения, как нельзя более кстати в сложившихся обстоятельствах. И пожалуйста, отправь сообщение господину Труперу, намекни ему, что сейчас не время великодушничать.

Витинари добавил:

– Это не война. Это преступление. Наказание последует.

Рыс Рыссон, гномий король-под-горой, был гномом большого ума, но иногда и он задавался вопросом, с чего бы гному такого ума лезть в гномью политику, не говоря уж о том, что становиться королем гномов. Лорду Витинари достались такие цветочки, что он, наверное, и не задумывался о существовании ягодок! Король считал людей... как бы так выразиться... достаточно благоразумными, в то время как старинная гномья поговорка в переводе гласила: «Диспут между тремя гномами всегда приведет к четырем точкам зрения».

«Сейчас все не так уж запущено, но близко к тому», – размышлял король, обводя взглядом собравшихся членов совета, в котором согласно закону он был первым среди равных. Где-то в старинных свитках он вычитал, что они считались его вассалами, что бы это ни значило. Звучало как что-то неаппетитное.

Когда Арон, его секретарь, вернулся после недавнего визита в Анк-Морпорк, то описал королю игру в футбол, на которой он успел побывать. Так вот, в центре той игры был судья. И в эту минуту Рыс испытывал что-то похожее на то, что должен был чувствовать судья, поскольку все мячи летели в его сторону. Как прикажете быть королем-под-горой в стране, где даже внутри партий были свои партийки, а в тех – свои партиечки? Он завидовал – о, как он завидовал – алмазному королю троллей, который раздавал повеления и советы своим многочисленным подданным. После чего они говорили ему спасибо – слово, которое король-под-горой нечасто слышал в своей жизни. Алмазный король всегда представлял интересы всех троллей. Но гномья раса раскололась почти до неразберихи, а ему, королю-под-горой, приходилось решать эту проблему.

Сегодня на повестке дня – или, точнее, на повестках, число которых было пугающе велико, – стояло по вопросу от каждой фракции. Рыс мрачно задумался, каким словом обозначить множество повесток дня, и остановился на термине «повестерия с летальным исходом».

Из-за глубинных грагов его мучили кошмары по ночам. Чувствовалось

нечто агрессивное в их массивных кожаных одеяниях и колпаках. Он думал: ведь, в конце концов, все мы гномы. Так не говорил ничего такого о том, что гномы должны прикрывать свои лица в обществе семьи и друзей. Рыс находил этот обычай демонстративно провокационным и, конечно, оскорбительным.

И теперь на бесконечной повестке дня гномы из каждой шахты жаловались на миграцию молодежи в большие города. И конечно, у всех имелись свои теории, чем это могло быть вызвано, и все были ошибочными. Всякий гном, который предпочитал не жить в темноте, во всех смыслах слова, знал, что причина, по которой молодые гномы заполонили, к примеру, тот же Анк-Морпорк, крылась просто-напросто в самих этих брюзгах и их обычаях. А те, кого Рыс считал прогрессивными гномами, – те, которые могли спокойно дружить с троллями, заседали на него, короля, потому что их раса-де отгородилась от мира непроницаемым занавесом.

В зале короля-под-горой сгустилась туча взаимного несогласия, которое со всех сторон казалось воплощением своенравия, словно в любом споре, даже самом незначительном, противник должен быть изничтожен до последнего клочка. Так мыслили гномы. «Мы слишком много времени проводим взаперти», – подумал Рыс. Он вздохнул, заметив, что слово взял Пламен, чей голос звучал невыносимо громко.

Пламен был гномом, которого король не отказался бы увидеть во время обвала в шахте, желательно в качестве жертвы. Однако у Пламена были последователи, много узколобых последователей, а еще – много могущественных друзей. Вот, собственно, и все. Политика. Политика походила на такие деревянные игрушки-мозаики для детей, где нужно передвинуть все квадратики в поисках одного-единственного правильного варианта, и только тогда у тебя сложится целая картинка.

В данный момент Пламен намекал, что на самом деле добыча жира в шмальцбергских жировых шахтах не была исконно гномьим занятием, в ответ на что один престарелый гном, в котором король узнал Сулина Геддвина, вскочил на ноги.

Геддвин взялся за рукоятку своего топора и сказал:

– Мой отец был жировым шахтером. И моя бабушка, она была ну очень жировым шахтером. И я был жировым шахтером, когда был моложе. Матушка дала мне в руки крошечную кирку, как только я выучился ее держать. Все мои родичи, с того самого времени, как упал Пятый слон, были жировыми шахтерами, и я вам так скажу: доход от нашего чистейшего жира, экспортируемого на Равнины, не дает этому городу

загнуться. Так что я не потерплю подобных оскорблений от какого-то б'зугда-хьяра^[20], который боится даже выглянуть на солнце.

В зале раздался лязг железа, а потом тишина, и все замерли в ожидании того, что случится дальше. А значит, нарушить тишину предстояло Рысу Рыссону. В конце концов, был он королем-под-горой, то есть королем всех гномов, или нет?

Он улыбнулся, прекрасно отдавая себе отчет в том, что одно неверное слово разнесется катастрофическим эхом по пещерам, и результат, каким бы он ни оказался, будет на его совести. Такова судьба тех, кто работает на благо мира в противовес войне, и путь ответственного руководителя всегда утыкан шипами.

Он посмотрел на рассерженных членов совета, которые, сидя за огромным столом, размахивали топорами. Как будто быть гномом значило вечно жить в состоянии, которое попросту не передавалось в полной мере словом «брюзгливость». Совет гномов всегда был, выражаясь их собственным языком, смятением гномов.

Рыс спокойно заговорил:

– Ради чего стал я вашим королем? Я отвечу вам. В мире, где официально признаны равные права троллей, людей и прочих существ, даже гоблинов, отсталые элементы гномьего сообщества неуменно продвигают идею, чтобы граги блюли чистоту всего гномьего. – Он строго посмотрел на Пламена и продолжал: – Везде, где проживает осяутиое количество гномов, гномы пытались модернизироваться, но без особого результата, за исключением Анк-Морпорка. К нашему стыду, те, кто вознамерился держать расу гномов во тьме, исхитряются внушить своим последователям веру в то, что перемены любого рода есть святотатство – не посягательство на что-то конкретно святое, но так, вообще, святотатство, витающее в атмосфере, кислой, как море уксуса. Так быть не должно! – Он повысил голос и обрушил на стол кулак. – Я здесь, чтобы донести до вас, друзья и, конечно, мои улыбающиеся враги, что, если мы не выступим плечо к плечу против сил, которые желают удержать нас во тьме, раса гномов впадет в ничтожество. Мы должны работать вместе, общаться, обходиться друг с другом как следует, а не брюзжать без конца, что мир теперь принадлежит не только нам, чтобы в итоге испортить его для всех. В конце концов, кто в мире новых возможностей захочет иметь дело с такими, как мы? Я говорю серьезно. Мы должны вести себя как существа разумные! Если мы не будем идти в ногу со временем, оно растопчет нас и подомнет под себя.

Рыс взял паузу, чтобы переждать, пока схлынет волна неизбежных

воплей «позор!» и «врешь!» и прочий шлак мучительных переговоров, и потом продолжил:

– Да, я вижу, Альбрехт Альбрехтсон. Предоставляю тебе слово.

Пожилой гном, который в свое время был фаворитом предвыборной гонки, учтиво сказал:

– Ваше высочество, вам известно, что мне не слишком-то по нраву ни то, как меняется этот мир, ни ваши чересчур прогрессивные идеи, но даже я пришел в ужас, обнаружив, что радикальные граги продолжают устраивать набеги на семафоры.

Король возмутился:

– Они в своем уме?! После сообщения из Анк-Морпорка о нападениях на башни мы ясно дали понять и членам совета, и всем гномам, что этот идиотизм должен немедленно прекратиться. Это еще хуже, чем нугганиты^[21], которых я тоже ни в коем случае не оправдываю – они абсолютные и беспрецедентные психи.

Альбрехт откашлялся и сказал:

– В таком случае, ваше высочество, я считаю своим долгом полностью принять вашу сторону. Возмутительно, что все зашло так далеко. Кто мы, если не существа, способные к разговору, а грамотный разговор – это дар, который должны ценить существа во всем мире. Никогда не думал, что скажу такое, но от новостей, которые я слышу в последнее время и которым, по идее, должен радоваться, мне стыдно зваться гномом. У нас есть свои различия, и правильно, и так и должно быть. Диалог и компромисс – два краеугольных камня в мире политики, но здесь и сейчас, ваше высочество, вы можете заручиться моей полной и безоговорочной поддержкой. А что до тех, кто стоит у нас на пути, чума на них. Слышите? Чума!

Гвалт гвалту рознь, и поднявшийся после *этих* слов шум не утихал еще долго.

В конце концов Альбрехт Альбрехтсон опустил свой топор на стол, расколов доску сверху донизу, и меж гномов воцарилась испуганная тишина. Тогда он сказал:

– Я поддерживаю своего короля. Для того и нужны короли. Чума, я сказал. Чума. И *гинунгаган* всем, кто скажет иначе.

Рыс Рыссон отвесил поклон старому гному:

– Благодарю тебя, друг, за твою поддержку. Моя тебе вечная благодарность. Я перед тобой в неоплатном долгу.

Внимательному наблюдателю могло бы показаться, что король-подгорой в этот момент стал чуть выше ростом. За всем этим многоголосьем (а

нет многоголосия более кипучего, чем гномье) король почувствовал странный прилив сил и такую легкость, как будто невидимые газы, которые залегают вокруг кратера Пятого слона, приподняли его над землей. Королю показалось, что члены его совета вдруг задумались, всерьез задумались, а еще они прислушивались – всерьез прислушивались. И наконец попробовали мыслить творчески.

Рыс продолжал:

– Неспроста в Анк-Морпорке живет больше гномов, чем здесь, в Убервальде. И мы сегодня знаем, сколько наших братьев эмигрирует во владения алмазного короля троллей. Что же получается? Наш исконный враг стал теперь другом для тех, кто бежит, скрываясь от граговских приспешников.

Как он и предвидел, многоголосие еще умножилось: упрямыцы бурлили ненавистью, бурлили несогласием, бурлили желчью.

– Я могу вас заверить, – продолжил Рыс, – что история пройдет прямо по головам вздорных гномов, и я отказываюсь стоять в стороне. Я не позволю нашей истории завершиться низведением гномьей расы до статуса разгневанных *б'зугда-хьяра*! Я ваш король по праву, избранный законно, со всеми должными ритуалами. Я был коронован на Каменной Лепешке в соответствии с традициями, восходящими к временам Б'хриана Кровавого Топора, и я буду исполнять свой священный долг. Я объявляю грагов и их прихвостей *д'хракаами* и не стану больше терпеть их пагубных учений. Я король, и я буду королем!

Гвалт возобновился как всегда, но Рысу показалось, что гномы за столом остались довольны. А потом его взгляд упал на Пламена, и ощущение торжества слегка ослабло, когда он подумал: «Рано или поздно, дражайший господин Пламен, придется мне с тобой разобраться».

Лорд Витинари невозмутимо прочел заголовок в «Правде»: «ПРОЕКТ «ЛОКОМОТИВ» ОПАСЕН ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ», – а ниже, шрифтом поменьше: «сообщают источники». Когда он будет разговаривать с издателем, то будет так же невозмутим. Патриций, конечно, знал, что при любой перемене найдется тот, чьи чувства она оскорбляет; не приходилось сомневаться, что свежее испеченное железнодорожное предприятие не могло не попасть под прицел.

– Оказывается, – заметил лорд Витинари Стукпостуку, – ритмичный стук вагонов по рельсам приведет к моральному разложению. Так утверждает господин Реджинальд Стиббингс из Сестер Долли. – Витинари дал знак одному из темных клерков. – Джеффри, что нам известно о

господине Стиббингсе? Можно ли назвать его... *экспертом* в области морального разложения?

– Стиббингс с Гравейчатой улицы, милорд? Известно, что у него есть молоденькая любовница, сэр. Девица, прежде танцовщица из клуба «Розовая киска», о ней там отзывались самым лучшим образом, насколько мне известно.

– Вот как? Значит, и впрямь эксперт. – Витинари вздохнул. – Хотя едва ли это мое дело – следить за личной жизнью своих подданных.

– Милорд, – вмешался Стукпостук. – Будучи тираном, вы именно этим и занимаетесь.

Витинари наградил секретаря взглядом, для которого ему не пришлось непосредственно поднимать бровь, но все намекало на то, что она поднимется, если адресат не перестанет испытывать судьбу. Витинари потряс перед Стукпостуком газетой и продолжил:

– А вот госпожа Баскервиль с Персиковопирожной улицы уверяет, что юные барышни, путешествующие поездом, рискуют оказаться рядом с сомнительными джентльменами. – Тут он ненадолго задумался. – Впрочем, в этом городе перспектива оказаться рядом хоть с каким-нибудь джентльменом выглядит весьма оптимистично. Но в чем-то она права. Пожалуй, благоразумнее устроить отдельные купе только для дам. Подозреваю, госпожа Юффи Король это одобрит.

– Как всегда, блестящая идея, сэр.

– А что у нас здесь? Капитан Слоп крайне обеспокоен скоплением вредных газов в окрестностях железной дороги?

Лорд Витинари резким жестом закрыл газету и воскликнул:

– Жители Анк-Морпорка и так живут в скоплении тошнотворных газов! Они у них в крови. Они мало того что живут с ними, но еще и усердно увеличивают их объем. Похоже, капитан Слоп принадлежит к числу тех людей, которым ни за что не понравится железная дорога. Далее он предполагает, что у овец станут случаться выкидыши, а лошади перемрут от истощения... Да уж, складывается впечатление, что капитан Слоп полагает железную дорогу концом света. Но ты знаешь мой девиз, Стукпостук: глас народа – глас богов.

Стукпостук убежал отсылать клик издателю «Правды», а патриций подумал: забавно, жители Анк-Морпорка упорно настаивают, что не любят перемен, а сами намертво приклеиваются к любому новому увеселению и занятию, какое попадется им на глаза. Ничего толпа не любила так, как новшества. Лорд Витинари вздохнул. О чем люди вообще думают? Сегодня все без исключения пользовались семафорами, даже дряхлые старушки,

которые кликами посылали ему жалобы на бессмысленные нововведения, напроочь не видя в этом иронии. Погрузившись в меланхолию, он осмелился спросить себя, вспоминали ли они когда-нибудь о временах, когда введения были старыми или вообще не вводились, в отличие от современности, когда нововведенчество достигло своего апогея. Нововведения происходили, чтобы остаться, думал Витинари. Но вот что еще интересно: кто-нибудь когда-нибудь вообще думал о себе как о новаторе?

С другой стороны, его светлость очень даже видел смысл в возницах и представителях прочих профессий, которые, если верить «Правде», уже сейчас опасались, что дело всей их жизни погибнет у них на глазах, когда железная дорога выйдет в массы, а что в такой ситуации должен сделать заботливый правитель?

Витинари вспомнил, сколько жизней было спасено с помощью семафоров, и не только жизней – семей, репутаций и даже престолов. Клик-башнями теперь был усыпан весь континент по эту сторону Пупа, и в донесениях от Доры Гаи Ласски патриций читал, сколько раз семафорщики замечали пожары еще в зачатке, а однажды, у границ Щеботана, даже засекли кораблекрушение в открытом море. Семафорщики кликом сообщили об этом управляющему ближайшего порта и спасли всех пострадавших.

Оставалось только плыть по течению. Новые вещи и новые идеи возникали, дерзко распространялись, кем-то порицались, а потом – глядите, то, что мы считали чудовищем, вдруг оказалось важно для всего мира. И все это время новаторы и изобретатели придумывали вещи еще более полезные, которых никто не мог предвидеть, но они вдруг становились незаменимыми. И столпы мира оставались незыблемыми.

Будучи тираном ответственным, лорд Витинари периодически проводил строгую и безжалостную ревизию собственных действий. О троллях в Анк-Морпорке уже говорили редко, и все потому, что люди, как ни странно, почти не воспринимали их как троллей – просто как больших людей. Такие же, как мы, только другие. А положение гномов, анк-морпоркских гномов? Все еще гномье, да. Но на своих собственных условиях. Король-под-горой тоже был осведомлен, что в Анк-Морпорке была огромная популяция гномов, которые взглянули на будущее и решили отхватить себе кусок. «Традиции? – думали они. – Ну, если это будет нам на руку, время от времени мы будем вспоминать о них и проводить парад в честь всего гномьего. Все те же сыновья и дочери своих родителей... но мы станем лучше. Мы видели город. Город, где все было если не всегда возможно, то *вероятно*, включая и красивое женское белье».

А где-то в маленькой шахте горы Медянки сапожник Малог Весельссон отложил гвоздь и молоток.

– Слушай меня внимательно, сынок, – сказал он сыну, который облокотился на его верстак. – Я слышал, как ты там говорил, что граги – спасение гномьей расы, и вот что я нашел этим утром. Это иконография меня в Кумской долине. В тот последний раз. Да-да, я был там, все там были. Граги сказали, что тролли были нашими врагами, и я видел в них только большие булыжники, которые хотят нас раздавить. Ну и вот, выстроились мы все лицом к лицу с вражиной, и тут кто-то прокричал: «Тролли, сложить оружие! Гномы, сложить оружие! Люди, сложить оружие!» И вот так мы и стояли, и все слышали разговоры на разных языках, а прямо передо мной был один огромный тролль, вспоминать страшно! Он держал огромный молот и был готов меня размазать. Но ведь и я был готов в ту же секунду подрубить ему колени топором. А голоса были такие громкие, что все остановились и огляделись, и он посмотрел на меня, и я на него, и он мне сказал: «Что тут происходит, а, господин?» – а я ему: «Понятия не имею!» Но я видел, как на той стороне долины завязалась какая-то серьезная заварушка между всеми нашими шишками, и вокруг кричали, что надо сложить оружие, и я поглядел на тролля, а он поглядел на меня и спросил: «Мы воевать начнем или как?» – а я ответил: «Мне тоже приятно познакомиться, мое имя Малог Весельссон», – и он вроде так усмехнулся и сказал: «А меня зовут Хрясь, приятно познакомиться». А вокруг нас все ходили и спрашивали друг у друга, что происходит, и будем мы драться или не будем, и если мы будем драться, то за что конкретно? И кое-кто уже присел отдохнуть и развел костер накипятить чаю, а с другой стороны долины развевались флаги и все расхаживали, как будто там был какой-то праздник. Тогда к нам подошел гном и сказал: «Повезло вам, ребятки, вы увидите такое, чего уже миллионы лет никто не видел», – и так оно и получилось. Мы стояли не в самом начале очереди, а тролли и гномы и люди возвращались из пещеры, и каждый проходил мимо нас с таким видом, словно заворожил его кто. Так вот, я тебе рассказывал о чуде Кумской долины и раньше, сынок, но ты не видел эту иконографию меня и Хряся. Ее сняли как раз в то время, когда мы поняли, что не будем драться в тот день, и мы все зашли в ту пещеру, кто поодиночке, кто попарно, и увидели там двух королей, гномьего и тролльего, заточенных в блестящем камне за партией игры в «шмяк»! И мы сами это видели! И так все и было! Они стали товарищами в смерти. И мы поняли, что не нужно становиться врагами в жизни. Так дело и кончилось. А позднее мы с Хрясем отправились на поиски выпивки. Многие были заняты тем же, но он мне

такое налил, что у меня чуть чердак напрочь не снесло. Аж подошвы загорелись. А у Хряся теперь двое детей, вот, все у него в порядке, живет в Анк-Морпорке. Тролли не большие любители писать письма, но я вспоминаю его и Кумскую долину каждый день.

Старый сапожник посмотрел исподлобья на сына и сказал:

– Ты умный мальчик. Умнее своего брата... И, наверное, хочешь что-то у меня спросить.

Юноша откашлялся:

– Если ты видел их партию, ты не мог бы вспомнить, кто тогда выигрывал?

Старый гном рассмеялся:

– Я задал такой же вопрос командору Ваймсу, когда мы с ним встретились, но он ни в какую не отвечал. Мы подумали, что он, верно, сломал пару фигурок, чтобы никто не догадался, кто должен был выйти победителем, и какой-нибудь любопытный паренек вроде тебя не попытался бы развязать новую войну.

– Командор Ваймс? Дежурный по Доске?

– Он самый. Руку мне пожал. Нам обоим.

Голос мальчишки вдруг исполнился благоговением.

– Ты взаправду жал руку взаправдошнему командору Ваймсу?!

– Да, да, – отозвался его отец как ни в чем не бывало, словно встретить знаменитого Дежурного по Доске было обычным делом. – У тебя, кажется, остался еще вопрос, сынок.

Мальчик нахмурился:

– Отец, что теперь будет с моим братом?

– Извини, этого я не знаю. Я послал прошение Витинари и поручился, что Ллевелис хороший парень, который спутался с дурной компанией. И я получил ответ – его светлость сказал, что он поджег семафорные башни, когда на них работали люди, и теперь понесет то наказание, какое патриций сочтет нужным. Тогда я послал второе письмо и сказал, что сражался в Кумской долине. И получил второй ответ: его светлость написал, что, по его разумению, я *не* сражался в Кумской долине, потому что там никто не сражался, слава богам, но он сказал, что понимает, почему я изо всех сил стараюсь помочь старшему сыну. Его светлость сказал, что он это обдумает, – старый гном вздохнул. – И я до сих пор жду ответа, но, как твоя матушка говорит, отсутствие новостей – хорошая новость. Значит, он еще жив. И не говори мне, сынок, что граги-экстремисты на нашей стороне, потому что это не так. Они скажут тебе, что мертвых королей придумали в Анк-Морпорке, а мы дураки, что приняли их за настоящих. И, мальчик мой,

глупцы им верят! Но я там был. Я знаю, что чувствовал, когда дотронулся до них рукой, и каждый в тот день знал, вот почему зло меня берет, когда граги начинают разглагольствовать об ужасных людях и чудовищных троллях. Они хотят, чтобы мы боялись друг друга, считали друг друга врагами, но единственный враг сейчас – это граги. А наивные бедняги вроде твоего брата, которые жгут семафорные башни и обжигаются на них же, – они жертвы крадущихся в темноте подонков.

В Продолговатом кабинете Стукпостук положил перед лордом Витинари послеобеденный выпуск «Правды», посмотрел на последнее отчаянное прошение господина Весельссона и сообщил:

– Подождли еще две башни, милорд, обошлось без потерь. С нашей стороны, конечно. Юные гномы не туда свернули. Нужно было думать своей головой.

Лорд Витинари погрузился в молчание.

– Справедливо, – заметил он. – Но очень легко быть дураком, когда тебе семнадцать лет, а граги, которые вербуют детей, наверняка намного старше. Не стоит ломать стрелу, если можно грамотно рассудить и поймать лучника. Пусть пока младший Весельссон посидит в Танти и подумает о своем поведении, а через месяц-другой приведи его ко мне на разговор. Если он не дурак, то родителям его не придется носить траур, а я получу список имен и, что тоже важно, благодарность от его родителей. Об этом никогда не стоит забывать, ты согласен, Стукпостук?

– Порча имущества, – задумчиво произнес Стукпостук.

– Да, – согласился Витинари. – Именно.

Несколько дней спустя Кроссли бесшумно вошел в хозяйскую спальню дома на Лепешечной улице и растолкал Мокрица, а когда это не возымело должного эффекта, ущипнул его за ухо, чтобы обратить на себя внимание.

– Прошу прощения, сэръ, – шепнул он, – но его светлость требует вашего присутствия во дворце немедленно, и я уверен, что никто из нас не пожелает беспокоить хозяйку в такой час.

Дома и в кои-то веки в постели в то же время, что и Мокриц, Дора Гая Ласка тихонько похрапывала, хотя сама в жизни бы этого не признала.

Мокриц застонал. Час был ранний, семь утра, а он физически не переносил, когда семь часов случалось два раза в день. Тем не менее оделся он по многолетней привычке быстро и тихо, спустился вниз, вышел из дома и, вскочив на троллейбус, доехал до дворца. Он взбежал по ступенькам к

Продолговатому кабинету, вспоминая, что не видел этот кабинет пустым ни днем ни ночью. На сей раз лорд Витинари сидел за столом и выглядел, если можно было применить такое слово к патрицию, бодрячком.

– Доброе утро, доброе утро, господин фон Липвиг! Куда быстрее, чем в прошлый раз, я смотрю. Скорее всего, ты еще не успел прочитать сегодняшние газеты. Случилось нечто невероятно занимательное.

– Это как-то связано с железной дорогой, милорд?

Лорд Витинари как будто опешил, но через секунду оправился.

– Действительно, есть и о ней, раз уж ты спрашиваешь. – Он хмыкнул, как будто это было что-то незначительное в сравнении с тем, что на самом деле его занимало. – Сообщают, что все спешат во владения Гарри Короля посмотреть на чудо парового поезда, который, похоже, покорила сердца публики. И я так понимаю, Гарри, со свойственной ему коммерческой жилкой, уже превращает это в доходное предприятие. Новость, конечно, хорошая, но если ты все-таки откроешь газету, то найдешь там личное извинение от издателя «Правды», а также обещание изъять кроссворд и временно отстранить от дел его составительницу, поскольку она не отвечает высоким стандартам головоломок, которые должны оставаться решаемыми, но в то же время достаточно затруднительными. Я редко злорадствую, но боюсь, что ее коса нашла на мой камень. Велю Стукпостуку послать ей коробку шоколадных конфет от тайного поклонника. Я умею галантно выигрывать! – Лорд Витинари прочистил горло и продолжал уже серьезнее: – Увы, Стукпостук сегодня отсутствует. Отпросился на утро, чтобы пойти посмотреть на паровоз. Неслыханное дело. Должен сказать, я несколько удивлен, поскольку единственный раз, когда он просил освободить его от выполнения должностных обязанностей, был три года назад, и тогда Стукпостук собирался на симпозиум по скрепкам, скобкам и канцелярским принадлежностям. Тогда он тоже был очень воодушевлен. Остается только гадать, чем же так привлекательна эта машина. Тебе самому это не кажется странным?

Мокриц слегка занервничал, услышав слова «Стукпостук» и «странно» в одном предложении; вместо ответа он вызвался съездить на стоянку поезда, чтобы забрать Стукпостука и вернуть его обратно во дворец.

– И раз уж ты все равно там будешь, господин фон Липвиг, поделишься потом своим... мнением об экономических перспективах для моего города.

Ага, догадался Мокриц, так вот зачем меня подняли в такую рань... опять. Не из-за кроссворда, и не из-за Стукпостука, но из-за интереса,

который его город питает к железной дороге.

Его светлость кивнул Мокрицу на прощание и помахал газетой, намекая, что тому пора отправляться в путь.

Мокрицу не сразу удалось пробиться сквозь стену желающих поглазеть на чудо нынешнего века. Очередь, упиравшаяся одним концом в ворота владений Гарри Короля, заканчивалась, кажется, на полпути обратно в город. Стукпостука нигде не было видно, но это Мокрица не удивляло. Даже когда Стукпостук стоял прямо перед тобой, всем своим видом он норовил устраниваться.

Охрана стояла у ворот по всему периметру участка – и личные охранники Гарри, и Городская Стража как ястребы наблюдали за горожанами, которые один за другим в порядке очереди выкладывали целый доллар, чтобы прокатиться на прицепе паровоза. Доллар есть доллар, во столько обходится дневное пропитание для семьи, и все же, как Мокриц мог собственноручно убедиться, полет по рельсам в чудо-поезде стоил того, чтобы потуже затянуть пояса. Это было лучше цирка, лучше всего на свете – нестись навстречу бьющему в лицо ветру и черному дыму, от которого слезились глаза, но копоть на лице была чем-то вроде почетного значка для ездоков, которые, правда, этого не замечали, потому что, если жить где-нибудь в районе Теней, достаточно было просто ступить на улицу или даже зайти к себе домой, чтобы получить хоть плевков в лицо, хоть оплеуху.

Мокриц прекрасно знал, как охочи до новшеств были жители Анк-Морпорка, и ему было совершенно очевидно, что Железная Ласточка, возглавляющая состав, как королева, стала апофеозом новшества. С грохотом она вывернула из-за поворота, таща прицепные фургоны, полные людей, которые кричали и махали приятелям, которые еще ждали своей очереди. И как ценитель массового безумия, Мокриц жадно наблюдал за ними; он заметил, что некоторые пассажиры, высадившись на платформу, подбегали к человеку, который в обмен на еще один доллар выдавал им маленькие сувениры, а потом снова бежали в конец очень, очень, очень длинной очереди, чтобы прокатиться снова.

Рядом раздался щелчок, сверкнула вспышка, и Мокриц повернулся, увидев никогда не унывающее лицо Отто Шрика, ведущего иконографиста анк-морпоркской «Правды», который по-приятельски помахал ему.

– Ну, господин вон Липвиг, зная тебя, это точно тфоей руки дело!

Мокриц рассмеялся:

– Нет, Отто, не моей, но я вижу, что оно набирает популярность!

«И я хочу быть в самом центре», – добавил он про себя.

Он заметил, что сборщик денег регулярно убегал, утаскивая за собой огромные кожаные мешки, в сопровождении двух троллей-телохранителей, и его тут же сменял второй аттракционщик, готовый принимать у толпы денежки. И вот Мокриц, своим «хитрым манером», последовал за деньгами. Он шел за ними между гигантских зловонных куч и вонючих отстойников империи Гарри, пока человек с мешком монет не вошел в большой сарай. Мокриц вошел следом и застыл, потому что оказался окружен людьми, чьи носы частенько бывают расплющены и свернуты набок – людьми немногословными и, как он теперь заметил, с очень плохим запахом изо рта.

К счастью, в бараке оказался и Гарри Король, который был достаточно умен, чтобы сразу вскинуть руку и прояснить:

– Спокойно, ребята, сделали глубокий вдох. Это всего лишь господин фон Липвиг, мой давний приятель и управляющий банка. Практически один из нас, а, Мокриц?

Мокриц улыбнулся, радуясь тому, что в данную минуту все дышали глубоко и спокойно, и ответил:

– Гарри, ты же понимаешь, что как управляющий твоего банка я обязан следить за соблюдением твоих интересов, но ты, я надеюсь, следишь и за соблюдением интересов господина Кекса, не так ли?

Слова повисли в воздухе как меч, и притом довольно острый. Мокриц следил за Гарри, который не повел и бровью. А потом внезапно расхохотался.

– Ого, господин фон Липвиг, я всегда говорил, что тебе пальца в рот не клади, хотя и за своими пальцами следи, если уж на то пошло!

Он кивнул своим телохранителям и сказал:

– Ступайте, передохните чуток. Мы тут с приятелем перетрем по-приятельски. Кыш отсюда.

И они подчинились. Остался только один, самый большой тролль, который необычайно сверкал и самым внимательным образом наблюдал за Мокрицем, впрочем, не так внимательно, как наблюдал за ним Мокриц. И Мокриц заметил, что этот тролль был... джентльменом. Он не мог описать никакими другими словами. Тролль был хорошо одет, что удивляло уже само по себе, ведь тролли в принципе относились к одежде как к необязательному атрибуту.

Немного смутившись собственного интереса, Мокриц набрался наглости и сказал:

– Хорошо, Гарри, только здесь остался еще один телохранитель. Ты

думаешь, я хочу тебе навредить?

Гарри Король загоготал:

– Да это мой законник. Зовут его господин Громогласс, у него рекомендации и все как положено, да, Громогласс?

Законник! Бинго!

Гарри все продолжал утробно смеяться.

– Господин фон Липвиг, видел бы ты сейчас свое лицо! Но ты не волнуйся. Господин Громогласс ко всем так относится. Не то чтобы я не рад тебя видеть, но ты нам обоим можешь пригодиться, мне и нашему общему другу инженеру. Поговорим где-нибудь в другом месте? Кофе хочешь?

Гарри махнул секретарю, который тут же убежал прочь, а потом повел Мокрица и Громогласса в свой кабинет с панорамным видом на участок. Гарри уселся сам и пригласил их последовать его примеру.

– Слушай, господин фон Липвиг, ты меня знаешь, и я тебя знаю. Два сапога пара, а? Не совсем мошенники, ну, во всяком случае не сейчас, да? Сейчас мы взрослые люди и умеем вести дела как положено. – Он подмигнул. – И мы оба с первого взгляда узнаем возможность, которая выпадает раз в жизни, это уж точно. Поправь меня, если я ошибаюсь.

С ними был законник, и вдобавок такой, который мог убить тебя одним ударом, а в присутствии законника всегда имело смысл дважды обдумать, что ты собирался сказать, потому что никогда нельзя было знать наверняка, можно ли доверять этим крысам. Но Мокриц кивнул господину Громоглассу и произнес, четко выговаривая каждое слово:

– Сэр Гарри, лорд Витинари направил меня с поручением оценить это замечательное изобретение с точки зрения его общественной пользы.

Гарри Король открыл коробку толстых сигар, принялся и выбрал одну, после чего протянул коробку Мокрицу и Громоглассу. Троль, конечно, отказался, но Мокриц никогда не упускал шанса раскурить превосходную сигару Гарри Короля. Их привозили ему из далеких земель, и им действительно не было равных. Гарри выдул большое облако дыма, на минуту уподобившись Железной Ласточке, и до Мокрица вдруг дошло: Гарри, который знал, как важны символы и эмблемы, определенно нацелился стать первым железнодорожным магнатом.

– Господин фон Липвиг, Железная Ласточка мирно, за неимением лучшего слова, и исправно катает любопытствующих горожан по железной дороге. Они ездят круг за кругом, счастливые как дети, ты же видишь. Господин Кекс говорит, что построил свою машину в качестве доказательства, и теперь ему нужно очень много денег, чтобы построить полноценную версию, которая сможет возить еще больше пассажиров и –

главное – грузов, потому как он полагает, что в них основной доход, хотя гляжу я в окно на эти улыбающиеся лица и сомневаюсь в этом. – Гарри с довольным видом выпустил в воздух еще струю дыма (и Мокриц подумал, что в принципе у него есть все основания иметь довольный вид). – Так как я тебя знаю, господин фон Липвиг, и знаю, что ты все уже прочел у меня на лице, то я скажу: да, я намерен финансировать юношу в обмен на долю прибыли, долю большую и справедливую. Знаю, что он практически голодранец и в карманах у него хоть шаром покати, но если его амбиций хватит на то, чтобы гонять по всему пропащему белому свету большие поезда, ему нужен будет партнер, который повидал жизнь, а я повидал ее с самого дна. Но вы ж, господа, сами знаете, как оно бывает, когда человек стареет, и свою гору денег он уже заработал... его начинает волновать, а что о нем подумают? Но я не какой-то гном, я не стану перехватывать у перспективного юноши его шанс. Вот почему я счастлив сообщить, что с помощью господина Громогласса мы с ним заключили взаимно выгодную сделку. Я прав, господин Громогласс?

Воздух как будто заискрился, когда тролль встал и, сверкая, заговорил. Его голос словно доносился из далеких сумеречных каньонов. Это был не просто звук – это был полноправный участник разговора.

– Да, все так, сэра Гарри, и хотя у вас с господином Кексом существует устная договоренность, я бы рекомендовал выделить три доли в вашем предприятии, во избежание патовых ситуаций, с третьей и наименьшей долей в руках города, конкретно лорда Витинари. Принцип данного предложения в том, что случись вам с господином Кексом не достигнуть договоренности в любом вопросе касательно того, что мы называем железной дорогой, у лорда Витинари окажется решающий голос, который поможет выйти из тупиковой ситуации. Но город не будет получать никаких дивидендов, его доход по-прежнему будет складываться из прямого налогообложения, и лорд Витинари, я уверен, сочтет это немаловажным плюсом вашего предприятия. Мелким шрифтом в договоре будут указаны более сложные нюансы, и разумеется, если паровозы господина Кекса приживутся, в будущем появится возможность продать еще некоторое количество акций. Если вы оба согласны, господа, я займусь этим аспектом, и можете быть уверены, что в соответствии с указаниями сэра Гарри у господина Кекса и его родственников будет порядочная доля в бизнесе.

Так же медленно, как он встал, тролль снова сел, и Мокриц фон Липвиг с Гарри Королем переглянулись.

Гарри, широко улыбаясь, сказал:

– Ну, тогда, наверное, нужно позвать юношу, – и кивнул господину Громоглассу.

Несколько минут спустя Дик Кекс неуклюже устроился на краешке кресла, боясь перепачкать его сажей – без особой надежды и совершенно безуспешно.

Гарри, не обращая на это внимания, бодро начал:

– В общем, сынок, дела обстоят так. Ты думаешь, что с большими деньгами сможешь построить паровоз больше и мощнее, чем Железная Ласточка, так? А по длинным этим рельсам ты сможешь отправлять ее аж в другие города? Короче, сынок, я буду тебя финансировать, пока ты не докажешь своих слов на деле. – Он замолчал, ненадолго уставился в потолок и уточнил: – Скажи-ка, по-твоему, когда это будет?

Инженер задумался и как будто несколько растерялся, но ответил:

– Не могу точно сказать, господин, но чем больше деньги звенят, тем быстрее колеса крутятся. В смысле, если я сумею нанять самых лучших и опытных рабочих – ну, я подсчитал, поэкспериментировал и думаю, что могу сделать новый паровоз за...

Мокриц затаил дыхание.

– ...За тысячу долларов.

Мокриц бросил взгляд на Гарри Короля, который стряхнул с сигары пепел и невозмутимо ответил:

– За тысячу долларов? И как скоро он встанет на рельсы?

Дик вынул из кармана маленький раздвижной предмет, покрутил его в руках с минуту и ответил:

– Ну допустим, через два месяца. – Он покрутил предмет еще немного и добавил: – Часам к пяти.

Мокриц, который уже начинал дергаться, встрял в разговор:

– Прошу прощения, я припоминаю, ты говорил, что Кексы работают с паром уже не одно поколение и что вы наверняка не единственные, но ты, случайно, не знаешь, нет ли у кого-то еще похожей штуки? Не уведут ли другие твою славу у тебя из-под носа, даже не зная твоих секретов?

Дик ответил ему с удивительной беззаботностью:

– А как же, господин, человек у пяти, но это все нежизнеспособные идеи, ни у кого нет даже рабочей модели уровня Ласточки. Они делают все те же ошибки, что и мой отец, да еще свои собственные в придачу. Раскаленный пар не дает вторых шансов. Одна ошибка – и останутся от тебя рожки да ножки. То ли дело я, господин, я все замеряю, до самой малюсенькой деталечки. Утомительное дело, но измерения – это душа инженерного мастерства. Дед мой и отец, к сожалению, делали все кое-как,

тяп-ляп, потому что и не знали толком, что к чему, но измерения – это единственное спасение для того, кто хочет поднять пар. Матушка много денег отдала, чтобы меня хорошо обучили, у ее-то семьи деньги были от... – он запнулся, – ...рыболовства. А у одного моего дяди нашелся угломер и другие хитрые приборы, и я так рассудил: это все мне очень пригодится. А еще когда он научил меня дуть стекло, а уж зачем мне стекло, это мой маленький секрет... – Дик на секунду о чем-то встревожился, но продолжал: – Мне понадобятся целые склады железа, особенно для самих рельс. Ну и понятно, встает вопрос, как класть рельсы по чужой земле... Кому-то придется договариваться с землевладельцами. Я инженер, всегда был инженером и понятия не имею, как торговаться с богатыми шишками.

– По чистой случайности среди нас присутствует прирожденный торгаш, – сказал Гарри. – Что скажешь, господин фон Липвиг? Хочешь к нам присоединиться?

Мокриц открыл было рот, чтобы ответить.

– Ну вот видишь, Дик. Господин фон Липвиг будет проводить за нас переговоры. Он, знаешь, такой человек, что зайдет за тобой во вращающуюся дверь, а выйдет все равно вперед тебя. И говорит как пишет, когда надо. Он, конечно, слегка прохвост, но в коммерции кто без греха.

– Кажется, я, – заметил Дик. – Но я понимаю, о чем ты. Я бы просил только об одном: пускай первая железнодорожная линия будет проложена прямо до Сто Лата. Ну, не до самого Сто Лата, а до местечка в его окрестностях, Швайнетаун, так оно зовется, потому что свиней у нас много. Там я храню все остальное свое оборудование и все инструменты.

Дик беспокойно взглянул на Гарри, и тот поджал губы.

– Туда путь долгий, сынок, миль двадцать пять, если не больше, и это ж такое захолустье.

Тут Мокриц не смог промолчать.

– Да! Только оно недолго будет оставаться захолустьем, как вы не понимаете? Попробуйте доставить в город свежее молоко... Когда оно попадет на стол, это будет уже не молоко, а прокисший сыр, а кроме молока есть еще клубника, зелень, кресс-салат, масса продуктов с коротким сроком годности! Регионы, где пройдет железная дорога, станут процветать по сравнению с теми, где ее не будет! Так же было и с семафорами. Сначала все отказывались от клик-башен, а теперь любой мало-мальски важный человек хочет себе личную башню на заднем дворе. И Почтамт будет на вашей стороне, ведь с поездами сократятся сроки доставки почты. А уж как Королевский банк вас поддержит! Кстати, господин Кекс, приходи к нам в

банк, обсудим наши *специальные* вклады...

Гарри Король хлопнул себя по ноге:

– Ну, что я говорил, господин фон Липвиг, ты никогда не упустишь возможности, когда она сама идет в руки!

Мокриц улыбнулся:

– Гарри, я думаю, она перед всеми нами.

Точнее сказать, мысленным взором Мокриц видел *множество* перспектив, вокруг которых было полно проблем, а в центре всего этого великолепия находился он, Мокриц фон Липвиг. Что могло быть лучше! Он улыбнулся еще шире, мысленно и вовне.

И дело было не в деньгах. Дело всегда было не в деньгах. Даже когда дело было все-таки в деньгах, оно было не совсем в деньгах. Ну, *чуть* в деньгах. Но в основном оно заключалось в том, что гномы называют *крайк*: чистое удовольствие от процесса и результата. Мокриц чувствовал, как будущее нагоняет его. Он видел, как оно манит. Вот только рано или поздно кто-то обязательно попытается его убить. Так обычно и происходило, но все равно нужно было рисковать. Вот что было необходимым компонентом любого дела. Всегда нужно было идти на риск. На любые риски.

Гарри искоса взглянул на Мокрица и поинтересовался как бы между прочим:

– Господин Кекс, если у тебя так много ценных вещей в сарае где-то в этом свиньячем городе, как его там, не станешь ли ты возражать, если я направлю туда пару своих... – Гарри задумался, подбирая слово помягче, – ...*ассистентов* присматривать за ними в твое отсутствие?

Дик был озадачен.

– Это очень тихое и старое место, господин, – сказал он.

С выражением какой-то отеческой заботы Гарри объяснил:

– Может, и так, сынок, но мы с тобой сейчас движемся туда, где нас ждет много денег, а там, где много денег, всегда много людей, которые хотят отнять их у тебя. Я должен быть уверен, что если кто-то вломится в твой сарай и станет лазать по нему в поисках всяких интересных механических штук и подсказок, как же ты построил свой паровоз, ему придется объясняться с Могильщиком, Дэйвом-Заточкой и Бобом-Дробилкой. Они отличные ребята, любят своих мам и вообще мухи не обидят. Зови это, например... *подстраховкой*. И если ты любезно дашь им ключ, так я направлю их туда прямо сейчас. Впрочем, если ключа у тебя нет, они и без него сумеют войти. Они очень находчивые.

Юный Дик улыбнулся и сказал:

– Очень любезно с твоей стороны, господин Гарри. Тогда заодно я

передал бы через них и весточку матушке. Она сама им все покажет и расскажет. Мой отец любил говорить: прежде чем запереть дверь, расставь парочку ловушек, а потом пускай себе крадут, если у них останутся руки, чтобы унести украденное.

Гарри в голос рассмеялся:

– Похоже, мы с твоим отцом одинаково смотрим на жизнь. Что мое – мое, а мое не трожь.

Когда Мокриц и господин Громогласс вышли на участок, Мокриц отметил, что люди до сих пор выстраивались в очередь покататься на Железной Ласточке, которая величественно ждала, пока помощники Дика засыпят в нее угля доверху и смажут маслом и мазутом все детали и самих себя заодно. Они стучали по колесам и до блеска начищали то, что могло блестеть (опять-таки, и себя заодно), и буквально все городские мальчишки и, как ни странно, даже девчонки смотрели на Ласточку в восхищении и поклонялись ей как божеству. И вот Мокрицу снова пришла в голову эта мысль: земля, воздух, огонь и вода, сумма всего! Богиня нашла свою паству.

Раздался звук, подобный раскату грома, но это только господин Громогласс прочистил горло, чтобы сказать:

– Удивительно, господин фон Липвиг, не правда ли? Ощущается в ней некая *бытность*, не подберу иного слова, как будто намек, быть может, что жизнь проявляет себя во многих облициях. Но это так, просто мысли вслух.

Мокриц никогда не слышал у тролля такой безупречной дикции, и его удивление, должно быть, отразилось на лице, потому что Громогласс со смехом сказал:

– Алмаз во мне делает свое дело, господин фон Липвиг. И впредь я намерен составлять только такие контракты, которые будут выгодны для обеих сторон, можешь не беспокоиться.

В этот момент Мокриц заметил Стукпостука, чумазого, веселого и покрытого сажей. Он спускался с паровоза и нехотя возвращал фуражку и поношенную куртку одному из товарищей Дика. Мокриц подхватил низкорослого секретаря под руку.

– Куда же ты запропастился, господин Стукпостук? Я тебя уже *обыскался*, – соврал он. – Его светлость ожидает твоего возвращения с минуты на минуту.

Мокриц не мог с уверенностью сказать, нравится ли ему Стукпостук, но видеть его своим врагом он точно не хотел, с его-то близостью к мотору, который приводил в движение весь Анк-Морпорк. Так что он старательно

оттер с секретаря грязь и поймал экипаж. Возвращаясь в город вдоль битком забитого бечевника, он заметил, что большая часть транспорта все еще двигалась в противоположную сторону.

Мокриц чувствовал дух времени в воздухе, как ветер, которому хотелось и иногда удавалось подставить лицо. Мокриц понимал его и слышал в нем намеки на скорость, путешествия и что-то восхитительно новое, и самый остов мироздания пробуждался и вдруг начинал требовать движения, новых горизонтов, дальних стран. *Где угодно, только не здесь!* Сомнений быть не могло: железная дорога еще обратит уголь в золото.

– Минуточку, молодой человек.

Сержант Колон и капрал Шнобби Шноббс, которые взвалили на себя обязанность патрулировать тянущуюся к поезду очередь зевак, неуверенно обернулись. Немало лет прошло с тех пор, как сержанта Колона называли молодым человеком, а что до Шнобби Шноббса, то он, может, и был младшим из них двоих, но имелись определенные сомнения, можно ли относить его к виду *гомо сапиенс*. Анк-Морпорк так и не определился. Колон и Шнобби должны были дежурить в Тенях, но Колон делегировал эти обязанности парочке новобранцев.

– Будет для них хороший опыт, Шнобби. А этот паровой двигатель, верно, опасное дело. Кто-то должен за ним присматривать – пара матерых стражников, например, которые готовы лечь на амбразуру ради общественного спокойствия.

– Молодой человек... прошу прощения, – снова позвал голос. Он принадлежал взмыленной женщине с двумя мальчишками на руках, которые уже давно, впрочем, на руках не сидели и выражали свое нетерпение из-за того, что обещанную поездку приходилось долго ждать, самым невыносимым образом, как умеют только маленькие дети. В отчаянной попытке отвлечь их от соревнования, кто доставит больше неудобств соседям по очереди, мать ухватилась за первых попавшихся на глаза людей в форме в надежде на то, что они развлекут ее чад какими-то занимательными фактами.

– Мы просто хотели спросить, знаете ли вы, как едет паровоз? – спросила она.

Фред Колон набрал в грудь воздуха.

– В общем, там есть котел, вот. Это навроде чайника.

Младшему мальчику такое объяснение показалось недостаточным, потому что он сказал:

– У мамы есть чайник. Он никуда не едет.

Мама предприняла еще одну попытку.

– И как работает этот «котел»?

– Он как бы подает горячую воду в мотор, – пришел на помощь Шнобби.

– Ясно, – сказала дамочка. – А потом что?

– А потом горячая вода поступает в колеса.

Старший мальчик не поверил.

– Правда? Как это?

Загнанный в угол, Шнобби ответил:

– Сержант лучше расскажет.

Капелька пота выступила на лице Колона. Он видел, что двое маленьких детей разглядывают его как музейный экспонат.

– Ну, э, вода становится как магнит, потому что быстро крутится, – сказал он.

– По-моему, это как-то по-другому работает, – возразил старший мальчик.

Но Колон вошел в раж и пропустил его слова мимо ушей.

– Кружение вызывает магнетизм, и от этого вода не растекается. В колесах поезда много железа, не просто же так. Потому поезд и остается на рельсах – магнетизм.

Младший мальчик сменил тему.

– А почему паровоз делает «чух-чух»?

– Это потому, что он очухался! – сказал Колон в неожиданном приступе вдохновения. – Слышал такое слово? Вот оттуда оно взялось.

Шнобби уважительно посмотрел на напарника.

– Серьезно, сержант? Никогда бы не подумал!

– А когда он хорошенько расчихается, то как раз наберет достаточно магнетизма, чтобы поезд не свалился с железных рельсов, поняли?

Последнюю фразу он выпалил в надежде, что новых вопросов не последует. Но с детьми такой номер никогда не проходит. Старшему мальчику надоело это слушать, и он решил похвастаться знаниями, которых нахватался у приятелей, успевших побывать здесь в первой половине дня.

– А разве это не из-за возвратно-поступательного движения? – спросил он, лукаво сверкнул глазами.

– Ах да, ну конечно, – беспомощно выкручивался Колон. – Нужно, чтобы движение было возвратное и уступательное, чтобы поезд мог расчихаться. А когда все как следует чихает, возвращается и уступает, можно трогаться в путь.

Младший мальчик окончательно запутался, и неудивительно.

– Я все равно не понимаю, господин.

– Ну, так ты еще слишком маленький, – сказал Колон, находя спасение в отговорке, которой испокон веков пользовались все доведенные до отчаяния взрослые. – Очень сложная техника с этими чухами. Такое вообще бесполезно детям объяснять.

– А я тоже не поняла, – сказала их мать.

– Знаешь, как часы работают, госпожа? – опять пришел на выручку Шнобби. – Тут то же самое, только больше и быстрее.

– А как оно заводится? – спросил мальчик.

– Да, да, – пролепетал Колон. – Конечно, он заводится. И когда его заводят, то раздается «чух-чух».

Маленький мальчик поднес к лицу заводную игрушку и сказал:

– Мам, он прав, если ее завести, она тоже пойдет.

Совершенно сбита с толку женщина сказала:

– Ну да... что ж, спасибо, господа, за такую познавательную беседу. Уверена, мальчикам было интересно, – и она всучила Колону несколько монет.

Колон и Шнобби наблюдали за счастливой семьей, когда та забралась в вагончик позади Железной Ласточки. И Шнобби сказал:

– Хорошее чувство, правда, сержант? Людям помогать...

Экипаж Мокрица остановился перед дворцом, и он помог измученному Стукпостуку подняться по лестнице. Невероятно, но он начинал сочувствовать бедолаге. Секретарь сейчас смахивал на едока лотоса, у которого закончились лотосы [\[22\]](#).

Мокриц очень осторожно постучал в дверь кабинета патриция, и ему открыл темный клерк. Клерк уставился на Стукпостука и перевел вопросительный взгляд на Мокрица. Сам лорд Витинари удивленно встал из-за стола, и Мокриц таким образом оказался нанизан на два вопросительных взгляда. Так что он нахально отдал честь и сказал:

– Разрешите доложить, сэр, что господин Стукпостук весьма любезно и отважно и где-то даже ценой личного комфорта помог мне сформировать мнение о практических аспектах введения железных дорог, *неоднократно* подвергая риску свою жизнь в процессе. Я же со своей стороны позаботился о том, чтобы правительство обладало некоторой мерой контроля над железными дорогами. Господин Гарри Король будет финансировать дальнейшие разработки и испытания, но если вам интересно мое мнение, милорд, то новая железная дорога станет настоящим хитом. Я убежден, что существующий прототип способен

перевезти больше груза, чем дюжина лошадей. Господин Кекс очень трепетно относится к работе, он исключительно дотошен, и самое главное, поезд уже покори́л сердца людей.

Мокриц ждал. Лорд Витинари мог заставить даже статую первой отвести взгляд, после чего она занервничала бы и созналась в чем угодно. Мокриц отвечал патрицию обаятельной улыбкой, которая раздражала Витинари сверх меры, о чем ему прекрасно было известно. В Продолговатом кабинете стояла полная тишина, пока непроницаемый взгляд и задорная улыбка сражались за превосходство в каком-то другом измерении. Состязание подошло к концу, когда Витинари, так и не сводя с Мокрица пристального взгляда, обратился к ближайшему клерку:

– Господин Уорд, проводи, пожалуйста, господина Стукпостука в его комнаты и умой его, если тебе нетрудно.

Когда они удалились, лорд Витинари сел на место и побарабанил пальцами по столу.

– Итак, господин фон Липвиг, ты веришь в паровоз. Мой секретарь определенно под впечатлением. Никогда не видел, чтобы он был так возбужден из-за чего-то, что не было бы записано на бумаге. Да и вечерняя «Правда» тоже сходится с ним во мнении.

Витинари подошел к окну и некоторое время молча смотрел на город.

– Чего может добиться одинокий тиран перед лицом большого многоглавого тирана в виде общественного мнения и *прискорбной* свободы печати?

– Прошу прощения, сэ́р, но ведь если бы вы захотели, вы могли бы закрыть газеты, разве нет? И запретить поезда, и посадить кого угодно в тюрьму. Я прав?

Продолжая разглядывать город, Витинари ответил:

– Мой дорогой господин фон Липвиг, ты смышлен и явно умен, но тебе еще предстоит открыть для себя благодать мудрости, а мудрость как раз и подсказывает могущественному правителю, что, во-первых, ему не стоит просто так сажать в тюрьму кого *угодно*, потому что туда надо сажать тех, кто *неугоден*, и, во-вторых, что пустая неприязнь к явлению, человеку или ситуации еще не повод для решительных действий. Поэтому я и позволил вам продолжать, хотя сам пока не готов безусловно одобрить железную дорогу. Но и предавать ее проклятию тоже рано. – Патриций обдумал свои слова и поправился: – Пока.

Он прошелся по кабинету раз, второй, а потом, как будто эта мысль только что пришла ему в голову, спросил:

– Господин фон Липвиг, какова, на твой взгляд, вероятность, что

поезда действительно *смогут* добраться до самого, к примеру, Убервальда? Путешествие в карете не только ужасно долгое, тоскливое и утомительное, но к тому же оно полно всяческих... преград... и ловушек для беспечного путешественника, – тут патриций помолчал и добавил: – или неудачливого разбойника.

– Ах да, не там ли живет леди Марголотта? – поинтересовался Мокриц с невинным видом. – Но ведь придется пересекать Дичий перевал, сэ. Там очень опасно! Известны случаи, когда разбойники опрокидывали кареты, сбрасывая на них камни с утесов.

– Но туда нет иного пути, если, конечно, путешественник не готов делать очень большой крюк, как ты и сам наверняка знаешь.

– Тогда, милорд... думаю, можно будет соорудить такую штуку, как бронированный поезд, – предложил Мокриц, лихорадочно изобретая. Он с гордостью отметил, как просветлело лицо Витинари, когда патриций об этом услышал.

Его светлость повторил слова «бронированный поезд» еще пару раз, а потом спросил:

– Но это *действительно* возможно?

Мокрица закрутило в водовороте собственных мыслей: так ли? возможно ли? действительно ли? До Убервальда больше тысячи двухсот миль! В карете такое путешествие отнимает добрых две недели, и это если вас не ограбят по пути, но кто додумается нападать на бронированный поезд? Двигателю постоянно нужна вода, и возможно ли запастись достаточным количеством угля для столь долгой дороги? В голове крутились цифры. Остановки, места для дозаправки, горы, ущелья, мосты, топи... Столько всего, и любая мелочь может оказаться губительной...

Но по пути в Убервальд поезд проедет много мест, и каждое из них можно использовать, чтобы заработать еще денег. Чертики критического мышления скакали у Мокрица в голове. Всегда приходится сделать что-то перед тем, как сделать то, что ты *хочешь* сделать – и даже тогда может ничего не получиться.

Витинари же он ответил с оптимизмом:

– Сэр, не вижу причин, почему нет. Но, конечно, при таком долгом путешествии нужно иметь возможность спать в поезде, а главы государств должны занимать несколько вагонов, если не весь состав. Наверняка это можно организовать? – спросил Мокриц и затаил дыхание.

Через несколько секунд его светлость ответил:

– Это было бы уместно, но я все еще в сомнениях. Поезд должен доказать свою состоятельность, и финансовую, и техническую. Впрочем,

буду с нетерпением ожидать его успеха. Я слышу, господин фон Липвиг, ты опять говоришь своим сверхбодрым голосом, а значит, ты снова в родной стихии, то есть в самой гуще событий. Но скажи мне, каков будет пункт назначения у первого коммерческого поезда, как думаешь? Щеботан?

– Вообще-то, сэр, этот вопрос уже обсудили, и похоже, пунктом назначения станет Сто Лат, потому что у господина Кекса там остались инструменты и разработки, которые нужно доставить в Анк-Морпорк. К тому же это транспортный узел, дающий нам выход к Равнинам Сто. Узел – это в смысле...

Лорд Витинари жестом прервал его:

– Благодарю, господин фон Липвиг, я знаю, что такое узел.

Мокриц улыбнулся и направился к выходу, не давая панике отразиться на лице, и, когда он потянулся к дверной ручке, за его спиной раздался голос Витинари:

– Господин фон Липвиг, ты же понимаешь, что внимательный правитель, который хочет оставаться на троне еще некоторое время и разбирается в человеческой природе, не станет путешествовать в красивом бронированном поезде... На этот поезд он посадит кого-то вместо себя, кого-то, кого не жалко, а сам уедет накануне, как следует замаскировавшись. Камень всегда может оказаться слишком большим, да и шпионов, разумеется, полно везде. Но я обдумываю твое предложение. В нем есть что-то заманчивое.

На протяжении следующих нескольких недель все больше и больше людей узнавало о Железной Ласточке, и все больше народу стекалось в Анк-Морпорк, чтобы полюбоваться на чудо нового века, включая дипломатов, послов и делегатов от подавляющего большинства городов Равнин Сто. И конечно, появлялись другие мастера и изобретатели, которые пытались изучить все, что было видно глазу, и выведать, что можно, относительно того, чего видеть не позволялось.

Каждый вечер Железную Ласточку отгоняли по рельсам обратно в амбар и запирали на замок. Там ее никто не мог побеспокоить, потому что сарай охраняли самые внушительные сторожевые псы Гарри и два голема, которых тоже привел Гарри, потому что в отличие от псов их нельзя было приманить на отравленное лакомство, просунутое под дверь. Они патрулировали огромный сарай, иногда в сопровождении офицеров Городской Стражи, которые были там просто для проформы.

Мокриц много времени проводил на участке и за его пределами в своей неофициальной, но всеми принятой роли административного

смазочного материала. Функция не менее важная, чем та, которую выполняли ведра машинного масла, необходимого буквально для всего, что было связано с железной дорогой. У Мокрица был и личный интерес в прибыльности железных дорог, ведь он все еще оставался управляющим Королевского банка Анк-Морпорка, и деньги там крутились быстрее, чем вращающиеся двери, когда Гарри начинал выписывать чеки на поставку железа, пиломатериалов и наем новых слесарей по металлу, многие из которых приходили из организации вольных големов – каждый сам себе хозяин, только сделан из глины.

А смазка здесь была нужна еще как. Предприятие уже породило тонны бумажной работы, которую Мокриц ловко переключивал на Стукпостука, чью страсть к бумагам все же не смогла полностью вытеснить страсть к железной дороге. Этот маленький румяный человечек попал в канцелярский рай.

Для прокладки маршрута вызвали землемеров. Они были повсюду со своими маленькими теодолитами. В Дике Кексе они видели своего человека, только другой профессии. Мокрицу это нравилось. У Дика теперь были друзья, и если они не всегда понимали его говор, то, во всяком случае, узнавали язык, чем-то похожий на их собственный, и потому уважали его. В каком-то смысле они занимались тем же делом, что и Дик, только с другими формами, кривыми, количествами, погрешностями и субстанциями, а значит, в важных вопросах были братьями по оружию. И, как и Дик, они работали с вычислениями и понимали предельную важность того, чтобы не допускать в них ошибок, и разделяли его строгие требования к точности.

На участке воздух наполнился звуками металла, стучащего о металл, а в кабинете Гарри Короля все плоские поверхности были завалены картами. Карты были замечательные.

– Ребята, – обратился Дик Кекс к землемерам с теодолитами. – Гарри Король – дельный мужик и хорошо заплатит за хорошо выполненную работу. Он все ставит на то, чтобы пустить паровозы по рельсам, а я хочу, чтобы вы облегчили ему задачу. Железная Ласточка может осилить небольшие склоны, и, черт возьми, когда я с ней закончу, она сможет брать и более крутые, но что я вам хочу сказать: ведите основное полотно как можно ровнее. И не говорите мне, что можно прокладывать туннели и строить мосты, я знаю, но на них нужно время, и это черт знает как дорого! Иногда небольшой объезд сможет сэкономить прорву денег, то есть вашего же гонорара. Главное – думайте головой, и я понимаю, что говорю очевидные вещи, но даже близко не суйтесь к болотам и прочим нетвердым

поверхностям. Поезд, и уголь, и вагоны, и бригада – все это зверски тяжеленное, и меньше всего мы хотим узнать, как тянуть утопший поезд из зыбучего песка.

И они уехали. Люди в свежестырированных рубашках. Хозяева счетных линеек. Мокрицу они нравились, потому что воплощали в себе все, что не воплощал Мокриц. Может, им стоило поучиться у него жульничеству. Нет, не тому, чтобы отбирать деньги у вдов и сирот, а тому, что не все люди на их пути окажутся такими же прямыми, как их линейки.

Землемеры охотно сошлись во мнении, что территория Сто Лата была реальным узлом на пути к Равнинам Сто, так что теперь оставалось только уговорить людей, чьими руками можно было, так сказать, распутать этот узел, – эту работу все с радостью возложили на плечи господина Мокрица фон Липвига.

Как выяснилось, между Анк-Морпорком и Сто Латом пролегалo огромное множество чужих земельных владений. Никто не возражал против клик-башни по соседству. Нынче землевладельцы даже требовали себе клик-башни. Но, хм, механическое устройство, которое со свистом мчит по твоим кукурузным полям и капустным плантациям, плюясь дымом и сажей, – это совсем другое дело, и оно сулило проблемы, которые решались только с применением чудесной мази, известной каждому переговорщику под названием «барыш»^[23].

Аристократы, если так их можно было назвать, презирали саму идею поездов, полагая, что это подтолкнет низшие классы общества перемещаться куда вздумается, вместо того чтобы прибегать по первому зову. Но были и такие, которых Мокриц сразу узнавал: старые пройдохи, которые сначала убедят тебя, что они все из себя безобидные и, возможно, даже чуточку тронутые, а потом как блеснет огонь в глазах, и – бах! – они скрутят тебя сильнее, чем удав, и все с таким огонечком.

Лорд Андердейл, один такой джентльмен, накачал Мокрица неприличным количеством джина и бренди, безостановочно перечисляя свои условия:

– Вот смотри, молодой человек (*раз огонек*). Разрешу я тебе провести свои рельсы по моей земле, если мы договоримся о маршруте, и тебе это ни гроша не будет стоить, если ты согласен на бесплатную транспортировку моих грузов, во-первых, и во-вторых, построй погрузочную станцию ровно там, где я укажу, и чтобы я тоже мог поехать куда захочу, просто помахав машинисту рукой. Вот так, молодой человек (*два огонек*), и я катаюсь бесплатно, и мой груз тоже бесплатно. Договорились?

Мокриц выглянул в красивое сводчатое окно, увидел дым,

поднимавшийся из-за вековых деревьев, и спросил:

– А что конкретно у тебя за груз, господин?

Старик с прекрасными длинными белыми волосами и такой же бородой ответил:

– Если тебе так уж интересно, то слушай: железная руда с высоким содержанием свинца и цинка. Ага, вижу, у тебя опять пустой стакан. Я настаиваю на том, чтобы ты выпил еще бренди – такой холодный день сегодня, правда (*три огонек*)?

Мокриц улыбнулся и сказал:

– О, ты хорошо торгуешься, пойми меня правильно (*огонек, огонек, ОГОНЕК!*)... Поскольку наш проект и так слишком много весит в отношении металлов, может, обсудим денежный эквивалент? В том, конечно, случае, если наши землемеры не найдут никаких проблем с плотностью твоих почв, например.

– Ну, господин Мокриц, поскольку ты до последней капли выпил весь бренди, что я тебе наливал, и все еще трезв как стеклышко, я признаюсь, ты меня покоришь, – и тут Мокриц явно почувствовал легкие признаки опьянения, когда старик продолжил: – Должен сказать, что вчера со мной связался человек, который назвался представителем недавно открывшейся в Великом Кочане железнодорожной компании.

Да, Мокриц слышал о ней, и это была настоящая компания, только без единого паровоза и без единого мастера уровня Дика, который мог бы умирить живой пар. Он подозревал, что доверчивые клиенты принесут им немало денег, а потом, когда наберется достаточно, красивый кабинет опустеет, а господа организаторы, наклеив новые усы, перебегут на новое место, чтобы открыть следующую железнодорожную компанию. Отчасти Мокриц рвался стать одним из них, но потом он вспоминал: эй, я и так один из них, только в этот раз компания будет работать.

– Оказывается, – продолжал лорд Андердейл, – они собираются изготовить двигатель, многократно превышающий возможности того, что демонстрируется в Анк-Морпорке. – Старик рассмеялся, не получив никакой реакции со стороны Мокрица, и сказал: – Ты говоришь, что представляешь железнодорожную компанию, господин фон Липвиг. Ну так у твоей компании завелась... компания!

Мокриц профессионально отрыгнул, тщательно улучив момент.

– Может, и так, господин, но у нас – *ик!* – есть рабочий двигатель, и это гвоздь сезона в Анк-Морпорке! – Тут Мокриц велел своему языку слегка заплетаться и продолжил: – Так почему бы нам как благородным людям не договориться и не пожать друг другу руки, если мы друг друга

поняли? – Он встал, чуть пошатнулся, увидел дополнительный огонек в глазах старика и возликовал.

Чуть позднее, на конюшне, когда он садился на коня, чтобы ехать домой, Мокриц подвел итоги дня. Эта игра была ему слишком хорошо известна. Он заметил ловушку, он был к ней готов, а потому договоренность о поставках руды и доступе к железной дороге была вполне разумной, хотя и чуть более выгодной для железной дороги, ибо нечего пожилым джентльменам спаивать доверчивых юношей, особенно когда в их распоряжении находится больше земли, чем может понадобиться любому нормальному человеку. Да уж, подумал Мокриц. Моральный компас? Он улыбнулся.

Перед тем как сесть верхом, Мокриц осторожно снял с себя две грелки и резиновую трубку. С улыбкой на лице он очень аккуратно поместил обе грелки в большой седельный мешок с подкладкой. Старик и впрямь зря пытался его напоить. Это было так... неэтично.

Вернувшись в город, Мокриц направился сразу в самый центр владений Гарри Короля, взбежал по лестнице в его контору и бросил ему на стол очередной пакет документов, подготовленный Стукпостуком. Там содержалась информация обо всех посредниках, с которыми он имел дело, об арендной плате, об обговоренных маршрутах.

– Это для твоих людей, Гарри, а это тебе, – и он поставил на стол большой ящик с бутылками.

Гарри уставился на него и произнес:

– За каким еще чертом?

Мокриц пожал плечами и постучал себе по носу.

– Понимаешь, Гарри, какая штука. Многие из тех, с кем мне пришлось иметь дело, – пожилые уже люди, которые считают себя хитрецами и пытаются накачать меня дорогим алкоголем, полагая, что так смогут выторговать более выгодные условия. И ты не подумай, конечно, я выпил все, что мне наливали! Нет! Не смотри на меня так! Я умею пить. Я очень хорошо умею пить и с удовольствием докладываю, что резина никак не влияет на вкус виски, качественного бренди и лучшего джина от Джинкина Пивомеса.

– Отлично сработано, господин фон Липвиг. Я всегда знал, что ты очень наблюдательный человек, и мне приятно видеть мастера... за работой. А теперь иди за мной, господин фон Липвиг, и смотри не расплещи.

За несколько недель участок изменился до неузнаваемости: большие кузнечные цехи, которые прежде громыхали за Карьерным переулком, целиком были перевезены сюда из центра города, и интенсивность ковки, подлаживаясь под ритм железнодорожного производства, многократно возросла.

Гарри был чрезвычайно горд, ведь если на фекалии слетались мухи, то на стук молотка – райские птицы. Вокруг стояла какофония, и Гарри кричал:

– Големы – замечательные ребята! Никогда не опаздывают, никогда не болеют. И главное, им *нравится* работать! Ну а мне нравятся те, кому нравится работать: гоблины, големы... будь ты хоть черт-те кем, мне плевать, лишь бы работал хорошо. – Он задумался и уточнил: – И слюной сильно не капал. Только посмотри, они бьют по наковальне прямо кулаками. Я очень бы хотел взять их побольше, но ты же знаешь, как оно.

Мокриц оглядел огненную преисподнюю, которую представляли собой кузницы. В духоте этой адовой печи он с трудом отличал големов от людей. Все были одеты в кожаные комбинезоны, но только големы держали раскаленные докрасна железки голыми руками. Огонь печей озарял серое небо, и в воздухе стоял нескончаемый звон. А штабели свежавыкованных рельсов росли прямо на глазах.

Мокриц кивнул, потому что в царившем лязге и грохоте все равно не было никакой возможности нормально разговаривать. Ну конечно, он знал, «как оно». Если коротко, то граждане Анк-Морпорка, от которых ожидали исполнения самой тяжелой работы, такие как големы и тролли, начинали осознавать, что они – если им этого не хочется – вовсе не обязаны браться за непосильную работу только потому, что она была им по силам. Ведь это был Анк-Морпорк, где человек жил свободной жизнью, даже если, строго говоря, человеком не был.

Эта проблема, если ее можно было так назвать, назревала уже некоторое время. Мокриц впервые обратил внимание на эту тенденцию, когда Дора Гая рассказала ему, что ее новый парикмахер – тролль, господин Вжик-Вжик Форнасит^[24], и, по словам Доры Гаи и ее подруг, парикмахер замечательный. Такой уж была новая реальность. Все разумные виды стали равны, и теперь на улицах можно было встретить големов-экономок, гоблинов-служанок, ну и (подумал Мокриц) троллей-законников.

Гарри Король продолжал говорить без умолку, когда они вышли на свежий воздух:

– Какая досада! Освободили големов – теперь их не достать! Спроси у супруги своей. Все разбежались заниматься ландшафтным дизайном и

прочей сахарно-сиропной чепухой. Я тут каждому кузнецу-человеку вдвое больше положенного плачу, а тяжеловесов среди них всего двадцать один. Такая жалость, слов нет.

– Ну не знаю, Гарри, вы и так продвигаетесь феноменальными темпами.

Гарри ткнул Мокрица в плечо и заговорщически прошептал:

– Утоплю тебя в реке, если проговоришься, но мне так нравится! Большую часть своей жизни я провел, не буду приукрашивать, в дерьме, самом натуральном дерьме, не говоря уж о моче, с ней мы тоже близко сдружились. Но это все так, переключиваешь с одного места на другое и не делаешь вообще-то ничего *нового*. А еще лучше, что об этом мы с Герцогиней можем поговорить в приличном обществе, понимаешь? Нет, я, конечно, и дальше буду руководить ночными экспрессами, это ж мой хлеб с маслом, так сказать, а по правде говоря, скорее хороший бифштекс с гарниром, но в данный момент мое сердце принадлежит паровозам. Правда ведь, красиво, господин фон Липвиг? Допустим, против цветочков я тоже ничего не имею, но только посмотри на блеск стали, на пот на рабочих... Каждым ударом кувалды куется будущее. Даже зола по-своему прекрасна.

Железная Ласточка прошла мимо них, совершая свое бесконечное путешествие по кругу, и Гарри сказал:

– Нам только нужен подходящий поэт. – Он вытянул руку, указывая на восхищенных наблюдателей с записными книжками и всех прочих, кто цеплялся за ограду. – Посмотри на эти лица! Они ждут чуда! И знаешь что? Они его получат.

Пошел дождь, но публика, особенно наблюдатели за поездами, одетые в практичную одежду, продолжали стоять и смотреть, как Железная Ласточка выдыхает пар.

Мокрицу показалось, что в эту минуту Гарри Король преобразился, стал еще энергичнее – а Гарри, надо отметить, всегда был человеком жизнерадостным. Но теперь Гарри Король Из Выгребной Ямы становился на глазах Национальным Достоянием.

Бедвир Бедссон попытался стянуть сапоги. После ночи, проведенной в шахте, удивительные вещи можно найти в собственных сапогах, иногда даже живые. Когда сапоги после долгих потуг были сняты, он распряг Маргаритку, свою шахтную пони, и поглядел, как она вдохнула чистый воздух и затрусилась в поле поблизости от входа в шахту. Глядя на нее, он отдышал сердцем. Бывали минуты, когда Бедвир хотел бы сделать то же самое. Мать говорила ему, что нельзя изменить звезд, под которыми ты

родился, вероятно, имея в виду, что уж какой ни была твоя жизнь, нужно прожить ее до конца. Но сейчас, войдя в свое жилище, он задумался, не даст ли Так ему еще один шанс.

Он любил свою жену Беллдин, его дети отлично учились в школе в Ланкре, но сегодня ему было беспокойно. Его снова навестили граги и на этот раз вели себя вежливо, хотя ни он, ни Беллдин не интересовались политикой. Как можно относиться к ней всерьез, когда всю жизнь проводишь в шахтах в поте лица? Его пони гулял теперь на вольных лугах, но сам он дошел до предела. Он просто хотел, чтобы у его семьи было все самое лучшее. Что делать гному в такой ситуации?

Бедвир хотел, чтобы у его детей жизнь сложилась лучше, чем у него, и пока у них это получалось. Его отец был бы им недоволен. Бедвир жалел, что старика не было на свете, но жизнь продолжалась и черепаха плыла. Новые дела делались по-новому. И проблема заключалась даже не в том, что граги ни в какую не хотели отпускать вчерашний день; нет, они вообще остались где-то в прошлом веке.

Беллдин приготовила вкусных крыс на ужин и очень огорчилась, увидев его лицо.

– Опять эти проклятые граги! Почему ты просто не скажешь им засунуть свои бредни туда, где ярко светит солнце!^[25]

Беллдин редко ругалась, и Бедвира удивили ее слова. Она продолжала:

– Когда-то они говорили дельные вещи. Они говорили, что нас поглощают люди и тролли, и ты сам знаешь, что это правда. Только это неправильная правда. Наши дети дружат и с людьми, и с троллями, и никто не обращает внимания, никто даже не замечает этого. Все мы живые существа.

Он посмотрел ей в глаза и сказал:

– Но мы ущемлены, с нами не считаются!

А Беллдин сочувственно ответила:

– Глупый ты старый гном. Ты думаешь, тролли не считают себя ущемленными? Народы смешиваются, это хорошо! Ты гном в больших гномьих железных сапогах, и у тебя есть все, что нужно, чтобы быть гномом. Вспомни, еще совсем недавно гномы почти не встречались за пределами Убервальда. Ты ведь знаешь собственную историю? Никто не отнимет у нас этого, и как знать, может, какой-нибудь тролль сейчас жалуется: «Ах, мои милые любимые булжнички подпадают под влияние гномов, стыдоба-то какая!» Черепаха несет на себе всех, а граги гордят такую ересь, что почитают еретиками всех остальных. Сам посуди. Я приготовила прекрасную крысу, нежное, ароматное мясо, так что поешь и

ступай погулять на солнышко. Знаю, что не по-гномьи это, зато на солнце одежда быстрее сохнет.

Он рассмеялся, а Беллдин улыбнулась и сказала:

– Невзгоды этого мира захлестывают нас, будто мы камушки в ручье. В конце концов вода отхлынет. Помнишь, дед твой рассказывал, как собирался воевать с троллями в Кумской долине? А потом ты рассказывал своему сыну, как уже *ты* отправился в Кумскую долину и узнал, что все это было каким-то недоразумением. И нашему Бринмору вообще не придется воевать, если кто-то не наделает больших глупостей. Откажи грагам. Честное слово, они ужасны. Я говорила со всеми нашими женщинами, и они говорят то же самое. Ты – гном и не перестанешь быть гномом, пока не умрешь. Но ты можешь быть умным гномом, а можешь быть глупым, как те, кто нападает на семафорные башни.

Бедвиру очень понравилась крыса, которая была приправлена вкусными пряностями, и, как полагается мудрому мужу, он обдумал слова жены.

Два дня спустя, возвращаясь из Черностеколья, куда он отправился за свечами, Бедвир обнаружил у подножия клик-башни двух глубинников. При себе у него были только простые шахтерские инструменты, но вы удивитесь, какими полезными они могут оказаться. Группа семафорщиков и гоблинов вскоре пришла ему на помощь в тушении пожара, и им пришлось сдерживать Бедвира, который рвался выразить с помощью тяжелых подбитых сапог все свое презрение к тем, кто опускается до поджога. Он сказал:

– Дочь моего брата, Бервин, работает на клик-башне в Щеботане... Сколько всего я не замечал, пока оно не постучалось прямо ко мне в дверь, но, кажется, теперь я прозрел.

Бедвир не убил глубинников, вовсе нет. Он просто, как бы выразиться, обезвредил их. Но когда Бедвир оставил их и поспешил обратно домой, он успел заметить, что гоблины были... заняты делом. С точки зрения тех, кто работал на неохраемых башнях в дикой местности, мир делился на черное и белое, и для этих глубинников все только что почернело.

Железнодорожная лихорадка, уже раскалившаяся докрасна, дошла теперь до белого каления, по крайней мере на территории Равнин Сто. Потенциальные инвесторы рвались приобрести долю в Анк-морпорско-столатской гигиенической железной дороге^[26]. Предстояло осушать болота, укреплять мосты, и теодолиты горели на солнце.

Но даже с поддержкой Витинари и миллионами Гарри дело

продвигалось медленно. Каждый участок дороги нужно было прокладывать с осторожностью и тщательно испытывать перед тем, как пустить по нему настоящий поезд. Мокриц боялся, что Гарри захочет довести дело до конца как можно быстрее и любой ценой, не сильно заботясь о мерах безопасности. Да, он шумел, когда землемеры слишком долго тянули, но его ворчание так и оставалось ворчанием. Мокриц возвращался к одной и той же мысли: у Гарри Короля уже были деньги, горы денег, но железная дорога должна была стать его наследием. Не будет больше навозного короля. На его месте воцарился Властелин Дыма, поэтому даже когда Гарри кричал, что его пускают по миру, он все же беспрекословно подписывал нужные документы.

С точки зрения Юффи, которая теперь стала леди^[27] во всех смыслах, у ее мужа – железнодорожного предпринимателя – наконец появилась работа, о которой она не стыдилась говорить. И Юффи нравилось не только говорить об этом – она принимала участие в самом процессе, и ее теперь нередко можно было найти в кабинете Гарри. Именно Юффи пришла в голову идея передвижных бригад. И вот одна за другой прокладывали себе путь по сельской местности цепочки вагонов, в которых, не тратя время на возвращение домой по вечерам, могли спать и есть землемеры и рабочие вне зависимости от того, куда вела железная дорога.

Рельсоукладчики дышали в спину Мокрицу, который все еще разбирался с бесконечными землевладельцами по пути следования. И это тоже был мучительно медленный процесс. Каждого распирала внутренняя противоречия: если слишком набивать себе цену, всегда может найтись кто-то поблизости, готовый с радостью принять поезд за гроши, если будет таким идиотом, хотя опять же, именно этот идиот сможет доставить свои скоропортящиеся товары на рынок раньше тебя, и где ты тогда будешь – с пылью, и шумом, и дымом, но *без гроша* денег?

Чтобы работа двигалась как можно скорее, патриций разрешил Мокрицу реквизировать одну из немногочисленных городских лошадей-големов. Эти лошади были примечательны не только своим неутомимым галопом, но и тем, что после поездки на них человек рисковал полностью утратить чувствительность в области таза, и, даже подложив огромное количество подушек, Мокриц чувствовал себя избитым, когда возвращался в город после долгих недель переговоров.

Измученный, наперекор всем традициям и правилам, здоровью и безопасности – зато, с другой стороны, сияя собственным великолепием, как бог стилия – к большому неудовольствию дворцовой стражи, он проскакал на глиняной лошади до самых дверей Продолговатого кабинета.

Там Мокриц был рад увидеть Стукпостука, который проворно открыл ему двери и так быстро отступил в сторону, что Мокриц, пригнувшись, ухитрился изящно прогарцевать к самому столу лорда Витинари.

Патриций невозмутимо отставил чашку кофе и сказал:

– Господин фон Липвиг. Обычай предписывает стучать перед тем, как войти в этот кабинет. Даже и особенно перед тем, как въехать верхом. Благодарю богов, что Стукпостук вовремя сообразил отключить нашу... систему сигнализации. Сколько раз я должен тебе повторять?

– Каждый раз, сэр, к сожалению, потому что, видите ли, сэр, чтобы вам от меня была хоть какая-то польза, я должен оставаться Мокрицем фон Липвигом, сэр, а значит, я обязан дойти до самого края и поставить там свой флаг, сэр, в противном случае жизнь не будет стоить того, чтобы умирать.

Стукпостук поморщился при мысли о таком халатном обращении с символом государственности, а Мокриц продолжил:

– Такова уж моя натура, сэр, и, если честно, я до смерти устал возиться со старыми затейниками, которые возомнили, что могут облапошить Мокрица фон Липвига, и со всеми этими скользкими, и неприятными, и глупыми, и умными, и жадными... которые порой совмещаются в одном человеке. После такого моей душеньке нужно отмыться и взбодриться, сэр.

– Ага, душа! – воскликнул Витинари. – Не думал, что она у тебя есть. Век живи – век учись, – он сомкнул пальцы домиком. – Господин фон Липвиг, работа господина Кекса привлекла внимание всего мира. Конечно, наивно было бы полагать, что остальные страны, крупные города и столицы не обратят внимания на железную дорогу. Это оружие, господин фон Липвиг, коммерческое оружие. Ты можешь не знать этого, потому что живешь в другом мире. Юный господин Кекс приехал в Анк-Морпорк, потому что этот старый грязный город при всех своих недостатках – та самая ось, на которой вращается мир. Здесь творится история. Здесь благодаря просвещенному и заботливому правительству – иными словами, *мне* – каждый взрослый, ребенок, гном, тролль, вервольф, вампир, даже зомби и, да, гоблин может назвать себя свободным. Свободным от любого господина, кроме закона, который един для всех, какой бы расы ты ни был и какое бы ни занимал положение в обществе. «*Цивис анкморпоркианус сум*» – «я анк-морпоркский гражданин»!

Послышался глухой удар – это лорд Витинари стукнул кулаком по столу.

– Анк-Морпорк, господин фон Липвиг, не превзойти! Я знаю, что в эти дни ты кладешь все силы на то, чтобы первый полноценный поезд для

настоящих коммерческих перевозок обзавелся своей железной дорогой, по которой он сможет передвигаться, и когда это произойдет, это будет чудо света. Но все течет, все меняется, и наша задача – удержать наш город на гребне волны. Не сомневаюсь, что вы, господин фон Липвиг, вместе с сэром Гарри и господином Кексом уже строите планы на будущее. Со своей стороны могу высказать предположение, что ежедневные железнодорожные рейсы до Щеботана и обратно непременно подтвердят полезность железной дороги. В то время как удобная дорога до Убервальда остается в высшей степени желательна, боюсь, мне придется подождать. Меня буквально изводят правительства всех стран, уговаривая провести дорогу именно к ним, но Щеботан – наш сосед и важный торговый партнер, и... – он понизил голос, – ...мы сможем получать свежие морепродукты до того, как они приползут в Анк-Морпорк своим ходом. Что ты на это скажешь? Окончательные детали переговоров по Столатской линии предоставь Стукпостуку, – продолжал Витинари. – У него есть мое разрешение пользоваться услугами темных клерков... Таланты господина Смита могут нам пригодиться в разрешении любых вопросов... с неподатливыми землевладельцами.

Мокриц заметил, что глаза Стукпостука загорелись незнакомым блеском, хотя сам секретарь ничего не сказал.

– Можешь идти, господин фон Липвиг, и прими напоследок мой совет: если ты еще раз явишься сюда верхом, пеняй на себя. В следующий раз ты рискуешь оказаться брошенным на растерзание котикам. – Его светлость зловеще усмехнулся и добавил: – Седрик всегда готов (...огонек)^[28].

«Огонек? – думал Мокриц, уводя лошадь из кабинета. – О боги, да это заразно».

Наверна Чудакулли, аркканцлера Незримого Университета, перехватил в Главном зале университета слугообраз Барнстебль.

Он дотронулся до кромки своего котелка в традиционном приветствии, вежливо откашлялся и сказал:

– Господин аркканцлер, есть один... человек, который хочет с тобой встретиться, и слова «нет» он не знает. Очень жалкого вида тип, выглядит так, словно за всю жизнь ни разу сытым не ходил. Лично я склоняюсь к мнению, что он просто хочет милостыни. И одет в какое-то платье. Сомнительный господин. Мне указать ему на дверь?

Аркканцлер на минуту задумался и уточнил:

– А пахнет от этого человека, случайно, не как от барсука?

– Да, сэр, верно!

Чудакулли улыбнулся.

– Господин Барнстебль, старик, которого ты описываешь, мастер всех видов когда-либо существовавших боевых искусств. Многие из них и существуют благодаря ему, и он единственный в мире известный мастер дежа-фу^[29]. Он может ударить по воздуху, и его удар долетит до самого твоего дома и стукнет тебя прямо в харю, когда ты откроешь дверь. Он известен под именем Лю-Цзе, и это имя вселяет страх в тех, кто не знает, как оно произносится, не говоря уже о том, как пишется. Мой тебе совет: улыбнись ему и со всеми почестями проводи ко мне в кабинет.

Лю-Цзе окинул внимательным взглядом ассортимент бренди на ломящейся под грузом напитков тележке и сел. Чудакулли, дымя как Железная Ласточка, сказал:

– Как я рад видеть тебя, мой друг. Ты здесь из-за паровоза, да?

– Конечно, Наверн, – разве есть сейчас еще какие-то темы для разговоров? Ингибиторы мелют время, и все в Ой-Донге опасаются гинунгагапа – темноты, наступающей в конце света перед тем, как возникнет новый мир. Хотя, по мне, было бы очень кстати, учитывая, что этот мир уже сплошь раздолбан, неухожен и заброшен. Единственная проблема, которую мне пока не удастся решить, – это как попасть из мира умирающего в мир новый. Вот где загвоздка. Но даже Аббата встревожило появление парового двигателя вне времени паровых двигателей.

Чудакулли потыкал в трубку ершиком и проговорил:

– Да-а, действительно, незадача. Уж наверное паровой двигатель *не может* появиться до того, как наступит время паровых двигателей. Если ты увидишь свинью, то скажешь себе: это свинья, значит, сейчас время свиней. Ты же не станешь оспаривать ее право быть свиньей?

– Разумеется, нет, – ответил Лю-Цзе. – К тому же от свинины меня невыносимо пучит. Мы знаем, что вселенная – это бесконечная история, которая, к счастью, непрерывно пишет сама себя. Но вот мои братья в Ой-Донге непоколебимо верят в то, что вселенную можно понять до последней запятой.

Чудакулли рассмеялся:

– О боги! А знаешь, мой блестящий коллега Думминг Тупс, кажется, подпал под аналогичное заблуждение. Похоже, даже умнейшие люди иногда забывают об одной из очень важных богинь... я имею в виду Пиппину, дамочку с яблоком раздора. Она-то знает, что вселенная, нуждаясь в законах и стабильности, требует и капельку хаоса, чего-то неожиданного, удивительного. В противном случае вселенная была бы

механизмом, бесподобным механизмом, многие века не сбивающимся с хода, но в ней все было бы одинаково. Следовательно, можно предположить, что и на этот раз потеря равновесия будет дозволена, и милосердная богиня постановит, что эта машина еще может свершить удивительные вещи, если дать ей шанс.

– Я был бы не против дать ей шанс, – отозвался Лю-Цзе. – С интуицией я на короткой ноге. Я знаю, что монахи давно и бережно направляют этот мир, как пастухи – стадо, но боюсь, они не понимают, что овцам иногда приходят в головы дельные идеи. Неизвестность всегда неизвестна, но проблема в том, что люди, которые полагаются на систему, начинают верить, что все вокруг так или иначе является системой, и тогда в конце концов они становятся бюрократами. Так что, друг мой, восславим Пиппину и периодические раздоры. Думаю, остальные члены круга сойдутся с нами во мнении. Будем судить по результату. Ведь все просто, как забор: вот паровой двигатель. Следовательно, *сейчас* время парового двигателя.

– Ура! – сказал Чудакулли. – За это надо выпить.

– О, благодарю. Я бы капнул бренди в чай, чтобы не замерзнуть, если ты не возражаешь, – сказал Лю-Цзе.

Мокриц сидел за столом, обдумывая, как бы лучше обсудить вопрос о Щеботане с сэром Гарри. Он без особого интереса отметил присутствие некоего... весомого... джентльмена напротив.

– Господин фон Липвиг? – обратился к нему джентльмен. – У меня для тебя есть предложение.

Мокриц засмеялся:

– В эти дни всякий, у кого есть для меня предложение, имеет в своем распоряжении пять минут, и одна из них уже прошла. В чем дело?

– Я не просто так, человек с улицы, – заметил мужчина, вытягиваясь в полный рост, который на самом деле оказался немногим меньше его полной ширины. – Я шеф-повар. Ты, наверное, слышал обо мне – Весь Джолсон. Из надежных источников^[30] мне стало известно, что со дня на день ваши чудесные паровозы начнут ходить в Сто Лат и обратно. Хотелось бы знать, ты уже подумал о том, чем люди в поезде будут питаться? Я хочу участвовать в конкурсе на право продавать еду в поездах и в залах ожидания. Как легкие закуски, так и плотную пищу для путешествующих на дальние расстояния. Ничто так не снимает дорожную усталость, как горшочек моего фирменного слампи. Или первичного бульончика, очень даже согревает с мороза. Я думаю подавать его в чашках с крышечками, а

там такое плавают, что, скажем прямо, не хотелось бы пролить на себя.

Мокриц уловил самые важные слова, как форель ловит новорожденных мушек. Еда в поезде! Залы ожидания! Да! Места, где люди захотят тратить деньги. Ему в очередной раз напомнили, что железная дорога была чем-то большим, нежели сочетанием рельсов и пара.

И когда Джолсон вручил ему визитную карточку, всю в пятнышках жира, Мокриц позволил себе помечтать о дополнительных перспективах. Конечно, понадобится специально отведенное место, где можно ждать поезда, где всегда сухо и тепло, и можно что-нибудь выпить и даже, страшно подумать, купить булочку с сосиской, которая действительно в свое время была свиньей. И да, поскольку Дик пообещал, что вести поезд ночью не составит труда, то в пункте назначения должны быть привокзальные гостиницы, такие же роскошные, как и вагоны, и страшно оживленные, потому что постояльцы будут приходить и уходить круглые сутки. Там будет казаться, что весь мир пришел в движение.

Не в силах уgomониться, Мокриц выбежал из конторы и двинулся к сараю. До сих пор ему казалось, что Дик беспечально воплощал в жизнь все свои мечты, поэтому он удивился, увидев инженера одиноко сидящим у пыхтящей Железной Ласточки в самом настоящем унынии.

Мокриц, машинально войдя в роль смазки для колес прогресса, участливо поинтересовался:

– Что-то случилось, Дик?

Словно истязаемый внутренними демонами, Дик мрачно отвечал:

– Да такое дело, господин Липвиг. Меня пригласили в Гильдию Ловких Умельцев на той неделе, познакомиться с господином Пони, и представляешь, что он мне сказал? Что я должен пойти в ученики! Я-то! У ребят моих вон как все ладится, это они должны быть *моими* подмастерьями, но нет, оказывается, раз я сам не мастер, то должен четыре года отработать по контракту у *настоящего* мастера, а через некоторое время, глядишь, и стану подмастерьем. Но я сказал: никогда я контрактов не заключал, ни у каких мастеров не учился, знаете почему? Я сказал, что никогда не был в подмастерьях, потому что никто не мог меня научить тому, что я сейчас знаю! Мне пришлось до всего дойти самому! А потом я прочитал про древних эфебцев, которые когда-то построили небольшой паровой двигатель, и он заработал... Ну, потом взорвался прямо у них под ногами, хотя никто не пострадал, – они спаслись потому, что их двигатель был для какой-то лодки, и все они оказались в воде, в промокших тогах. И тогда я подумал: эти древние эфебцы, наверное, знали свое дело, поэтому я взял в нашей столатской библиотеке еще одну книжку про них, и знаешь

что, господин Липвиг? Вот эти древние в простынях и сандалиях придумали еще и синус, и косинус, я уж молчу про тангенс! Всю мою любимую математику. И квадратные уравнения. Где бы мы были без квадратных-то уравнений? Ну и в общем, они выглядели стариками, которые на первый-то взгляд ничем не занимались, только лежали и спорили о философии, а потом оказывается, что знали-то они практически все, ну, обо всем и все-все-все записывали. Ты представляешь?? У них все было на руках. Могли бы взять и построить нормальный двигатель, паровой корабль, который бы не взорвался. Вот тебе и академики. Столько знаний – а они снова принялись обсуждать красоту и истину чисел и проморгали тот факт, что они открыли что-то зверски важное. А я что? Если я захочу красоты и истины, то вот, посмотрю на Ласточку.

Дик стукнул кулаком по железному корпусу и сказал:

– Вот она – красота. И вот она – истина, прямо тут. И они все это знали, но скрывали. Посмотри на нее! Моя машина! Я ее сделал! Я! И я недостаточно хорош, чтобы стать подмастерьем!

Он перевел дыхание и продолжил:

– Не пойми меня неправильно, господин Липвиг, я знаю, что все это просто слова, но понимаешь, до меня вдруг дошло, что раз я никогда не проходил обучения, мне никогда не стать *мастером*, потому что нет никого, кто знал бы о том, чем я занимаюсь, больше меня самого. Я прочесал все справочники, прочел все книги, но мне нельзя быть мастером, пока другие мастера мне не скажут, что я мастер.

Дик еще больше приуныл, а Мокриц так и стоял с разинутым ртом и слушал, как дотошный Дик винит себя в том, что он гений.

– И у моих ребят, – продолжал он, – ну, так я их зову, – так вот у них нет даже надежды стать однажды мастерами, потому что они обучались инженерному делу не у мастера! Что за бред!

Мокриц рассмеялся в голос, обхватил ладонями чумазую голову Дика, аккуратно повернул его лицом к простирающемуся перед ними участку и огромным, ставшим уже постоянными очередям на поезд и спокойно сказал:

– Они знают, что ты – мастер, а Железная Ласточка – твой шедевр. Любой мальчишка хочет быть тобой, Дик, потому что ты сам по себе шедевр. Ты меня понимаешь?

Вид у Дика был недоверчивый – видимо, он все еще дулся из-за отсутствия диплома с красивыми званиями, который его матушка могла бы повесить на стенку.

– Да, но при всем уважении, они не имеют никакого авторитета в

вопросах укрощения пара. Никого не хочу то есть обидеть, но что они знают?

Мокриц оборвал его:

– Дик, в каком-то смысле где-то здесь в глубине живет сама душа мироздания, и они все знают. Ты ведь слышал о Леонарде Щеботанском. Некоторые мастера сами делают себя мастерами, и ты один из них. Ты сделал из себя инженера, и все об этом знают.

Дик воспрянул духом и сказал:

– Я не собираюсь открывать собственную гильдию, если ты к этому клонишь, но если какой парнишка придет ко мне и захочет научиться пользоваться счетной линейкой, то я от него не отвернусь. Сделаю его своим подмастерьем по старинке, и пусть его руки никогда больше не будут чистыми. И заключу я с ним контрактов столько, что они у него из ушей торчать будут, хоть на пергаменте напишу, если раздобуду. Вот так все будет, и он проработает со мной столько, сколько надо, пока я не решу, что он готов сам быть ремесленником. Вот так надо дела делать. Вот так нужно заниматься ремеслом. Когда я тебя впервые увидел, господин Липвиг, я подумал, что на словах ты такой герой, а на деле пшик. И смотрел я, как ты бегаешь и подмазываешь тут и там. Ты ничего так, господин Липвиг, очень даже, но в фуражке ты бы еще лучше смотрелся.

Железная Ласточка с шипением выдула внезапную струю пара, и они со смехом повернулись полюбоваться на нее. В ней появилось что-то новенькое. Минуточку, подумал Мокриц, она изменила форму, стала... крупнее. Ведь так? Мокриц помнил, что Ласточка – прототип, и Дик постоянно что-то менял в ней, но ему почему-то казалось, что каждый раз, глядя на нее, он видел новую машину. Она с каждым днем становилась сильнее, стройнее, лучше.

Обдумывая это открытие, Мокриц заметил, что Дик переминается с ноги на ногу. Наконец юноша застенчиво спросил:

– Господин Липвиг, ты знаешь эту девушку с длинными светлыми волосами и красивой улыбкой, которая иногда приходит на участок? Кто она? Она ведет себя тут как хозяйка.

– А это, – ответил Мокриц, – Эмили, любимая племянница Гарри Короля. Не замужем.

– А, – отозвался Кекс. – Вчера она приносила мне чай – и даже с булочкой!

Мокриц увидел беспокойство в лице Дика Кекса, который вдруг обнаружил себя в такой ситуации, где логарифмы не помогают. Нет, здесь были нужны совсем другие рифмы.

– Не хочешь ли ты пригласить ее на свидание, Дик? – предложил Мокриц.

Кекс залился румянцем, если только румянец можно разглядеть под слоем сажи.

– О да, я бы очень хотел, но она вся такая умная и изящная, как цветочек, а я...

– Замолчи немедленно! – оборвал его Мокриц. – Если ты хотел сказать, что ты просто деревенщина в грязных штанах, то я хочу обратить твое внимание на тот нюанс, что тебе принадлежит огромный процент от всей прибыли, которую будет приносить железная дорога. Так что не надо заламывать руки и приговаривать: «Ох я бедняжка, я слишком нищ и не могу даже мечтать о том, чтобы подойти к хорошей девушке», – потому что ты самый завидный жених для любой девушки Анк-Морпорка. Уверен, при таком раскладе даже Гарри не спустит тебя с лестницы, как он поступал со всеми ухажерами своих дочерей. Если хочешь встречаться с Эмили, дерзай, а ее дядя и родители наверняка будут только рады.

Про себя Мокриц подумал, что Гарри, пожалуй, даже будет в восторге, потому что тогда все деньги останутся в семье. Да, он хорошо знал Гарри Короля.

– И более того, – добавил он, – она учится на законника и разбирается в юридической стороне управления бизнесом. Вот и куй железо, пока горячо.

Дик, для которого все это было неведомой территорией, нервно сказал:

– Спасибо за подсказку и за совет, господин Липвиг. Может, когда-нибудь я хорошенько отмоюсь и наберусь мужества к ней постучать.

– Не затягивай, Дик. В жизни есть вещи помимо логарифмов.

На торжественное открытие Анк-морпоркско-столатской гигиенической железной дороги слетелись стаи международных репортеров.

Дик Кекс всегда хотел, чтобы первое настоящее публичное путешествие по железной дороге началось в Сто Лате, тем самым отметив старый город жирной точкой на карте мира. Сэра Гарри такой поворот несколько встревожил^[31]: как истинный гражданин Анк-Морпорка, он несколько терялся за пределами города. Однако, как напомнил ему Мокриц, после поездки в Сто Лат по обычной дороге гости тем более оценят обратный железнодорожный рейс с прохладительными напитками на борту.

Когда их экипажи наконец подъехали к тому месту, которое на приглашениях с золотым обрезаем было обозначено как «Столатский

вокзал», журналисты и другие приглашенные гости обнаружили, что станция еще достраивалась. Точнее, по большей части ее не было вовсе, а то, что было, кишело рабочими: людьми, троллями, гоблинами, – и все разрешали очередное недоразумение, как это бывает на любой крупной стройке где угодно. И все же при внимательном рассмотрении было видно, что строится здесь что-то хорошее.

Гостей собрали на длинном перроне, возвышавшемся над сверкающими стальными рельсами, которые убегали вдаль. По бокам толпились зрители. Со стороны города рельсы упирались в огромный амбар, где дочиста отмытые подмастерья Дика выстроились по обе стороны закрытых дверей вместе с духовым оркестром, которого почти не было слышно за строительным шумом.

Мокриц фон Липвиг был первоклассным мастером торжественных церемоний – и приветствовал гостей вместе с Гарри Королем и Юффи. Был тут и лорд Витинари, держатель страховочного пакета акций железной дороги, в сопровождении Стукпостука, который не пропустил бы такое событие ни за какие коврижки. И королева Кели Столатская^[32] – чтобы утвердить происходящее своим королевским одобрением, в сопровождении мэра, который был в шоке от того, что его город превратился в такой балаган.

Как всегда в таких случаях, с самым главным пришлось подождать, пока не будет готово все остальное. Это учли заранее: около выхода с платформы была дверь с аккуратной табличкой «ЗАЛ ОЖИДАНИЯ».^[33]

А потом ожидание подошло к концу. По приглашению Мокрица вперед вышла королева Кели, чтобы забить золотой костыль, последний на линии, тем самым обозначив, что дорога готова к работе. Пыхтящий звук, который уже стал знаком любителям железной дороги, стал громче и мощней; толпы наблюдателей выстроились по обе стороны рельсов, и махали разноцветными флажками, и вопили с нарастающим энтузиазмом, а два подмастерья отперли двери амбара. Под барабанную дробь Мокриц объявил:

– Дамы и господа, господин Дик Кекс и Железная Ласточка!

Делая грезы о паре былью, Дик Кекс гордо стоял на площадке поезда, и на его лице сияло безошибочно читаемое выражение «я же говорил».

За паровозом, постукивая, тянулись десять вагонов, и – экое диво – некоторые были крытыми! Заморгали вспышки иконографов, и Железная Ласточка плавно прошла по рельсам и остановилась напротив платформы.

Мокриц дождал, пока стихнут аплодисменты, и провозгласил:

– Дамы и господа, не стесняйтесь, поднимайтесь на борт. Там вас ждут прохладительные напитки, но сперва позвольте мне пригласить вас на экскурсию по вагонам.

А потом Мокрицу требовалось быть во всех местах одновременно. Все, что касалось паровозов и железных дорог, было новостью, а новости бывают как хорошими, так и плохими, а изредка даже вредительскими. Дик любил рассказывать о Железной Ласточке и о обо всем остальном, что касалось паровых двигателей, но он был прямолинейным юношей, а пресса Равнин Сто сожрала бы заживо прямолинейного человека, не ведающего осторожности. Зато Мокриц, особенно в присутствии прессы, был не прямолинейнее мешка калейдоскопов. Пока шла беседа, Мокриц, как нянька, не отходил от Дика.

Анк-морпоркская «Правда» была не так уж плоха, а «Вестник Танти» обычно больше интересовался ж-ж-жуткими смертоубийствами и наименее пристойными сторонами человеческой природы, но внутри у Мокрица все оборвалось, когда он заметил, что Дик, случайно выпавший из его поля зрения, разговаривал с Хардвиком из «Ежедневного Псевдополиса», который набил руку на превратном истолковании своих собеседников и обращении сказанного против них же. А Псевдополис ненавидел Анк-Морпорк мстительно и завистливо.

Мокриц, шагая к ним самой быстрой в мире беззаботной походкой, как раз успел услышать вопрос Хардвика:

– Что ты, господин Кекс, скажешь людям, которые боятся, что от шума и дыма лошади сойдут с ума, а коровы и овцы не смогут выносить потомство?

– Честно говоря, не знаю, – отвечал Дик. – Никогда не было таких проблем здесь, на Равнинах. Когда я проводил испытания, лошади с соседних полей пытались обогнать Железную Ласточку, наперегонки с ней, то есть бегали, и, по-моему, им было весело!

Но Хардвика так просто было не сбить с толку.

– Но ты должен признать, господин Кекс, что поезд представляет исключительную опасность. Некоторые говорят, что если превысить скорость в тридцать миль в час, то лицо может расплавиться!

Мокрицу показалось, что все те, кто до этого благодушно болтал, смолкли как один, чтобы послушать, и он знал, что если вмешаться сейчас, будет только хуже. Поэтому он мог только затаить дыхание, точь-в-точь как остальные, и слушать, что скажет этот серьезный деревенский паренек.

– Я так скажу, господин Хардвик, – ответил Дик, сунув большие пальцы за пояс – он так всегда делал перед тем, как произнести длинное

предложение. – Много что само по себе представляет опасность, волшебники, например, или деревья. Очень опасное дело – деревья, могут упасть прямо тебе на башку, ты и глазом не моргнешь. А корабли какие опасные, и другие люди тоже бывают опасны. Вот ты, господин Хардвик, задаешь мне вопросы уже пять минут кряду и все ждешь, когда же эта деревенщина сболтнет чего-нибудь лишнее. Но я скажу так: Железная Ласточка – моя машина, я сам ее построил, целиком, до последнего винтика. Я сам проводил все испытания, и каждый раз, когда находил способ сделать ее лучше и безопаснее, я это делал. Но послушай, господин Хардвик, а вдруг это ты представляешь опасность? Сила всегда опасна, всякая сила, и твоя в том числе. Вся разница в том, что силой Железной Ласточки можно управлять, тогда как ты можешь написать, что тебе взбредет в голову. Или ты думаешь, я не умею читать? Я все читаю, что ты сочиняешь в своей газетенке, и какую же ты там чушь иногда несешь, ну такую уж мерзость, чтобы напугать народ, который не шарит в паре, и энергии, и косинусах, и уравнениях, и тангенсах, и даже в логарифмах... Но все равно желаю тебе хорошей поездки, господин Хардвик. А сейчас, если ты не возражаешь, мне пора в кабину. Да, и я разгонял Железную Ласточку больше чем до тридцати миль в час, и только обгорел на солнце. Доброго дня, господин Хардвик. Наслаждайся поездкой.

А потом он покраснел, заметив притихшую толпу вокруг, и сказал:

– Извиняюсь перед дамами за выражения. Прошу прощения.

– Совершенно не за что извиняться, господин Кекс, – отозвалась Сахарисса Резник, журналистка «Правды». – Думаю, все собравшиеся здесь дамы меня поддержат, если я скажу, что мы признательны тебе за твою прямоту.

А поскольку Сахарисса была не только всеми уважаема буквально до степени религиозного поклонения, но и неизменно вооружена остро заточенным карандашом, остальная публика тоже вдруг обнаружила, что испытывает большое уважение к Дику Кексу за его непритязательную манеру речи.

На борту вниманию публики предстало много чудес, в том числе и роскошные уборные – еще одно детище Юффи, удивившее даже Мокрица. Ему было любопытно, что скажет пресса о таланте Юффи к организации железнодорожных путешествий. Художественный редактор «Правды» порой бывал очень изобретателен^[34].

– Ничуть не хуже, чем в самых дорогих гостиницах, – сказал Мокриц на ухо сэру Гарри, который вышел из кабинки, светясь от гордости.

Гарри заулыбался:

– Это ты еще в дамские не заглядывал, господин фон Липвиг! Ароматы, подушечки, настоящие цветы в вазе. Ни дать ни взять будуар!

– Полагаю, хм, отходы будут сбрасываться прямо на рельсы?

Гарри был оскорблен.

– Может, кто-то так бы и сделал, но только не Гарри Король! Где отходы – там и деньги, сынок, главное, Герцогине не рассказывай. Под вагоном есть большая цистерна. И пусть ничто не пропадет зазря...

Вопросы густо и быстро сыпались со всех сторон. Для тех, кто не успел прокатиться на Железной Ласточке на участке Гарри Короля, встал ребром вопрос поведения на железной дороге. Можно ли высунуть голову из окна? Можно ли взять на борт ручного болотного дракончика, если держать его на руках? Можно ли подойти к машинисту и поговорить с ним? На сей раз Мокриц был рад сказать «да», избрав для этой почетной миссии главного редактора «Правды». Улыбка на лице Вильяма де Словва, когда он шагнул с платформы на подножку кабины машиниста, должна была обеспечить этой сцене место на первой полосе, если путешествие пройдет успешно. Хотя не стоит забывать, что оно также окажется на первой полосе, если взорвется двигатель. Журналистика есть журналистика, как ни крути.

Просвистев и выпустив облако дыма, поезд отчалил от платформы, и все пошло гладко, особенно когда по вагонам провезли тележку с напитками и закусками. Гарри и Весь Джолсон были единомышленны в том, из чего должна состоять хорошая пища (из калорий), и не поскупились. В мясном слампи было столько масла, что хватило бы смазать Железную Ласточку снизу доверху. За окном менялся пейзаж, вызывая у задобренных пассажиров восторг и восхищенные возгласы... и тут поезд не въехал на первый на пути мост.

Мокриц задержал дыхание, когда поезд замедлил ход практически до полной остановки. Большой тролль помахал красным флажком и радостно во всеуслышание объявил^[35], что его бригада проводила работы на этом мосту, и они очень рады, что он будет использоваться, спасибо, что приехали, дамы и господа. В ответ прозвучал смех, которому в изрядной мере поспособствовал алкоголь, но все же это был смех, причем искренний. Мокриц перевел дух. Вероятно, некоторые из его пассажиров еще помнили те дни, когда, увидев тролля, они испугались бы (или, если они были гномами, захотели бы дать ему пинка в лодыжку). А теперь тролли были среди них, они строили железные дороги и чувствовали себя как дома.

Мокриц обвел взглядом вагон первого класса, где сидел лорд

Витинари. Тот, открыто похвалив Юффи за ее роль в организации и оформлении, давал свои обычные вежливые, отвлеченные ответы на вопросы журналистов, жадных до цитаты, но Мокриц заметил, что патриций улыбался, как дедуля при виде новорожденного внука. Мокриц встретился с ним взглядом, и ему показалось, что его светлость мимолетно подмигнул ему. Мокриц кивнул, и тем дело и кончилось, но он надеялся, что за это можно было отпустить ему хотя бы один грех. Три смерти за одну жизнь было бы уже чересчур.

Но день стоял хороший, светило солнышко, и Железная Ласточка мчалась по рельсам, а две лошади в поле у железной дороги пытались бежать с ней наперегонки. И поделом господину Хардвику, и чтоб ему пусто было, ведь Ласточка домчала по пологим склонам до города Подверха, где поезд сделал остановку, чтобы пассажиры насладились всеми благами капустной гостеприимности.

После этого путь до самого Анк-Морпорка, который издали манил своими тонкими дымовыми пальцами, пролетел быстро. Поезд пересек новенький чугунный мост через реку Анк и со свистом подъехал к участку Гарри Короля, где духовой оркестр исполнил национальный гимн «Мы всех вас купим и продадим» под аплодисменты поджидающей толпы.

Вечером на банкете к первым железнодорожным путешественникам присоединились другие высокопоставленные анк-морпоркцы и столатцы. В заключение своей речи сэр Гарри объявил, что следующим городом, куда проведут великолепную железную дорогу, станет Щеботан, и он надеется, что это произойдет в очень скором будущем. Под громогласные овации Гарри предложил тост за щеботанского посла месье Жиллета, и за этим последовали новые тосты, в том числе за саму Железную Ласточку. Лорд Витинари высказал мнение, что день был очень продуктивный, и все те, кто уже сидел затаив дыхание, смогли наконец выдохнуть.

С банкета гости расходились, кто заваливаясь вбок, а кто вообще с трудом волоча ноги. Дик увидел знакомое лицо, всплывшее в его счастливый мир разноцветных огоньков, и воскликнул:

– О-о-о, вот это было здорово, господин Липвиг! Все такое крошечное, когда смотришь из поезда... Я подумал, что железная дорога может расти как дерево – ну, знаешь, один ствол и куча веток... Пусть они будут дешевые и короткие, но людям понравится... Всем станет жить легче, если сесть на поезд можно будет в *каждом*...

Мокриц, решительно игнорируя заманчивые перспективы, прервал его:

– Не лети, Дик. Сначала нужно добраться до Щеботана.

А потом организовать скорый поезд до Убервальда, добавил он мысленно... Его светлость так радел за международные отношения.

Позже той же ночью Фред Колон и Шнобби Шноббс, как настоящие стражники, патрулировали периметр железнодорожного участка. В конце концов, они представляли в своем лице власть и, следовательно, имели право находиться где угодно и смотреть на что угодно.

Они вышагивали нога в ногу, и Фред Колон сказал:

– Я слышал, они хотят проложить дорогу в Щеботан. Моя старушка вечно мне на мозги капает, чтобы съездить туда в отпуск. Ты меня поймешь, Шнобби, ты ж почти женатый человек, с обязательствами. Но ты сам знаешь, у меня аллергия на весь этот бонжур-тужур, и мне рассказывали, что хорошего пива там днем с огнем не найти.

– Да не, там не все так плохо, – сказал Шнобби. – Дежурил я неделю назад на товарном складе, так там была куча сыров, которые побились, по случайности, разумеется. Естественно, отправлять назад нельзя, а Цвета Радуги такое с сырами творит – закачаешься. Ужасно вкусно получается, особенно если закусить улитками. – Шнобби сообразил, что говорит кощунственные вещи, и поспешно добавил: – Но пиво все равно как помои, это верно.

Фред Колон кивнул. Верно. Он снова посмотрел на друга и сказал:

– Если железные дороги будут работать как положено, все у нас сильно изменится. Поезда должны ходить быстро, а значит, если человек совершит ограбление, а потом вскочит на поезд, он будет таков задолго до того, как мы разберемся, что к чему. Наверное, и на железной дороге тоже нужна своя стража. А то мало ли что! Как говорит наш старина Камнелиц, если есть люди, будут и преступления, и тогда уже нужны стражники.

Шнобби Шноббс обдумал эту информацию – с таким видом, с каким коза пережевывает жвачку, и ответил:

– Ну вот ты ступай и доложи старику Ваймсу, что хочешь стать первым железнодорожным стражником, а? Хотел бы я видеть его лицо!

Билли Смальц окинул взглядом массивного человека в голове очереди и горько вздохнул.

– Слушай, – сказал он. – Ну, не могут все быть машинистами. У нас уже и так достаточно, и нужно время, чтобы дослужиться до этой должности. Что еще ты умеешь делать?

– Ну, – вздохнул расстроенный юноша, – мамка моя говорит, что когда-нибудь я стану хорошим поваром.

Билли улыбнулся.

– Вот тогда и для тебя может найтись работа, повара нам нужны, – он кивнул на стол другого рекрутера, чуть в стороне, и сказал: – Ступай к Мейбл. Она как раз набирает персонал на кухню.

Юноша воодушевился и быстрым шагом направился навстречу своему будущему, которое наверняка состояло из ненормированного графика и тяжелого труда в тесноте и духоте, но главное, из неограниченного количества поездок на самом чудесном изобретении века.

– А я маляр, – сообщил следующий человек в очереди к Билли.

– Чудненько! И ты уверен, что не хочешь стать машинистом?

– Да нет. Я всегда хорошо рисовал, и я думаю, паровозам нужна краска.

– Отлично! – сказал Билли. – Ты нанят. Следующий!

Билли оторвал взгляд от бумаг и увидел, что над ним нависла угловатая фигура молодого тролля.

– Мне сказали, есть работа с лопатой и тоннами угля. Я могу, – сказал тролль и добавил с надеждой: – Пожалуйста.

– Кочегаром? – уточнил Билли. – Да уж, ты немного великоват для кабины машиниста, но вообще ты нам годишься, не сомневайся. Распишись здесь.

Стол затрясся, когда тролль вдавил большой палец в анкету и сломал планшет.

– Для тролля – неплохой результат... – вырвалось у Билли. – Извини.

– Ета, ничего страшного. Мне все енто говорят.

Тролль с громким топотом ушел в направлении угольного склада, а его место за столом Билли заняла модно одетая молодая женщина с властным лицом.

– Я считаю, железной дороге понадобится переводчик. Я знаю все языки и диалекты на Диске, – сказала она твердым голосом, но в ее глазах горело воодушевление, когда она смотрела на Железную Ласточку и остальные паровозы. Билли сразу понял, что она покорена. Еще он знал, что переводчиков не было в списке вакансий, поэтому он отправил ее к сэру Гарри, а сам вернулся к найму стрелочников, молоточников и других рабочих. И очередь снова задвигалась. Казалось, никто не хотел оставаться в стороне от железной дороги.

Мокриц подпрыгивал в седле глиняной лошади, которая везла его обратно в Анк-Морпорк, и ему казалось, что он целую вечность провел в переговорах с землевладельцами, которые требовали сумасшедших денег за

то, что совершенно очевидно пошло бы на пользу региону. На этот раз путь лежал в Щеботан, до которого было раз в восемь дальше, чем до Сто Лата. А когда Мокриц не вел переговоров с землевладельцами, он вел переговоры с землемерами, которые были хоть и не жадными, зато невыносимо скрупулезными. Они отвергали варианты маршрутов как слишком крутые, слишком болотистые, слишком пересушенные, слишком подверженные затоплениям, а один участок вовсе оказался заполнен зомби. Получившийся маршрут мог сойти за след змеи, ползущей по ландшафту от одного подходящего участка земли до другого. И все хотели, чтобы железная дорога пролегла неподалеку, но, пожалуйста, только так, чтобы шум и запахи не мешали.

Вот такими были Равнины Сто в двух словах – точнее, в ста, если уж на то пошло. Люди хотели получить все преимущества парового прогресса и не соглашались на издержки. И ни один город на Равнинах не хотел, чтобы Большому Койхрену досталось больше, чем он заслуживал.

Требовалось вмешательство политического гения Витинари, чтобы расставить все по своим местам и напомнить, что строительство железной дороги, конечно, началось в Анк-Морпорке, но если другие города хотели воспользоваться ее плодами – что ж, пожалуйста, это будет в некотором смысле и их дорога, ведь там, где есть прямой рейс, должен быть и обратный.

Политика? Витинари обожал это. Тут он чувствовал себя как рыба в воде. И, разумеется, патриций никогда не выходил из себя, он просто демонстрировал миру проверенный временем облик справедливого слуги закона, решая вопросы задешево и без лишнего шума. Он давно научился мастерски пользоваться улыбкой при проведении сложных переговоров. И улыбка лорда Витинари была улыбкой человека, который знает то, что его собеседникам еще только предстоит узнать, а именно: какими бы умными они ни были, их трусы, образно выражаясь, уже спущены по самые лодыжки, и голые задницы выставлены на всеобщее обозрение.

Рейс от Анк-Морпорка до Сто Лата стал регулярным, и все теперь было налажено. Мокриц придумал слоган: *«Не нужно жить в Анк-Морпорке, чтобы работать в Анк-Морпорке»*. Становилась все востребованнее недвижимость в Сто Лате. Мысль об уютном уголке в деревенской местности, вдали от городской суеты, при наличии удобного транспорта от Анк-Морпорка вдруг стала выглядеть весьма привлекательной.

Многочасовые скачки на глиняной лошади благотворно сказывались на способности Мокрица творчески мыслить. Его сознание поглощал мир

перспективных паровых двигателей, и мысль работала, как хомячок, который не на шутку соревновался со своим колесом. Очередной синапс взорвался в его голове. Поезда – это только начало! Он понимал, что железные дороги сейчас представляют собой нечто вроде эфира, они обволакивают сразу весь мир. *Идея фикс*, как сказали бы в Щеботане.

Тем не менее сами паровозы не теряли своей важности. Мастерские Дика Кекса в Швайнетауне таили в себе еще много чудес, которые погрузили в вагоны, прицепленные к не ведающей усталости Железной Ласточке. Теперь она делила свой просторный амбар с двумя новичками, которые Дик окрестил Скорыми; они совершали регулярные рейсы до Сто Лата и обратно, в то время как сама Железная Ласточка продолжала катать пассажиров по участку в Анк-Морпорке, и ее маршрут дополнили небольшой петлей вдоль реки, чтобы полюбоваться новым мостом. Маленький, но динамично растущий коллектив наблюдателей за поездами записал в своих книжечках цифру два, а потом и три.

Через считанные минуты после возвращения в Анк-Морпорк Мокрица подхватил восторженный Гарри, чтобы показать последнюю разработку. Уворачиваясь от искр, они добрались до двери гигантского амбара с паровозами, охраняемого одним из тяжеловесов Гарри, который смотрел исподлобья даже на собственного шефа. Он был человеком, во всяком случае, походил на человека, а Гарри представил его просто как Угрозу. Угроза, исподлобья глядя на Мокрица, отошел от двери и пропустил их с Гарри внутрь.

Мокриц чувствовал затылком взгляд Угрозы, проходя мимо. Он поинтересовался:

– Гарри, у Угрозы, случайно, нет уголовного прошлого?

Гарри Король уставился на Мокрица и сказал:

– Конечно, у него есть уголовное прошлое! Он же *охранник*! И мне он нужен. Вокруг ошивается столько народа, пытаются пролезть, особенно по ночам, а *официальная* охрана – Стража, големы, сторожевые псы – порождает уйму бумажной волокиты, тогда как Угроза разбирается с угрозами. Не грози Угрозе, и Угроза тебе не угроза, как моя бабушка говаривала. – Гарри хохотнул и добавил: – Не бойся, господин фон Липвиг, я ясно дал ему понять, что тебя убивать нельзя... не сегодня.

Мокриц принял это во внимание и бросил последний взгляд на Угрозу, который специально для него скроил особо свирепую мину в качестве напоминания, что на свете есть множество вещей, которые можно сделать с человеком, так его и не убив.

Гарри кивнул великану, и тот начал сворачивать огромный брезент в

центре гаража – и уж когда Угроза что-то сворачивал, оно оставалось свернутым, – и взору открылся паровоз намного больше Железной Ласточки и всех предыдущих творений Кекса, которые приходилось видеть Мокрицу.

Гарри хлопнул Мокрица по спине и сказал:

– Ну, господин фон Липвиг, пока ты там пил и ел с богачами, вытягивая из них денежки, мы, в смысле я, ну и господин Кекс, разумеется, были очень заняты, о да! Юноша пока наверху, наносит последние штрихи, но этот новый двигатель – самый сок, не побоюсь этого слова.

– Я тоже не развлекался... – возмутился было Мокриц, но Гарри оборвал его:

– Да знаю, знаю, мы все из кожи вон лезем, чтобы выполнить заказ Витинари на щеботанскую ветку, хотя лично я лобстеров как-то недолюбиваю. Но ради того, чтобы водрузить у них флаг Анк-Морпорка и все такое... Да и понятно, что если мы здесь будем получать самую свежую рыбу и морепродукты, то все будет в шоколаде, или, как они бы сказали, в улитках. А Дик говорил, что эта малышка, – он хлопнул новый паровоз по сверкающим бокам, как призовую скаковую лошадь, – потянет больше груза, чем любые другие, и куда быстрее!

Мокриц обдумал это.

– Знаешь, бьюсь об заклад, что, как только наш Дик закончит свой новый Скорый, он поработает над тем, чтобы Железная Ласточка прибавила в скорости. Гарри, он не позволит ничему затмить ее, даже если для этого придется постоянно с ней возиться, пока она не будет соответствовать всем требованиям. Сейчас столько человек заняты разной работой, что он и так большую часть времени проводит с ней. Ласточка – прообраз их всех, и он бесконечно его меняет.

– И он хочет пригласить на свидание Эмили! Что ж, он смысленый мальчик, и она всегда будет знать, где он.

В голове Мокрица пронеслось: «Любопытно, что обо всем этом думает Железная Ласточка». И пусть даже он отмахнулся от такой нелепой мысли, Мокрицу все равно показалось, что он услышал тихое шипение.

Гарри все еще любовался новейшим паровозом.

– А лобстерам, наверное, радости будет – полные панталоны: первые иностранцы с собственной железной дорогой. А Эмили говорит мне, что по-щеботански «железная дорога» звучит как название карточной игры, это прямо про твою ля ам, верно? Только убедись, что у тебя припрятан туз в ля манш, господин фон Липвиг, договорились?

– Ля манш?

– Юффи учит меня балакать, как лобстеры. Говорит, это дивный и романтический язык.

Мокрицу захотелось намекнуть, что он весь прошлый месяц почти не видел собственную жену, потому что провел свыше пятидесяти непростых переговоров лишь для того, чтобы добраться до щеботанской границы.

– Ну, молоток, значит, не привыкать. А вот как доедешь до Щеботана, там можно понежиться на солнышке. И вообще, не так уж он и далеко. А знаешь что? Перед тем как возвращаться, можешь взять себе выходной на эль лью! А я не всегда такой щедрый.

Мокриц откашлялся:

– Вообще-то, Гарри, хм, на самом деле ты мне не начальник. Я работаю на город.

– Это что, значит, я не могу тебя уволить?

– Боюсь, что нет, Гарри.

Гарри весело хмыкнул:

– Ненавижу работать с людьми, которых я не могу уволить. Это противоестественно.

Это был долгий день после долгих недель и еще более долгих месяцев, и тем вечером Мокриц с огромной радостью переступил порог собственного дома, страстно желая оказаться в роскошной постели с балдахинном, на которой был матрас, набитый не соломой, и подушки – настоящие подушки! Очень многие хозяева гостиниц, где Мокриц останавливался за время своих странствий, считали подушки необязательным и даже бесполезным аксессуаром. Прямо сейчас его душа пела, и он открыл дверь еще до того, как это успел сделать Кроссли, и направился не в основную часть дома, но в узкий коридорчик, который вел к кабинету Доры Гаи, где его возлюбленная беседовала с Из Сумерек Темноты.

Семафорная компания предоставляла равные возможности всем желающим, особенно когда речь шла о кадрах, которые могли вскарабкаться по скелетообразному каркасу клик-башни и, добравшись до цели, усесться на маленький стульчик и кодить как черти, при этом чертями не будучи, хотя их внешность и говорила об обратном.

Дора Гая недоверчивым взглядом проверяла отчеты с клик-башен, а гоблин, скрючившись, как чертик, сидел на краешке стола. Она помахала пальцами, давая понять, что не может сейчас отвлекаться, после чего скрутила бумаги, передала их гоблину и резко сказала:

– Доставь это немедленно на башню девяносто семь, пожалуйста. Кто-

то очень небрежен в кодах. Наверное, стажер. Я хочу знать наверняка, ясно?

Гоблин подцепил когтем свиток, соскочил со стола, как лягушка, и направился в сторону дверцы невысоко над полом, за которой и исчез. Мокрицу был слышен его топот за стеной (гоблин по обшивке вскарабкался на крышу и посеменял к их личной семафорной башенке). Он содрогнулся, но прежде, чем он успел что-то сказать, Дора Гая подняла на него глаза и перебила:

– Он пунктуальный, расторопный, надежный и кодит лучше, чем даже я, и все, что ему от нас нужно, – это чтобы мы разрешили ему и его семье жить на нашей крыше. Так что не надо опять рассказывать, как тебя травмировал в детстве рисунок улыбающегося гоблина в книжке, ладно? Выкинь это из головы, Мокриц. Гоблины – лучшее, что случилось с семафорами со времен... короче, нас! Они обожают бегать, и, кроме того, под одной крышей с гоблинами нас не донимают эти мерзкие крысы и мыши, как раньше.

Дора Гая встала, обогнула стол и, подойдя к Мокрицу, поцеловала его.

– Как прошел твой последний марафон, муженек? Впрочем, как ты мог бы догадаться, я и так получала своевременные отчеты о твоих успехах.

Мокриц сделал шаг назад.

– Отчеты? Что?

Дора Гая рассмеялась:

– Что такое семафорная башня, как не огромная дозорная вышка? И у каждого семафорщика есть очень дорогой бинокль герра Фляйсса, изготовленный по лучшим убервальдским технологиям. Я и сказала, что за тобой нужен глаз да глаз – ну, и еще много-много глаз, башен там хватает. Каждый семафорщик знает тебя в лицо и даже в макушку, вот я и решила, что мой долг как жены...

– Что, шпионить за мужем? На случай, если я спутаюсь с другими женщинами?

– Успокойся, я же знаю, что ни с кем ты не путался. А если бы и путался, я бы тебя просто убила – ничего личного. Но ты не путался, я не убила, и у нас все прекрасно, так? Госпожа Кроссли приготовила изумительный пирог из говядины с устрицами. Видишь? Разве ты не рад, что я точно знала, когда ты вернешься домой?

Мокриц улыбнулся, и его улыбка еще расширилась, когда он понял, что услышал. Он задумчиво переспросил:

– Не хочешь ли ты сказать, любовь моя, что ты могла бы проследить за кем угодно?

– Вполне возможно, если кто угодно будет много перемещаться. Ребята и девчонки часто поглядывают по сторонам, когда выдается свободная минутка. Просто глядят, и все, что в этом плохого? Вчера, когда ты возвращался домой, я была в конторе Гранд Магистрала и имела честь лично принимать отчет о том, как ты прыгаешь на своей глиняной лошади. Очень увлекательное зрелище, по слухам.

Дора Гая посмотрела на мужа и добавила:

– А ты знаешь, что, когда ты натыкаешься на что-то полезное и очень интересное, у тебя глаза загораются, как страждественские украшения? Так что прекращай светиться и пойдти умойся с дороги, а потом наконец нормально поужинаем.

В семье Мокрица и Доры Гаи существовало одно правило: время ужина при малейшей возможности было неприкосновенным. Никаких перекусов на рабочем месте, никакой спешки, зато обязательно свечи и серебряные приборы, будто каждый ужин был праздничным. Но он и был праздничным – единственная возможность сесть за один стол лицом к лицу и хоть до некоторой степени побыть просто мужем и женой.

Однако Дора Гая оказалась не в силах сдержать своего недовольства по поводу того, что ей снова предстояло надолго прощаться с мужем и провожать его в чужую страну.

– Щеботан не так уж и далеко, – успокаивал ее Мокриц. – И когда я переманю местных ребят на свою сторону, все будет хорошо.

Дора Гая прочистила горло.

– Гарсоны. У лобстеров ребята называются гарсонами.

– Чего?

– Гарсоны. По-щеботански. Но не волнуйся, большинство из них говорит по-морпоркски. И знаешь почему? Потому что никто из нас не удосуживается выучить щеботанский.

– Не важно, как их называют. Как только там проложат железную дорогу, я смогу хотя бы чаще приезжать домой. – Мокриц замолчал, чтобы проглотить еще один кусок пирога. – Кстати, Гарри только что получил клик от короля Ланкра с просьбой в перспективе проложить железнодорожные пути и до их королевства, чтобы – я цитирую – «Ланкр смог занять законное место на мировой арене».

– Не нужно их недооценивать, – заметила Дора Гая. – У них живут ведьмы. Они залетают на семафорные башни и выпрашивают у ребят кофе... по крайней мере одна из них точно так делает. Особенно когда ребята совсем неопытные и в смене нет гоблинов. А еще там и все гномьи

шахты на Медянке. Не сомневаюсь, что железная дорога им пригодится.

Мокриц нахмурился.

– Ребята говорят, что это невозможно. Слишком крутой подъем, и к тому же Ланкрский мост не выдержит веса поезда. Извини. Но полагаю, можно сказать его величеству, что мы направим к ним землемеров, когда разберемся с Щеботаном. – Мокриц отложил вилку. – Вот такие дела, и кажется, впервые за долгое время у нас обоих выдался свободный вечер. Чем займемся? Как ты смотришь на предложение отпустить прислугу на вечер...

И Дора Гая ответила с улыбкой:

– Да... И чем же мы займемся?

– Это чистая механика, – объявил Думминг Тупс, попивая чай в Необщей комнате Незримого Университета. – Только *выглядит* как волшебство.

– Значит, надо запретить, – решил главный философ, поддевая целый пирог на вилку. – Выглядеть как волшебство – это наша работа.

– Что ж, – сказал Наверн Чудакулли, демонстративно пропуская его слова мимо ушей, – зачем стоять на пути прогресса, если можно на нем прокатиться, прав я или нет? Кто-нибудь хочет прокатиться на поезде? Здесь так душно, и потом, не хотим же мы, чтобы люди сочли нас ретроgrадами.

– Но я и есть ретроград, – заметил лектор Современного Руноведения. – И горжусь этим.

– И тем не менее пора посмотреть паровозу в лицо. Господин Тупс покажет дорогу.

Волшебники выехали из университета небольшой процессией карет, которая вызвала изрядный ажиотаж на анк-морпоркском вокзале. Думминг Тупс, хорошо зная своих коллег, предупредил об их приезде заранее, и по такому случаю для волшебников пустили специальный поезд, особенно хорошо оснащенный подушками.

– Разумеется, вы поедете первым классом, господа, – сказал начальник станции, которого Думминг Тупс тщательно подготовил. – Но если угодно, кто-то из вас может прокатиться в кабине машиниста. – Он замялся и добавил: – Хотя сомневаюсь, что в ваших мантиях это будет безопасно.

Аркканцлер от души расхохотался.

– Юноша, мантия волшебника не подвержена возгоранию. Боги правые, да если бы не это, мы бы каждый день сгорали заживо еще до завтрака!

Думминг, который уже несколько раз катался на Железной Ласточке в

течение последних недель, а потом вел с Диком Кексом увлеченные беседы, успел разобраться в основах механики и теперь с удовольствием наблюдал, как величайшие умы университета переживают свою первую поездку по железной дороге.

Это было короткое путешествие до Подверха и обратно, включающее ужин на полпути, который продлился дольше самой поездки. На финишной прямой декану разрешили подергать сигнальный трос на зависть всем остальным волшебникам, и на каждой остановке долго махали флажками, свистели и хлопали дверями, чтобы все волшебники успели поучаствовать в процессе. Железная Ласточка шла на всех парах, и огнеупорные волшебники по очереди забирались в кабину, заглядывали в топку и оставались довольны^[36].

Вдоволь наигравшись и устав, на обратном пути в Анк-Морпорк они признали новый вид транспорта феноменальным. Главный философ хотел было поспорить, но он был слишком сыт.

– Удивительно, люди нам машут, когда мы проезжаем мимо, – воскликнул Чудакулли. – Никогда такого не видел. Кто бы мог подумать? Люди улыбаются, глядя на машину. Ты что это там записываешь, господин Думминг?

Думминг покраснел и ответил:

– Люблю отмечать проходящие поезда, знаете... Мне просто интересно... Ты словно смотришь, как будущее проезжает мимо.

Аркканцлер улыбнулся:

– Тогда нам стоит быть поосторожнее с дверями, которые закрываются, потому что будущее несется по этим рельсам очень быстро. И кто знает, что появится дальше.

Был прекрасный солнечный день. Жаворонки пели в чистом синем небе. В такой день нельзя было не радоваться жизни. Мокриц, желая сменить обстановку, решил прогуляться вокруг участка и шел пружинистым шагом вдоль проложенных рельс.

И прямо здесь в этот безупречный день... Да, здесь, вне поля зрения всех, кроме, конечно же, самого Мокрица, на рельсах, по которым должна была проехать Железная Ласточка, вывернув из-за поворота на пологий скат, ведущий к станции, он увидел два маленьких... существа. Кролики, хотелось верить ему, тут полно кроликов... Даже на участке они постоянно попадались под ноги. Но на одно мгновение весь мир замер прямо у Мокрица перед глазами, и он закружился в своей собственной вселенной, откуда выглядывал в настоящий мир.

Вот стояли паровозные амбары, там горожане выстраивались в очередь в ожидании аттракциона, а прямо здесь, на рельсах, лежало будущее железной дороги. Время замедлило ход и сосредоточилось в одном мгновении, и Мокриц был единственным свидетелем чудовищного зрелища. Как будто странная сверхскоростная партия шахмат разыгрывалась у него на глазах.

И вдруг ноги сами понесли его вперед... быстрее, быстрее, слишком запыхавшийся, чтобы крикнуть, он бросился к двум детям, которые сидели на корточках у рельсов, прижав к ним уши и хихикая, потому что те так смешно дрожали и ходили ходуном, так громко, и...

ПРЯМО ЗДЕСЬ, ПРЯМО СЕЙЧАС!

И... мимо...

Мокриц очнулся. В этом был свой плюс. В одно мгновение на него налетела Железная Ласточка и он умер – но вот он лежал и медленно приходил в себя, в белой комнате, где пахло камфарой и другими лекарствами, пахло резко и успокаивающе, и это было живое подтверждение того, что уж хотя бы нос Мокрица остался на своем месте, потому что остального тела он не ощущал вообще.

Приглушенные тихие звуки постепенно приближались и набирали громкость, складываясь в слова, обнадеживающе отчетливые и проникнутые сердечностью. На их фоне проступила фигура в белом халате, объяснявшая:

– Ему то хуже, то лучше, но хуже уже реже, а лучше – все чаще. Крепнет буквально на глазах, переломов нет, хотя приличная пара сапог погибла с концами. Но будет тебе известно, госпожа, даже у нас в больнице уже нашлись люди, которые вызвались скинуться на новую обувь.

Мокриц напрягся, силясь вырваться из полубморочного состояния и вернуться в здесь и сейчас. Здесь и сейчас на нем не было и живого места, но в то же время на него смотрела Дора Гая. За ней маячил внушительных размеров некто в белом халате, принадлежавший к тому типу людей, которые в юности интенсивно занимались силовыми видами спорта, да и сейчас были бы не прочь, вот если бы только живот был поменьше и кости не ломило.

Жена разглядывала Мокрица очень внимательно, словно проверяя, все ли части тела остались на своих законных местах, а врач ухватил его за руку и громогласно воскликнул:

– Кто-то там тебя бережет, господин фон Липвиг. Как чувствуешь себя? Как твой лечащий врач обязан заметить, что выскакивать на рельсы

перед движущимся составом медицинские работники не рекомендуют, чего нельзя сказать об идиотски неосмотрительных проявлениях личного мужества, за что мы все тебе и аплодируем!

Доктор Газон осмотрел Мокрица и спросил:

– Ты сам-то помнишь, что произошло, а, господин фон Липвиг? Ну-ка, давай вставай, посмотрим, можешь ли ты ходить.

Мокриц выяснил, что ходить может, и сильно пожалел об этом. Все тело как будто было одним сплошным синяком, но медсестры помогли пациенту удержаться на ногах и не спеша довели до соседней палаты, за дверью которой, помимо громкого шума, обнаружили две семьи. Они состояли из маленьких детей и заплаканных родителей. Разрозненные фрагменты прошлого в памяти Мокрица с хрустом встали на место и стали разрастаться в одно чудовищное воспоминание; он снова ощутил дыхание просвистевшего над ним паровоза и тяжесть двух малышей, по одному в каждой подмышке. Да нет же, не могло этого произойти на самом деле... или могло?

Но плач и крики вокруг говорили об обратном. Женщины лезли с поцелуями и совали ему деток, чтобы и они сделали то же самое, а мужья в то же время наперебой жали Мокрицу руки. Недоумение клубилось в нем, как паровозный дым, а Дора Гая стояла рядом, украдкой улыбаясь той особенной улыбкой, какая знакома только мужьям.

Эта улыбка не сходила с лица Доры Гаи и когда им удалось наконец вырваться из кольца счастливых родителей и липких детей.

– Не ты ли однажды сказал, дорогой мой, что жизнь, лишённая риска, не стоит того, чтобы жить?

Мокриц потрепал ее по руке:

– Ну, Шпилька, женился же я на тебе, не так ли?

– Ты просто не мог сдержаться, да? Это точно какой-то наркотик. Ты не успокоишься, пока кто-нибудь не покуится на твою жизнь или пока ты сам не окажется в эпицентре катастрофы, от которой, конечно, славный Мокриц фон Липвиг спасется в самый последний момент. Это какая-то болезнь? Что-то врожденное?

Мокриц сделал жалобное лицо, как умеют только мужья и щенки.

– Хочешь, чтобы я перестал? – спросил он. – Если хочешь, я перестану.

Повисла пауза, но потом Дора Гая сказала:

– Вот гаденьш, как же я могу тебе что-то запретить? Если ты успокоишься, ты уже не будешь Мокрицем фон Липвигом!

Он собрался возразить, но в этот момент распахнулась дверь и ворвалась пресса: Вильям де Словв, главный редактор «Правды», в

сопровождении проводника поезда и вездесущего иконографиста Отто Шрика.

А поскольку Мокриц до самого смертного дня не перестанет быть Мокрицем фон Липвигом, он улыбнулся перед объективом.

Мокриц напомнил себе, что все только начинается. И продолжение не заставит себя долго ждать. Но ничего, ему было не впервой танцевать эту кадрили, так что он изображал стойкого оловянного солдатика и улыбался господину де Словву, который прямо с порога сказал:

– Похоже, ты *снова* стал героем, господин фон Липвиг. Машинист и кочегар в один голос утверждают, что ты подбежал раньше, чем они успели дернуть тормозной рычаг, подхватил детей и в самый последний момент сумел занять безопасное положение. Самым безопасным в данный момент оказалось распластаться прямо под вашей Железной Ласточкой. Сущее чудо, что ты оказался поблизости, не правда ли?

Ну вот и снова в пляс.

– Никаких чудес. Мы стараемся ни на минуту не оставлять посетителей без присмотра. Дети гуляли за пределами участка и, строго говоря, находились в этот момент под ответственностью своих родителей, но мы в ближайшее время поставим ограждения вдоль всей линии. Нужно понимать, что к нам стекается слишком много людей. Оригинальное сочетание живого пара и скорости притягивает их как магнит.

– Очень опасная новинка, господин фон Липвиг, ты не находишь?

– Как же, господин де Словв, все старое когда-то было новым, и, пока не было как следует изучено, тоже таило неизвестность и опасность. Но так же верно, как то, что ночь сменяет день, рано или поздно все новое становится частью жизни. Поверь мне, то же произойдет и с железной дорогой.

Мокриц не сводил глаз с журналиста, который тщательно записывал его слова, и успел подготовиться к следующему вопросу:

– Столатские равнины полнятся жалобами старшего поколения. Старики боятся шума и скорости, а еще поезда приносят с собой дым и копоть... Наверняка все это представляет опасность для нашего славного города.

Мокриц одарил его улыбкой, думая про себя: ну вот, опять.

– Место, которое ты изволишь называть «нашим славным городом», сплошь состоит из дыма и копоти и много чего еще в придачу. Испытания Железной Ласточки никого не оставили равнодушными. Все отмечают ее способность быстро и безопасно перевозить тяжелые грузы. И не будем забывать, что в отношении определенных товаров скорость является

первостепенным фактором: взять хотя бы посылки с нашего Почтамта или вашу газету. Никто не хочет получать новости с запозданием, а благодаря железной дороге столатские жители получают утреннюю «Правду» к завтраку. А что до страхов старшего поколения... Что ж, одна старушка недавно сказала мне, что нам стоило дожидаться, пока все старики поумирают, и только потом открывать железную дорогу. Согласись, в этом случае ждать нам пришлось бы очень долго!

Увидев, что губы журналиста тронула улыбка, Мокриц понял, что добился своего.

– Люди нередко говорят, что, мол, старики не поймут, когда на самом деле это они сами не хотят понимать или принимать новое. А вот старики как раз бывают рисковыми ребятами и очень этим гордятся, – здесь для пущего эффекта Мокриц заговорил серьезно. – К сожалению, работа прототипа не может гарантировать стопроцентную безопасность. Непросто добиться безопасности, когда еще не знаешь, в чем опасность. Это понятно? Но я ни секунды не сомневаюсь, что однажды поезд спасет еще много, много жизней. Я даже обещаю это.

Как только пресса удовлетворилась полученным интервью и портретом героя дня, а доктор Газон получил свой чек, Мокриц попрощался с Дорой Гаей и поймал кэб. Добравшись на нем до участка, он без стука ворвался в кабинет Гарри Короля.

– Там должны были дежурить люди, Гарри! – закричал Мокриц, стуча кулаком по столу. – Если у тебя осталась хоть капля здравого смысла, поставь нормальную охрану по всей дороге в окрестностях своих владений, чтобы посетители не оставались без присмотра, когда ходит поезд! В этот раз я вытащил твои каштаны из огня, – не унимался он. – Но, Гарри! Два детских трупа на первой полосе – и железные дороги закончились бы, не успев начаться! Витинари бы вмиг прикрыл нашу лавочку, не сомневайся. Ты знаешь, как патриций не доверяет механике, и едва ли он нанесет урон собственной репутации, если велит Дику Кексу спрятать свои игрушки обратно в коробку. Да, было бы обидно, но люди не должны гибнуть из-за какой-то машины!

Мокриц перевел дыхание. Он задыхался и сопел, а у сэра Гарри, который не проронил ни звука за всю его тираду, побагровело лицо.

В наступившей тишине Мокрицу послышалось любопытное шипение, похожее на то, что испускала Железная Ласточка, когда расслаблялась после тяжелого трудового дня. Пожалуй, его можно было описать как железное мурлыканье, но в следующее мгновение звук стих, и Мокриц усомнился, что вообще его слышал.

Гарри смерил Мокрица взглядом и серьезно спросил:

– Говорят, ты прыгнул прямо под поезд с двумя мальчишками в охапку. Это так?

– Если честно, понятия не имею. Я увидел детей, они положили головы на рельсы и прислушивались. Они просто играли, и я отчетливо помню, как подумал: «Вот черт!» Потом что-то ударило меня по голове сбоку, и больше я ничего не помню, пока не очнулся в палате в больнице леди Сибиллы, вот и вся история. Я могу соврать ради развлечения, рекламы, банального соперничества, личной выгоды и всеобщей радости, но сейчас я говорю правду.

Повисло молчание, которое нарушил хриплый голос Гарри:

– Ты ведь знаешь, что я сам дедушка? Старшая порадовала: внук и внучка. И меня не так просто пронять, приятель, но сейчас всего так и колотит. – Гарри вышел из-за стола, и из глаз у него текли слезы. – Ты в этом разбираешься, господин фон Липвиг, так скажи, пожалуйста, что мне сделать?

Мокриц не ожидал такой реакции, но ответил без колебаний.

– Соберись, Гарри, – приказал он. – Это инженеры и тому подобная публика разбираются в кузнечных мехах, высоких скоростях и вращении колес! А для большинства людей такая прыть – что лошадь, закусившая удила. Сколько горожан каждый год получают травмы, когда старому ломовому коню Доббину в очередной раз взбредет в голову пошалить прямо посреди улицы! Мой совет – закрыть на неделю аттракцион с Ласточкой на техническое обслуживание. Все привести в порядок, убрать из-под ног острые предметы, поставить какой-нибудь забор и назначить пару человек в форме, посолиднее, присматривать за территорией. Ты понимаешь в этом толк. Пусть все видят, что у нас *безопасно*.

И снова Мокриц услышал это шипение; казалось, оно раздается у него в душе, насыщая его свежими идеями, и в театре собственных мыслей он сидел на галерке и смотрел на сцену своего воображения, жадно ожидая увидеть, что придет ему в голову дальше.

– Но подобные инциденты могут произойти не только на участке, Гарри. Нужно найти возможность следить за всей линией. Чтобы кто-то обязательно заметил, если на рельсах окажется ребенок или корова, если поезд свернет не туда. – Гарри побледнел, представив все, что могло пойти не так, но Мокриц уже не мог остановиться. – Им нужен будет хороший обзор – подошла бы смотровая вышка или клик-башня, чтобы сразу подать сигнал машинисту... Спроси у Дика – у него голова светлая, он придумывает новые устройства быстрее, чем успевает их начертить. И вот

еще совет: сделай что-нибудь с этими старыми грязными вагонами для скота, которые цепляют к Ласточке. Для зверинца было бы в самый раз, но у твоих посетителей должны быть условия не хуже тех, что мы предоставляем на столатском направлении, – «шшиш». – Точно! Больше элитных вагонов и... – Мокриц так и видел, как подмигивают ему деньги, – ...вот еще мысль. Для тех, кто не может назвать себя богачом, но кому очень хочется, – почему бы не сделать вагоны и для них? Не нужно шика, но пусть они будут ощутимо лучше, чем самые дешевые вагоны, которые, наверное, останутся вообще без крыш. Это даст пассажирам цель, к которой можно стремиться, а тебе – очередной прирост прибыли.

Вся мощь самого грозного взгляда Гарри Короля устремилась на Мокрица.

– Господин фон Липвиг, чтоб мне провалиться, а ты опасный человек! Ты делаешь так, что люди начинают заноситься не по чину, а это кажется подозрительным и вызывает беспокойство. Что еще хуже, они заставляют *очень сильно* нервничать.

К удивлению Гарри, Мокриц подпрыгнул в воздух и закружился.

– Да! Да! Так и надо делать! И лорд Витинари это знает. Он верит, что люди должны стремиться к самосовершенствованию во всех аспектах. Я вижу это как наяву, Гарри. Вообрази юношу, который приглашает свою возлюбленную на поездку по железной дороге и осмеливается потратить лишние шесть пенсов, чтобы купить места в вагоне классом повыше. Да, он не толстосум, но он посмотрит по сторонам и подумает: это мне подходит, это мне нравится, и я не прочь так жить. А потом он возвращается на работу и стремится, да, стремится стать лучше, иными словами, богаче, что идет на пользу и ему самому, и его нанимателю, не говоря уж, конечно, о хозяине железной дороги, то есть о тебе, родимом, который позволил ему задуматься о чем-то большем, нежели подобающее ему место в поезде. Все в выигрыше, никто не в проигрыше. Пожалуйста, Гарри, пожалуйста, позволь людям стремиться к большему. Кто знает, может, все это время они сидели не в своем вагоне. Твои железные дороги, друг мой, научат их мечтать. А когда у человека есть мечта, он становится на шаг ближе к реальности.

На протяжении этой речи Гарри смотрел на Мокрица во все глаза, будто перед ним был гигантский тарантул, но таки нашел в себе силы ответить:

– Господин фон Липвиг, ты только что лежал под поездом, и пятьдесят тонн железа проехали у тебя над головой, а теперь ты вертишься как юла, весь такой энергичный, бойкий, с планами! Что ты такое принимаешь? И

можно мне тоже?

– Ничего не знаю, Гарри, это мое естественное состояние. Что бы ни случилось, продолжай двигаться вперед и никогда не останавливайся. Мне это помогает. И не забывай: возьми себя – нас – в руки и сделай так, чтобы публика и механизмы не пересекались.

В состав Щеботана, точно так же, как и в состав его государства-побратима, Анк-Морпорка, входила столица, несколько теоретически автономных городов-сателлитов, которые соперничали друг с другом в развитии, неопределенное количество других населенных пунктов, препирающихся друг с другом и раздутых от чувства собственного величия, а также множество усадеб, приходов, ферм, виноградников, шахт, деревень, дорог, названных в честь чьей-то собаки, и так далее и, уж конечно, тому подобное.

В нынешние дни фермер с окраины анк-морпоркской гегемонии^[37] мог спокойно переговариваться через забор с щеботанским фермером, который в это время определенно находился в Щеботане, и речь у них шла ни разу не о политике. Разговоры велись о погоде, избытке или недостатке осадков и о бесполезном правительстве, неважно чьем, а потом они благодушно пожимали друг другу руки или отвешивали поклоны, и один шел домой, где отдыхал после тяжелого дня за пинтой домашнего пива, а другой делал то же самое, но за вкусным домашним вином.

Время от времени сын одного из этих фермеров мог подойти к забору и посмотреть на дочь другого, и наоборот; вот почему в некоторых, весьма любопытных, любопытнейших местечках вдоль границы жили люди, владевшие обоими языками. Подобные вещи правительства *страшно* ненавидят, а это всегда приятный плюс.

Строго говоря, Щеботан и Анк-Морпорк стали закадычными друзьями после многовековых конфликтов, преимущественно по таким поводам, которые впоследствии оказывались несущественными, мелочными, ошибочными или откровенно ложными. Раньше, чтобы перемещаться между этими странами, нужен был паспорт, но с тех пор, как лорд Витинари вступил в должность, никто больше не требовал предъявить документы. По молодости Мокриц часто бывал в Щеботане в разных обличиях и под разными именами, а в одном примечательном случае и под другим полом^[38].

Мокриц ностальгически припомнил тот боевой триумф. Это была великая афера, и, хотя в его жизни было и множество других плодотворных

эскапад, тот номер он больше не рискнул проворачивать. Монашки бы его с потрохами съели.

Но сейчас его карета наконец достигла щеботанской границы. Единственным препятствием на пути были ворота, которые в теории должны были стоять взаперти и охраняться двумя стражниками – по одному от каждой страны. Но, как всегда бывает в международных отношениях, пограничники в основном дремали, а если бодрствовали, то увлеченно занимались каждый своим огородиком по разные стороны границы. Некоторые задавались вопросом, какой был в них смысл? Все равно все провозили контрабанду, причем в обоих направлениях, так что время требовало прагматического подхода к вопросу.

С собой у Мокрица был список людей, с которыми ему предстояло повстречаться. О да, куда же без списка! Он понимал, что сам Щеботан отчаянно нуждался в железной дороге, потому что в стране было много продукции, которую все хотели сбыть, чтобы не остаться с грудой прогнившей рыбы, поэтому Мокриц предвкушал, что неделя общения с лобстерами^[39] пройдет без осложнений. Однако прежде пришлось иметь дело с людьми, живущими далеко от побережья, для которых их клочки земли были священны. Да, они хотели железную дорогу, но если дорога будет проходить по их участку, то у *них самих* от участка ничего, кроме этой дороги, не останется.

В ведении переговоров с Щеботаном Мокрицу помогал исполняющий обязанности капитана Пикша из анк-морпоркской Городской Стражи, в настоящий момент прикомандированный к щеботанским правоохранительным органам, который выучил здешнее наречие на улицах Анк-Морпорка. И.о. капитана Пикша объяснял дилемму, вызванную щеботанскими традициями землевладения, за пинтой некрепкого пива.

– Они называют это *ле патримония*. Это значит, что все отпрыски должны получить кусок земли, когда мамка и папка помрут. Большую ферму нужно разделить на две или три, а то и больше, маленькие фермы, чтобы все получили свой кусок. Даже правительство понимает, какой это бред, но в Щеботане никто не обращает внимания на мнение правительства. Так что твоя задача, господин фон Липвиг, все им разъяснить, а больше, увы, ничего не остается.

И Мокриц старался, очень старался, но после полумесяца чуть не доконавших его торгов за каждый клочок земли размером с носовой платок он был готов опустить руки и вернуться в Анк-Морпорк. Он переживал, что Гарри останется недоволен, а что еще хуже, останется недоволен Витинари, но, может, Мокрицу повезет и ему еще удастся отболтаться.

Мрачное настроение Мокрица чуть прояснилось, когда он приблизился к небольшому, но процветающему имению, принадлежащему маркизу де Бламанже, известному виноделу. Маркиз был одним из последних землевладельцев в списке Мокрица. Он женился на уроженке Анк-Морпорка и имел личный интерес в том, чтобы его отборные вина добирались до покупателей без задержек и с минимумом тряски, которая пагубно сказывалась на вине. После нынешних перевозок в экипажах по дорогам, испещренным рытвинами, бутылкам требовалось отлеживаться в темных погребах еще месяцами.

Маркиз пригласил Мокрица на обед. Подавали нечто, что он назвал *фьюжн гурмэ*, с *pate* без всяких *a ля*, лобстером с пюре на второе и превосходным пудингом с изюмом на десерт. Сочетание блюд, которому обычно хочется пожелать долгой жизни в летописях кулинарных ужасов, на деле оказалось не таким уж плохим, особенно если запивать лучшими домашними винами.

Маркиз оказался человеком молодым и дальновидным. Он явно был покорен концепцией железной дороги, и не только торговыми перспективами, но и возможностями для сближения людей. С этими словами он подмигнул супруге, недвусмысленно намекая на то, что сближение людей было темой, очень дорогой его сердцу. И он верил, что чем больше люди знают друг о друге, тем лучше они ладят. Его отношение к щеботанским своеобразным и несколько идиллическим взглядам на вопрос о разделении имущества после смерти родителей представляло огромный интерес для Мокрица.

– Все хотят продавать свой вино, и сыр, и рыбу в Анк-Морпорк, это факт, но *никто* не хочет терять земля. Нам всем нравится иметь свой кусочек Щеботан – это наш *личный* собственность, который можно взять в пригоршню и стиснуть в кулак. За собственность стоит бороться. Да, это ужасно старомодно, и правительство рвет на себе волосы, не зная, что поделаться с этот неистребимый традиция, но мне, истинному сыну Щеботана, это очень близко и понятно. А вот для тебя, мон ами, это грозит оборачиваться проблемой, потому что мы не продаем то, что принадлежит нам по праву рождения, разве что за очень высокую цену. И когда разойдется новость о железный дорога, цена будет взлетать до небес. И тебе, как говорит моя жена, придется раскошелиться *дан ля не*. Так что могу советовать подыскать другой дороги до столицы, если хочешь управиться раньше, чем *ле свинья* полетят. – Маркиз задумался ненадолго и прибавил: – Пойдем в мою библиотеку. Я покажу тебе некоторый карты.

В просторной, богато мебелированной комнате, увешанной чучелами

голов убитых животных (во всяком случае, хотелось надеяться, что это были чучела), с застарелым запахом формальдегида, Мокриц разглядывал огромную карту, которую маркиз достал из старинного сундука.

Указав на местность, которая на карте выглядела совсем пустой, маркиз сказал:

– Вот здесь вся земля ничего не стоит. Сплошной стланик, копать совершенно нечего, кроме охры, и той кот наплакал. Считаю, пустырь, поросший кустарниками, такими густыми, что все ноги обдерешь. Совершенно безынтересный для человека место. Бросовая земля, можно сказать, прибежище беглый преступник, разбойник с большой дороги, бандит и контрабандист. Все опасные и вооруженные до зубов типы. Правительство периодически делает вид, что проводит зачистки, но и только. Еще там живут гоблины, но эти ничего не знают о правах на земля.

– Мы в Анк-Морпорке совсем недавно пришли с гоблинами к взаимопониманию, – быстро вставил Мокриц. – Надо только найти для них занятие, которое им понравится и в котором они будут добиваться успехов. Главное, не путаться в их именах и подавлять в себе желание дать им затрещину. Гоблины, если их не бить, приносят огромную пользу, хотя с эстетической точки зрения – удовольствие, конечно, сомнительное.

– Хотелось бы, чтобы и мы находить с ними общий язык, – протянул маркиз мечтательно. – Но имей в виду, что здесь у нас *щеботанские* гоблины, а они большие скандалисты, строптивцы и нередко пьяницы. Они делают собственное вино, мон дью! – Маркиз задумался и поправился: – Винный напиток, пожалуй.

– Звучит не так уж и страшно, – заметил Мокриц.

– Да ну? Они делают вино из улиток. Плоды стен, как вы, анк-морпоркцы, их зовете. Выпьют – и буянят. Но с ними бы не было проблем, если бы не разбойники, которые охотятся на них ради забавы.

– То есть в стланике хозяйничают разбойники? – уточнил Мокриц.

Маркиз заколебался:

– Не совсем так. Это в буквальном смысле *ничей* земля. Если поговорить с законниками, они объяснят, что де-факто хозяйничает там Щеботан как таковой.

– Ну вот, а Щеботан как таковой жаждет получить железную дорогу, даже если землевладельцы с ним и не согласны. И если ты, маркиз, можешь гарантировать, что вопрос с правами на землю будет решен, я с превеликим удовольствием окажу городу такую услугу.

Маркиз поморщился:

– Увы, не все так просто. Мы не хотим проблем, но правительство

медлит, когда речь заходит о зачистке, потому что между разбойники и правительство столько общего, что они в любой страна могут оказаться взаимозаменяемы... Вижу, ты улыбаешься, господин фон Липвиг. Я сказал что-то смешное?

– Много ли там разбойников?

– Хватает. Та местность ими кишит. Жуткий разбойники, который шутя пойдут на убийство, если думают, что им сойдет это с рук. Но раз ты так торопишься, господин Анк-Морпорк, боюсь, придется тебе очищать стланик от бандитов самому. Но ты все еще улыбаешься! Будь так добр и поделись шуткой. Пресловутое анк-морпоркское так называемое чувство юмора, увы, теряется при переводе.

– Не беда, – успокоил его Мокриц. – Когда раздавали радости жизни, чувство юмора получил Анк-Морпорк, зато Щеботану досталось искусство изысканной кухни и любви. – Он выдержал паузу и спросил: – Махнемся?

Маркиза захихикала в бокал, улыбнулась Мокрицу и подмигнула, а ее муж усмехнулся и серьезно ответил:

– Я предпочту сохранить нынешний положение вещей, как оно есть.

А Мокриц, который почти совсем смутился, спросил:

– Ну а кроме гоблинов, месье, проживают ли на этих землях приличные люди?

Маркиз покачал головой:

– Абсолютно исключено, ни единый душа.

Мокриц ненадолго задумался, вышел из-за стола, поклонился обоим, поцеловал маркизе руку и сказал:

– Благодарю вас за ваше гостеприимство, помощь и информацию. Мне пора отчаливать – я хочу успеть на ночной рейс до Анк-Морпорка, но что-то подсказывает, что благоприятные обстоятельства вскоре возьмут верх. Я чувствую, что они буквально витают в воздухе.

В Анк-Морпорке было полно гномьих баров, больших и маленьких, на любой вкус. Полумрак «Грязной крысы» пользовался особенной популярностью среди гномов, которые предпочитали заведения в традиционном стиле и категорически возражали против зонтиков в напитках.

– Какой нам прок от поджогов клик-башен? Моя бабуля живет под такой башней, и семафорщики разрешают ей бесплатно посылать клики.

Из теней раздался голос:

– Запретил бы ты ей. Семафоры для людей.

И тогда началась перебранка.

– Но не будем же мы отрицать, что клики бывают полезны. Говорят, они корабль в море спасли. Ну и вообще, чтобы не терять контакт с друзьями.

Голос из темного угла отозвался:

– Так оставьте башни в покое. Есть и другие способы показать миру, что с гномами не шутят. Видел я этот паровоз. Столкнуть его с рельс – раз плюнуть.

– Да что ты? И зачем оно нам?

– Пусть знают, что с гномами шутки плохи. И потом, я слышал, что гномов даже не пускают работать на железной дороге.

– Впервые слышу. Это ж дискриминация.

– Не, все потому, что эти гаденыши громили клик-башни. Так и будет, если делать глупости. Ничего удивительного.

– Может, и так, но в железнодорожники берут и троллей, и даже гоблинов... Гоблинов, вы слышите! Пакость какая! Нас вытесняют. Король-под-горой продал Витинари свою душу с потрохами, и глазом не успеешь моргнуть, как они проложат рельсы в Убервальд и все наши шахты займут вонючие гоблины... если сейчас мы не постоим за себя!

– Да! Проклятые гоблины. Спасу от них нет!

Разговор прерывался, когда гномы осушали свои кружки, и пустую посуду потом убирали со стола.

– Да никакой настоящий гном и сам не захочет работать на железной дороге, – заметил невозмутимый голос, обладатель которого до сих пор не показал себя.

– Верно! Дело говоришь. Никогда не пойду на рельсы. Это святотатство! Это надо остановить!

– Они проводят дорогу из Анк-Морпорка в Щеботан. Если помешать им, можно громко заявить о себе, – продолжал голос из теней.

Кто-то хлопнул ладонью по стойке и воскликнул:

– Нужно всем показать, что гномы не позволят вытирать о себя ноги!

– Можно разгромить их колонки с водой и украсть весь уголь, – предложил следующий. – Никто не пострадает, но всем придется добираться пешком.

– Слишком мелко. Их отремонтируют и продолжат как ни в чем не бывало. То же самое и с клик-башнями было. Нужно что-то с реальным размахом. Что-то, что обязательно обратит на себя внимание.

Отовсюду стали доноситься звуки, сопровождающие мыслительный процесс у существ, которые не привыкли думать. Кто-то сказал:

– Ты об убийстве говоришь?

– Ну как бы нужно поставить на своем. А когда все прояснится, нам еще спасибо скажут.

Тогда трактирщик, который все это время приглядывал за компанией, настойчиво намекнул:

– Мы закрываемся, господа, пора вам расходиться по норам.

И он выставил их на улицу.

Пламена это ничуть не разочаровало. В конце концов, в паре кварталов находился еще один гномий бар, а капли медленного яда уже оказывали свое действие. Удивительно, как просто манипулировать другими. Достаточно лишь верной интонации и подходящего момента. А уж потом они закончат работу и без него, фразами вроде «это же так логично» и «они что-то замышляют», этими репейниками на дороге межвидового непонимания.

Было время завтрака, когда Мокриц наконец вернулся в Анк-Морпорк. Первым делом он бросился домой к Гарри Королю. Было странно видеть Гарри Короля в роли обычного семьянина. У него на ногах даже были домашние тапочки. Юффи захлопотала, приказывая слугам нести еще кофе, а Мокриц принялся докладывать ее мужу о своих успехах.

– Со Щеботаном вышла небольшая заковыка. Скажу без обиняков, кое-кто хочет помешать железнодорожному прогрессу.

Мокриц объяснил Гарри ситуацию с наследным землевладением и высказал мнение, что раз огромные территории стланика не принадлежат никому, они принадлежат всем, а значит, рельсы можно проложить прямо там. Оставалось только решить вопрос с разбойниками. Выражение лица Гарри отогрело бы сердце даже холоднокровной рыбе, особенно какой-нибудь акуле, и в общем-то Мокрицу можно было дальше не продолжать, но он все равно сказал:

– Было бы неплохо, если бы можно было вернуться туда как-нибудь ночью в компании твоих големов и, может быть, даже твоих... ассистентов, твоих *технических специалистов*, так сказать, которые привыкли решать конфликты. И конечно, мне понадобится карета...

Выражения на лице Гарри менялись, как узоры в калейдоскопе.

– Не возражаешь, если и я составлю тебе компанию? – произнес он наконец.

А Юффи взвизгнула:

– Гарри Король! В твоём-то возрасте! Никуда ты не поедешь, а очень даже останешься дома!

– О, дорогая, ну как же, он ведь сказал, что там разбойники. Это мой

гражданский долг. Я ведь Гарри Король, человек, который делает дело, а это и есть самое мое дело, и я обо всем позабочусь лично.

– Гарри, одумайся! Вспомни о своем положении в обществе!

– Человек сам творец своего положения в обществе, Герцогиня. Это мой бизнес, значит, я все и улажу. В самый последний раз, честное слово.

– Ох, ну что с тобой сделаешь... Но смотри, не спускай с него глаз, господин фон Липвиг. А ты, Гарри, слушайся господина фон Липвига, он очень рассудительный молодой человек, – велела Юффи. – И ни капли спиртного. И, господин фон Липвиг, следи за тем, чтобы он всегда был тепло укутан, потому что у него проблемы с этим самым, пузырем, ты понимаешь. Он уже не так молод, как хотелось бы.

Гарри прорычал в ответ:

– Знаю, Юффи! Но сейчас я полон сил. Господин фон Липвиг, я свистну ребят и големов, и встретимся на этом месте завтра ровно в семь утра.

Дома Дора Гая сказала:

– Это, естественно, опрометчивый поступок, но иначе он бы и не пришел тебе в голову, я угадала?

– На самом деле рейд предложил сэра Гарри, – соврал Мокриц. – Для него это станет своеобразным последним приветом молодости. Но ему пришлось буквально руки мне выкручивать, чтобы я согласился, честное слово, не будь мое имя Мокриц Липвиг. Но видела бы ты его лицо!

– Ты, Мокриц фон Липвиг, и сам кипишь энтузиазмом, не правда ли? У тебя же все на лице написано.

– Ну, не совсем, – ответил Мокриц. – Но ночь обещают безлунную, и увидеть Гарри и его товарищей в действии, вероятно, будет очень познавательно. Но *ты*, конечно, ничего не слышала, ладно?

На лице Доры Гаи изобразилось очаровательное непонимание.

– Чего не слышала? Главное, Мокриц, если случится мясорубка, постарайся вернуться домой в исходном состоянии.

На следующее утро у дома Гарри Короля ожидали две большие кареты, в которых сидела компания его дружков. Мокриц недоумевал, как Гарри удалось собрать их за такой короткий срок, но потом он вспомнил обо всех делишках, которые Гарри проворачивал в старые греховные времена, которые теперь любовно вспоминал как «старые добрые». В принципе, немудрено, что ему удалось так быстро собрать армию для того, чтобы решить небольшой спор, кто главный на районе.

Сейчас они вели себя порядочно, почти не плевались и совсем не матерились, потому что Герцогиня провожала их, выглядывая из окна.

Перед отправлением Гарри обратился к бригаде:

– В общем, братцы, расклад такой. Никого не убивать, если только они первые не начнут. Это не наш район, но они все равно разбойники. Можно сказать, мы строим лучший мир для приличных людей, навроде нас. И подчищаем за собой, как всегда это делали.

Мокриц посмотрел на лица ассистентов Гарри. У одних были золотые зубы, у других зубов не было, зато у всех были скрытные взгляды людей, которым не впервой выезжать за границу в ночь. И если внимательно присмотреться к их одежде, то можно было заметить оттопыренные карманы, а один из них, с нетерпеливым выражением лица, просто держал в руках ящик инструментов. Он явно был человеком, не терпящим полумер.

Гарри ясно дал понять, что пьянства в карете не допустит, разве что на обратной дороге, так что путешествие проходило хмуро. К концу дня они достигли стланика. Перед ними простиралась земля, явно не готовая к экипажам. В гуще кустарников дорога истончилась в узкую тропу. Гарри велел возницам остановиться на пяточке, где нашлось немного травы и воды для лошадей и где кареты были скрыты из вида, и направил своих ассистентов вперед, разведать обстановку.

Мокриц впервые в жизни путешествовал с такими немногословными попутчиками. Они будто поглощали все звуки – и, бесшумно выпрыгнув из карет, тут же растворились в пейзаже. Предоставив эту часть работы профессионалам, Гарри и Мокриц устроились поудобнее и стали ждать.

Ночь стояла темная, и весь отряд крадучись подобрался к бандитскому лагерю. Они забрели в самую гущу щеботанского стланика, который оказался кошмарным переплетением густого терновника, который грозился ободрать кожу до кости. Заросли представляли собой адский сад, особенно под покровом темноты. Виднелись всполохи костра, на котором готовилась пища, слышались характерные звуки сдобренного алкоголем храпа. Мокриц решил, что этим разбойникам должно быть стыдно за свое поведение: ни души на шухере!

Когда ассистенты стратегически расползлись по периметру, Гарри тихонько вышел в центр лагеря.

– Подъем, господа! Мы – общество по охране гоблинов, и у вас есть ровно две минуты на то, чтобы взять ноги в руки и исчезнуть отсюда. Все поняли? Умницы, мальчишки!

Один разбойник, пошатываясь, выполз из палатки и окрысился:

– Нам плевать, кто вы такие, так что можешь засунуть свои угрозы прямо в самое это самое, мусье.

А Гарри ответил:

– Превосходно! Мы обожаем что-нибудь куда-нибудь совать! Выходите, парни, только смотрите, чтобы ни один гоблин не пострадал, ладненько?

Мокриц осторожно отступил назад, продолжая обозревать происходящее. Гарри пообещал, что человекоубийство не входило в сегодняшние планы, но через две минуты после того, как он спустил на разбойников свою команду, те, кто не успел броситься наутек, уже валялись, поверженные, на земле. Мокриц как будто наблюдал за войной двух банд, только у одной из них не было ни мозгов, ни стратегии. Люди Гарри действовали методично, оперативно, в высшей степени профессионально и в некотором роде бесстрастно. Это было рабочее задание, и они выполняли его усердно и досконально. Такая уж была у них работа. Но они льстили себе мыслью о том, что в кои-то веки выступали на стороне добра. Мокриц подозревал, что им нечасто выпадала такая возможность.

Гарри обвел взглядом поле битвы, удостоверился, что никто не заработал увечий тяжелее банального сотрясения мозга или перелома ноги, и остался доволен по всем пунктам.

– Что собираешься с ними делать? – поинтересовался Мокриц.

– Предоставить их местному правосудию, мы же добропорядочные граждане. Значит, держим путь к твоему маркизу.

– Согласен, но я бы предложил оставить тут одного или двух, чтобы остальные разбойники наверняка узнали, что бывает, если огорчить добропорядочных граждан.

– Допустим, – проворчал Гарри. – Но сперва пусть мои парни проведут еще пару... экскурсий по окрестностям. Может, сами вытравим еще этих типов. Поступки говорят сами за себя, господин фон Липвиг.

Той же ночью в своем шато маркиз в одном халате встретил их в компании двух слуг.

– Месье Липвиг, мон ами, какой приятный сюрприз! Не ожидал так скоро встретить тебя вновь. И с компанией.

Гарри выступил вперед прежде, чем Мокриц успел вставить слово.

– Милорд, мы доставили к тебе злоумышленников, потому что ты единственная мало-мальски авторитетная фигура поблизости.

Маркиз с жадным интересом посмотрел на заключенных.

– О, я вижу, у двоих на висках выбито «ГАРРИ КРЛЬ». Неужели я имею честь вести беседу с самим Гарри Королем собственной персоной? О, не удивляйся. Моя жена много рассказывала мне о Короле Золотой Река, не забыв и о знаменитый кольца. Исключительно рад приветствовать тебя в своем шато и надеюсь, мы будем делать вместе много бизнес. Могу ли я предложить вам выпить?

– Извиняй, господин, но что прикажешь делать с этой шоблой? – спросил ассистент с ящиком инструментов.

– Сгрузи их в ублиет, силь ву пле, мы их попозже вытащим.

– Ублиет, господин? Это, типа, сортир?

– Полагаю, в данном случае не без этого! – засмеялся маркиз. – Эти гарсоны были занозами в наших дерьер уже долгое время. Я думаю, больше они не будут доставлять нам хлопоты.

Когда Мокриц, Гарри и его ассистенты чуть свет снова расселись по каретам и пустились в долгий обратный путь, они прихватили с собой и ящик пива, отпраздновать победу.

– Молодцы, братцы, – воскликнул Гарри, откупоривая бутылку. – Вы сделали все, что от вас требовалось, и даже больше, а уж на благодарность я не поскоплюсь, вы меня знаете. Надеюсь, в скором времени мы еще с вами поработаем. Можете на меня рассчитывать.

Гарри откинулся на спинку сиденья и принялся дымить сигарой, изредка перекидываясь парой слов то с одним, то с другим боевым товарищем о делах давно минувших дней, когда Стража была не Стража, а смех один.

Дора Гая не выдержала и разбудила Мокрица часа в четыре пополудни, поднеся ему чашку чая. Пока он пил, жена взбила ему подушки и спросила:

– Ну же, рассказывай, как все прошло? Ночью я не просыпалась, значит, обошлось без взрывов – уже достижение. А ты сам что скажешь?

– Не было ни кровопролития, ни даже особого избиения, насколько я понял, но добро победило зло... ну, не то чтобы «добро», но победило. Помощнички Гарри Короля очень подвижные для своих лет и чертовски коварные.

Дора Гая поставила ему на колени поднос с едой и сказала:

– Вряд ли завтрак в постель заставит твое сердце биться так же часто, господин Жизнь Без Риска Не Стоит Того Чтобы Жить, да?

Мокриц вонзил в сосиску вилку и ответил:

– Как же хорошо ты меня знаешь, Шпилька. А тепер послушай. Судя

по всему, в стланике живет много гоблинов, а щеботанцы до сих пор не понимают, что эти существа бывают полезны, пусть даже они гонят вино из улиток. – Мокриц скривился и продолжал: – Ты не возражаешь, если я прихвачу с собой в Щеботан Из Сумерек Темноты?

Дора Гая удивилась:

– Я думала, ты его недолюбливаешь.

– Ну, к нему как-то прикипаешь, да, вроде накипи на чайнике. Там столько гоблинов, и они, должно быть, так растеряны, что им будет приятно увидеть родное лицо. – Мокриц задумался. – Если это можно так назвать.

А вдали от Мокрица, в темноте во всех ее мыслимых проявлениях, включая метафизические, в пещере, которая парадоксальным образом то искрилась, то была погружена во мрак, в зависимости от того, под каким углом смотреть, принимались решения. Пещера освещалась одинокой свечой, огонек которой, как говорится, лишь подчеркивал темноту. И все же ее крошечное дрожащее пламя преломлялось в россыпи драгоценных камней, которые (даже если сложить вместе их бледное переливчатое мерцание) давали значительно меньше света, чем скромная сальная свечка.

Короче говоря, это был свет, который прятался от света, и у него были все основания это делать. Вот и невезучий гном, неловко сидящий сейчас в центре пещеры, был бы рад где-нибудь спрятаться и оказаться где угодно, лишь бы не здесь. «Не здесь» было ключевым, ведь любое место было бы лучше этой пещеры.

Вот только его держал священный долг. Впервые он услышал о нем, еще сидя на коленках у отца, а может, у матери, потому что он никогда не видел их отчетливо, и голоса их всегда звучали приглушенно, поскольку тишина считалась среди грагов такой же добродетелью, как и темнота. Вспомнив этот неоспоримый факт, он почти отважился все бросить и убежать, но одернул себя в последнюю секунду, потому что ему было негде спрятаться. Он слишком высоко зашел^[40]! Никакому гному нельзя заходить так высоко, вот граги и раскусили его.

Поговаривали, что они знали десятки способов убийства в полной темноте и даже умели перемещаться из одной темноты в другую, не выходя на назойливый свет. Ах, сколько о них всего говорили, но чаще – шептали. А он совершил столько грехов: ел говядину, покупал жене яркие сережки, а хуже всего, подружился с Роки Обломом, который был, о ужас, троллем и славным малым в придачу, с которым они частенько сидели рядом, когда ехали на работу, и вместе болели за футбольный клуб Сестричек Долли, и

вместе ходили на матчи, а если вы болеете за одну команду – это значит, что вы друзья, ведь так?

Они и были друзьями. Но глубоко в подкорке у него сидел демон из детства и тихо нашептывал обрывки старых песен, которые затягивали только по особым поводам, мелочные замечания, возведенные в степень святости оттого, что их многократно повторяли правильные люди, сидя вокруг одного костра. Это было в те дивные дни, когда он еще не подросток настолько, чтобы что-то понимать, и его бедный мозг не был напичкан правилами, которым, как в глубине души ему всегда казалось, *нельзя* следовать – о том, например, чтобы не жать руку троллю. Но теперь те, кто застукал и поймал его, стояли между ним и его надеждой на новую жизнь после смерти. Они владели ключами от иного мира и в два счета могли вышвырнуть его в беспредельную пучину гинунгагапа, где ждали страшные существа, истязатели, обладавшие безграничной изобретательностью и долготерпением.

Нога затекла. Он пошевелился и сказал:

– Прошу вас. Я знаю, что натворил много плохого и сбился с пути, и может, я недостойн называться гномом, но если вы дадите мне шанс, я все искуплю. Пожалуйста, умоляю вас, снимите с меня оковы, и я обещаю сделать все, что вы попросите.

Тишина в пещере стала гуще, плотнее, как будто набиралась сил. Сколько времени он здесь провел? Годы? Секунды? В этом был самый ужас темноты. Она все поглощала, превращала в аморфную субстанцию, в которой все переплеталось, вспоминалось, а затем терялось.

– Хорошо, – произнес голос. – Мы заглянули в твою нечистую душу и готовы дать тебе последний шанс. Но имей в виду: других не будет. – Голос чуть смягчился и добавил: – Так следит за тобой. Можешь поесть, еда прямо перед тобой. А затем ступай прочь и знай, что Так пребудет с тобой. Помни, что отвернувшись от Така не будет пощады. А когда Таку понадобится твоя помощь, с тобой свяжутся.

После редкого, тяжким трудом заработанного вечера, проведенного наедине с женой, Мокриц на следующее же утро пустился в путь на глиняной лошади, в компании Из Сумерек Темноты, уцепившегося за его спину.

Они скакали галопом, и что-то в големе-лошади беспокоило Мокрица фон Липвига. Такой лошади не было цены, когда требовалось быстро достичь места назначения. Если, конечно, смириться с тем, что стремена ни капли не спасали, и всаднику оставалось только цепляться изо всех сил до

окончания поездки – в сущности, простая задача. Даже править было необязательно – за тебя все делал коннавигатор: назови ему место назначения, и он благополучно доставит тебя куда надо. Глиняное существо не издавало ни звука, не требовало воды и овса, а когда в нем не было необходимости, просто стояло и терпеливо ожидало.

Но тут Мокриц догадался, что его смущало. Он брал и ничего не отдавал взамен. Мокриц вообще-то особо не вникал в концепцию кармы, но он слышал об этом и сейчас чувствовал, как давит на него ее многотонный груз. Лошадь только отдавала, а он – только брал... «Нет, чушь собачья, – одернул он себя. – Ложка ведь не ждет, пока ты скажешь ей спасибо, верно?» «Да, – возразил Мокриц сам себе, – но ложка все же была куском железа, а глиняная лошадь была лошадью». Мокриц погрузился в размышления. И подумал: «Интересно...»

Вскоре после пересечения границы они добрались до того места, где заканчивался железнодорожный путь. Облегченно выдохнув, Мокриц и гоблин слезли с лошади, и внезапный порыв подтолкнул Мокрица задать существу вопрос.

– Ты разговариваешь? – спросил он, чувствуя себя как-то глупо.

И услышал ответ, прозвучавший не из лошадиного рта, а прямо из воздуха:

– Да, если захочу.

Гоблин хихикнул. Мокриц проигнорировал его и продолжил свой допрос:

– Ага, уже кое-что. Может, ты хочешь порезвиться на просторе или, как там заведено, травушку-муравушку пощипать и все такое?

– Если тебе угодно, – раздался ответ ниоткуда.

Мокриц возразил:

– Но как тебе угодно?

– Не понимаю, что это значит.

Мокриц терпеливо вздохнул.

– Тут неподалеку я заметил ручеек и какие-то заливные луга и ради спокойствия собственной души я бы хотел, чтобы ты отправилась туда и побегала в свое удовольствие.

– Конечно, в свое удовольствие, если тебе так угодно.

– Да ради всего святого, мы же здесь о воле твоей говорим!

– У лошадей нет ничего святого, господин. И я хочу напомнить, что мне не требуется получать удовольствие.

– Ну, так сделай это ради меня, пожалуйста, хорошо? Покувыркайся по цветочкам, поржи, поскачи, еще как-нибудь развлекись. Не для твоего

удовольствия, а для моего спокойствия, сделай одолжение, ладно?

Он проводил взглядом лошадь, скрывшуюся в полях.

За его спиной загоготал Из Сумерек Темноты.

– Ну ты и фрукт, господин Мокрица, освободитель рабов. Интересно, что его светлость обо всем этом скажет?

Мокриц пожал плечами:

– Съязвит, пожалуй, но от пары капель желчи еще никто не умирал. Витинари и сам вполне себе борец за свободу, разве что не за мою.

Поглядев на железную дорогу, Мокриц удовлетворенно отметил, что рабочие бригады под чутким руководством воспитанников Дика Кекса неуклонно продвигались вперед, укладывая очередной участок дороги в направлении Щеботана.

Чтобы отправиться дальше, Мокрицу и Из Сумерек Темноты пришлось проехать на дрезине, которой самозабвенно управляли двое юных железнодорожников, – это была смешная и любопытная конструкция, колеса которой катились по свежеуложенным рельсам, еще не до конца усевшимся в земле.

Они пересекли границу, сделав лишь короткую остановку, чтобы разобраться с формальностями, которые состояли в том, что они кивнули пограничникам со словами:

– Мы проедем, да, парни? – после чего те на секунду оторвались от садово-огородных работ, чтобы махнуть им руками и пропустить.

Там, где заканчивались рельсы, их встречал старик с телегой, готовый доставить их, как и было условлено, до самого шато. Старик не скрывал недовольства насчет присутствия гоблина в своем чистеньком транспортном средстве, хотя речь шла, собственно, о простой телеге.

Маркиз поджидал их на пороге шато и широко улыбнулся, завидев Мокрица. Но, заметив его спутника, сморщил нос.

– Кто это? – спросил маркиз тоном светской львицы, которая обнаружила в своей тарелке часть чьего-то щетинистого тельца.

– Это Из Сумерек Темноты.

Из Сумерек Темноты нахально салютовал маркизу.

– Из Сумерек Темноты, господин Мур-Кис. Нехилое местечко ты себе отгрохал. Оччень даже нехилое. А за запах не переживай. Я привыкну.

После неловкой паузы маркиз промолвил:

– *Мон дью.*

– Не, господин Мур-Кис, какой же я бог, – возразил Из Сумерек Темноты. – Я просто гоблин, лучший из тех, что тут есть, так-то. Я и в хозяйстве пригожусь, – звонко и саркастически продолжал гоблин. – А еще,

господин Мур-Кис, я живой. Если меня уколоть – разве из меня не пойдет кровь? Впрочем, если меня уколоть, то в ответ я вам и сам что-нибудь расколю, ничего личного.

Раскатистый хохот маркиза огласил окрестности. Одного у гоблина было не отнять. Он умел растопить лед. Хоть целый айсберг.

Маркиз протянул ему руку и сказал:

– Аншанте, месье Из Сумерек Темноты. Любишь ли ты вино?

Гоблин задумался.

– С улитками?

Уже поднимаясь по ступенькам каменного крыльца, маркиз отвечал:

– Увы, этого у нас в ассортимент нет. Насколько я понимаю, твой народ любит, чтобы в вине плавала улиточка, но, к сожалению, не могу предложить ничего подобного.

– Не беда, выпью, что нальют, премного благодарен. И чтоб ты знал, господин Мур-Кис, они не мой народ, они твой народ. Я анк-морпоркский паренек. Видел коня с яком^[41], все как положено.

В предвечернем солнечном свете вид на стланик с террасы открывался изумительный.

– У вас много гоблинов в Анк-Морпорке, господин фон Липвиг? – полюбопытствовал маркиз, наливая Мокрицу бокал прохладного вина. – Мы, конечно, слышали про милорда Витинари и его знаменитый плавильный котел. Говорят, однако, что многие горожане все еще относятся к ним с подозрением и считают, что связаться с гоблинами – значит запачкать руки! Такие вот предрассудки у твоих земляков. Хотя их самих нельзя назвать особенно чистый. А нам в Щеботан сами боги велели быть чистоплотнее. Ведь Щеботан – родина месье Биде, человека и инструмента для поддержания чистоты! И при этом *вы* в свой Анк-Морпорк воротите нос от *нас* и называете грязнулями.

– Возмутительно, – согласился Мокриц. – Я как-то встречался с месье Биде, правда, так и не пришлось пожать ему руку... Прошу прощения, что-то не так?

Маркиз вдруг принял обеспокоенный вид.

– Кто-то наблюдал за нами вон с тот дерево. Наверное, я слишком громко говорил, потому что он, кто бы это ни был, сразу спустился и скрылся в чаще. Кто-то мелкий, но крупнее гоблина – тех на деревьях и не заметишь.

В воздухе что-то мелькнуло – это Из Сумерек Темноты перемахнул через парапет и скрылся в зарослях внизу. Через секунду он вернулся со словами:

– Гномье отродье. Удрал, собака. Ну и плевать на него!

Маркиз подлил Мокрицу вина и переспросил:

– Гном? Это как-то связано с твоим делом, господин фон Липвиг? Промышленный шпионаж? Казалось бы, гномам должна понравиться железная дорога... они ведь и работники по металлу, и торговцы рудой.

– Едва ли, – ответил Мокриц. – Несколько месяцев назад экстремистские группировки гномов доставили нам много неприятностей нападениями на семафорные башни, но эта проблема как будто исчерпала себя. Вообще, гномы почти не интересуются работой на железной дороге. Это наверняка как-то связано с грагами. Они не любят тех, кто имеет вес в Анк-Морпорке.

– Ах да, – подхватил маркиз. – Знаменитый Кумский соглашение, вот оно что. Я полагал, конфликт исчерпан.

– Все так полагали. Но так уж бывает. Всем не угодишь. И уж точно ты не угодишь грагам, как ни старайся.

Подкрепившись, Мокриц и Из Сумерек Темноты отправились в стланик искать местных гоблинов, которых пора было ввести в курс дела. Может, с точки зрения закона они и не владели землями, через которые должна была пройти железная дорога, но Мокриц считал, что поселенцы на ничейных территориях уж наверное имеют на них какое-то право.

Продираясь сквозь колючие невысокие заросли, Мокриц все соображал, откуда взялся этот гном, шпионивший за ним, тут, в Щеботане, где гномов обычно не увидишь. Это несомненно значило, что за ним следили, и почти наверняка этот гном был не единственным. В пору шальной юности и, честно говоря, шального третьего десятка, на чем не хотелось заострять особого внимания, Мокриц постарался ознакомиться с методологией шпионажа. Так вот, одинокий шпион не мог как следует охватить все перемещения жертвы. Что здесь делал этот гном? Откуда он взялся? И самое главное, куда он делся?

Его раздумья прервал Из Сумерек Темноты, который вдруг замер у скалистого выступа, который, по мнению Мокрица, ничем не отличался от остальных, которые они только что миновали. Было жарко. Очень жарко.

– Жди здесь, – распорядился гoblin. – Я мигом, одна нога тут, другая тоже тут.

Но прежде чем гoblin вернулся, прошел целый знойный час, и солнце уже начинало садиться за горизонт. Из Сумерек Темноты бежал по рельсам в сопровождении целой стаи щеботанских гоблинов, которая разрасталась по мере приближения, потому что все новые гоблины присоединялись к толпе, выползая из кустов.

Что касается внешности, выглядели здешние гоблины точь-в-точь как и по ту сторону границы. Однако в отличие от анк-морпоркских, щёботанские гоблины придерживались стиля, который можно было назвать почти пижонским. Было в них что-то щеголеватое, недоступное их анк-морпоркским сородичам, некий флер, причиной которому наверняка служил какой-нибудь парфюм д'эскарго^[42]. Материалы на вид были, как ни крути, типичные для гоблинов: куски шкур или сразу целые животные, птицы, перья, и все это еще украшали блестящие камушки. Складывалось ощущение, что эти гоблины открыли для себя таксидермию, упустив из виду ту довольно важную – да нет, *ключевую* деталь, – что кишки надо предварительно выскрести. Но приходилось ли удивляться, что щёботанские гоблины придумали свой собственный от-кутюр?

Мокриц усмехнулся. Может, дело было в их дерганой развязной поступи или в бодром накость-выкуси, которое читалось в их взглядах, но ему стало понятно, что здешние гоблины по неведомой причине стремились к *лучшему*.

В то же время было очевидно, что жизнь изрядно покидала их из огня да в полымя, и никакая врожденная бравада не могла скрыть этих ран.

Мокрицу повезло, что на его стороне был Из Сумерек Темноты, потому как эти обитатели стланика явно не питали теплых чувств к человечеству. Из Сумерек Темноты кособоко подскочил к Мокрицу и ухмыльнулся.

– Как же им тяжело приходится, – затараторил он. – Гоблины пропадают. Малыши пропадают. Горшки пропадают. Все пропадают. Но они держат нос по ветру, о да. Гоблинам больше никак. Боль. Боль. Боль. А сейчас я толкну речь.

Из Сумерек Темноты оказался гоблином, по красноречию способным потягаться с самим Мокрицем.

Мокриц плохо понимал по-гоблински, но не нужно было знать язык, достаточно было взглянуть на эти лица и на экспрессивные жесты Из Сумерек Темноты. Гоблин как будто исполнял номер на сцене.

Да, Мокриц не мог разобрать слов, но предполагал, что содержание речи сводилось примерно к следующему: «Новая жизнь в Анк-Морпорке, где сколько хочешь крыс, а еще тебе платят». Надежды и обещания – все было здесь, струилось по воздуху.

И Мокриц был настолько уверен в том, что правильно понял смысл, что нагнулся к гоблину и подсказал:

– Не забудь добавить, что в Анк-Морпорке гоблины стали *полноправными* гражданами.

Мокриц был ужасно доволен, когда тот запнулся и уставился на него.

– Как ты узнал, что я говорил об Анк-Морпорке, господин фон Липвиг?

– Рыбак рыбака...

Из Сумерек Темноты продолжал свою речь, а гоблины вовсю тарасились на Мокрица. Но в их глазах читались не угрозы, не злоба, а просто... надежда, скупая надежда существ, которые научились пессимизму как технике выживания.

Потом один гоблин вышел вперед и подозвал Мокрица к себе, явно желая что-то показать. Из Сумерек Темноты подтолкнул его им навстречу. Мокриц опасливо зашагал по россыпи тропок, полускрытых в зарослях терна, мимо луж с ядовитой водой и каменистых нагромождений от давних обвалов. Под ногами что-то похрустывало. Кости, судя по звуку – мелкие косточки. В ушах Мокрица звучали слова Из Сумерек Темноты:

– Молодые гоблины! Оччень вкусно! Сытный ужин. Так думали разбойники. Но мы держимся, господин фон Липвиг. Держимся.

Ледяная волна ужаса прокатилась по позвоночнику Мокрица. Из Сумерек Темноты продолжал:

– Разбойники хотели есть. Маленькие гоблины. Легко ловить.

– Хочешь сказать, они *ели* гоблинов? – воскликнул Мокриц, и его гнев не укрывался от Из Сумерек Темноты.

– Ну да. Легкая добыча. Разбойники все съедят, что поймают. Крыс. Кротов. Землероек. Птиц, даже такую мерзость, как вороны. Все проглотят и не подавятся. Не помет потом, а отрава. А гоблины на вкус как курица. Может, и не чудо природы, но когда разбойники рядом, гоблинам плохо. Гоблинам много не надо, ну и ладно, потому что много и не будет, но такие, как я, согласны на любую работу, если на свежем воздухе. И чтобы жить в таком месте, где нас не будут убивать. Вот! И все было бы тип-топ. А в Анк-Морпорке еда не проблема. Большой Койхрен! Крыс завались!

– Ясно, господин Сумерек, и что нам делать с этим дальше?

Гоблин наградил Мокрица циничным взглядом. Такой взгляд дается очень легко, если ты гоблин, потому что ты учишься цинизму с младых когтей и крепко его усваиваешь.

– Ты меня пол-именем назвал, господин Всех Мокриц. Прощаю, я добрый. На этот раз. И прошу. Больше так не делай. Это очень важно. Пол-имя – оскорбление. За такое на дуэль вызывают. Ты спешишь, знаю. Но не оправдание. Прощаю. Один раз, господин фон Липвиг! Это дружеское предупреждение. Бесплатно.

Уж кто-кто, а Мокриц фон Липвиг знал цену правильному слову в

правильный момент.

– Господин Из Сумерек Темноты, я исключительно признателен тебе за твою снисходительность.

Начинался дождь. Липкий, ленивый дождь, который гоблины словно не замечали. Эти создания были самыми стойкими стойками в мире, хотя и таили в себе много неприятных сюрпризов. Мокриц задавался вопросом, какими они станут, когда решат – а они *решат* – не терпеть больше такого обращения с собой.

Из Сумерек Темноты снова усмехнулся Мокрицу и объявил:

– Эй ты, господин герой и великий воин, ха-ха, между прочим, это дурачье взаправду верит, что ты у нас круче, чем вареные яйца, и солнце светит из твоей задницы.

Мокриц догадался, что Из Сумерек Темноты, рекламируя гоблинам прелести анк-морпоркской жизни, несколько преувеличил его собственный статус.

– Что же ты им наплел?

– Им нужно на что-то надеяться, господин фон Липвиг. Может, ты и не золотой мальчик, но вид делаешь как надо. Я им уже объяснил, что ты великий гражданин Анк-Морпорка и дерешься как черт.

– Что ж, – сказал Мокриц, – хоть в чем-то угадал. Но разбойников-то мы уж точно всех распугали. Разве гоблины не могут остаться здесь? Когда тут проложат рельсы, на железной дороге откроются вакансии. Им же понравится такая работа?

– Разбойники рано или поздно вернуться. Им конца-краю не бывает. А гоблины не летают, господин Мокрица. До анк-морпоркской линии отсюда далеко! Они ждут, что ты их заберешь. А я? Я не со страшдественской елки свалился. Смеркается, у тебя даже ножа нет, а мы все еще в стланике. Тут не только разбойники! Тут хуже, сильно хуже! Много зла в стланике, а ты до сих пор без оружия? Так какой будет приказ, господин важная шишка?

Мокриц помедлил. Он доверял своей интуиции, которая никогда его не подводила.

– Хорошо. Мы заберем их с собой. Но сперва вытащи нас отсюда.

– Нет уж, пусть Удивительный фон Липвиг вытащит всех отсюда. А его отважный дружок гоблин будет замыкать с тылу.

– Правда? Тогда ладно. Главное, укажи в верном направлении.

Там было нечто вроде дороги – и сотни крошечных тропок, расходившихся во все стороны. Из-за спины Мокрица Из Сумерек Темноты исподтишка направлял его самого и невеселую, но обнадеженную

компанию гоблинов. Из него вышел отличный второй пилот, хотя он и считал Мокрица чуточку болваном. Но все-таки небесполезным болваном.

Пока они продирались обратно к дороге, которую с некоторыми усилиями можно было отличить на местности, Мокриц думал про себя: конечно, сложно переоценить роль командора Ваймса в освобождении гоблинов, зато он, Мокриц, сможет обеспечить их рабочими местами. Быть гоблином ведь еще не профессия. Так не бывает. Но если бы существовало такое занятие, как профессиональный гоблин, то на эту должность лучше всего подошел бы Из Сумерек Темноты. Это был такой стопроцентный гоблин, что Мокриц не удивился бы, если бы другие гоблины, видя его, хлопали друг друга по спине и приговаривали: «Вот черт! Только глянь на этого гоблина! Скажи, как похож на гоблина, а?»

Но дела делались, и жизнь не стояла на месте – сами люди не стояли на месте, и у них появлялось чувство собственного достоинства. Оказалось, что гоблинам не было равных не только в семафорном деле, но и в гончарном ремесле, на котором они зарабатывали немалые деньги. Гоблинские горшки, тонкие и переливающиеся, как бабочкины крылья, были произведениями искусства^[43].

В мысли Мокрица вторгся Из Сумерек Темноты.

– Эти бедолаги, что плетутся сзади, предупреждают, мол, о тебе гномы справлялись, кореша того гада, которого я с дерева согнал. До чего же шустрые, когда припечет, твари неумные. Не любят они кремневых топоров! Но некоторые еще поблизости. Ждут, видать, когда мы выйдем на дорогу. Место что надо для засады.

Мокриц до тех пор приложил немало усилий, чтобы всегда оставаться в стороне от боевых действий, в качестве оружия отдавая предпочтение слову; но когда дела принимали такой оборот, что слов оказывалось недостаточно, он мог пустить в ход и кулаки, и ноги. В настоящий момент он прикидывал, не начать ли незаметно подволакивать ноги, чтобы немного отстать и в случае атаки оказаться в окружении гоблинов. У них ведь у всех каменное оружие, а у него нет – логично? К тому же у гоблинов был бойцовский дух, впитанный с молоком матери, если, конечно, матери кормили их молоком^[44].

Они настороженно углублялись все дальше в сгущающуюся тьму, стараясь передвигаться бесшумно. Даже малыши гоблинов притихли на подступах к земле обетованной.

Они обогнули шато и зашагали через лесок в направлении станции. Некоторое время спустя Мокриц услышал на уровне своего локтя шепот Из

Сумерек Темноты, напоминавший хруст щебенки.

– Я отправил пару ребят пошустрее вперед разведать обстановку. Что-то не так на станции. Не смогли подобраться близко и рассмотреть как следует, но говорят, в лесу засела как минимум дюжина гномов, а то и больше. Слышали, как у них там что-то лязгало. Пытаются притаиться, да не больно-то получается. Им бы все молотком стучать да языком чесать. Можно попробовать их обойти – но и они могут зайти сбоку. Я так думаю, лучше всего разобраться с ними прямо сейчас, ты со мной согласен? Не бойсь, эти лобстеры драться умеют и гордятся тем, что ты ими командуешь... правда же?!

Это не был вопрос, а настоятельное требование. Мокриц с ужасом заметил, что все беженцы столпились вокруг него. На их непривлекательных лицах виднелась надежда и остатки пищи. Среди них были дети, некоторые – совсем еще младенцы. Мокриц ощущал бремя их веры на своих плечах и понимал, что это чувство было безосновательным и, возможно, даже напрасным. Какой из него вождь? Он не командор Ваймс. Но что сделает Из Сумерек Темноты, если Мокриц возьмет и сбежит? Он мог обогнать любого гнома, добраться до шато... но обгонит ли он гоблина?..

Мокрица передернуло, и он задвинул эту мысль на задворки сознания как раз в тот момент, когда рядом с ним возникла маленькая гоблинка.

– Ступай в битву с чашечкой чая! – заговорила она. – Особого гоблинского чая! Очень полезного! Заварен в овечьем пузыре! Здорово помогает, когда нужно много бегать! Горячие травы! Ты пей! Пей сейчас же! Ничто так не помогает, как чашечка чая. Он лечебный!

Из Сумерек Темноты вручил Мокрицу большую гоблинскую дубину.

– Много, много есть способов умереть, – сказал он с душераздирающей бодростью. – Поверь старому гоблину: этот способ лучше прочих! Держимся! Держимся вместе.

Мокрица не смутил этот довольно неприятный намек. Ему было знакомо это традиционное гоблинское приветствие: держимся вместе, говорило оно, вместе или поодиночке. Он залпом выпил остывший чай с безобидным привкусом ореха и легким намеком на шерсть, ожидая в любую минуту либо яда, либо приступа тошноты. Но чай оказался вполне... приятным на вкус и даже весьма питательным. И если в нем, как и в вине, были улитки – что ж, viva эскарго! Хотя Мокриц поставил бы на то, что секретным ингредиентом окажется какой-нибудь а ля.

Напиток как будто помог, и пару секунд спустя Мокриц почувствовал себя готовым к любым испытаниям и полным сил, хотя не исключено, что

виной всему был а ля. Отчего, спрашивается, он так трусил, когда бояться было абсолютно нечего, ни-че-го-шень-ки!

Это кипучее состояние духа длилось в аккурат до того момента, когда они приметили красные огоньки станции, которые горели, как маяки, подсказывая путь сквозь окружающие заросли. Оставив стариков с козявками^[45] прятаться в кустах, как умеют только гоблины, Мокриц и компания крадучись двинулись дальше.

Молодые железнодорожники из передвижной рабочей бригады соорудили себе уютные крытые клеенкой временки. Там всегда были рады приютить старого знакомого и напоить его горячим чаем с сахаром, который размешивали непременно гаечным ключом. А если поблизости не окажется егеря, могли сообразить и рагу из кролика и всякого а ля на скорую руку.

И верно: горшочек с жарким еще не перестал кипеть на угольках лагерного костра и пах как никогда аппетитно. Мокриц ожидал увидеть юношей, с которыми познакомился только сегодня утром. Сейчас они должны были с радостью устраиваться на ночлег после тяжелого дня. Он не ожидал увидеть их трупы... но именно это зрелище предстало его глазам. Потрескивал огонь, бледным светом горели фонари, и Мокриц видел, что у железнодорожников под руками было множество предметов, которые они могли использовать как оружие, но, по всей видимости, их застали врасплох. Схватка была страшная, и они более чем несомненно потерпели поражение. Быстрым взглядом он обвел раскиданные части тел, сосчитав, что всего было девять человек, и всех их порубили, когда они ужинали у входа в самодельную лачугу.

Из Сумерек Темноты, недолго думая, взялся за дело и стал обнюхивать трупы и землю.

– Чертовы гномы здесь побывали, да, чуую мелких ублюдков! Кто-то еще здесь, – быстро добавил он, указал на небольшой лесок в отдалении и перешел на шепот. – В лесу прячутся, – гoblin принюхался. – Вон там, – снова принюхался. – Несколько их, один ранен, – его глазки-бусинки блестели, а Мокриц... Мокрица вдруг охватило такое чувство, будто он горел в огне.

– Пожалуйста, – с трудом выговорил он. – Скажи, как по-гоблински будет «В атаку!»?

Намного, намного позже Мокриц вспомнит, что гoblin успел произнести как минимум начало слова, а потом весь мир заволкло алой дымкой, полной криков, и темным туманом войны. Он сознавал, что его

руки и ноги сами по себе творят жуткие вещи, особенно руки, и слышал звуки, неприятные звуки, хрусты, хлюпы, но все это отзывалось в нем одними неясными ощущениями, как и чьи-то вопли... Мелкие крупницы воспоминаний выплывали из глубин подсознания, как пузырьки в домашнем лимонаде, и, вырвавшись на поверхность, улетучивались так быстро, что он не успевал их осмыслить. Но постепенно пузырьки выветрились, и Мокриц до некоторой степени пришел в себя и обнаружил, что лежит, прислонившись спиной к дереву.

Костер железнодорожного лагеря снова разгорелся, и на горизонте Мокриц с огромным удивлением заметил первые признаки рассвета. Но они ведь пришли сюда всего несколько минут назад, разве нет? Из Сумерек Темноты сидел неподалеку на пеньке, куря трубку и время от времени выдувая кольца дыма в утреннюю синеву неба. Это было зрелище, о котором мог бы мечтать любой художник, если бы только для этой картины не требовались разнообразные оттенки крови и пара мазков того невообразимого цвета, который имеют кишки. Воспоминания Мокрица о минувшей ночи теперь украсились грудой трупов.

– Однако ты темная лошадка, господин Всех Мокриц! – Гоблин оскалил зубы в ухмылке. – Кто бы мог подумать? Имей в виду, после такого у тебя все будет страшно болеть. Но повел ты себя по-мужски! По-гоблински даже! Трое! Сам пересчитай! В смысле, кусочки пересчитай и сложи, трое и получится. От трех гномьих вояк только мокрое место осталось! Двое были снаряжены по высшему разряду, в микрокольчугу, как наемные убийцы. Стоит немало. Военная добыча. Вот, бери, отнесешь госпоже Доре Гае вместо сувенира. Хорошо будет смотреться над камином!

То, что Мокриц сначала принял за обрубок дерева, оказалось головой гнома, все еще в боевом шлеме.

– Вот это правильно! Пусть все выйдет из организма! Рви, рви и еще раз рви. Это полезно, почувствуешь себя намного лучше. Пусть все остается снаружи, а не внутри.

Мокриц поднялся на подкашивающихся ногах и проговорил, невзирая на туман в глазах:

– Не может быть, чтобы я убил троих гномов! Я не боец! От слова совсем! От этого обувь портится.

– Вряд ли гномы с тобой согласятся. Нет, ты не подумай чего, вот этому я лично показал, так сказать, где раки зимуют. Как повалил его на землю, так ему все стало понятно. Вообще, мы старались держаться от тебя подальше на всякий случай. Ты сделался немножко... неразборчивым, о дааа. Но не бойся, никто не пострадал.

– Никто не пострадал? – взвыл Мокриц. – Я только что убил троих гномов! Это как по-твоему, не считается?

– Так то в честной драке, господин Мокрица. Один против всех, как в лучших байках. Я так скажу: даже наши повлезали на деревья, чтоб тебе под руку не попасться. Но ты не боец, конечно. Ты сказал, и мы все слышали.

– Это чай во всем виноват! В нем все дело! Ты накачал меня вашим гоблинским пойлом! Кто знает, как оно на меня подействовало!

– Я? – неуверенно возмутился Из Сумерек Темноты. – Я тебе жизнь спас, чтоб ты мог вернуться к своей прекрасной супруге, которая всегда так добра к гоблинам. Поверь мне на слово, господин Мокрица, чай только выпустил наружу то, что в тебе уже было.

– И что же там было, позволь спросить?

– Ярость, господин Всех Мокриц. Ты спустил ее с привязи. А теперь подсоби-ка, нужно прибраться после такой мясорубки и убираться отсюда.

Мокриц посмотрел на то, что осталось от железнодорожников. Они просто делали свою работу и никому не причинили никакого вреда. Обычные ребята, далекие от политики, которых ждали жены и дети, были мертвы из-за распри, к которой не имели никакого отношения. Ярость снова начала закипать в нем, словно приподнимая его над землей. Они не заслужили такой смерти, равно как и гоблины, чьими телами было усеяно поле битвы.

Глядя на Мокрица внимательным взглядом, Из Сумерек Темноты сказал:

– Чего только не бывает. Оказывается, гоблины могут вести себя по-человечески, а у тебя, господин Мокрица, есть сердце, и ты умеешь плакать из-за смерти людей, которых даже не знал. Удивительное рядом. Может, однажды я увижу, как ты поешь в церковном хоре.

В бледном утреннем свете Мокриц посмотрел на скалящегося гоблина и его зловещую физиономию, точь-в-точь как в любой книжке с картинками, предназначенной для того, чтобы дарить маленьким детям кошмары всех сортов и расцветок. И вот это вот читает ему лекцию о морали.

– Что ты такое? – поинтересовался он. – На вид типичный гоблин, тут никаких вопросов, но мы уже несколько дней общаемся, и ты регулярно выдаешь такое, чего никак не ожидаешь услышать от гоблина. Не пойми меня неправильно, но ты умен.

Гоблин снова зажег трубку, с которой он почему-то выглядел более человечно, и вдумчиво ответил:

– Не хочешь ли ты сказать, что гоблины не умны, господин фон Липвиг? Не отважны? Ничему не учатся? Я так вообще на лету схватываю. Возможности равны для всех людей и для всех гоблинов.

Мокриц опустил взгляд на кучку микрокольчуги. Это было настоящее сокровище. Легкая, прочная, удобная в носке, стоит целое состояние. И валяется тут на сырой траве. Мокриц уставился на гоблина.

– Все в твоём распоряжении, господин фон Липвиг. Трофеи – победителю, – бойко откликнулся Из Сумерек Темноты.

– Нет. Пусть они оставят себе, – Мокриц кивнул на щёботанских гоблинов.

– Им ни к чему, – ответил гоблин. – Забирай трофей, господин фон Липвиг. Авось пригодится.

Мокриц поглядел на останки гномьих бойцов и подумал: «Где же господин Шрик, когда он так нужен?» Эта мысль подтолкнула следующую: «Необходим надёжный свидетель». Он попросил Из Сумерек Темноты послать в шато за маркизом или его подчиненными, и чтобы принесли иконограф, если у них есть.

– Нужно, чтобы люди узнали об этом.

Пришел маркиз, за которым, вытаращив глаза, подтянулись и слуги, осмотрел место преступления, повоскликнул в ужасе и организовал съемку иконографий, после чего вернулся в шато, пообещав немедленно сообщить о новостях по семафору. Теперь можно было заняться соблюдением ритуалов.

Тела железнодорожников и павших в битве гоблинов были бережно, с особым почтением, сложены на дрезину. Несколько гоблинов скрылись из виду и вернулись с дикими цветами, которые возложили на тела. Такие незначительные детали переворачивали мир Мокрица с ног на голову: гоблины считали, что те, кто пал в бою, исполнили свой долг.

По окончании траурной церемонии гоблины стали поочередно братья за рукоятку, и дрезина, вместе с Мокрицем, их собратьями и скорбным грузом, медленно поехала в сторону границы, где они сделали остановку, чтобы отправить срочные клики. Мокриц договорился с пограничником, чтобы тела прикрыли и оставили в холоде, пока за ними кого-нибудь не пришлют.

Второй пограничник возмутился, что тела гоблинов оставили лежать вместе с теми, кого он назвал «нормальными людьми». Пришлось Мокрицу провести с ним разъяснительную беседу, в результате которой пограничник многое понял, разве что кровь пошла носом. Воспоминание о россыпи

мелких косточек было слишком свежо в памяти Мокрица. И, возможно, внутри у него еще бурлило гоблинское зелье. Это был долгий день.

Покончив с делами, Мокриц окинул взглядом выстроившуюся за ним процессию гоблинов, а подняв голову, увидел у щевотанской заставы указатель, который приглашал всех желающих в славное заведение «У Толстой Мари».

Откуда хозяйка получила свое прозвище, сомневаться не приходилось, и, как это принято в придорожных заведениях, она расторопно подавала путешественникам горячую еду и варила приличный кофе, а больше от нее ничего и не требовалось. Ее клиентура и слухом не слыхивала ни о каких гурмэ – им просто нужна была здоровая порция углеводов и жира. Однако и она настороженно отнеслась к обслуживанию гоблинов.

– Я могу потерять постоянных клиентов, если впусти *этих*.

И Мокрицу снова пришлось излагать простые жизненные истины, объясняя на пальцах, что если она откажется кормить гоблинов, то в скором будущем не сможет кормить вообще никого, как только он, Мокриц, поставит в известность лорда Витинари. Витинари был строг, а Толстая Мари жила на анк-морпоркской земле.

– Мы все равно сядем на улице, – подытожил Мокриц. – Они не любят закрытые помещения. Я плачу, ясно?

Должным образом приструненная, Толстая Мари навалила каждому гоблину порцию довольно невкусной рыбы с картошкой и гренками и изумилась тому, с какой скоростью они поглощали пищу, в особенности гренки. Что есть, то есть: гоблины не были привередливы.

Когда все наелись досыта, Мокриц устроил гоблинов в вагоне грузового состава, обслуживавшего стройку, который должен был доставить их напрямик к Гарри на участок, а сам отправился на поиски глиняной лошади, до сих пор послушно резвившейся на лугу, и поехал обратно в город.

Гарри Король и в лучшие времена нередко доходил до белого каления, но то состояние, в которое он пришел, услышав о бойне на станции, нельзя было описать иначе как извержение вулкана – одного из тех спящих вулканов, которые взрываются без предупреждения, и в безмятежное море с неба сыплется пепел и удивленные люди в тогах. Мокриц пытался успокоить Гарри, но это было все равно что накрывать гейзер бутылочной крышечкой – невозможно в принципе, особенно с таким гейзером, как Гарри Король. Потом извержение перешло в слезы, пузырястыми липкими рыданиями непробиваемого человека, который никогда бы не захотел,

чтобы его видели в слезах.

Узнав, что Мокриц собственноручно избавился от части ответственных за кровопролитие гномов, он поуспокоился, но все равно продолжал капать соплями на очень дорогой галстук, не прекращая призывать божественную кару на оставшихся злодеев и предупреждая, что если боги не поторопятся, Гарри сделает это за них.

Мокриц вызвался сообщить новости семьям погибших, но Гарри твердо заявил, что возьмет это на себя. Он отправился с этим печальным поручением не медля, и Мокрицу оставалось только забрать Из Сумерек Темноты и ватагу щепотанских гоблинов, которые как раз успели добраться до участка и которых сейчас развлекали Билли Смальц и его бабуля.

Когда он добрался до дома на Лепешечной улице, дверь ему открыла сама Дора Гая. Мокрица всегда поражала ее выдержка, даже сейчас, когда она разглядывала разношерстную компанию щепотанских гоблинов, столпившихся у него за спиной.

– Как я рад тебя видеть, Шпилька, – сказал он. – Я не с пустыми руками. С букетом гоблинов, так сказать.

– Сколько их здесь, ты не в курсе? – поинтересовалась она.

– Две сотни или больше, – ответил Мокриц. – Я как-то не посчитал.

– Тогда пусть Из Сумерек Темноты отведет их в Башню Тумп, там в подвалах всем хватит места на ночлег.

– Ты не против?

– Конечно, нет. Мои лучшие гоблины разъехались в отпуска по Графствам. У нас нехватка рабочих рук. Какой ты у меня хозяйственный!

Не успел Мокриц проводить гоблинов, как анк-морпоркская Стража, образно выражаясь, схватила его за шиворот. Шиворотом у Мокрица служил очень дорогой воротничок, который, впрочем, изрядно потрепался после стычки с гномами.

На этот раз рука, схватившая Мокрица за шиворот, принадлежала капитану Ангве, которая предложила Мокрицу сопроводить ее до Псевдополис-Ярда голосом, не терпящим возражений.

Пригласив его в помещение для допросов, она с деловитой методичностью сняла с него показания насчет побоища. Она задавала наводящие вопросы, которые, впрочем, ничего не наводили, а только переводили стрелки на Мокрица.

– То есть ты обезвредил группу гномов-экстремистов при помощи неопределенного числа гоблинов, все верно? Ты так любишь гоблинов?

– Да, капитан, прямо как командор Ваймс, – парировал Мокриц. – А

кстати, где сегодня господин Весельчак?

Это стоило того, чтобы увидеть оскал капитана – если внимательно присмотреться, можно было даже разглядеть контур ее клыков. Рисковый ход, но Мокрицу нужно было следить за своей репутацией, а поддразнивать Стражу он любил и отлично с этим справлялся. Слишком уж они были важные. А капитан Ангва, как ни старалась, в форме выглядела сногсшибательно, особенно когда злилась.

– У патриция, – прорычала она. – Нападение на железную дорогу эквивалентно нападению на Анк-Морпорк. Если в деле замешаны глубинники, это может быть связано и с разрушением клик-башен. Все это требует тщательного расследования, и было бы как нельзя кстати, если бы хоть кого-то из злоумышленников оставили в живых и привезли для допроса.

Мокриц чуть не задохнулся от возмущения.

– Капитан, когда группа сомнительных типов пытается тебя убить, как-то не сразу вспоминаешь, что кого-то из них надо оставить в живых. Слишком отвлекают другие мысли, например, как бы самому концы не отдать. Не знаю, поможет ли это, но, к твоему сведению, маркиз де Бламанже уже наверняка прислал иконографии нападавших гномов. Маркиз приличный человек и тоже хочет помочь. Он сам заинтересован в железной дороге, так что не сомневаюсь, свои улики вы получите. – Тут ему пришла в голову озорная мысль, и он добавил: – И потом, капитан, ты ведь такая проворная. Если поторопишься, застанешь их еще свеженькими.

На сей раз Ангва бросила на Мокрица не просто свирепый взгляд. Этот взгляд гласит, что ее терпение вот-вот лопнет.

На счастье, в этот момент открылась дверь и вошел командор Ваймс с очень мрачным выражением лица.

– А, господин фон Липвиг. Прошу, пройдем в мой кабинет. Всегда чую, когда ты здесь, – он кивнул сердитой Ангве. – Капитан, с господином фон Липвигом я сам разберусь.

Мокриц не имел четкого представления о том, насколько сильно недолюбливает его командор Ваймс. Это был настолько прямолинейный человек, что им можно было пользоваться вместо ватерпаса. В то же время в глазах Ваймса и многих других Мокриц, несмотря на все успехи Почтамта, банка и даже превосходно обновленного Монетного двора, оставался скользким, как мокрое мыло, и уж точно должен был замышлять что-то нехорошее.

– Кофе хочешь? – спросил командор Ваймс, когда они зашли в его кабинет. – Кофейник у нас всегда на плите, а кофе *не всегда* похож на

грязную жижу. – Он открыл дверь и прокричал: – Два кофе, Шелли, один черный, а в мой можешь ссыпать весь сахар, что остался.

Мокриц был немного сбит с толку, потому что Ваймс вел себя... где-то даже в рамках понятия «по-дружески», если посмотреть со стороны. Примерно как зевающий аллигатор. Командор откинулся на спинку кресла и, да, улыбнулся.

На деле же между ним и командором Ваймсом присутствовало некоторое... мягко скажем, расхождение мнений. Сэм Ваймс и Мокриц фон Липвиг жили в разных мирах. Мокриц гадал, что могло развеселить такого, как Ваймс. Должен же он был хоть над чем-то в жизни смеяться. Хотя бы над человеком, свалившимся с утеса, например.

Мокриц сильно удивился, когда командор Ваймс прочистил горло и медленно, будто свыкаясь с незнакомой идеей, произнес:

– Вероятно, все эти годы я давал тебе основания думать, что считаю тебя мошенником, плутом и в целом слизняком. Однако тот факт, что ты бросился под поезд ради спасения детей, говорит мне, что в этот раз горбатого отмыли добела. Теоретически мне положено дать тебе нагоняй за убийство гномов, уличенных в давешнем беспределе, и напомнить, что такие вещи положено оставлять, черт побери, Страже. Но я не дурак и готов отдать тебе должное. Глубинники – это свора дикарей, хищники, я лично каждого с превеликим удовольствием отправил бы плясать под дудку господина Трупера, чтобы они на собственной шкуре узнали, как вершится правосудие. Но сейчас приходится довольствоваться тем, что хотя бы часть этой мрази ликвидирована. Так что – не для протокола, и если ты хоть одной живой душе проболтаешься, я все буду отрицать, – молодчина.

С этими словами Ваймс погрозил Мокрицу пальцем – да, пальцем! – и голосом зычным, как поминальный колокол, прогремел:

– *Больше никогда так не делай!* Это официальный выговор, тебе все понятно, господин фон Липвиг? А вот тебе моя рука.

К вящему изумлению Мокрица, Ваймс обогнул стол и наградил его крепчайшим рукопожатием в жизни. Словно он жал не руку, а боксерскую перчатку, набитую грецкими орехами. Обошлось без переломов и крови, Ваймс даже не пытался стиснуть ему пальцы, и Мокриц пришел к выводу, что пережитое им испытание было рядовым рукопожатием командора Ваймса. Видимо, сказывалось то, что командор в принципе был человеком, который не любил полумер.

Ваймс серьезно посмотрел на Мокрица.

– На твоём месте, господин фон Липвиг, я проследил бы за тем, чтобы моя жена проводила как можно меньше времени на семафорных башнях, и

приставил бы к своему дому Стражу. Эти чертовы глубинники ни перед чем не останутся. Не обижайся, но у меня в голове не укладывается, как тебе удалось взять верх. – Он понизил голос почти до шепота: – Каково это было, сынок?

В глазах Ваймса промелькнуло что-то, подсказавшее Мокрицу, что если когда-то он и мог позволить себе говорить начистоту, то именно сейчас, поэтому он тоже понизил голос и ответил:

– Сказать по правде, командор, я получил неожиданное подкрепление. Ты ни за что не поверишь.

Ваймс неожиданно расплылся в улыбке.

– Да нет, господин фон Липвиг, очень даже поверю. Я не понаслышке знаю о неравных схватках в кромешной темноте, уж поверь мне на слово. Несколько лет назад я оказался в Кумской долине, и у меня тоже было хорошее подкрепление, и я даже не хочу знать, откуда оно взялось. Главное сейчас – оставаться начеку. У грагов теперь на тебя зуб. Тебе пора на ковер к Витинари, но я рад, что мы поболтали.

– С чего ты взял, что мне нужно к Витинари?

– А с того, что я только что оттуда. Он посылал за тобой, а я попросил его светлость уступить мне право пропесочить тебя первым.

В дверях Мокриц обернулся и сказал на прощание:

– Спасибо, командор.

На Брод-авеню Мокриц свистнул односторонний троллейбус^[46] и не обрадовался, когда на соседнее сиденье в корзине вскочил гном. Мокриц подобрался в ожидании атаки, но гном только улыбнулся ему:

– Господин фон Липвиг! Ужасно рад встрече. Я буду крайне признателен, если ты уделишь мне буквально одну минутку.

– Вот что, – отрезал Мокриц. – Я занятой человек, у меня дел невпроворот, и прямо сейчас я еду во дворец.

– Тогда во дворец, за мой счет...

Гном передал троллю положенную сумму и назвал адрес на тролльем языке, чем немало удивил водителя. «Да уж, – подумал Мокриц. – Анк-Морпорк, мировой плавильный котел, где иногда попадаются непокорные комки».

Мокриц смотрел на гнома сверху вниз, что в данном случае было неизбежно. Казалось, он был как-то гибче, чем среднестатистический гном, хотя улыбка у него была вызывающая – не враждебная, но порожденная сознательным решением улыбаться. Гном напоминал Мокрицу... о боги, как же это называлось? Ах да, гироскоп. Такой показывали на выставке

Незримого Университета, в здании высокоэнергетической магии. Короче, безотносительно роста гнома, он весь смахивал на этот прибор, где что-то вращалось вокруг некой оси. Мокриц пришел к этому мнению за считанные секунды, по истечении которых он, вместо того чтобы высадить непрошеного попутчика, решил обратить на маленького человечка пристальное внимание.

– Кто ты такой? – поинтересовался Мокриц.

– Всего лишь вестник, – ответил гном. – Я здесь, чтобы сообщить тебе вещи, на которые нельзя закрывать глаза. В священном месте близ Кумской долины твое имя значится в списке людей, подлежащих уничтожению. Но не страшись преждевременно, поскольку...

– Хм, то есть надо начинать страшиться своевременно? Какого черта это вообще значит?

Раздражающе серьезное лицо гнома и сомнительное содержание улыбки действовали Мокрицу на нервы. Гном сказал:

– Твое имя стоит сразу за лордом Витинари и командором Ваймсом, наряду с огромным числом гномов, чье поведение признано антигномьим. В настоящий момент это локальная война, она горит под землей, как заброшенный угольный пласт, норовя прорваться в самых неожиданных местах, и вскоре может добраться и до мест твоего обитания.

– Минуточку, – перебил Мокриц. – Может, ты и не заметил, но я не гном и никогда им не был. У меня нет бороды, и я не хожу пешком под стол. Я человек, понимаешь ты это?

Гном оставался невозмутим, как и его улыбка, которая чуть расширилась, когда он отвечал:

– Ты можешь и не быть гномом, друг мой, но тебя признают вектором, символом всего противоречащего истинной гномовости, переносчиком заразы, если угодно, и к тому же ключевой фигурой в городе, который некоторые гномы хотели бы спалить дотла. Семафоры – это только начало. Железной дороге не совратить гномов с истинного пути Така. Командор и патриций окружены людьми, которые владеют различным полезным оружием. Чего не скажешь о тебе, не правда ли, господин фон Липвиг? Ты не воин, ты мишень, хотя мишень выдающаяся и талантливая. Я рекомендую тебе взять пример с Альберта Стеклярса и проявлять такую же бдительность, и ради всех святых, не ходить по темным уголкам. – Гном покачал головой. – Тебя предупредили, господин. Ты, как известно, говоришь, что жизнь без риска не стоит того, чтобы жить, и все, что я могу сказать по этому поводу: ну, дерзай. Так не просит, чтобы ты думал о нем, но он требует, чтобы ты думал, и что-то мне подсказывает, что Таку в

скором времени понадобятся твои услуги. Тебе ничего не известно о тех политических делах, которые сейчас творятся, зато Таку известно, где тебя найти, когда Так захочет.

И с этими словами гном улыбнулся, выпрыгнул из корзины и убежал прежде, чем Мокриц пришел в себя.

Застигнутый врасплох, Мокриц продолжил свой путь во дворец, лихорадочно соображая. До резни на железной дороге он вообще не делал *ничего плохого!* Он просто пытался всем помочь! А теперь выясняется, что он находится под колпаком, потому что олицетворяет коварную сущность Анк-Морпорка... это было мало того что нечестно, так еще и не соответствовало действительности. Ну, не во всем соответствовало. Мокриц решил, что граги ополчились на него за то, что он убил несколько их собратьев, хотя это и произошло в равной борьбе. Точнее, не в равной, но в любом случае они получили по заслугам. Мокриц уже давно не творил ничего действительно зазорного^[47], и вот его обновленный и начищенный до блеска имидж примерного трудолюбивого гражданина оказался под угрозой.

Добравшись до Продолговатого кабинета, Мокриц весь кипел от злости.

– Оказывается, я под колпаком, – заявил он с порога. – И вы, сэр, все знали!

В наступившей тишине лорд Витинари даже не посмотрел на него, пока не отложил газету.

– Полагаю, на тебя вышли граги. Однако я думал, ты и так в курсе, что наряду со мной, Стукпостуком, командором Ваймсом и многими другими внесен в так называемый черный список, составленный радикальными грагами. Но я бы на твоём месте особенно не переживал. Ведь жизнь без риска не стоит того, чтобы жить, не так ли, господин фон Липвиг?

– Допустим, – сказал Мокриц, – но как же Дора Гая?

– Ну что ты, господин фон Липвиг, ей я рассказал еще на прошлой неделе.

– Как?! А мне она ничего не говорила!

– Видимо, хотела сделать сюрприз. Она так и сказала мне, что, дескать, знает, как ты любишь сюрпризы и приятную дрожь.

– Но вам же известно, что я никакой не боец, – пискнул Мокриц.

– Неужели? А у меня здесь рапорты, в которых сообщается прямо противоположное: захватывающие сказания о смельчаке и ни слова о трусости.

Мокриц, давно изучавший Витинари и его настроения, знал, что никогда нельзя было с уверенностью сказать, о чем патриций думает. Но сейчас он и вовсе казался вытесанной из камня статуей.

– Господин фон Липвиг, знаешь, что говорят о гномах?

Мокриц посмотрел на него с непониманием.

– Что они маленького роста?

– «Двое гномов – это ссора, трое – война», господин фон Липвиг. Вечная грызня, грызня, грызня. Это часть их культуры. А во время грызни граги исподтишка подсыпают яд. Кумское соглашение между королем-под-горой и алмазным королем троллей, которое я помогал заключить, во всем мире было встречено как предвестие светлого будущего. Но сейчас старшие гномы все чаще подпадают под влияние фракции грагов, сеющей раздор. Расхождение во мнениях – это одно, но подобная жестокость непозволительна. Мы с алмазным королем троллей оказываем давление на короля-под-горой и имеем все основания надеяться, что он разберется с вопросом. Это зашло слишком далеко, господин фон Липвиг. В давние незапамятные времена граги отважно исследовали шахты на наличие метана, откуда и пошли их плотные одеяния. Так они получили свой высокий статус, но, в сущности, граги просто были храбрыми шахтерами... может, и знатоками своего дела, но уж точно не великими политиками и мыслителями. Потому что с куском породы не нужно общаться. С живыми же существами приходится договариваться постоянно. Король-под-горой это понимает. Граги тоже понимают, но не принимают этого. Я тиран, и без ложной скромности скажу, хороший тиран. Я понимаю человеческую природу и природу мира. Все переменчиво. Ничто не постоянно. Уступить здесь, подправить там, договориться сям, и вот уже равновесие в мире снова восстановлено. Вот для чего существует политика. Но политика грагов сводится к одному: «Делай, что тебе говорят, нам виднее». Я нахожу это довольно утомительным.

– А я нахожу утомительным, когда ваши люди тычут в меня мечами по утрам, – вставил Мокриц.

– Правда? Это единственная претензия? – спросил Витинари. – Я предупрежу, чтобы в будущем не слишком усердствовали. – Он улыбнулся. – Командор Ваймс хороший человек и много времени тратит на то, чтобы объяснить людям, что им делать, а чего нет, такова работа Стражи. В этой сфере нет места личной инициативе. Чтобы что-то сделать, нужно это увидеть. Вот где лежит разница между тиранией и командованием полицией. Правила должны быть ясны для каждого. Ты понимаешь, о чем я, господин фон Липвиг?

Патриций не сводил глаз с Мокрица, и тот ответил:

– Да. Я понимаю. Командор – терьер Витинари, а я...

– Ты, господин фон Липвиг, воплощение прозорливости и тем полезен.

Например, меня только что поставили в известность, что ты осчастливил наш город новым притоком гоблинов, как раз когда мы в них так нуждаемся. А Сидни, наш старший конюх, сообщил мне, что одна лошадь вернулась на конюшню и заявила: «Свобода, равенство, скачки». Мы-то полагали, что лошади-големы не умеют разговаривать, но оказывается, господин фон Липвиг, эту кобылу ты приобщил к прелестям речи. Впечатляет. – Лорд Витинари широко улыбнулся. – Ты неиссякаемый источник сюрпризов, господин фон Липвиг.

Он вздохнул:

– Подумать только, однажды я чуть не вверил тебя умелым рукам господина Трупера. Он часто справляется о твоём здоровье. Знаешь, он ведь никогда не забывает шей. Но ступай, господин фон Липвиг... Твоя публика ждёт тебя.

Король-под-горой взревел от ярости, чувствуя, будто его предали, когда до него дошли вести о бойне у железной дороги, и его крик раскатистым эхом прокатился по залу, оглашая каждый уголок огромной пещеры. Летучие мыши посыпались с потолка, тесто в пекарнях отказалось подниматься, и серебро почернело на декоративных топорах.

Рыс Рыссон тяжко опустился на Каменную Лепешку и потряс в воздухе бумажками с кликами, которые он только что получил.

– Гномы убили железнодорожников! – возопил он. – Ни в чем не повинных работников предприятия, которое могло бы принести немалую пользу не только людям, но и гномам. – Король был чуть не на грани слез, он стукнул кулаком себе по ладони. – И это после семафоров! – застонал он с досады. – У меня в руках весточка от алмазного короля троллей, и он очень не хочет меня расстраивать, но, кажется, он меня жалеет, – и Рыс перешел на крик. – Я говорю о короле троллей, прежде нашем заклятом враге, а сегодня моем близком друге! Что он теперь подумает о благонадежности гномов? Благодаря сведениям, собранным анк-морпоркскими стражниками, в числе которых есть и наша землячка Шельма Задранец, мы теперь знаем имена участников. Теперь мне доподлинно известно, кто за этим стоит. – Он перевел дыхание и вперился в растущую толпу. – Где Пламен? Немедленно доставить его ко мне! Пусть посмотрит, до чего довели его бредовые рассказы! Я требую, чтобы он немедленно предстал передо мной, желательно в кандалах. Боги

праведные, Так даровал нам Кумское соглашение, а этот чирей в заднице пытается его нарушить.

Толпа собралась уже большая, и король заговорил еще громче:

– Повторяю, я требую доставить его сюда. Сейчас же. Не теряя ни минуты. Отговорки не принимаются. Никаких вторых шансов. Пощады не будет. Пусть все знают, что король не позволит растоптать все хорошее, что принесло Кумское соглашение, каким-то авантюристам, которые считают, что прошлое по-прежнему здесь и принадлежит им. Я слышу только его стерильное эхо. Еще я заметил, что нынче стали высказываться против гоблинов, которые трудятся на человеческих предприятиях, таких как семафоры и железные дороги. Я слышу много жалоб на то, что они отнимают рабочие места у нас, у гномов, но почему? Потому что гоблины быстро схватывают, усердно работают и рады находиться в Анк-Морпорке! А что гномы? Каждая подоженная нашими же фракциями башня вредит лично нам... Кто станет доверять гномам после такого? Не забывайте, Так в первую очередь учит нас терпимости по отношению ко всем формам разумной жизни. Говорю вам, мир меняется с каждым новым поколением, и, если мы не научимся плыть по течению, нас разобьет о скалы.

Слово взял стоявший подле своего короля Грох Грохссон. Он окинул взглядом собрание гномов и заговорил.

– Так не ждал, что камень оживет, но, увидев это, он улыбнулся и сказал: «Все сущее стремится к жизни». – Грохссон свирепо поглядел на слушателей и продолжал: – Вновь и вновь последнюю заповедь Така замалчивали в беспомощной попытке истребить будущее в зародыше, а это не просто ложь, это святотатство! Так готов терпеть даже Нак Мак Фиглов, быть может, только потому, что с ними веселее, но я не уверен, что он и впредь будет готов терпеть нас... Ныне он смотрит на нас со скорбью, и я уповаю на то, что скорбь его не обратится в гнев. Даже терпению Така в какой-то момент должен настать конец.

Грохссон поклонился королю-под-горой:

– Всегда к вашим услугам, ваше величество. Жду ваших приказаний.

Король, все еще багровый лицом, сказал:

– Я не приму от тебя поклона, друг. Это мне следует кланяться тебе в ноги. Слова твои мудры. Пусть их услышат в каждой шахте.

В этот момент в залу вбежал гном и что-то прошептал на ухо секретарю короля-под-горой Арону. Тот помрачнел.

– С сожалением сообщаю, ваше величество, что Пламен и его соратники исчезли.

– Так, значит, сбежал, смутьян, – прошипел король-под-горой, едва

сдерживая ярость. Повысив голос, он обратился к толпе: – Отныне они изгнаны. Все до единого. Не сомневаюсь, эти трусы найдут где укрыться. Любая помощь им будет расценена как государственная измена – не мне, но Лепешке.

Уединившись в своих покоях некоторое время спустя, король мерил шагами комнату, когда прибыл с последними донесениями Арон.

– Поймали пару мелких сошек, но главным подозреваемым все-таки удалось уйти. – Арон назвал некоторые имена, и Рыс Рыссон похолодел, как мрамор. Арон положил руку ему на плечо, призывая к спокойствию, и продолжал: – Альбрехт и люди с его шахты на вашей стороне, хотя другие колеблются.

– Колеблются? Этого недостаточно. Мне нужна их полная преданность делу, – сказал король.

Секретарь улыбнулся.

– Вы ее получите, не сомневайтесь. Даже если останутся отдельные элементы, от которых придется избавиться, мы скоро до них доберемся. Но, Рыс, будьте осторожны. Я вижу, сколько сил вы на это тратите. Это нехорошо. К тому же всегда можно разыграть еще одну карту.

Король покачал головой:

– Не сейчас. Возможно, скоро, но только когда я сам так решу. Мне нужен подходящий момент.

Арон снова улыбнулся. И раздался звук поцелуя.

Гному-вандалу не везло. Прямо под ним стояла машина «номер один», та, которую они звали Железной Ласточкой, и нельзя было терять ни минуты. Он был ловкач и профессионал, и граги щедро заплатили бы за уничтожение одного из ненавистных им паровозов.

Он бесшумно прыгнул с крыши и приземлился прямо позади хваленной машины. Было самое время подбросить разводной ключ в шестеренки. Гном знал, что территорию патрулировали охранники, но они все были ленивыми тупицами, и сегодня их вдобавок отослали сторожить в другой конец участка. Он все проверил и перепроверил. Только потом он бесшумно подступил к *паровому возу*, оставшись с машиной один на один в ее гигантском сарае.

Существовало немало способов уничтожить паровой двигатель, и он продумал их все. И вот под покровом ночи, готовясь вскоре ретироваться обратно на крышу через люк в потолке, он развернул мешок с инструментами, бережно обернутыми в шкуры, чтобы ничто не звенело и

не брякало, и целенаправленно шагнул на подножку Железной Ласточки...

...в абсолютной темноте паровоз выбросил облако горячего пара, и воздух мигом наполнился розовым туманом...

Гном ждал, не в силах пошевелиться, пока серьезный голос не произнес:

– ПРОШУ БЕЗ ПАНИКИ. ТЫ ПРОСТО УМЕР.

Вандал уставился на скелетоподобную фигуру, после чего собрался духом и ответил Смерти:

– Ох... Но знаешь, я ведь ни о чем не жалею. Я выполнял волю Така, и теперь он встретит меня в раю с распростертыми объятиями!

Для существа, у которого не было гортани, Смерть предпринял неплохую попытку откашляться.

– НУ, НАДЕЖДА УМИРАЕТ ПОСЛЕДНЕЙ, И учитывая то, ЧТО ТЫ ЗДЕСЬ ЗАТЕЯЛ, Я БЫ НА ТВОЕМ МЕСТЕ НЕ ТЕРЯЛ ВРЕМЕНИ ДАРОМ И ПРЯМО СЕЙЧАС НАЧИНАЛ НАДЕЯТЬСЯ С ОСОБЫМ УСЕРДИЕМ, – сказал Смерть голосом, холодным, как гранит. – ТАК МОЖЕТ БЫТЬ МИЛОСЕРДЕН. НАДЕЙСЯ НА ЭТО ИЗО ВСЕХ СИЛ. ДА, ТАК МОЖЕТ БЫТЬ МИЛОСЕРДЕН. ИЛИ...

Вандал прислушался к тишине, похожей на звон колокола без языка, и наконец злое молчание нарушило одно слово:

– ...НЕТ.

Железная Ласточка издала пронзительный визгливый свист, словно попавшая в беду девица. Этот свист ножом прорезал воздух, и к моменту, когда капрал Шнобби Шноббс и сержант Колон осмотрительным и аккуратным бегом^[48] достигли гаража, они обнаружили у Ласточки лишь что-то влажно-теплое, смутно-розовое, а кроме того – набор инструментов и фрагменты костей.

– Похоже, она дала сдачи! – заметил Шнобби. – Мне все ясно, сержант. Тут произошло что-то сверхъестественное. Мистика, можно сказать.

Фред Колон шагнул вперед и сказал:

– Не вижу ничего мудреного, Шнобби. Взгляни на лом и эти инструменты... Ты же не хочешь сказать, что паровоз не спит по ночам, точно какая-нибудь старушка, которая держит под боком кочергу, чтобы отваживать воров. Сдается мне, она просто кокетничает. Горячий пар! Хорошо, что мы с тобой успели отпугнуть остальных нападающих!

– А они были хорошо вооружены, – произнес Шнобби очень отчетливо, чтобы в этом не осталось ни малейших сомнений. – Но у них кишка была тонка, чтобы встретиться с нами лицом к лицу, вот.

Капли влаги падали с прочных перекрытий под потолком. Колон посмотрел вверх и спросил:

– Эй, Шнобби, а что это за белая штука застряла в крыше?

Шнобби сощурился:

– Хм, смахивает на кусок черепа, сержант, если хочешь знать мое мнение. Все еще дымится.

В отдалении послышались тяжелые шаги – это прибежали охранники-големы, которые оперативно рассеивались по местности.

Шнобби повысил голос и сказал:

– Нужно сказать им, что остальные уже миль за десять отсюда, сержант, так быстро они убегали. Может, старина Ваймс даже даст нам отгул за сегодняшнюю службу.

– Но подожди, – перебил Колон. – Мы патрулировали вокруг этого паровоза уже много, много раз, и с нами никогда ничего не случилось.

– Но мы же не собирались его ломать, а, сержант?

– Что? Не хочешь ли ты сказать, будто Железная Ласточка понимает, кто друг, а кто враг? Да ну... Это же просто кусок старого железа...

В тишине что-то тинькнуло. Колон и Шнобби затаили дыхание.

– Зато какая удивительная машина, а, Шнобби? Только погляди, какие гладкие линии!

Наступила еще одна пауза, в течение которой оба продолжали удерживать дыхание, и Шнобби подхватил:

– Ну что, сержант, големы уже здесь, и наша смена подошла к концу. Я напишу подробный рапорт, как только мы вернемся в штаб, и, кстати, ты так и не вернул мне мой карандаш.

Пара удалилась на диво быстрым шагом, и Железная Ласточка осталась одна. А некоторое время спустя раздался очень тихий звук, походивший отчасти на свист, отчасти на смешок.

Рано или поздно все, так или иначе связанное с железными дорогами, попадало к Мокрицу на стол, и, как правило, он безотлагательно пересылал это дальше. Но сейчас он переводил внимательный взгляд с документов на явно сконфуженного Дика Кекса.

– Ну же, Дик, рассказывай, что, по-твоему, произошло вчера ночью. Похоже, граги планировали сделать с Ласточкой что-то посерьезнее вмятины. Не исключено, что это связано с нападением на станцию, правда, были... существенные отличия. Привести паровоз в негодность можно по-разному, но Стража прибыла на место преступления за считанные минуты, и, если верить их словам, *Ласточка* постояла за себя и обезвредила одного

из злоумышленников. Я давно знаком с этими стражниками, и в какой бы заварушке они ни участвовали, они всегда выступают против численно превосходящего противника, по крайней мере так они говорят, когда рядом нет свидетелей. Но ведь и впрямь все выглядит так, будто она сама покарала обидчика, если можно так выразиться, и вскипятила его. Пол до сих пор не оттерли. Как, по-твоему, такое могло случиться, Дик? Это какое-то волшебство?

Дик покраснел и ответил:

– Господин Липвиг, я инженер. Я не верю в волшебство, но сейчас мне кажется, что, может быть, волшебство верит в Железную Ласточку. Каждый день я прихожу на работу и вижу там наблюдателей за поездами... Они теперь даже палатки разбивают на участке, ты заметил? Они знают о Ласточке чуть ли не больше моего – представляешь? – и я смотрю на пассажиров, которые до сих пор на ней катаются, вижу их лица, и это лица не инженеров, а скорее людей, которые пришли в церковь, и я не могу понять, что же происходит? Нет, я не могу объяснить, каким образом Железная Ласточка убила этого гнома, который хотел убить ее, и почему она никогда не делала ничего подобного, когда вокруг были другие люди. Все это похоже на сознание, а я не знаю, как она мыслит.

Дик раскраснелся как мак, и Мокрицу стало жаль инженера, который жил в мире, где вещи делали то, что им положено, числа складывались в суммы, а вычисления плясали под стук счетной линейки, как им и положено. Он вдруг оказался в мире умозрительного, где линейка теряла свой авторитет.

Дик растерянно посмотрел на Мокрица и спросил:

– Ты думаешь, возможно, чтобы у машины вроде Железной Ласточки была... душа?

«О господи, – подумал Мокриц, – к такому меня жизнь не готовила». Вслух же он ответил:

– Я вот смотрю, как ты проводишь по Ласточке рукой, когда она останавливается, и со стороны кажется, что ты ее гладишь. И я замечал, что другие машинисты тоже так делают, и, хотя Скорые имеют номера, я слышал, что им все равно присваивают имена и даже разговаривают с ними, иногда сплошными междометиями, но все же *разговаривают* с механической штуковиной. Я задавался вопросом: что, если жизнь каким-то образом передалась ей? Я даже начал замечать, что пассажиры каждый раз, когда они поднимаются на борт Железной Ласточки, тоже похлопывают ее, но спроси у них – и они не смогут объяснить почему. Но что ты сам думаешь?

– А-а, понимаю, о чем ты. На первых порах, когда я только начинал, помню, я все время разговаривал с Ласточкой, и часто кричал на нее, и даже ругался, особенно когда она артачилась. Да, может, ты и дело говоришь. В ней многое от меня. Моя кровь, и ведра пота, и много, много слез. Я кончик пальца в ней потерял, и почти все ногти из-за нее намертво посинели, и по всему выходит, что в Ласточке действительно есть часть меня.

Он как будто смутился от своих слов, так что Мокриц поспешил поддержать его:

– Ты прав, Дик. Это как раз тот случай, когда надо отставить вопросы, как и почему, и просто помнить, что оно работает – что бы это ни было, – но может и сломаться, если кто-то начнет умничать и докапываться до сути происходящего. Порой бывают ситуации, где счетной линейкой не управиться. И я бы на твоём месте сегодня хорошенько смазал Ласточку и начистил ее до блеска, пусть она *видит* своих почитателей и *чувствует* их почтение. Они жаждут чего-то, чего – мне неизвестно. Снимай сливки – и не порть дела чрезмерными сомнениями и беспокойствами. И я обещаю тебе, что ни словом не обмолвлюсь об этом разговоре...

А потом он приободрился и воскликнул:

– Не вешай нос, Дик, жизнь хороша! Помогли тебе твои логарифмы познакомиться с мисс Эмили?

Дик густо покраснел.

– Ага, мы с ней поболтали немного, про Железную Ласточку в основном, и ее мама пригласила меня к ним завтра на чай.

– В таком случае рекомендую обзавестись новой рубашкой, которая не будет заляпана маслом, почистить ботинки, ногти и... все остальное. И теперь, когда ты гребешь деньги лопатой, ты просто обязан купить модный костюм. Могу подсказать пару мест, где ты получишь то, что нужно. – Мокриц принял и добавил: – И прими заодно ванну. Ради Эмили.

Дик покраснел пуще прежнего и усмехнулся:

– Это ты прав, господин Липвиг. Эх, жалко, я не такой галантерейный, как ты.

– Все просто, Дик. Просто будь собой. Этого у тебя никто не отнимет.

А когда Мокриц покинул кабинет, чтобы еще раз самому взглянуть на место вчерашнего происшествия, он столкнулся с Гарри Королем, одетым с иголки и взвинченным до предела.

На Гарри красовался галстук-бабочка.

– Ненавижу эти штуки, ну вот какой в них смысл? – проворчал он. –

Сегодня опять тащиться на очередной светский раут. Юффи их обожают. Говорил я ей, что занят, куча дел же на железной дороге, но нет, она вознамерилась воспитать из меня приличного человека. А эти премудрости, с какого ножа можно есть, а с какой вилки нельзя? Они же специально путают таких простаков, как я, чтобы мы чувствовали себя не в своей тарелке. Еда с любой вилки одинаково вкусная, но если я ошибусь, Юффи ух как стиснет мне колено! Она хочет записать меня на уроки к блаблапеду, но на этом я ставлю точку. Какой ни есть, но я все еще Гарри Король, и говорить буду как Гарри Король. Я сказал ей, что не прочь раздавать деньги сиротам и все такое – ну нравится мне, когда детские мордашки загораются как звездочки, – но не выношу показуху и нескончаемый треп, когда я лучше пошел бы на работу и сделал дело. Юффи говорит, что это *ноблесс оближ*, но пускай они все оближуются – не обязан же я на все соглашаться, так? Ужасно, когда человек не может побыть самим собой, *ближ* или не *ближ*.

В пятидесяти милях от Анк-Морпорка в пупстороннем направлении расположился Чортов лес. Кому-то он служит поводом для шуток, но, так или иначе, на протяжении всего года здесь не смолкает птичий щебет и стук топоров. А еще там полно семейных угольных шахт, которые слишком малы, чтобы на них зарились гномы, и в самый раз, чтобы хватало на жизнь.

В это прекрасное утро в кузнице семейства Уэсли Тигель Уэсли спорил со своим братом.

– Ладно, ты кузнец, допустим, но этот их мотор мне кажется очень сложным механизмом. Джед, ты мастер на все руки и мужик крепкий, но я сомневаюсь, чтобы ты сам сколотил целый паровоз. Мало ты книжек читал, как по мне. Ты же видел, как оно у них на участке. Все в дыму, у мужиков линейки эти, а ты даже не понял, для чего они им.

Этот самый Джед, с которого градом лились пот и грязь, оторвался от наковальни.

– Да все просто. Кипятишь воду, горячо кипятишь, от этого двигаются поршни, а поршни крутят колеса. Вот и все, собственно. Только не забыть еще масло и мазут. Я думаю, сложнее всего будет остановить, когда оно разгонится.

Тигель Уэсли, которого местные считали мозговым центром в их семье, в том смысле, что хоть какие-то мозги в ней были, очень нервничал по этому поводу и не хотел униматься.

– Я в курсе, что ты был Кузнецом Года в Промеже три года подряд и

серебряный кубок получил, которым мама так гордится, но не знаю... Мне кажется, что все тут немного сложнее. Секрет фирмы и все такое.

Некоторое время Джед как будто общался с духами, а потом заявил:

– Ну а у мене котел уже почти готов, и это факт. И я думаю, что если не торопиться, то не о чем и волноваться. Я ведь видел, как пар выходит из маминого чайника, – это просто мокрый воздух.

Одной огромной ручищей он постучал по котлу, водруженному на самодельный помост рядом с его верстаком.

– Помоги мне вытащить это наружу, и давай попробуем... Выключить всегда успеем, если оно капризничать станет, и уж с каким-то дурацким чайником я сладить сумею.

Они вынесли гигантский сосуд на улицу – по правде говоря, большую часть веса с радостью принял на себя Джед. Брат наблюдал за ним с восхищением и некоторым мандражом, по крайней мере, так он сказал бы, если бы знал о существовании этого слова. Но Тигель лишь чувствовал, как пот струится по его спине. Он начал пятиться назад, в очередной раз пытаясь воззвать к здравому смыслу старшего брата.

– Ну, я не знаю, Джед, они делали всякие измерения, с уровнями и все такое, а когда оно шипело, то ого-го как оно шипело.

– Да, и нам доллар стоило посмотреть на это! И не беспокойся уже об этой палке-считалке... я же сказал, у мене мозгов побольше, чем у котла! А если что не заладится, переплавлю его на подковы. Давай я огонь разведу, а ты поможешь мехи качать.

Когда Тигель помог брату установить котел на открытом воздухе среди деревьев, он ухватился за последнюю возможность вразумить брата.

– Я думаю, это все-таки слишком сложно, не то другие люди бросились бы делать то же самое.

Но увы, это предположение только придало его брату уверенности в желании покорить пар. Джед постучал себя по носу и сказал:

– Мне кажется, это потому, что я не такой дурак, как они!

Есть что-то неуловимо тревожное в слове «кажется» – после него ухо, по какой-то необъяснимой причине, жаждет услышать что-нибудь другое, более уверенное в себе – и менее опасное. И по трагическому стечению обстоятельств двадцать минут спустя именно ухо вылетело из рассеивающегося дымного тумана и упало среди покореженных деревьев, которые точно расцарапали драконы, а птицы сыпались с неба уже жареными...

Мокриц по своей природе был принципиальным противником двух

часов ночи: он предпочитал, чтобы это время случилось только в жизни других людей. Находясь в дороге, он не возражал против здоровой дозы свежего утреннего воздуха – особенно на железной дороге (это напоминало отдых на лоне природы и потому казалось особенно увлекательным). Но быть разбуженным в столь поздний час в собственной постели было невыносимо. Это требовало божественного возмездия, хотя Мокриц и не стал требовать его по отношению к сэру Гарри, который заявился к нему на Лепешечную улицу, и целый ад следовал за ним по пятам.

Дворецкий Кроссли поспешил предстать перед сэром Гарри, как того требовал этикет, но тот взлетел по лестнице, подсовывая листочки с кликами под нос всякому, кто попадался на глаза, и ворвался в спальню Мокрица с громогласным криком:

– Кто-то в Чортовом лесу напортачил с паровым устройством и умудрился убить двух человек, включая себя. И знаешь еще что? Семафорщики с башни Промежа увидели взрыв, спустились и обнаружили останки, а ты знаешь семафорщиков! Новости уже разлетелись повсюду! Вместе с ошметками бедолаг, видимо. Две смерти, господин фон Липвиг. Пресса наши кишки на подвязки пустит.

К этому моменту Мокрицу удалось надеть брюки нужной стороной вверх. Он выпалил:

– Но, Гарри, мы ничего не делаем в Чортовом лесу. Да, мы планировали в будущем проложить короткую ветку до Промежа, должно быть прибыльное направление, но этот случай никак с нами не связан. Кроссли, принеси, пожалуйста, сэру Гарри крепкого бренди и мягкое кресло.

– Связано, не связано, Мокриц, ты должен понимать, что пресса слетится на эту историю, как мухи на навоз.

К его огромному раздражению, Мокриц сказал:

– Верь мне, Гарри. Верь мне. Это не наша вина, и я не вижу причин для паники. С прессой я разберусь. Они должны выдвинуться в Чортов лес с рассветом, так что я, пожалуй, поеду прямо сейчас, чтобы получить фору, – сказал Мокриц.

– Это не игра! – вспыхнул тот.

А Мокриц бросил ему через плечо:

– Извини, Гарри, но мне помогает эта мысль.

Когда он уже спускался по лестнице, а взбешенный Гарри топал за ним по пятам, домой вернулась Дора Гая. Иногда она работала на Гранд Магистрали по ночам. Мокрицу она говорила, будто делает это для того, чтобы люди не расслаблялись, но он-то знал, что на самом деле она просто

любила поздние смены ясными ночами, когда огонечки сообщений порхали с холма на холм, как светлячки.

В этом было очарование семафоров, и не только гоблины подпадали под него. Дора Гая знала и не возражала против того, что семафорщики и семафорщицы крутили романы среди мерцающих огней. Немало предложений было сделано по ничего не подозревающему воздуху под покровом ночи, и рано или поздно на свет появлялись маленькие семафорята.

Однажды Дора Гая сказала Мокрицу:

– Семафорщиками и тем более семафорщицами становятся особые люди, поэтому пусть они женятся между собой и рожают детей нужной крови. За ними наше будущее, и упасите боги, если их супруги не будут тоже работать на семафорах. Люди с клик-башен – особый сорт, а подобное всегда тянется к подобному.

Когда Мокриц сообщил ей о новостях в Чортовом лесу, она скрылась в своем кабинете, и Мокриц услышал, как туда, топоча, сбежались гоблины, а потом на крыше застучали семафоры. Вскоре Дора Гая направила к нему гоблина с клик-бланком, на котором он прочел: «Новости из Промежа. Тчк. Взорвался котел. Тчк. Не поезд. Тчк. Трагически унесло жизни двух человек, но наших двигателей поблизости не было. Тчк».

Это открытие только укрепило уверенность Мокрица в себе, и он хлопнул Гарри по плечу со словами:

– Прошу тебя, Гарри, успокойся. Я гарантирую, что все образуется. Мне только нужно, чтобы вы с Диком встретили меня в Чортовом лесу, и как можно быстрее. И вот еще что. Думаю, нам может понадобится Громогласс.

Пришло время для очередного разговора с глиняной лошадкой. Мокрица беспокоило то, что он собирается в долгое путешествие после такого короткого перерыва, но лошадь ответила:

– Господин, я лошадь. Быть лошадкой – дело всей моей жизни, и я доставлю тебя до Чортова леса в два счета. Садись в седло, пожалуйста, и поедем.

В аллюре Мокриц нашел некую золотую середину. Лошадь из плоти и крови физически не смогла бы скакать на такой скорости, не заплетаясь ногами – но ему удалось покрыть полсотни миль до Чортова леса к рассвету без особых увечий в области пониже спины.

Первым делом он разыскал ближайший к месту происшествия трактир, который держал Эдвард Прадед. Там наливали крепкое пиво и эль.

По крайней мере, так было написано на большой вывеске за стойкой, а Мокрицу не хотелось спорить.

Трактирщик был уже одет. Он смерил Мокрица взглядом и сказал:

– Я так и думал, что явится кто-нибудь вроде тебя. Городской? По поводу взрыва? Журналист? Если журналист, я хочу денег.

– Нет, я представляю железную дорогу, – ответил Мокриц. – Я узнал о взрыве и приехал выяснить, что произошло.

Прадед снова оглядел его с головы до ног.

– Я все об этом знаю. Это были братья Уэсли. Желудок-то крепкий у тебя, молодой человек? Я бы мог оставить бар и все тебе показать, но тогда мне придется будить супругу, потому что кому-то надо выходить в раннюю смену обслуживать шахтеров. Они скоро сойдутся завтракать.

Мокриц услышал невысказанную просьбу и заплатил ему кругленькую сумму, после чего они вышли на улицу, и трактирщик повел его по тропинке в чашу. Эта часть леса была довольно приятна на вид и не слишком темная – идеальное место для пикника. Но чем глубже они заходили, тем яснее Мокриц понимал: то, что они обнаружат дальше, будет мало похоже на пикник.

На полянке, до которой от трактира было совсем недалеко, деревья стояли голыми, повсюду валялись спутанные ветки, а в стволах торчали остатки кузницы. Там же обнаружили и фрагменты лопнувшего котла, и некоторые врезались в могучие дубы так глубоко, что Мокриц не смог их вытащить. От дымки, витавшей на поляне, он покрывался гусиной кожей.

Он набрал в грудь воздуха и спросил:

– Что стало с телами, господин Прадед?

– А, ну да, ну да. Я убрал их к себе в погреб, там хоть прохладно. Они в ведре. И это не очень большое ведро. Два брата, отличные были парни. Тигель был умником, а Джед – кузнецом. Правда, в ведре не очень понятно, кто есть кто. Джед хвастался, что хочет однажды тоже построить железную дорогу, и честно говоря, кузнецом-то он был хорошим, но что он понимал в паровозах – кто его знает. Но он был уверен, что сдюжит, и все приятели его подначивали, – старик на секунду замялся. – Я здесь первым оказался, и тут было ничего не видать, кроме тумана, и мне это ой как не понравилось. Такой липкий и жаркий, от него наизнанку выворачивало. Вот, в общем, и все. Не о чем больше рассказывать.

Мокриц поднял голову и спросил:

– Так и задумывалось, чтобы наковальня висела на дереве?

Трактирщик перевел взгляд с него на дерево и ответил:

– А ты глазастый, господин. Так-то наковальня всегда крепко стояла на

земле, но рвануло очень уж здорово.

Мокриц постарался приободриться.

– Благодарю, господин Прадед. Скоро сюда подоспеют толпы журналистов, извини за выражение, но это настоящие стервятники.

– Да нормальные ребята. Для дел хорошо. Журналисты пьют вдвое больше остальных и вдвое дольше. Приезжали как-то на обвал шахты. Знаешь, как они долго не пьянеют? – Господин Прадед в предвкушении потер руки.

Дело близилось к полудню, когда объявилась большая часть журналистов. Но всю свору заметно опередил Отто Шрик из «Правды», который всегда первым прибывал к месту событий^[49].

Что до остальной репортерской шайки, то цели у всех были прямо противоположные, и каждый ждал, что остальные объяснят ему, что происходит.

Господин Прадед заколачивал денежки, готовя бутерброды с беконом, пока его жена жарила яичницу с обязательными гренками.

Мокриц объявил, что, хотя железная дорога, естественно, ни в коей мере не была замешана в инциденте, владельцы компании придут на место происшествия, чтобы увидеть все своими глазами, и с удовольствием ответят на вопросы журналистов. К тому моменту, когда Гарри Король и Дик Кекс появились в сопровождении Громогласса, Прадед, как заметил Мокриц, уже потихоньку начал поднимать цены на пиво, а трактир продолжал заполняться публикой со всех Равнин.

Мокриц уже выяснил от госпожи Прадед, что матушка погибших осталась горевать дома среди родных. Жила она неподалеку от трактира, и Мокриц позаботился о том, чтобы ни это обстоятельство, ни нынешнее местоположение злосчастных братьев Уэсли не стало известно шайке журналистов. И с удивлением пришел к выводу, что с его стороны это был не только рассудительный, но и человечный поступок, потому что журналисты наверняка полезли бы к старушке с вопросами вроде: «Госпожа Уэсли, что ты почувствовала, когда узнала, что твоих сыновей размотало по всей опушке?»

Когда пресса обступила новоприбывших, Мокриц, как шахматный гроссмейстер, всячески защищал своего короля – то есть сэра Гарри Короля, – отводя от него каверзные вопросы и делая вместо этого ход конем – господином Диком Кексом. Мокриц мог многому научиться у Дика. На него обрушились с вопросами типа: «Что ты скажешь нашим читателям в ответ на всеобщие опасения, что пар однажды всех угробит?»

На что Дик отвечал:

– Даже не знаю. Никогда не встречал людей, которые бы так считали. Но если не разбираться в том, что ты делаешь, пар и правда *очень* опасен, и мне ужасно жаль тех ребят.

Подал голос Хардвик из «Ежедневного Псевдополиса».

– До нас дошли сведения, что твой собственный паровоз лишил кого-то жизни не далее как позапрошлой ночью. Как ты это прокомментируешь, господин Кекс?

Прежде чем Дик успел ответить, вмешался Громогласс:

– У нас есть все основания подозревать вышеупомянутую особу в попытке диверсии против паровоза. Потерпевший совершал неположенные действия в неполенном месте. Несмотря на это, мы выражаем свои соболезнования по поводу летального исхода дела. Установлено, что он проник в гараж через потолочный люк – это наглядно доказывает, что ничего законного у него на уме не было. Его преждевременная кончина целиком и полностью остается на его совести.

– А как же старший господин Кекс? – подхватил Хардвик. – На чьей совести его смерть?

Вмешался Дик.

– Его смерть лишний раз доказывает, что к пару нужно относиться с уважением. Да, это дорого нам обошлось, мой отец лишился жизни, и теперь я все высчитываю, испытываю и перепроверяю. Все дело в мельчайших циферках. Все дело в осторожности. Все дело в знании. Пар живет по своим законам. Мы ведь не просто так зовем его *живым* паром. В неверных руках он представляет опасность, но я, господин, немало времени провел, вот этими самыми руками собирая котлы и двигатели, просто затем, чтобы проверить, на что я способен, а на что – нет. Не раз дело кончалось тем, что я прятался за каменной стеной, а над моей головой свистели осколки. Ты учишься на своих ошибках, если повезет. Вот я и старался делать ошибки, чтобы видеть, как и что работает. И хоть сейчас не время и не место для таких фраз, но нужно иметь голову на плечах и мозги в голове, а еще нужно быть смиренным перед лицом такой мощи. Нужно задумываться о всякой мелочи. Нужно делать заметки и учиться, и тогда, только тогда с паром можно стать на короткой ноге. Так получилась Железная Ласточка – вы все ее знаете. Слушаю, госпожа.

Мокриц узнал в госпоже Сахариссу Резник, которая спросила:

– Ты с такой нежностью отзываешься о паровозе, господин Кекс, что я не могу не поинтересоваться, есть ли у тебя дама сердца?

Писаки прыснули, но Дик Кекс даже глазом не моргнул.

– Спасибо за вопрос. Да, между прочим, есть барышня, которая ко мне

неравнодушна.

Еще одна рука взмыла в воздух, размахивая блокнотом, и Дик повернулся в ту сторону:

– Да, господин?

– Прискорб Джонсон, «Великий Кочан Газетт». Не задумывался ли ты о том, чтобы поделиться знаниями с другими гражданами, которые мечтают построить собственный паровоз? Это может спасти много жизней.

Дик бросил взгляд на Мокрица, Мокриц посмотрел на Гарри Короля, который приопустил брови – это, решил Мокриц, нужно было расценивать как знак согласия.

Дик заметил сигнал и, придя к аналогичному выводу, ответил:

– О да, у нас есть такие планы. По крайней мере, преподавать азы и технику безопасности. Не за бесплатно. Проектно-конструкторская работа стоит денег. Но я буду брать учеников, показывать им, как все устроено, и вообще делать из них подкованных механиков. Мы даже подумываем организовать регулярные курсы, назовем их, например, Железнодорожной Академией, – и тут улыбка сползла с его лица. – Разумеется, я скорблю о погибших, но неудача, бывает, стоит и жизни. Я бы не хотел, чтобы подобное повторялось в будущем. Все нужно делать как положено. Не скупиться и не искать легких путей.

Дик Кекс снова всех победил. Пресса не привыкла иметь дело с откровенными людьми. Уверенность, написанная у него на лице, напрочь обезоруживала их и даже, возможно, заставляла жалеть, что сами они недостаточно хороши. В Дике не было ни на йоту политиканства, и к этому они оказались не готовы.

Дик широко улыбнулся собравшимся:

– А если кто-то из вас захочет проехаться с нами в Анк-Морпорк, я в любое время с радостью покажу вам, что и к чему. Абсолютно все покажу.

За границами Чортова леса, и уж точно за гранью здравого смысла, граги вели совет, если можно так выразиться. Вне пещер мир менялся слишком быстро.

– Мы проигрываем, вы это понимаете? – восклицал голос в темноте.

– Ничего не поделаешь, дух времени веет в воздухе, – отвечал ему второй голос, звучавший еще более надломленно.

– А нам какое дело до их воздуха, до того, что в нем веет? Мы правы, мы непоколебимы, мы короли и слуги тьмы. Наш народ еще к нам вернется.

– Нет, народ уходит! Зря мы жгли башни! А я говорю, зря! Все хотят

вовремя получать новости, и мы выгядим преступниками в их глазах – мы и есть преступники. А это не делает нам чести.

Гном, который молчал все время этого тайного совета в пещере, вспомнил старую джелибейбийскую легенду о том, как свести осла с минарета. Ответ был прост: сначала сделай так, чтобы он перестал быть ослом. Но в какой параллельной реальности могло что-то подобное случиться с грагами? Было самое время – решила она – собственными глазами увидеть, как живет в стране короля троллей. Она была осторожна – предельно осторожна. И она уцелела и надеялась, что все было не зря и что теперь ей удастся стать той ослицей, которая выберется с минарета. Но нет, они продолжали подбивать впечатлительных юных гномов громить семафорные башни. Тот, в чью голову пришла эта идея, обрек их на провал, даже не посоветовавшись.

«Рыс Рыссон был прав, – думала она. – Мы нарушили равновесие. Нам нужно спастись, бежать отсюда, подальше от всего, что составляет это *отсюда*, выбраться на свет. Вряд ли меня заподозрят». Она всегда была рьяным охотником на неверных.

Но когда она бросилась бежать, в нее все-таки полетели ножи, и она упала. И в пещере осталось восьмеро, и сидящие в темноте пригляделись друг к другу, пытаясь угадать, кто окажется следующим. В конце концов, наступит время, когда никто не посмеет смеяться над чистотой тьмы!

Вся жуть заключалась в том, что когда гномы раскладываются, они и правда *раскалываются*... Любое отклонение от нормы расценивалось как покушение на все истинно гномьи ценности.

Другие тоже пробовали бежать и тоже погибли, и кто знает, сколько еще их осталось, не только в этой, но и в других пещерах, отсюда и до самого Убервальда. С безумием была одна проблема: безумцы не понимают, что они безумны. Граги давили всех, кто отказывался подчиняться, не понимая, что с тем же успехом можно втоптывать картошку в землю, запрещая ей расти.

Куда ни глянь, везде были какие-то комитеты, появившиеся в основном при содействии и поддержке лорда Витинари. Другие герцогства, столицы и города-государства не видели повода дожидаться, когда им подадут на блюде с голубой каемочкой их долю железнодорожного волшебства, и, хватаясь за представившиеся возможности с большим, нежели братья Уэсли, успехом, в железнодорожный бизнес вступали все новые компании. Канцелярская работа множилась не по дням, а по часам, и Стукпостук чувствовал себя как рыба в воде. Он успевал везде и участвовал во всем, не без компетентного участия господина Громогласса.

Комитеты обсуждали производственные стандарты, общественную безопасность, правила пассажирских перевозок, возможность прицеплять грузовые вагоны одной компании к поездам другой компании, чтобы пройти маршрут без лишних разгрузок^[50], и все финансово-юридические хитросплетения, которые это могло повлечь за собой.

Мысль о других предпринимателях, открывающих собственные железнодорожные компании, вынудила Гарри обратиться к Громоглассу.

Выслушав его жалобы, законник сказал:

– Все зависит от патентов, сэр Гарри. Ты платишь много денег специально обученным людям, чтобы они разбирались во всем этом вместо тебя. Мы с господином Кексом подали заявки на все его изобретения. Однако не сомневаюсь, что и другие способны построить машину для езды по рельсам. Нельзя запатентовать идею железной дороги как таковой, и, если пройтись по улице Изобретателей, ты наверняка встретишь там людей, у которых хватит мозгов сообразить, как заставить поезд ехать по рельсам, не нарушая патенты, которые я для вас выбил. Концепция парового транспорта уже находится в открытом доступе, и мы все знаем, как поднимает крышку кипящий чайник. Кто-нибудь достаточно умный понаблюдает за огнем и додумается, что если построить чайник побольше, то можно будет поднять и крышку потяжелее. Впрочем, как мы все видели в Чортовом лесу, он быстро убедится, что не все так просто. Не все такие умные, как господин Кекс.

Гарри фыркнул:

– Деревенщины. В подметки нашему Дику и его ребятам не годятся. Теперь отправится их старушка мать в богадельню, вот и все, чего они добились, – и сэр Гарри хмыкнул. Буквально произнес: «хм».

Не замечая, что его клиент отвлекся на мысли о несчастной женщине из Чортова леса, потерявшей детей, свою единственную гордость и отраду, Громогласс продолжал:

– Возьмем, к примеру, датчик давления господина Кекса. Как только принцип его действия будет доказан и объяснен, Гильдия Ловких Умельцев, уж до чего они ловкие и умелые, вполне может изобрести новый способ достижения аналогичного результата, не нарушая патента. Этим они и занимаются. Изобретатели по имени и по сути, – вот теперь Громогласс привлек внимание Гарри. – И пока ты не успел выйти из себя, замечу, что это совершенно законно.

– Как? После всего, что я сделал, после всех денег, которые я в это вбухал!

Лицо Гарри было пунцовым. Казалось, ему самому не помешал бы

патентованный датчик давления Дика Кекса.

Тут решил вмешаться Мокриц.

– Гарри, весь смысл поездов в том, что они универсальны. Поставь их на рельсы – и они поедут.

Мелодичный голос законника подхватил:

– На твоём месте, сэръ Гарри, я бы доверился мне в вопросе патентов, лицензий и регламентов, а вы с господином Кексом продолжайте наполнять мир паром. И помни, главное – что вы навсегда останетесь первыми. На это никто не может посягнуть. Ты сейчас в шоколаде – кажется, так это называется, – ты основатель железной дороги. Анк-морпорско-столатская гигиеническая железнодорожная компания сейчас тверда, как национальная валюта. – Тролль улыбнулся. – Или, если хотите, как я. А я – алмаз.

Дела в Гигиенической железнодорожной компании шли как нельзя лучше, и её штат все множился. Гоблины из щеботанских лесов распространили среди своих знакомых вести о перспективах в Большом Койхрене, за которые те с готовностью ухватились. А с тех пор как после случая в Чортовом лесу слова Дика о создании Железнодорожной Академии перепечатали все газеты, к нему каждый день выстраивались очереди желающих записаться в подмастерья. Дик был суров с теми, кого набирал в ученики, объясняя им, что они должны открыть железу свое сердце. И, бывало, ему приходилось сразу с кем-нибудь распрощаться, если он видел, что кандидат не тянет.

Вернувшись из очередной инспекторской поездки по щеботанской ветке, Мокриц задержался на участке, чтобы оценить последние изменения. Подмастерья с головой окунулись в свой собственный механический мирок, а Уолли с Дэйвом наставляли их и следили, чтобы фуражки у всех были надлежаще приплюснуты. Мокриц понаблюдал за ними, блаженно претворяющими в явь свои инженерные мечты, и заметил гоблинов, обступивших механиков со всех сторон. Те тоже слушали с самым сосредоточенным видом, будто это было дело жизни и смерти, и подбирали брошенные грязные тряпки, которые в их руках превращались в обновки от-кутюр и считались большим шиком среди своих. А около поезда сличали циферки в своих блокнотах наблюдатели. А Дик Кекс был всецело поглощен своим последним изобретением.

Мокриц пересек участок и подошел к нему; Дик, в перепачканной фуражке и грубой рубахе с закатанными по локоть рукавами, вытер тряпкой свое улыбочное лицо, оставляя в мазуте маслянистые разводы.

– Господин фон Липвиг! Какая встреча! Я как раз хотел тебе кое-что показать. Смотри, какую красотку мы пригнали из Сто Лата. Уже в рабочем состоянии! – Он кричал даже громче обычного. – Оборудование первейшей необходимости! Моя конструкция! Я сам все спроектировал. Я зову это поворотным кругом!

Инженер шагнул к нему ближе, и Мокрицу захотелось зажать уши руками. Понятно, что тот так надрывается потому, что целыми днями работает с поездами, где его, должно быть, отчетливо слышно даже сквозь шипение и лязг, но интересно, как же тогда он общается с Эмили?

А что до поворотного круга... Это был-таки круг, и он поворачивался. Огромная металлическая пластина с парой рельсов, пересекающих ее посередине, которая вращалась по своей оси при помощи большой рукоятки, присоединенной к зубчатому устройству, которое с напряженной сосредоточенностью крутил тролль. Мокриц смотрел на все это, пока Дик проводил демонстрацию.

– Замечательно! Это прекрасно, Дик, но... ради... всего того, о чем я понятия не имею... что оно делает?

Дик посмотрел на Мокрица как на малого ребенка и сказал:

– Разве не видно, господин фон Липвиг? Загоняешь паровоз на поворотный круг – и вот тут хитрость – поворачиваешь всю штуку по кругу, и теперь он смотрит в другую сторону!

И тогда Дик пустился в пляс. Его башмаки стучали по железной платформе, которая медленно вращалась.

– Класс! Высший класс! Мы почти у цели! – ликовал он.

Его торжеству вторило шипение, сродни тому, как шипела Железная Ласточка в конце долгой пробежки, и это могло бы стать уместным финалом эксперимента, только понадобилось некоторое время, чтобы тролль перестал вертеть рукоятку, и Дик, который уже начинал зеленеть от этого кружения, смог слезть.

С радостью предоставив разбираться с конкурирующими компаниями Равнин Сто профессионалам в лице Громогласса и Стукпостука, разумеется, при содействии темных клерков, Мокриц надеялся хотя бы недолго пожить тихой семейной жизнью, когда его вызвали во дворец.

Он не удивился, застав его светлость за свежим кроссвордом. Стукпостук за плечом Мокрица прошептал:

– Если ты не в курсе, редакция взяла нового составителя. Вынужден скрепя сердце признать, что он ощутимо сильнее предыдущего. Но его светлость старается изо всех сил.

Лорд Витинари оторвался от кроссворда.

– Господин фон Липвиг. Есть ли в нашем языке такое слово, как «алкание»?

Мокриц, благодаря своей лихой юности, даже точно знал его значение, поэтому он, образно выражаясь, препоясал свои чресла и ответил:

– Если не ошибаюсь, сэр, этим словом выражается страстное желание чем-либо обладать. Припоминаю, как я однажды наткнулся на него, и оно меня озадачило, потому что я никак не мог взять в толк, чем алкоголь может помочь в достижении желаемого.

Ни один мускул не дрогнул на лице его светлости.

– Ясно, господин фон Липвиг. – Он отложил газету и встал. – Мне доложили, что дорога в Щеботан почти закончена. Если Щеботанская Ассамблея до сих пор медлит с ответом, придется мне вести разговор с месье Жаном Немаром... особый разговор. Должен отметить, господин фон Липвиг, что народ в долгу перед тобой за неоценимый вклад в развитие железных дорог.

– Ого. Значит ли это, что мне можно возвращаться к своей обычной работе и видеться с женой чаще раза в неделю?

– Разумеется, господин фон Липвиг! Ты ведь действовал исключительно на добровольных началах. Однако теперь мое внимание приковано к дороге до Убервальда. Так что хотелось бы поинтересоваться: как скоро мы сможем отправить состав в этом направлении? Безостановочно.

Мокриц не ожидал такого вопроса.

– Так не получится, сэр. Без остановок никак. Нужно пополнять запасы воды и угля, а там больше тысячи миль!

– Тысяча двести двадцать пять *ровно* от Анк-Морпорка до Здеца экипажем, хотя я понимаю, что поезд будет двигаться другим маршрутом.

– Да, сэр, но остановки...

– Господин фон Липвиг. Если ты думаешь сказать сейчас, что это невозможно, в два счета отправишься к котикам. Как-никак, ты у нас человек, который добивается результата.

– К чему такая спешка? Строители работают не покладая рук, но в редкий день удается проложить больше трех миль пути, хотя Гарри Король не жалеет средств. К тому же всегда есть непредвиденные препятствия, и сверх того вы сами знаете, что каждый город на Равнине хочет стать частью нашей сети. Мы расплзаемся в ширину, сэр. Еще немного – и лопнем посередине.

Витинари быстрым шагом обогнул стол и воскликнул:

– Отлично! Две части будут работать вдвое эффективнее. Сдается мне, господин фон Липвиг, ты не до конца понимаешь сути наших отношений. Я очень вежливо прошу тебя что-то сделать, памятуя о том, что я могу попросить и с другой интонацией, а твое дело – исполнять. Судя по всему, нет ничего, что было бы тебе не под силу, о великий господин фон Липвиг, не так ли? И мой тебе совет: все, что не работает на благо скорейшего окончания строительства дороги до Убервальда, отложи на потом. Остальное может подождать и подождет. – Он поднял руку. – И не нужно мне рассказывать о проблемах. Рассказывай о решениях. Нет, можешь не рассказывать даже о решениях, главное – найди их.

– Можно присесть, милорд? – попросил Мокриц.

– Да пожалуйста, господин фон Липвиг. Стукпостук, принеси человеку воды. Ему как будто жарко.

– Хотелось бы понять, сэр... Ради чего все это?

Витинари улыбнулся:

– Ты умеешь хранить секреты, господин фон Липвиг?

– О да, сэр, храню их пачками.

– Вот и чудно. Суть в том, что я тоже. Тебе не обязательно знать ответ на свой вопрос.

– Но сэр! – не сдавался Мокриц. – Поезда успели стать неотъемлемой частью жизни для многих людей, особенно для жителей Равнин, которые живут на два города! Нельзя просто взять и все бросить, сэр!

– Господин фон Липвиг, что именно в слове «тиран» тебе непонятно?

Мокриц в отчаянии воскликнул:

– У нас нехватка рабочих рук, сэр! Нет людей, чтобы обслуживать литейные цехи! Нет людей, чтобы накопать столько руды! Сейчас у нас хватает сырья где-то на полпути, не больше. Но главное – рабочие.

– Да, – согласился лорд Витинари. – Все так. Не правда ли? Подумай об этом, господин фон Липвиг.

– А что волшебники? Могут они оторвать от кресел свои толстые задницы и помочь родному городу?

– Да, господин фон Липвиг, и мы с тобой оба знаем, как нам это еще аукнется. Живой пар – цветочки по сравнению с тем, что случится, если будет допущена магическая ошибка. Нет, мы не станем обращаться к волшебникам. Тебе нужно просто вовремя пустить поезд до Убервальда.

– И какое конкретно это время, сэр?

– В который раз повторяю, господин фон Липвиг: как можно скорее.

– Тогда у меня нет шансов. На это уйдут месяцы. Год. Больше...

Вмиг воздух в комнате похолодел, и патриций сказал:

– Тогда советую тебе не терять ни минуты.

Витинари сел на место.

– Господин фон Липвиг, люди делятся на два типа: те, кто говорит «так нельзя», и те, кто говорит «можно». И по моему опыту последние обыкновенно оказываются правы. Главное, творчески подходить к вопросу. Кто-то скажет: «Вообрази невообразимое», – но это чепуха. Впрочем, у тебя как раз таки хватит на это наглости. Обдумай это хорошенько. Не смею долее тебя задерживать.

Дверь за Мокрицем закрылась, патриций снова сосредоточился на кроссворде, и Продолговатый кабинет погрузился в тишину. Наконец Витинари заполнил клеточки, нахмурился и отложил газету.

– Стукпостук, – сказал он. – Как нынче обстоят дела у Чарли с представлениями Панча и Джуди? Все благополучно? Как он отнесется к тому, чтобы взять небольшой отпуск? Совсем небольшим, конечно.

– Да, сэр, – отозвался Стукпостук. – Сегодня же поговорю с ним.

– Вот так и надо решать вопросы, – сказал лорд Витинари.

Мокриц все еще был на взводе после ультиматума патриция, когда ему пришлось скакать в Чортов лес по поручению Гарри.

– Езжай проведать старушку и передай ей мои соболезнования, – сказал тот. – Пусть знает, что я остался под впечатлением от отважной попытки ее сыновей приручить пар, и я воздаю им честь как пионерам. Оглядишься там и посмотри, как она живет. Раз уж у меня золото из ушей скоро полезет, я распоряжусь, чтобы ей организовали небольшую пенсию, только ради богов, пусть больше никто не узнает. Да, и скажи ей, что я позабочусь о том, чтобы, когда будет писаться история железных дорог, имена ее сыновей стояли на первой странице. И пусть обращается ко мне в любое время.

Старый домик в лесу был именно таким, каким и представлял его Мокриц, и госпожа Уэсли расплакалась, когда он передал ей предложение Гарри. Она осталась в полной уверенности, что тот святой или ангел, и если Мокриц хоть немного понимал в жизни, то весть о благородном жесте Гарри Короля за несколько часов должна была разлететься по всему лесу. А поскольку новости путешествуют быстро, к концу дня они доберутся и до Анк-Морпорка. Мокриц хорошо знал Гарри. Это был удивительно проникательный человек с золотым сердцем, умевший плакать младенческими слезами. Поступок Гарри шел от чистого сердца, он не преследовал никакой корыстной цели, однако стоит этой новости выйти наружу, все газеты немедленно запишут его в благодетели бедняков, и он

прославится. Не впервые Мокриц пожалел о собственной склонности видеть скрытый интерес во всем, что происходило в жизни, как в хорошем, так и в плохом.

– *Сколько?*

Обычный вопрос прозвучал как объявление войны, от которой они и впрямь оказались на волоске, когда Гарри получил смету расходов по экспресс-линии до Здеца.

Мокриц стоял на своем.

– Дик говорит, что железа везде полно, но его еще нужно выкопать, а потом отлить из него сталь, а это съедает деньги, – договорил он торопливо, пока никого не успели спустить с лестницы.

– Нужно вложить золото, чтобы извлечь сталь, Гарри, – невозмутимо добавил Дик. – У нас с литейщиками выгодный договор, но до Убервальда тысяча двести миль, а это *много* стали.

– Гарри, – терпеливо продолжал Мокриц. – Мне прекрасно известно, что, когда вы с Юффи только поженились, вы ломали спички надвое, чтобы их на дольше хватало. Но ты уже не тот человек. Ты можешь себе позволить эти расходы.

Они не сводили глаз с Гарри. Тот вскарабкался на самую верхушку социальной лестницы из последней канавы и гордился этим обстоятельством, но Мокриц понимал, что он сколотил свое состояние задешево, поскольку в его сфере деятельности, в общем-то, особых инвестиций не требовалось, и теперь каждый раз, когда ему предлагали за что-нибудь заплатить, Гарри воспринимал это как очередное подтверждение тому, что с миром было что-то не так.

Дик Кекс тоже понимал его ход мыслей и потому сказал:

– Я б на твоём месте вытряхнул свою копилку, скупил все железо, насколько хватит денег, и не особо бузил по этому поводу. А то потом оно вдруг как подорожает – ты же понимаешь. Спрос и предложение.

Гарри все еще смотрел на них с таким видом, как будто думал, что его хотели надуть (это в принципе было его дефолтным состоянием). А Мокриц думал: ну а на что еще тратить Гарри Королю все свои деньги?

Так что он продолжил наседать.

– Решайся, Гарри. Как постоянному клиенту с хорошей кредитной историей Королевский банк однозначно даст тебе любой заем, какой понадобится. Хотя я-то знаю, что баланса у тебя более чем достаточно, чтобы проложить рельсы до Луны и обратно и пустить по ним вереницы поездов.

Господин Громогласс пророкотал:

– Еще всегда можно продать свои акции. Это значит, что придется делить затраты, но в то же время, увы, придется делить и дивиденды. Тебе решать.

Подхватил эстафету Мокриц:

– Гарри, всякий, кто купит твои железнодорожные акции, будет заинтересован в железной дороге уже как в своей собственной. Он поддержит твоё решение. Тут, как говорят тролли, «и без ума понятно». Когда дым приносит тебе такие деньги, это *твой* дым, и нечего на это жаловаться. Плюс, – Мокриц сделал глубокий вдох, – если разделить риски, ты можешь позволить себе обеспечить жильем железнодорожников. Чтобы они могли жить недалеко от дороги, совсем рядом, и всегда были готовы...

– Мне не нужно этого объяснять, господин фон Липвиг. Парням с моих конвейеров тоже до дома рукой подать. Разница в том, что они свое жилье строят себе сами.

– Не нужно строить дворцы, – сказал Мокриц. – Просто уютные домики с маленьким садиком, где понравится детишкам, и все будут счастливы, и дело, считай, в шляпе. Все хотят иметь работу рядом с домом. Удобно, уютно, и сколько хочешь угля в твоём распоряжении.

Гарри Король вмазал бы лично каждому, кто назвал бы его филантропом, но под всеми колючками в нём было что-то любопытно-мягонькое. Пожилые сотрудники всех рас, выходя на покой, получали пенсию – редкий зверь в Анк-Морпорке, – и Мокриц на правах управляющего банком знал про то, что крупные больничные счета имели обыкновение погашаться, когда Гарри узнавал о них. А на каждое Страшество Гарри, ворча, как престарелый тролль с мигренью, заботился о том, чтобы на праздничные столы всех его подчиненных попадало настоящее мясо установленного происхождения, и в немалом объеме^[51].

Мокриц успел хорошо узнать этого человека и потому продолжил:

– Взгляни на это с такой стороны: для человека, который сделал себя сам, делиться с другими равноценно тому, чтобы погубить собственную душу. Поэтому ты мог бы взять все риски на себя и стать богаче Креозота. Впрочем, мне кажется, Гарри, что ты и так уже богаче Креозота, и лично я, как всякий плут, считаю, что очередное состояние тебе сейчас совершенно ни к чему! И как твой банкир обязан предупредить, что распределение рисков и прибылей было бы самым разумным и социально приемлемым вариантом.

На долю секунды Мокрицу показалось, что само естество Гарри Короля рвется послать социальную приемлемость куда подальше, чтобы не

мешала приличным людям заниматься честным трудом. Но от Мокрица не укрылась и его ухмылка: Гарри понимал, что это все часть решения проблемы. Все-таки патрицию нравилось, чтобы жители Анк-Морпорка чувствовали себя причастными к участи их города.

– Короче, – подытожил Мокриц, чтобы закрепить результат, – Витинари хочет дорогу до Убервальда, а он у нас самый главный начальник. А город может нехило расщедриться в плане финансов. Круговорот поездов – круговорот денег.

Щеботанская линия открывалась торжественной церемонией на анк-морпоркском вокзале, где главную роль, как ни крути, сыграли алкогольные напитки. Был пущен новый состав, получивший название «Гордость Щеботана», и об его котел была разбита бутылка шампанского высшего сорта лично маркизом де Бламанже и его супругой, которая была, как сказали бы в Щеботане, в интересном *диспозишн*.

Среди всех этих празднеств только Мокриц заметил, как Дик Кекс отделился от веселой компании, чтобы вытереть котел от шипучего шампанского своим носовым платком, который моментально превратился в грязную тряпку. Он сердито посмотрел на Мокрица.

– Нельзя так, господин фон Липвиг, в двигатель лезть... Я же тут стараюсь разогнаться до сорока миль в час по ровной поверхности стланика, чтобы эти лобстеры увидели, на что мы способны.

В дебютном рейсе Мокриц присоединился к Дику и кочегару в кабине машиниста. Мимо на колоссальной скорости промелькивали заросли, а из-за каждого камня и векового дерева им вслед махали гоблины. Мокрицу показалось, что среди них он заметил Из Сумерек Темноты, но, к своему удивлению, обнаружил, что возмутительный гoblin встречал их на щеботанском вокзале. Мокрицу казалось, что мелкий гаденыш знал такие потайные ходы этого мира, которые были недоступны людям.

В остальных вагонах пассажиры замечательно проводили время, со всяческим авек плезир и буйством знаменитого антант кордиаль. Обновленные вагоны вызывали всеобщий восторг. Особенный фурор производил элегантный джентльмен, обслуживающий мужскую уборную в первом классе, который ловко подавал полотенца и объяснял правила пользования стеклянным сливным бачком, в котором плавала золотая рыбка. Рыбке нравились ощущения от смыва, а особое ситечко не позволяло водовороту унести ее.

На Центральном вокзале Щеботана их встретил большой парад, знаменовавший очередной раунд гражданской и политической

сентиментальной суеты. Все проходило под аккомпанемент спиртного с финальным аккордом в виде званого ужина, устроенного в паровозном депо. И там снова звучали тосты, а потом поезд развернулся на нововведенном поворотном круге, чтобы отвезти пассажиров обратно в Анк-Морпорк, где они и разошлись по домам.

И уже совсем скоро одним дивным летним вечером Мокриц и Дора Гая по-королевски ужинали свежайшими лобстерами, доставленными из Щеботана на новейшем экспрессе «Дары моря». Они были вкусными, они стоили дешевле, чем когда-либо, и удачно сочетались со свежим кресс-салатом, который приятно пощипывал язык.

А потом были свежая клубника и мягкая постель с пушистыми подушками, и казалось, что вся эта суета стоила того.

Началось это с Верхнего Свеса в Графствах. Местные сказывали, что по ночам оттуда доносились какие-то звуки... Металлический звон, лязг и время от времени – стон корчащегося в муках металла. Все, конечно, говорили: ну, это же гоблины, чего еще от них ждать?

Такие события привлекли внимание старшего констебля Фини Наконец, прикрепленного к анк-морпоркской Страже. Фини нравилось быть прикрепленным. Так он мог быть спокоен, что если кто-нибудь начнет возражать, то придется им иметь дело с командором Ваймсом или даже с сержантом Детритом, чье появление в этом сонном захолустье пару лет назад навело немало шороху. Так что Фини оседлал своего коня и выдвинулся в Свес, получивший свое название за то, что в пламенном далеком прошлом здешний ландшафт был весь перекорежен невообразимыми пещерами и беспощадной ершистой растительностью.

Фини был порядочным и рассудительным полицейским, а такие люди, как он, всегда заводят друзей, потому что никогда не знаешь, когда они понадобятся, особенно если ты единственный полицейский в окрестностях. Хотя теоретически Фини имел напарника в лице особого констебля Кости Из Дымохода. Существовал закон, и закон был един для всех – и теперь он постановил, что гоблины были равны с людьми, а значит, закон, фактически представленный старшим констеблем Фини и его подчиненным, защищал гоблинов в здешних краях. Невероятно, но констебль разрешил своему старшему офицеру называть его Костяшом, разумно рассудив, что в случае какой передряги чем короче имя, тем удобнее звать на помощь [\[52\]](#).

Фини бывал в Анк-Морпорке и гордился тем, что проходил боевую подготовку в Псевдополис-Ярде под руководством сержанта Детрита. А его

напарник был куда сообразительнее небезызвестного капрала Шнобби Шноббса, так что Фини было грех жаловаться. Сейчас он даже обрадовался, когда констебль встретил его у самого входа в главную гоблинскую пещеру, где находился его кабинет, к которому местные гоблины относились чуть ли не как к святыне.

Нынче процветающая колония гоблинов гнездилась в Нижнем Свесе. Гоблины торговали изумительными горшками, и Фини всегда считал, что гончарное дело было тихим ремеслом и с громким лязгом имело мало общего. Интерьер небольшой пещеры, которая служила кабинетом Кости Из Дымохода, был не очеловечен, но огоблинен, и об этом не стоило забывать. А вот звук, доносившийся из большой пещеры за кабинетом, происходил точно не от горшков. Это был тяжелый металлический лязг. Что ж, гоблины (тут Фини запнулся, во всяком случае, мысленно) были свободными людьми, а если свободные люди хотят подолбить по железу в пределах своей огромной пещеры, то имеют полное право. Он похлопал глазами. Такой вот новый мир. Если все это не уложится у тебя в голове, перевернешься вверх тормашками.

Фини был человеком вежливым и догадался подучить гоблинский язык, что очень помогало ему в работе. День стоял солнечный, и путь до Свеса был легким и приятным, и на холмике над пещерой возвышалась клик-башня, которую, да, тоже обгоблинивали гоблины. Раздав необходимые бумаги и поручения, Фини решил спокойно переговорить со своим напарником и осторожно завел разговор о шумливых гоблинах в контексте нарушения общественного порядка. Поскольку в окрестностях гоблинского поселения проживало совсем мало людей, старший констебль Фини подозревал, что причина всех жалоб крылась в остаточной человеческой неприязни к гоблинам, которые теперь могли делать все что им вздумается и где им вздумается. Но все-таки он посоветовал перенести то, что они там делали, поглубже в пещеру.

Трескучим голосом Кости Из Дымохода ответил:

– Нет проблем, командир, держимся. Все у нас будет в порядке. Все пучком.

– Что ж, рад слышать, но откуда весь этот стук и лязг, Костяш?

– Шеф, сам же знаешь, сколько гоблинов уезжает в Анк-Морпорк работать на навозного магната Гарри Короля с железной дорогой. Знаешь же, дааа? Каждый месяц возвращаются с денежками. Никогда у нас не бывало денежек! Иногда с чертежами возвращаются. И с идеями, и с хитрючими планами.

Кости Из Дымохода поглядел на старшего офицера с некоторым

беспокойством во взгляде, а Фини переспросил:

– Они крадут... *идеи*?

Повисло молчание, и Фини понял, что допустил промашку, но Костяш только посмеялся.

– Да не, сэр. Улучшают! Нам нравится сэр Гарри, оччень хороший начальник, но мы будем строить нашу собственную железную дорогу, гоблинскую. Чтобы кататься на ней, и никаких проблем. Мы обнаружили, что лучший способ строить железную дорогу – это не строить! А копать! Подземная гоблинская железная дорога, дааа? Все гоблины соберутся вместе, со всех пещер на свете. А сколько еще наших пещер на задворках мира. Никакого шума. Гоблины везде нужны. Что бы делала милая Дора Гая Ласска, если бы не было гоблинов на башнях? Нам можно доверять – уж не меньше, чем мы вам, людишкам, можем доверять. Удивительная подземная дорога, узкоколейная, уж конечно. Ясно? У нас даже жаргон свой! Под землей ни дождя нет, ни снега, ни упрямых ослов, ни жутких старушек. Держимся! Наконец-то свой гоблинский мир в туннелях пониже великанского мира людей. Теперь мы просвещенные гоблины. Назад пути нет.

Фини обдумывал это на пути домой, пока его лошадка мягко скакала в закат. Он не был философом и даже не знал, как это пишется, но у него из головы не выходили слова гоблина. Он думал о том, что будет, если гоблины узнают о людях все-все-все и станут жить по-человечески, потому что решат, что так лучше, чем по-гоблински? Сколько времени пройдет, прежде чем они перестанут быть гоблинами и забудут обо всем, что в них было гоблинского, даже о своих горшках? Горшки были такие хорошие, Фини несколько штук купил своей маме. Гоблины серьезно относились к горшкам, те даже по ночам искрились, но что будет потом? Неужто гоблины и впрямь потеряют интерес к своей посуде? Или люди научатся серьезному, ценному, непростому и почти волшебному гончарному искусству? Или гоблины просто станут... еще одним сортом людей? И что было бы лучше?

А потом он подумал, что, может, и ни к чему полицейскому такие рассуждения, ведь все было по закону, никаких нарушений... Впрочем, нарушения таки были, хоть и незаметные. Что-то было украдено из мира, и никто этого не замечал и не переживал об этом. А потом Фини сдался, потому что он почти добрался до дома, а его мама обещала приготовить сунь-сам-пень с морковным пюре, хотя сегодня было и не воскресенье.

Строительство самой длинной на данный момент железной дороги в

мире было вопросом трудовых будней и трудовых выходных, и с каждой неделей Мокриц отъезжал дальше и дальше от города. Поездки домой, чтобы насладиться плодами собственного труда^[53], становились все реже.

Вдоль тысячемильной линии новых рельсов тут и там вырастали сортировочные станции, и на каждой бесперебойно гудела работа, круглые сутки прибывали и убывали вагоны. И хотя компания старалась, чтобы рабочие были снабжены всем необходимым, следуя заветам Гарри Короля, который в интервью «Правде» сказал, что железнодорожникам необходимо сытно есть и крепко спать на хорошей постели после тяжелого трудового дня, в итоге не имело значения, была ли кровать теплой или удобной, потому что все засыпали, едва коснувшись подушки, как только предыдущие обитатели этих коек, размахивая кепками, убегали на свою смену.

Не обходилось и без вспышек чисто мужской агрессии, или как там это называлось на языке троллей, гоблинов, големов и уж конечно у горцев с жилами из натуральной стали, которые регулярно дрались между собой, непонятно за что.

Там, где новая линия шла вдоль русла реки Анк, которая истончалась по мере приближения к своему истоку высоко в Овцепикских горах, по воде сплавлялись баржи с древесиной для шпал, железной рудой, углем и прочими материалами. Литейщики работали ночи напролет, отливая рельсы, и те, кому повезло оказаться в нужном месте в хорошей защитной одежде, могли посмотреть, как они вскрывают формы и заливают в их нутро светящуюся жидкую сталь, которая плясала и жила в этот момент, как дитя преисподней. А если не повезет и ты окажешься ближе, чем надо, то и сам можешь очутиться в преисподней лицом к лицу с божеством по твоему выбору.

И все это подогревалось деньгами, деньгами, еще деньгами, нетерпеливыми инвесторами, которые превращали золото в сталь и уголь в надежде превратить уже их в еще большее количество золота.

Угольные бункеры строились повсюду на линии, и Мокриц в полной мере осознал, что паровозы и вагоны были лишь верхушкой айсберга в работе железной дороги, железной лошадкой, которую нужно было еще кормить и поить. И все это делали люди почти угольного цвета, которых ты случайно замечал, проходя мимо, и тут же забывал о них. Мокриц разбирался во всем этом, потому что он посещал все собрания и *слушал*, как железная дорога преподносит множество мелких задачек, которые, стоило их решить, приводили к новой загадке, полной граничных условий и дополнительных дел, которые непременно было нужно сделать перед

тем, как начинать делать что-то другое. Короче, железная дорога была проблемой на колесиках. Удивительно, как еще счетная линейка Дика Кекса не раскалилась докрасна, под цвет печей, в которых он работал.

А в мастерских Швайнетауна конструировались новые паровозы. Небольшие паровозы, которые катались по увеличивающемуся в размерах участку, перегоняя другие паровозы и вагоны. Ночные поезда, медлительные и тяжелые, которые вагонами забирали грузы от фермеров, выращивающих кресс-салат, и от всех остальных, кому тоже нужно было доставить товар в город к рассвету. Новый скорый Марк II, раскрашенный в свежий зеленый цвет, и с крытой площадкой машиниста. У поездов появлялись свои названия, вроде «Дух Промежа» и «Король Псевдополиса»^[54].

Крики пара перестали нарушать покой населения – они просто слились с другими звуками Анк-Морпорка, как взрывы в Гильдии Алхимиков. А один старик заметил своей старухе: «По свистку семичасового щекотанского можно сверять часы». Казалось, считанные недели прошли с того момента, когда Железная Ласточка впервые, сопя, прокатилась вокруг участка Гарри Короля, но всего за один год железнодорожная сетка расползлась по Равнинам Сто, связывая мелкие города и села по всем направлениям.

А близ этих городов и сел начинали появляться свежесколоченные домики для новых железнодорожников. Дома с ванными комнатами! С горячей проточной водой! Удобства, естественно, по-прежнему были во дворе, но канализационная система была хорошо отлажена^[55]. Надо было отдать Гарри должное: если уж он за что-то брался, дело было сделано на совесть, и вдвое лучше, если вмешивалась Юффи^[56].

Словно тут раньше было пустое место, которое только того и дожидалось, чтобы его заполнили. Это было время паровых двигателей, и паровой двигатель явился, как капля дождя, упавшая точно в свою лужу, а Мокриц, и Дик, и Гарри, и Витинари, и все остальные были просто брызгами непогоды.

Однажды на анк-морпоркском вокзале, когда Мокриц в очередной раз отправлялся в Сто Лат, в его купе вошла дама, представилась госпожой Джорджиной Брэдшоу и уселась, вцепившись обеими руками в свой дорогой саквояж. Когда Мокриц привстал, чтобы уступить ей место по ходу движения поезда, как того, несомненно, требовал этикет, она сказала:

– Нет-нет, благодарю, любезный, не стоит беспокоиться из-за меня.

Сразу видно, что ты джентльмен.

– Мокриц фон Липвиг, госпожа, всегда к твоим услугам.

– Ах! Тот самый господин фон Липвиг? С железной дороги? Я столько про тебя слышала.

– Он самый, – ответил Мокриц. – Никто другой на мое место не вызывался.

– Как это все интересно, – продолжала госпожа Брэдшоу. – Я никогда раньше не ездила на поездах. На всякий случай я взяла с собой таблеточек, если начнет укачивать. С тобой такого никогда не бывало?

– Нет, госпожа Брэдшоу, мне даже нравится ритм поезда, – ответил Мокриц. – Но скажи мне, где ты взяла эти чудодейственные таблетки?

– Я купила их у господина по имени профессор Достабль, торговец снадобьями от железнодорожных недомоганий. Он показался мне ужасно убедительным.

Мокриц невольно улыбнулся.

– Нисколько не сомневаюсь. Не хотелось бы разочаровывать тебя, госпожа Брэдшоу, но господин Достабль обычный обаятельный проныра и не более. Я на сто процентов уверен, что все его снадобья – это очень дорогой сахар с некоторыми добавками. Боюсь, он лишь первый из бродячих торговцев патентованными лекарствами, которые лично мне действуют на нервы.

Дама рассмеялась.

– Как славно сказано. Буду иметь в виду, что спустила два с половиной пенни зазря.

– Могу ли я поинтересоваться, что привело тебя на железную дорогу?

– Ничего особенного. Я вдруг подумала: была не была, один раз живем. Когда я была маленькой, матушка говорила, что я вечно бегала за телегами, чтобы посмотреть, куда они едут, и теперь, когда мой муж Арчибальд скончался, я решила, что самое время повидать свет... Все эти далекие земли со странными названиями... Дверубашки, или Чортов лес, или Промеж. Только вообрази, какие экзотические события должны происходить в месте с названием Промеж. Так много мест, в которых я никогда не бывала... Я должна познать этот мир, пока не поздно. В дороге я буду вести дневник своих странствий, чтобы вновь насладиться увиденным, уже когда я вернусь домой.

Что-то шевельнулось у Мокрица в голове и заставило его спросить:

– А скажи, госпожа Брэдшоу, у тебя разборчивый почерк?

Она посмотрела на него с достоинством и ответила:

– Еще как, господин фон Липвиг. Когда-то я делала записи

каллиграфическим почерком для своего покойного мужа. Он был законником, а от них требуют безупречного почерка и владения языком. Господин Кривс всегда был... бескомпромиссен в этом вопросе, и никто не знал цену вовремя упомянутого латинского выражения лучше моего дорогого Арчибальда. Добавлю, между прочим, что обучалась я в Щеботанском колледже благородных девиц с углубленным изучением иностранных языков, хотя морпоркский язык, кажется, стал в последнее время родным в Щеботане, – госпожа Брэдшоу шмыгнула носом. – Помогая супругу, я многое узнала о людях и человеческой природе.

– Госпожа Брэдшоу, если ты и впрямь объедешь все края, куда ходят поезда, и напишешь об этих местах, не откажись выслать и мне экземпляр своих записок? Они могут пойти на пользу нашим неустрашимым пассажирам. Люди смогут узнать, чего ожидать от Чортова леса или Двухрубашек еще до того, как они заплатят за билет. Уже сейчас столько жителей Анк-Морпорка катаются в Щеботан просто погреться на солнышке. Это наша самая нагруженная ветка! Некоторые уезжают буквально на один день! Уверен, люди задумались бы и о поездках в другие края, если бы прочли в подробностях о каждом населенном пункте на твоём пути, и возможно, ты могла бы упомянуть и об условиях проживания, и о других достопримечательностях? – добавил Мокриц, которого захватила волна воображения. – Все, что тебе самой показалось бы привлекательным и интересным. Куда бы ни завело тебя путешествие, ты всегда можешь адресовать рукопись Мокрицу фон Липвигу и оставить ее у ближайшего начальника станции, он позаботится, чтобы она попала ко мне в руки.

Мокриц подумал о богатстве, скапливаемом в сундуках Гарри Короля, и добавил:

– О вознаграждении мы, разумеется, договоримся...

Когда госпожа Брэдшоу устроилась и стала глазеть в окно, Мокриц достал блокнот и нацарапал записку Гарри Кингу: *«Пожалуйста, позволь госпоже Джорджине Брэдшоу ездить всюду, где она захочет, даже по тем маленьким веткам, которые мы еще официально не открыли. Насколько мне известно, она обучалась в одной из лучших женских школ и знает разные языки, а еще госпожа Брэдшоу описывает все станции на пути следования, и это может оказаться небесполезным. Инстинкт подсказывает, что мы будем ею гордиться. У меня такое чувство, что госпожа Брэдшоу окажется либо дотошна, либо одарена чувством юмора, а в идеале и то и другое. Вдова, которая приезжает в Анк-Морпорк с бриллиантовым перстнем на пальце и уезжает, не лишившись его, уж*

точно не глупа. Она разговаривает, как леди Сибилла. Вот что такое Щеботанский колледж. Высший класс! Разве не к этому мы стремимся? Мы хотим, чтобы люди расширяли свой кругозор, путешествуя поездом, хотя бы и на один день. Некоторые жители Анк-Морпорка не бывали даже в Сто Лате. Путешествия раздвигают границы познания, ну и приносят доход компании».

Образчик ее прекрасных трудов на надушенной бумаге был у него на столе неделю спустя.

Высокий Трух на Равнинах Сто славен чудесными солеными ваннами из восхитительно теплого источника. Владелец источника и его жена делают гигиенический массаж тем, кому захочется воспользоваться этой услугой. Женщины и мужчины отдельно, разумеется; здесь нет ничего такого, что можно было бы счесть неблагопристойным или что шокировало бы самые утонченные чувства.

Здесь же отель «Континенталь» предлагает комнаты троллям, людям, гномам и гоблинам – в настоящий момент в отеле доступны пятьдесят номеров. Тех, кому захочется погулять по округе, возможно, заинтересует Священная поляна Шокни, известная своим удивительным эхом. Неподалеку расположено святилище Анойи, богини-покровительницы людей, у которых вещи застревают в ящиках.

Прекрасный вариант для отдыха на выходных с отличной кухней. Исключительно рекомендую.

Мокриц взял на заметку, что в Анк-Морпорке нужно будет повидаться с господином Козлингером. Если он хоть что-то смыслил в этих вещах, издатель с руками оторвет рукопись, чтобы хоть бочком примазаться к железнодорожной лихорадке.

Когда Мокриц вернулся домой, в первую очередь пришлось заняться железной дорогой до Убервальда. Гарри вышагивал по большому кабинету, где они с Диком изучали планы, отчеты и чертежи, и до сих пор нервничал.

– Вот что, Мокриц, между нами, и больше ни для кого, у меня поджилки этак немножко трясутся. Мы снимаем бригады с остальных веток и вбухиваем все ресурсы в поезд дальнего следования до Убервальда. Это неподъемный труд. Мне куда комфортнее стоять по колено в дерьме, что как раз нас и ждет, если ничего не выгорит, помяни мое слово.

– Да, – согласился Мокриц. – Но ты опять забываешь, что добраться до Убервальда – значит миновать по пути очень много других городов, где тоже нужны железные дороги, они-то и помогут покрыть расходы на

местах. С туннелями и мостами будут проблемы, но слава богам, это все старые технологии. Полно каменщиков, которые сумеют построить для нас крепкие мосты, а что до туннелей, тролли готовы взяться за них, если разрешить им самим вырыть дом поблизости.

Гарри только зарычал в ответ.

– А чем еще хороши тролли, – добавил Мокриц, – они приведут с собой всю семью, даже детей. Так у них заведено. Если ты не умеешь обращаться с камнем, то какой ты после этого тролль. Они обожают ландшафтные работы. Один спросил у меня на днях, сможет ли он стать землемером, и я только хотел ему отказать, как подумал: почему, собственно, нет? Он смысленный малый, медлительный, да, но не глупый. Так что я сказал нашим ребятам, чтобы обучили его своей работе.

– И ему доверят одну из особых линеек Дика? – спросил Гарри с улыбкой.

Мокриц рассмеялся в ответ.

– А что, Гарри, очень может быть! Кто сказал, что землемер не может быть настолько сильным, чтоб приподнять гору и посмотреть, что под ней?!

Он воспользовался разрядившейся обстановкой, чтобы склонить Гарри к более приятным темам, и попросил ввести его в курс дела по последним достижениям.

Теперь каждое утро стол Гарри Короля ломился от писем людей, которые совсем не хотели поездов, хотели парочку, но не больше, хотели много и прямо сейчас. Попадались и другие полезные предложения: господин Храп Храпссон в письме обращал внимание Гарри на то, что из-за кучи людей, назначивших встречу под вокзальными часами, у него ушло четыре часа, чтобы найти в толпе своего друга... Не могут ли сотрудники предоставлять стремянки гражданам, которые пониже ростом?.. Еще требовалась помощь пассажирам с тяжелым багажом, престарелым и нежити... В поездах на каждом шагу смертельно опасные механизмы – нельзя ли поставить туда стражу, только не Городскую Стражу, а кого-нибудь с головой на плечах, кто охранял бы поезд и пассажиров? Все это влекло за собой заботы о формах, фуражках, флажках, свистках и прочем увлекательном снаряжении.

Весь этот ажиотаж, видимо, и надоумил редактора «Правды» взять в штат специального железнодорожного корреспондента, господина Рэймонда Шаттла, который был самым что ни на есть беззастенчивым железнодорожным фанатом: блеск в его глазах ни с чем нельзя было спутать.

Наряду с основными доходами от железнодорожных билетов Гарри нарадоваться не мог на то, сколько денег готовы спускать восторженные пассажиры на железнодорожные сувениры вроде маленьких заводных игрушечек, которые лицензированно выпускались ловкими умельцами, сколотившими на сувенирах целое состояние^[57]. А самые изобретательные из них, вечно ищущие возможности зашибить деньгу, выдумывали бесконечные дополнения для этих детских игрушек: миниатюрное депо и четыре крошечных человечка, ожидающих поезда. Сигнальная будка с размахивающим флажками гоблином. И конечно, миниатюрный поворотный круг, совсем как на участке, и так далее и тому подобное. Если родители не жалели денег на свое чадо, любой ребенок мог обзавестись собственной Железной Ласточкой и овальной железной дорогой с несколькими прямыми участками и поворотами, и даже с миниатюрными железнодорожниками, включая фигурку самого Гарри Короля^[58].

И Мокриц снова поразился силе мечты.

А потом они шагнули на улицу, в этот перепачканный мазутом мир, где можно было посмотреть на новейшие паровозы, которые испытывали механики, и увидеть своими глазами, до чего додумался талантливый господин Кекс со времени их последней встречи с Мокрицем.

Одно оставалось неизменным. Над какими бы новыми чертежами для будущих паровозов ни работал Дик, он каждый день продолжал усердно корпеть над Железной Ласточкой, и, наверное, именно поэтому в каждый визит Мокрица она выглядела чуточку иначе: то у нее новый котел, то новые колеса, то новая краска, не говоря уже о множестве внутренних штуквин, которых Мокриц не видел. Ласточка была гордостью и радостью Дика, его первой паровозной любовью. Так думал Мокриц, боясь ляпнуть что-нибудь вслух. Первоиспытательница каждой инновации Дика. Ни один паровоз не сверкал ярче Железной Ласточки. Ни один паровоз не получал обновления раньше Железной Ласточки. Она действительно была первой ласточкой железных дорог, а Дик ее добровольным рабом.

Пока Мокриц определялся, откуда начать поиски Дика, показалась Эмили Король в красивом белом платье и резво проскакала по участку в направлении священного сарая, как будто не замечая повсеместной сажи и мазута. Впрочем, подумал Мокриц, она выросла на другом предприятии своего дяди, по сравнению с которым железная дорога была благоуханным садом. И вот она бежала вприпрыжку, и вот стояла Железная Ласточка, и вдруг Мокрица прошиб холодный пот, душа ушла в пятки, и он готов был

кусать ногти, а девушка все приближалась к поезду в своем девственно-белом ситцевом платице.

Мокриц молниеносно бросился к Эмили, но девушка уже поравнялась с Железной Ласточкой. Он посмотрел на Дика, чье лицо приняло занятный сероватый оттенок, заметный даже под слоем сажи, и приготовился к худшему, как вдруг Эмили погладила паровоз и сказала:

– Привет, Ласточка, как поживаешь, красавица? – и, пока Мокриц смотрел на это разинув рот, Эмили достала платочек и начистила медную дощечку с именем Железной Ласточки, так что та заиграла на солнце. Пока Эмили нахваливала Железную Ласточку, Дик повернулся к Мокрицу и очень тихо произнес:

– Она бы ни за что. Только не Ласточка.

– Вот и славно, – отозвался Мокриц. – А между тем у тебя уже две дамы сердца, счастличик.

Но внутренний голос говорил другое: «Ты ведь совсем не этого ожидал, правда, Мокриц фон Липвиг? О, маловерный», – и он услышал вздох пара.

Следующие два часа Мокриц провел за своим столом в конторе Гарри, чувствуя себя паровозом, который несется во весь опор, а мимо только успевают мелькать пейзаж. Время от времени приходил юнец с очередной кипой бумаг из очередной области владений Гарри Короля, и к вечеру Мокриц начал ловить себя на том, что впадает в транс, поначалу даже слегка приятный: он воображал себя в бледно-розовой дымке, и его это ничуть не пугало. Ничто его не волновало. И мало-помалу Мокриц фон Липвиг начал отключаться. Но стоило ему оказаться на грани забытья, как из вечернего полусвета на Мокрица выпрыгнул Из Сумерек Темноты, хотя вот откуда он выскочил, Мокриц никак не мог взять в толк.

– Надо поспать, господин Мокриц! Если жечь свечку с обеих сторон, и яичницу сожжешь, и задницу подпалишь. Когда господин Мокриц в последний раз ел? Не всухомятку! А сытно ел! У меня есть сушеные грибочки, если ты проголодался. Нет? Они на любителя... на меня. Но если не поешь, так хоть поспи. Господин Мокриц не сможет сделать все сразу. Не поешь – ничего не сделаешь. Деньги зарабатывать дело хорошее, но в погребальном саване карманов нет. Отдохни, господин Вагоновожатый! Вот, держи, очень хорошо поможет, зуб даю.

Гоблин вручил Мокрицу пузырек с замусоленной этикеткой, гласившей, что под крышкой содержится «КРЫСИНЫЙ ЯД».

– Не верь этикетке, господин Мокриц, пузырек помыли, крыс съели,

да-да-да, вместо яда – особый гоблинский напиток от усталости. Никаких червей, зуб даю, и после него спишь как убитый, а *если* проснешься – то будешь чувствовать себя как новенький! Гарантирую! Вещь! Нет ничего лучше!

День был долгий, и от литейного цеха валил такой жар, что Мокрицу самому было душно ничуть не менее, чем литейщикам, поэтому он подумал: «Какого черта» – и сделал хороший глоток.

– Умница, господин Мокриц! – захихикал гоблин. – От этой штуки даже волосы быстрее растут... везде!

Позже, когда Мокриц закончил беседовать с танцующими поганками и господином Йохохо, который так забавно уплетал собственную физиономию, ноги Мокрица без видимого участия самого Мокрица донесли его до постели, волочась, как пара старых ослов, не без помощи добрых стражей правопорядка в лицах сержанта Колона и капрала Шноббса, которые якобы нашли его под дверью дома, разговаривающим с собственными коленками. И, если верить Шнобби, он внимательно выслушивал их ответы.

Мокриц проснулся на полу спальни. Кто-то накрыл его одеялом, которое даже заботливо подоткнул. Он схватился за голову и подумал: «О нет! Я выпил еще одно гоблиново снадобье!» Его тревога спала, когда он осознал, что чувствует себя абсолютно нормально, и более того, испытывает такой прилив сил, из-за которого у всего остального мира должен наступить отлив. Когда Мокриц вышел на балкон глотнуть свежего воздуха, вокруг пели птички, а небо было восхитительно синее.

За спиной открылась дверь, и раздался голос Доры Гаи:

– Я, конечно, понимаю, что у нас с тобой, что называется, нетрадиционный брак, потому что у обоих ненормированный график и так далее, но я была бы совсем плохой женой, если бы не спросила, куролесил ли ты вчера с распутными падшими женщинами? Я не тороплю. Ответишь, когда будешь готов.

Голова у него закружилась от радости, что он жив, и, конечно, от всего этого прилива, и Мокриц весело спросил:

– Одну минуточку, давай разберемся. Уточни, падшие женщины тебя интересуют или все-таки распутные? Или одно как бы исключает другое? Нет ли какого-нибудь справочника натуралиста по этому предмету?

– Мокриц фон Липвиг, ты пьян, как пират. Ты ходить-то хоть можешь?

Вместо ответа Мокриц подпрыгнул в воздух, прицелкнув каблуками,

и продолжал:

– Падшие или распутные, дорогая моя, и почему не обе сразу?

Втащив его обратно в спальню и закрыв за ним балконную дверь, Дора Гая сказала:

– А вот сейчас и разберемся, муж мой.

В Шмальцберге была гроза, но гроза в Шмальцберге бывала часто. В горах раздавались раскаты грома, словно боги играли в камушки. Запершись в своем кабинете, король-под-горой обсуждал свежие новости с Арном, который выглядел оптимистичнее обычного.

– Кажется, все успокаиваются, – сказал Рыс. – Гномы спорят и спорят, а потом кто-то вспоминает, что у него дела на крысиной ферме, или на золотом руднике ЧП – наводнение, или подпоры просели, да мало ли проблем, которые нельзя переложить на подчиненных, – и все затихает.

– Мне понятно ваше беспокойство, – сказал Арон, – но я считаю... нет, я уверен, что у вас больше союзников, чем вам кажется. Даже гоблины знают, что вы один из первых подписали указ об их эмансипации. Нравится нам это или нет, но за ними и наше будущее, Рыс. А история с семафорами разозлила даже упертых традиционалистов. Башни нужны – все хотят получать новости. Все пришли в бешенство. В конце концов, говорили они, занимаются же гоблины и тролли своими делами, а гномы почему нет?

– Нет новостей от Пламена? – спросил король. – Сколько уже времени прошло, сколько месяцев? Никто не крушит башни и не устраивает диверсий на железной дороге? Можно ли надеяться, что этот костер погас?

Арон подал королю кофе и сказал:

– Кажется, лорд Витинари однажды сказал: никогда ничего не предпринимай, пока не услышишь криков. Только Пламен не приползет со шлемом в зубах просить пощады. В нем слишком сильна гордыня.

Рыс Рыссон обдумывал варианты дальнейших действий, и после недолгого молчания Арон продолжал:

– Так вы принимаете приглашение на саммит в Щеботане? В сложившейся ситуации, Рыс, мне кажется очень важным, чтобы вы присутствовали и чтобы вас видели.

– Разумеется. Председателем в этом году будет алмазный король, а мне нужно укрепить свои позиции. Он не отказывает в помощи, но у меня нет желания испытывать его терпение. Он всегда был ценнейшим союзником.

– А... второй вопрос?

– С ним все в порядке, – ответил король и задумался. – Да, мы поедем в Щеботан, но мудрее всего будет оставить Альбрехтсона за главного,

пусть позаботится о текущих делах.

Не вполне понимая, как это произошло, и независимо от того, что непосредственно на участке он проводил мало времени, Мокриц как-то умудрился оказаться ответственным по железной дороге. Всякий, кто хотел что-то узнать о поездах, спрашивал у него; всякий, кто терял ребенка в очереди на Железную Ласточку, посылал за Мокрицем фон Липвигом; всякий, кто придумывал новую идею для железной дороги, приходил к Мокрицу фон Липвигу; и вскоре перестало иметь значение, который был час и где он вообще находился: требования разобраться с чужими проблемами никогда не иссякали.

Мокриц был почти уверен, что спал регулярно, и при малейшей возможности даже дома, а если не дома, то на мягком матраце и под одеялом в одной из теплых литейных мастерских где-то по пути в Убервальд, которые постоянно множились или, за неимением других альтернатив, сворачивался в клубок под брезентом вместе с бригадой железнодорожников, поужинав с ними из одного котла. Если везло, на ужин попадался фазан или даже рябчик, а если не очень, всегда можно было рассчитывать на жаркое из капусты и брюквы и обязательно животного белка, на который никто не захотел бы смотреть при свете дня. Но железнодорожники, особенно передовая бригада, нынче подступающая уже к Шлангу, оказались людьми находчивыми, особенно ввиду традиции ставить силки вдоль железной дороги, чтобы всегда было чем наполнить свои котелки.

Шланг был из числа тех мест, которые указывают на карте только потому, что неловко иметь карту с большими пробелами. Там жили шахтеры, лесники и рыбаки, и закрадывалось подозрение, что те, кто выбирал жизнь в Шланге и его окрестностях, были людьми, которые предпочли бы, чтобы никто не знал, где они находятся. Гуляя по Шлангу, Мокриц был абсолютно уверен в том, что за ним следят. Он решил, что этот город нужно избегать всем, за исключением поклонников невкусной еды и банджо. Но тут имелся даже свой мэр, и город был занесен на карту как станция для дозаправки углем и водой.

Мокриц давно перестал носить пижонские костюмы и сшитые вручную туфли, которые наряду с комплектом официальных головных уборов служили его визитной карточкой в городе. Все это не вязалось с режимом железнодорожных работ, так что теперь он надевал замасленную рубашку, жилет и штаны с завязками на коленях. Ему нравились массивные башмаки и плоская кепка, которая как будто шла с ними в комплекте, и в них он чувствовал себя защищенным буквально с головы до пят. Но

башмаки – о, эти башмаки! Троль может свалиться тебе на голову, и от тебя мокрого места не останется, но на башмаках не будет и царапины! Подошвы были подбиты гвоздями, и каждый башмак казался Мокрицу маленькой крепостью. Ничто не страшно башмаку железнодорожника.

Сообщения находили Мокрица, куда бы ни забрасывала его служба – они прибывали поездом, гоблином, кликами, ведь в последнее время в любой глуши находилось место для башни.

Однажды ранним утром в равнинном городке под названием Малый Опух, когда проливной дождь барабанил по крышам самодельных барачков, Мокриц откинул брезент и открыл деревянную дверь перед Из Сумерек Темноты, которого нельзя было назвать промокшим до нитки только потому, что на нем не было ниток^[59]. Как только гоблин нырнул под крышу, вся вода с него и вовсе испарилась.

Мокриц машинально бросил взгляд на огни местной клик-башни, и в этот самый момент она замелькала знакомым кодом: сообщение от Доры Гаи. Ее коды он знал как свои пять пальцев.

– Живо! – скомандовал он. – Бегом вон на ту башню и принеси мне это сообщение, *сейчас же!*

Он подождал, и в полумраке голос Из Сумерек Темноты произнес:

– Я не слышу волшебное слово, господин Мокрая Курица.

Мокриц сам себе удивился, потому что хоть от гоблина и пованивало так, что глаза слезились, это не было поводом забывать о манерах. Поэтому он поправился:

– *Пожалуйста*, господин Из Сумерек Темноты. Большое спасибо.

Мокриц смиренно умолк, а маленький гоблин выкатился обратно под проливной дождь и побежал к башне.

Мокриц совершил утренние процедуры, собрал вещи на случай, если сообщение вынудит его срочно отправиться в дорогу, и вышел на улицу, где, не замечая непогоды, ждала глиняная лошадь, которую нужно было разбудить – как Мокриц ни пытался, у него не выходило думать о ней как о неживой. Хотя, конечно, он вот-вот заработает себе геморрой, и никакие седельные подушки не помогут. И хотя животное теперь разговаривало, Мокрицу все-таки не хватало мелких ритуальных забот, из которых состоял уход за лошадью. Он знал, что есть такие вещи, как задать корм, подтянуть подпругу, отвести на водопой. Отсутствие подобных вещей слегка смущало Мокрица. Это было неестественно. Под проливным дождем ему казалось, что их разделяет целая пропасть.

И пока он размышлял, стоит ли дать лошади кличку – может, это поправило бы дело – *господин* Из Сумерек Темноты вернулся, сжимая в

руке отсыревший розовенький бланк клика со смазанным текстом.

«Витинари ждет тебя на аудиенцию немедленно. Тчк. Постскрипtum. При случае привези этого гоблинского зелья. Тчк. Постпостскрипtum. Будешь проезжать мимо булочной – купи две буханки. Тчк. Твоя любящая жена. Тчк».

И он подумал, как же хорошо, когда тебя где-то ждут.

После несколькихчасовой скачки верхом под проливным дождем Мокриц предстал перед Стукпостуком, который открыл ему дверь приемной Продолговатого кабинета. На нем красовалась модная фуражка машиниста, и секретарь вытирал грязные руки просаленной тряпкой, неизменным атрибутом любого машиниста.

– Его светлость сию минуту тебя примет, господин фон Липвиг. А то ты в последнее время все крутишься как белка в колесе.

Мокриц заметил под грязными разводами и сажеей загар, а фуражка сидела, страшно сказать, небрежно – термин, который прежде был неприменим к Стукпостуку.

– Я гляжу, ты много времени проводишь на железной дороге, господин Стукпостук? Тебе идет на пользу.

– О да! Его светлость отпускает меня покататься по утрам, после того как решит весь кроссворд. Сегодня поезда в центре всего, не так ли? Лорд Витинари великодушно говорит, что я держу его в курсе последних событий.

В этот момент из кабинета послышался пронзительный свист, и Стукпостук распахнул дверь настежь, открывая взору лорда Витинари в тот самый момент, когда патриций, к вящему изумлению Мокрица, поймал маленький паровозик, чуть было не сорвавшийся с гладко отполированного стола. Знакомые овалы рельсы обступали маленькие игрушечные человечки: охрана, машинисты, пассажиры, упитанный контролер с толстой сигарой, инженеры с крошечными, мастерски выполненными линеечками. Тиран поймал падающий паровоз в рукавицу, и на вощенный пол черного дерева закапали вода и масло.

– Какая удивительная вещица, не правда ли, господин фон Липвиг? – весело спросил он, стоя в клубах дыма. – Жаль лишь, что они могут ходить только по рельсам. Не могу даже представить, каким бы стал наш мир, будь у каждого свой паровой двигатель. Ужас.

Его светлость протянул руку Стукпостуку, и тот вытер ее тряпкой почище.

– Что ж, Стукпостук, господин фон Липвиг на месте, и я знаю, тебе не

терпится вернуться на свою ненаглядную железную дорогу.

И Стукпостук – тот Стукпостук, который считал, что лучшие вещи в этой жизни лежат в официальных конвертах, – побежал по лестнице вниз, перепрыгивая через ступеньку, чтобы вскочить на площадку, загребать лопатой уголь, запускать двигатель, подавать свисток, вдыхать дым и сажу и быть самым удивительным из людей – *машинистом*.

– Объясни мне вот что, господин фон Липвиг, – сказал Витинари, когда за секретарем закрылась дверь. – Я подумал, что камень на пути может запросто пустить под откос поезд...

– Милорд, за пределами Анк-Морпорка все поезда снабжаются предохранительными решетками, это вроде плуга, если хотите. К тому же состав на полном ходу имеет внушительный вес, а сигнальщики и обходчики следят за путями.

– То есть до сих пор никаких преднамеренных диверсий замечено не было?

– Со времени покушения на Железную Ласточку несколько месяцев назад – нет, если не считать мальчишек, которые кладут на рельсы монетки, чтобы их расплющило. Это скорее такое хобби, и медь легко гнется. Как-то стихло все, согласитесь. Я имею в виду грагов и их атаки на башни и прочие вредительства. Похоже, они успокоились.

Витинари поморщился:

– Может, ты и прав. Король-под-горой такого же мнения, и командор Ваймс докладывает, что его агенты в Убервальде не регистрировали никаких волнений. Все источники говорят одно и то же. Но... Меня останавливает то, что экстремисты – они как многолетние сорняки. Могут пропасть на время, но никогда не сдаются. Боюсь, они залегли на дно и ждут своего часа.

– И когда наступит этот час, сэр?

– Я, господин фон Липвиг, задаюсь этим вопросом еженощно. Меня немного успокаивает тот факт, что паровая эра началась не с бухты-баракты, а с научного подхода и соблюдения техник безопасности. Поощряя произвол, мы только спровоцировали бы новые эпизоды, подобные тому, что произошел в Чортовом лесу. Так что... – Витинари посмотрел Мокрицу прямо в глаза. – Расскажи мне, как продвигается дорога до Убервальда?

– Неплохо продвигаемся, сэр, но у нас, так сказать, невыполнение. Мы планировали забить золотой костыль в середине следующего месяца. Предстоит еще много работы, и в районе Граффа поезд нужно пустить под землей. Мы усиленно роем туннель, но там слишком много естественных

пещерных образований.

«А потом еще мосты, – думал он. – Ты не рассказал ему про мосты».

– И, разумеется, достигнув Убервальда, мы логически продолжим путь до Орлеи.

– Этого мало, господин фон Липвиг, слишком мало. Тебе нужно ускориться. Равновесие всего мира может стоять на кону.

– Кхм... При всем уважении, милорд, это как?

Витинари нахмурился:

– Господин фон Липвиг. Я дал тебе приказ. Как ты приведешь его в исполнение, меня не касается, но ты *обязан* подчиниться.

Мокриц не обрадовался, когда нашел свою лошадь «обутой» – вероятно, Стражей, потому что неподалеку он увидел гогочущего стражника. Лошадь пристыженно подняла на Мокрица взгляд и сказала:

– Извини за причиненные неудобства, но я обязана подчиняться закону.

Мокриц был взбешен.

– Лошади големов такие же сильные, как обычные големы? – спросил он.

– Разумеется, господин.

– Отлично, – ответил Мокриц. – Тогда освободи себя от оков.

Замок хрустнул и раскололся, а стражник побежал навстречу Мокрицу, который уже вскочил в седло, с криком:

– Эй! Это государственное имущество!

А Мокриц крикнул ему через плечо:

– Направь счет сэру Гарри Королю, если посмеешь! Скажи, что это от Мокрица фон Липвига!

Он оглянулся, когда лошадь поскакала по Нижнему Бродвею, с радостью увидел, что стражник подбирает с земли желтые осколки, и прокричал:

– Никто не смеет стоять на пути у Гигиенической железной дороги!

Мокриц всегда предпочитал передвигаться на больших скоростях – в конце концов, на его прежнем поприще это играло жизненно важную роль – поэтому он прискакал на фабрику Гарри, загнав лошадь так, что та дышала часто, как покорительница горных вершин^[60]. Соскочив на землю и для чистой видимости привязав лошадь, он спросил:

– Почему ты запыхалась? Ты же не дышишь! Големы не дышат.

– Извини. Ты просил, чтобы я была лошадинообразнее, так что

стараюсь как могу. Игого, игого, господин.

Мокриц расхохотался и сказал:

– Так пойдет, Сивка... Нет, не Сивка! Как тебе нравится кличка Искра?

Лошадь подумала и ответила:

– У меня раньше никогда не было имени. Я всегда была «лошадью». Но это очень приятное чувство – знать, кто ты. Не понимаю, как я жила без имени все эти девятьсот три года. Благодарю, господин фон Липвиг.

Мокриц прошагал в кабинет Гарри с целью поговорить с ним напрямую и наедине. Тот смотрел на Мокрица целую вечность и потом сказал:

– Ты же понимаешь, что они только что начали укреплять самый первый мост на убервальдской линии. Ни один поезд не поедет по воздуху!

– Знаю, Гарри, знаю. Уж поверь, я общаюсь с землемерами и инспекторами трижды на дню. Но в серьезной работе нуждается только полотно моста. Опоры уже выдержали испытание временем.

И пока Гарри набирал воздуха в грудь, чтобы возразить, Мокриц рассказал ему, что он придумал, если инженеры Дика не управятся ко времени, назначенному Витинари.

Гарри не сразу понял план Мокрица, но, выслушав до конца, он сказал:

– Ты плюешь на все правила, сынок, а с Витинари такое прокатывает лишь однажды. Уж в этом я уверен.

Мокрицу понадобились все его внутренние запасы хитрости и выдержки, чтобы не сломиться под гневным взглядом Гарри Короля, но он выстоял и ответил:

– Гарри, я не первый день работаю на Витинари и давно выучил слова «правдоподобное отрицание».

– Ась? И чего это значит? – не понял Гарри.

– Это значит, что его светлость предпочитает не знать всех моих действий в деталях и уж точно не дает мне четких предписаний. И еще это значит, что я зачастую вынужден двигаться на ощупь, но это мне всегда неплохо удавалось. У меня впереди много дел, Гарри, или лучше сказать, *милорд Гарри*, или посмею ли сказать, *барон Король Анк-Морпоркский*... можешь заполнить пробел на свое усмотрение. И кстати, если мне не изменяет память, когда Витинари сделает тебя первым железнодорожным бароном, тебе будут полагаться шесть серебряных шариков на короне. Рыцарское звание? Пф! Ты в два счета станешь бароном. Полагаю, леди Король обрадуется шести шарам своего супруга.

Гарри хмыкнул.

– То-то супружница удивится. – Он внимательно обдумал перспективы, которые обрисовал перед ним Мокриц. – Да уж, станет небось щеголять, как... герцогиня! – Он посерьезнел и продолжал: – Я-то думал, что из нас двоих это я король дерьма, но ты им просто полон! Может, хоть объяснишь, в какие неприятности ты нас сейчас втягиваешь? Барон, как же. Ладно, ну и как же два плута вроде нас это провернут?

Как бы ни давил на них патриций, на строительство железнодорожных путей все равно требовалось время, даже после того, как этим занялись все парни, тролли и гоблины, которых сумел привлечь Гарри Король. «Цорт не сразу строился», – твердили они как заклинание, когда кто-то начинал терять терпение. И все же день ото дня новая великая железная дорога в Убервальд становилась все ближе к конечному пункту назначения.

Строительство железной дороги было одно, а поддержание ее в хорошем состоянии – совсем другое. Рельсы были подвержены ветрам и непогоде и зачастую находились далеко от цивилизации. Мокриц каждую неделю разбирал жалобы на поломки и прочие неурядицы. Следуя своему чутью, он всегда начинал с необычных и иногда комических новостей: пьяный тролль на путях, гнездо гарпий в угольном тендере, рожаящая женщина^[61]. И опять оползни, которые перечеркивали все графики. Еще люди как будто не понимали, что бросить на железнодорожном переезде фургон с поросятами – значит помешать любому движению на железной дороге. И как забыть обо всех тех, кто считал, будто стоит им поднять руку перед движущимся составом, и поезд в ту же минуту остановится? Поезд, в принципе, мог бы, но внеплановое торможение всегда приводит к массе никому не нужной канцелярской работы.

Мокриц прекрасно отдавал себе отчет в том, что журналисты всех Равнин Сто с момента открытия только и ждали, что первой настоящей железнодорожной катастрофы, и хорошо бы как минимум с одной чудовищной жертвой.

И они ее получили. Впрочем, не на рейсе Гигиенической железной. Нет, первая трагедия произошла на задворках Щеботана, где три предпринимателя, винодел месье Лавасс, сыровар месье Крок и торговец декоративными луковыми гирляндами месье Лестрип в складчину приобрели частную одноколейную линию, связавшую их фермы и виноградники.

За экспертным мнением обратились к Дику Кексу, в частности поинтересовавшись, как избежать лобового столкновения двух паровозов на одной колее. Эту задачку Дик разрешил с типичной для него легкостью,

придумав систему условных сигналов и специальный медный жезл, который передавался тому из машинистов, кому в данный момент принадлежало преимущественное право движения.

На волне заголовков в духе «СИСТЕМА КЕКСА ТЕРПИТ КРАХ» и «ЖИЗНИ ПАССАЖИРОВ ПОД УГРОЗОЙ?» Дика и Мокрица вызвали в Щеботан для расследования, где они и выяснили всю правду. Оказывается, один управляющий из шато Лавасс захотел ускорить процесс и сделал копию медного жезла, а машинистам и сигнальщикам объяснил, что им просто надо быть осторожнее. Некоторое время дела шли как по маслу, и все вздохнули свободнее. Но однажды сигнальщик Хьюго отвлекся и забыл о важнейшей мере предосторожности, и вот два поезда неслись друг на друга на огромной скорости по однопутной дороге, и каждый машинист был уверен, что преимущественное право у него. И они сошлись на полпути. Один машинист погиб, второй получил серьезные ожоги от растекшихся сыров, которые, оказавшись в раскаленной кабине машиниста, обратились в лаву. Значительные повреждения получило и фуа-гра.

А клерк, который принял решение сделать дубликат жезла, сказал: «Ну, я думал, что сэкономлю всем время, я только хотел...»

Репортаж Рэймонда Шаттла в следующем выпуске «Правды» гласил: *«Я соболезную обеим жертвам, – сообщил мне господин фон Липвиг. – Пожалуй, никогда уже мы не сможем спокойно смотреть на фондю. Однако господин Кекс ясно дал понять, что в то время как с глупостью еще можно бороться, непроходимую глупость адски трудно изжить. Я даже не знаю, сколько чудовищных преступлений было совершено, потому что кто-то послушал доброжелателя, сказавшего: «Я только хотел»...»*

Приняв такие антикризисные меры, Дик и Мокриц вернулись обратно в Анк-Морпорк. Каменистые почвы, столь благоприятные для знаменитых щеботанских вин, оставались позади, и поезд прибрежной линии начал неторопливо огибать дымные земли Нидерландов^[62]. Дик спал, а Мокриц смотрел на пролетающий мимо пейзаж, гадая, сколько еще испытаний ждет их впереди. Он поглядывал из окна на болота, чувствуя смутное облегчение от того, что поезд не остановится, пока не выберется на твердую почву маленького городка Шанкидудль, главного экспортера беговых лошадей. «Это хорошо», – думал он. Отсюда до Нидерландов вела долгая петляющая пешая тропа, и, если не знать этой тропы, тебе нечего было там делать.

Дождь заливал Столатский вокзал, вода ручьями текла с крыш, а люди торопились спрятаться, ища спасения от потопа. В тихой кофейне

Марджори Пейнсворт было сухо, и в качестве дополнительного утешения в этот жуткий вечер она выставила на продажу горячие булочки. Здесь нашла себе тихую гавань юная троллиха, которая неуверенно болтала ложечкой в чашечке плавленной серы в ожидании поезда. Она наблюдала за проходящими и уходящими людьми и очень удивилась, когда один гном указал на стул рядом с ней и спросил:

– Прошу прощения, это место занято?

Хрустке никогда особо не приходилось иметь дела с гномами, но с той поры, как разрешился конфликт в Кумской долине, прошло уже немало времени, и было вполне естественно пообщаться с гномом, особенно учитывая, что этот был прилично одет, да и выглядел по-человечески – анкморпоркский гном, как их называли. Поэтому она улыбнулась и сказала:

– Прошу, присаживайся. Не правда ли, слишком ненастная погода для этого времени года?

Гном отвесил поклон, присел и сказал:

– Прошу простить мне это вторжение, но мне несказанно приятно слышать в речи такие слова, как «ненастная». Так и представляешь себе картину, не правда ли? Довольно серую, но тем не менее... Ах, прошу меня извинить, совсем забыл о приличиях! Позволь представиться: Друпи Доксон к твоим услугам, госпожа, и позволь мне заметить, что ты прекрасно говоришь на гномьем.

Хрустка огляделась по сторонам. Люди продолжали прибывать, спасаясь от дождя, и убывать, когда приходил поезд. Все-таки Сто Лат был крупнейшим железнодорожным узлом, почти все поезда проходили здесь. Она и сама держала ушки на макушке и ждала, когда дежурный объявит о прибытии ее поезда, но все-таки ответила:

– Твое понимание тролльего также вызывает восхищение, если хочешь знать. Могу ли я поинтересоваться, куда ты держишь путь?

Гном снова улыбнулся:

– Я библиотекарь из Клатча. Не так давно я похоронил своего отца под Медянкой.

Хрустка проглотила смешок и сказала:

– Прошу меня извинить, соболезную по поводу твоего отца, но это удивительно! Я ведь тоже библиотекарь, служу в библиотеке алмазного короля троллей!

– О, Алмазная библиотека! Увы, нам до сих пор закрыт в нее доступ, даже несмотря на знаменитое мировое соглашение. Я бы все на свете отдал, чтоб хоть одним глазком взглянуть на нее.

И два библиотекаря заказали еще напитков и поговорили о книгах,

пока свистели свистки и поезда один за другим покидали станцию. Хрустка рассказала Друпи, что ее муж не любил книг и считал, что троллям должно быть достаточно бурчания под нос, как это было в старину, а гном рассказал ей о своей жене, которая даже после Кумского соглашения продолжала считать троллей какими-то животными. И они говорили и говорили о значении слов и, разумеется, о своей любви к словам.

Горячий кофе с серой лились рекой, иногда вприкуску с теплым каменным кексом, и Марджори узнавала эти симптомы. Конечно, это было не ее дело, ее не касалось, как жили и распоряжались своей жизнью другие, и она совершенно точно не подслушивала, разве что самую малость, но как было не услышать, когда гном сказал:

– Мне предложили пост библиотекаря в Коксфорде и сказали, что я могу привезти с собой личного ассистента.

И Марджори без особого удивления обнаружила две пустые чашки и пустой столик, когда в следующий раз посмотрела в их сторону. Такие вещи неизбежно происходили на железной дороге. Она расширяла горизонты, вширь и вглубь. Люди хотели найти себя, а находили кого-то еще.

По сравнению с другими мятежами Шмальцбергский мятеж разворачивался постепенно, он растекался по туннелям и шахтам как патока и был такой же липкий. Знаток мятежей легко узнал бы эту схему. Двое нашепчут третьему, что именно это нужно сделать, потому что все остальные тоже будут это делать, ты же не хочешь оказаться на проигравшей стороне? Всегда находились сомневающиеся, но волна все набирала разбег. Подземный Шмальцберг во многих отношениях был ульем, и вот рой решил, что ему нужна новая королева.

Пламен и изгнанные гномы, разумеется, были в эпицентре всего этого, и сейчас они с триумфом^[63] возвратились и обосновались на прежнем месте так, будто оно принадлежало им по праву...

«Никто не должен пострадать», – говорили они, и возможно, гномы в ответ бормотали: «Ну, это же в их собственных интересах». Были и другие уступки вроде: «Настало время для свежей крови» или «Мы обязаны сохранить наши священные обычаи». И если вы были чувствительны к веяниям, вы бы заметили, как гномы, нормальные здравомыслящие гномы, авторитетные и справедливые, все же понемножку начинали нарушать обеты, которые они некогда давали со всей серьезностью, потому что улей жужжал, и им не хотелось оказаться ужаленными.

Ключевыми словами было: «восстановить порядок» и «вернуться к

истокам подлинной гномовости».

Однако всегда найдется тот, кто не станет гудеть вместе с роем, и сейчас это был Альбрехт Альбрехтсон, вокруг которого сплотились гномы, категорически возражавшие против переворота и готовые сохранять верность Рысу Рыссону, что бы ни случилось. Температура в коридорах накалялась, и назрел негласный вопрос: кто первым ужалит?

Альбрехт Альбрехтсон положил ладонь на Каменную Лепешку.

– Мои дорогие гномы, я дал клятву, и вы тоже. И как мы все знаем с детских лет, гинунгагап поджидает душегубов и клятвopреступников. – Его лицо исказила гримаса. Он продолжал: – Возможно, я ослышался.

– Обстоятельства изменились, – сказал Пламен. – Король слишком любезничает с троллями и с проклятыми людьми, и, ради всего святого, он даже подписал декларацию о том, что гоблины – гоблины, вы слышите? – заслуживают к себе такого же отношения, как и гномы! Не знаю насчет вас, но я не считаю гоблина равным себе.

В звенящей тишине Альбрехтсон еле слышно спросил:

– А Кумское соглашение? Достигнутое взаимопонимание, которое сохранит мир на нашем веку? Мы все приняли в нем участие. И теперь мы с легкостью нарушим собственную клятву!

– Я ничего не подписывал, – возразил Пламен.

– Да, не подписывал, – согласился Альбрехтсон. – Его подписал Рыс Рыссон от лица всех гномов.

– Не от моего лица, – не унимался Пламен. – И я не верю в эту мизансцену в пещере. Сам знаешь, каковы люди. Не удивлюсь, если какой-нибудь Витинари сам туда ее и поместил.

На этот раз тишина была громогласной. Они все видели странную картину в Кумской долине, где пещерный воздух был так холоден, а два погибших короля вошли в историю в состоянии преднамеренного пата. И, быть может, кто-то задумался, что сделают мертвые короли, если нарушить их мир. Молчание прервал Пламен.

– Нам нужна стабильность, – говорил он. – Не обязательно доводить до греха, никто не пострадает. Я могу поклясться в этом.

– Извини, – возразил Альбрехт. – Эта клятва будет чем-то отличаться от той, которую ты давал своему королю, изменник?

Лязг стремительно обнажаемого оружия эхом отозвался в зале, а за ним наступила оглушительная тишина – никто не хотел первым наносить удар. Это была тупиковая ситуация, которая не нравилась никому.

– Я не стану отвечать на глупую провокацию, – процедил Пламен. – Нужно разбираться с тем, что есть. Нужно сделать так, чтобы мир стал тем

местом, которое мы хотим для себя, где гномы займут свое законное место за столом. Времена изменились. Нам нужен тот, кто всегда готов защищать наши интересы. Все твердят, что мир меняется. Я сделаю так, что эти перемены принесут гномам только лучшее.

Он подошел к Альбрехту и протянул ему руку.

– Ты раньше тоже так думал, друг. Почему ты не присоединишься ко мне?

Все дружно затаили дыхание.

Альбрехт на мгновение замялся.

– Можешь сунуть это предложение себе в свитер.

Тянулось молчание. Разве что некоторые гномы спрашивали у соседей: «Что это значит?» – а другие, успевшие повидать мир и имевшие дело с людьми, объясняли: «Это как сказать – засунь туда, где не светит солнце», на что те гномы, которые не разбирались в человеческих обычаях, говорили: «Это о той миленькой долине подле Слайса? Приятное место», – пока кто-то не произнес: «Короче, это значит «засунь это себе в задницу» – «Ах, вот оно что».

– Может, проголосуем? – предложил Пламен. – Все, кто против меня и против достойной защиты нашего рода, каким он был с незапамятных времен, пусть поднимут руки и покажут свои лица.

Альбрехт поспешно сел на Каменную Лепешку.

– Да, – сказал Пламен. – Посиди подольше, друг мой, и заработаешь себе геморрой.

Послышался смех, но смех беспокойный. И как ни странно, гномы подумали, прежде чем сделать. Да, гоблины поднимались в обществе, так же как и люди, и тролли, и на игровой доске мира гномам тоже были нужны союзники. Ну и что, если сменится король? Когда король вернется, он обнаружит это *постфактум*, а мир будет слишком занят собственными делами. В политике постоянно случаются радикальные перемены... Немой, невысказанный вопрос был в другом. Все понимали, что если сейчас гном пойдет на гнома, это распространится повсюду, и с чем тогда они останутся?

В зале под самой крышей замка леди Марголотты, возвышающегося над глубочайшим ущельем Убервальда, хозяйку разбудил дежурный Игорь, чем вызвал ее крайнее недовольство.

Она приоткрыла крышку своего гроба и спросила:

– Что такое? Еще даже не сумьрки.

– Ферьезные дела творитьтфя, гофпожа. Говаривайт, в Шмальцберге

мятеж, и Пламен ефть зачинщик.

Игорь внимательно смотрел на свою госпожу, которая внезапно впала в задумчивость. Он на всякий случай отошел подальше – мало ли, вдруг она вспылит.

– Этот крысеньш? – только и сказала леди Марголотта, к его изумлению. – Такие вещи всерьез испытывают на прочность мою черную льенту. Как далеко разошлись вести?

– Фовфем недалеко, хозяйка. Фемафоры закрывают по приказаний Пламена.

Воркующий тон госпожи встревожил Игоря. Если бы шелк умел разговаривать, у него был бы именно такой голос.

– По его приказанью? В самом делье? Это мы еще посмотрим. Йа, еще как посмотрим.

Леди Марголотта вышла на балкон и спрыгнула в каньон, набирая скорость в полете, пока не добралась до первой клик-башни за пределами Убервальда. Там она мягко приземлилась на небольшую площадку так близко от зрителя, что тот чуть не поседел. Впрочем, он уже успел убедиться, что леди Марголотта была черноленточницей и вообще крайне полезной соседкой.

– О, Артур, это ты, – сказала она. – Как поживает супруга? Извиньи, что потрєвожила.

Зритель несколько нервно ответил:

– У Долорес все хорошо, госпожа, спасибо за беспокойство.

– А киндер?

– У детей все в полном порядке, спасибо, госпожа, и благодарствую за помощь с оплатой обучения.

– Нье за что. Башня еще работает?

– Да, госпожа, но на линии, видимо, какие-то проблемы. У нас ужасно долгая задержка, и мы не понимаем, что происходит. Похоже, боевые граги опять взялись за свое.

– Да, Артур, я знаю. Битте, отправь клик лорду Витьинари и копию – алмазному королю троллей. И в центральный офис Щеботана, чтобы доставили Рысу Рыссону. Разумеется, моими личными кодами, первостепенный приоритет.

Топая ногой по полу, она подождала, пока Артур выполнял задание, и вздохнула с облегчением, когда он закончил.

– Данке шон, Артур. Будь так добр, передай прьедназначенные мне сообщения своим курьером-гоблином прьи первой возможности, битте? О, кстати, скоро у твоего киндера дьень рождения, йа?

– Да, завтра!

В ладонь семафорщика упала увесистая золотая монета.

– Скажи ему, пусть не тратит все сразу, – сказал голос издалека, и вдруг леди Марголотта пропала с башни. Смотритель беспокожно взглянул на блестящую монету у себя в руке. Вот так и вела себя знать. Работать с ними было выгодно. А леди Марголотта помогла его семье, когда у них серьезно заболела дочка. Ну, подумаешь, вампирша. Лишь бы человек был хороший. И он был только рад ей услужить.

Возвращения домой пришлось ждать долго, но оно стоило долгой разлуки. А после приятного вечера, проведенного с Дорой Гаей, что могло быть лучше, чем визит дворцовых стражников, которые будят тебя в три утра? Ответ был очевиден: абсолютно что угодно.

Кроссли пришел в такое негодование, что стражники попятились от него за порог. Мокриц услышал слова своего дворецкого:

– Это возмутительно! А как же *хабеас корпус*?

И старший стражник сказал:

– А что *хабеас корпус*?

Мокриц вздохнул и натянул штаны. Сейчас он всегда держал их под рукой именно ради таких случаев. Он был сыт этим по горло. Сунув ноги в туфли и на ходу застегивая пуговицы на рубашке, он практически скатился вниз по лестнице, где стражники с ухмылками на лицах отодвинули в сторону протестующего Кроссли.

Мокриц заметил Дору Гаю, которая смотрела с лестницы, пребывая в своем самом шпилечном настроении, и тут настал один из тех моментов, когда думаешь: «*а катись оно все*»... Стражники ввалились в холл, а он подошел к ним и потребовал:

– Где ваш ордер?

– Чего? Не нужен нам никакой ордер.

– Ладно, – согласился Мокриц. – Тогда совет на будущее. Вам, ради вашего же блага, стоило бы серьезно задуматься над тем, чтобы извиниться перед моей женой за то, что потревожили ее покой в такое время суток. У нее очень... портится настроение, если разбудить ее не вовремя.

В тот же момент Дора Гая перегнулась через перила и сказала:

– У меня в руках первоклассный арбалет, один из лучших в ассортименте Коренного и Рукисилы, и я могу сделать только один выстрел, господа, так что выбирайте, в кого из нарушителей мне метить? Потому что сейчас вы кажетесь мне именно нарушителями, и довольно бесцеремонными. В конце концов простого: «Господин, не соблаговолишь

ли пройти с нами», – было бы достаточно. Мокриц? – Дора Гая вскинула заряженный арбалет к плечу и продолжила: – Это тот самый, со слабым спуском? Вечно их путаю.

Мокриц поднял руки и сказал:

– Вот как мы поступим. Вы, наверное, думаете, что на вашей стороне будет Витинари, авторитет патриция и все такое. В то же время моя жена может выстрелить в любого из вас, если пожелает, и даже, возможно, заденет при этом меня. И что-то мне подсказывает, что Мокриц фон Липвиг для патриция важнее, чем ваш дуэт.

– Прочь, господа, – добавила Дора Гая со своей обзорной позиции. – Я полагаю, мой муж посетит его светлость где-то после завтрака. Дела всегда лучше делать на сытый желудок.

Мокриц посмотрел на стражников и сказал:

– Господа, я вовсе не намерен доставлять вам неприятности или в самом деле вынуждать жену нанизывать вас обоих или кого-то одного на шампур. Так что я, пожалуй, прогуляюсь в этот ранний час в сторону дворца. Если по стечению обстоятельств вы будете прогуливаться в том же направлении, так тому и быть. Впрочем, я бы на вашем месте прогуливался быстрым шагом, потому что я боюсь, как бы моя жена не смотрела нам вслед из окна верхнего этажа, а у нее действительно арбалет со слабым спуском.

И Мокриц зашагал за внезапно оживившимися стражниками, которые лязгали друг о друга железом, торопясь убраться из этого дома. Он с удивлением заметил, как неизменно чопорный Кроссли сжал кулак и сказал:

– Отлично сработано, сэр! Они даже не вытирают сапог, когда заходят в дом.

Лицо этого смиренного человечка пылало от возмущения.

Во дворце Мокриц застал Витинари за разговором с каменнолицым командором Ваймсом. Обычно спокойный Продолговатый кабинет приглушенно гудел, деловитые клерки то и дело прибывали с новыми сообщениями и передавали их Стукпостуку.

Витинари поднял на Мокрица глаза и сказал:

– А, господин фон Липвиг. Я рад, что ты согласился оторваться от своих ночных занятий и почтить нас своим присутствием.

– Ваши стражники совершенно не умеют бегать. Вам надо что-то с этим сделать, сэр, и, раз мы затронули эту тему, хорошо бы вам научить их правилам приличия.

Патриций поднял бровь:

– Я остался под впечатлением, что тебя не устраивало тыканье мечом, господин фон Липвиг. В тебя тыкали?

– Нет, сэр, но...

– Рад слышать, – отрезал его светлость. – Тогда перейдем к делу? Как и предполагалось, сторонники грагов и прочих оппозиционеров просто залегли на дно, и кажется, в этой темноте вопиющие идеи продолжают распространяться, как плесень. Судя по всему, в Шмальцберге произошел дворцовый переворот, всего лишь третий в истории гномов. К несчастью, король-под-горой, что называется, недоступен, он на саммите с алмазным королем в Щеботане. Рыс Рыссон – выдающийся переговорщик, в чем мы воочию могли убедиться в Кумской долине, и ему много лет удавалось сдерживать беспокойные коалиции старших начальников шахт. Не сомневаюсь, что топором он тоже владеет на славу, но ему нужно вернуться в Убервальд и созвать внутренний совет, если мы не хотим, чтобы этот... неудачный поворот событий распространился и на другие шахты. Рассмотрев все варианты, – продолжал патриций, – я прихожу к заключению, что железная дорога до Убервальда, которая в настоящий момент находится в процессе строительства, обеспечит скорейшее, безопаснейшее и наиболее комфортабельное возвращение короля-под-горой, его свиты и военных советников на родину. Время, как говорится, поджигает. Ты, господин фон Липвиг, помчишься на всех парах в Щеботан и возьмешь на себя организацию мероприятия. Командор Ваймс обеспечит полицейский эскорт и присоединится к тебе собственноручно, когда вы будете проезжать Анк-Морпарк на обратном пути, со всем подкреплением, какое он сочтет необходимым. Учти, господин фон Липвиг, это – твоя Кумская долина на колесах.

– А когда ты прибудешь в Щеботан, – вставил Ваймс, – обязательно разыщи гнома по имени Грох Грохссон. Он тебе пригодится, и он точно на стороне короля.

– Но пути еще ни разу не готовы! – застонал Мокриц.

– Господин фон Липвиг, ты уже в курсе, что перечислять проблемы не входит в твои должностные обязанности. Твоя обязанность – докладывать о решениях. Мы друг друга поняли? Уверен, что у Гарри Короля есть быстрый состав, который он с готовностью уступит – один из Скорых, например.

– Но, милорд, будь у Гарри хоть дюжина свободных составов, загвоздка в непроложенных рельсах.

– Господин фон Липвиг, я прошу... Нет, я приказываю тебе творить чудеса любыми средствами, – сказал Витинари. – Я ясно выразился? А то я

могу постараться выразиться еще яснее.

Мокриц отдал честь и без тени сарказма отчеканил:

– Так точно, сэр! Приступать сегодня же! Чудеса наше второе имя, сэр!

Витинари ответил кратко:

– Приступи вчера.

И Мокриц понял, что на этом их разговор закончился.

Стукпостук был очень занят. Еще когда Мокрица выдергивали из постельки дворцовые стражники, домой к Гарри Королю и Дику Кексу были направлены посыльные. К тому моменту, когда Мокриц добрался до участка, там царила еще большая суета, чем в разгар рабочего дня. Гарри и Дик вышли ему навстречу в бледном предутреннем свете. Они о чем-то спорили, и Дик был явно недоволен.

– Это ради товарного вида, Дик, – внушал ему Гарри. – Железная Ласточка хороша, спору нет, но Скорые выглядят презентабельнее и больше подходят королевской особе.

– Извини, Гарри, – не соглашался Дик. – С любым другим паровозом это будет слишком рискованно. Не спрашивай почему, потому что я не умею этого объяснить, даже со счетной линейкой, но нам нужна именно Ласточка. И сказать тебе по правде, я так ее надраил да навощил, все смазал, все проверил, что она достойна любого короля или даже королевы. Нет, Скорые тоже хороши и шустры, но я повторяю еще раз: моя Ласточка – лучший паровоз для экстренной ситуации.

Мокрица сам с собой вел мысленные дебаты. Витинари говорит, должна сохраняться полная секретность, а это будет первый за долгое время выезд Железной Ласточки вне пределов участка. Это непременно заметят. И поезд впервые пойдет мимо Земфиса – это в любом случае заметят. И если это будет обычный Скорый, то все пассажиры захотят знать, почему они не могут на него сесть. А на борту будут вооруженные стражники, так что они обратят на себя внимание издали. И вообще, если уж ты собираешься запускать особый поезд, его должен возглавлять особый паровоз.

– А знаешь, Гарри, – сказал Мокриц, – думаю, Дик прав. Что-то есть в этом паровозе...

Как раз в этот момент Железная Ласточка, стоявшая чуть в стороне, с отчетливым свистом выпустила облако пара. Даже Гарри обратил внимание.

А Дик сказал:

– Поддадим пару, господа. Все, кто выдвигается в Щеботан, – на борт.

Господин фон Липвиг, извини, но его светлость велел отправлять только товарные вагоны, чтобы не привлекать внимания. Да и, по правде говоря, в Страже есть такие офицеры, что только в товарные и пролезут. Придется поработать над этим до вашего возвращения. Не беспокойтесь, – добавил он поспешно, увидев испуг на лице остальных. – Для обратного пути мы прицепим обычные вагоны.

– Надеюсь, состав заполнен, – сказал Гарри. – Не хотелось бы гнать порожняк, когда у нас тут товар простаивает.

– Ну как, крайний вагон в настоящий момент заполнен сержантом Детритом, – сказал Дик, и действительно, в открытый люк Мокриц увидел очертания тролля, послушно примостившегося у стенки. – Но да, остальные вагоны забиты до отказа.

На пути к Щеботану колыбель Железной Ласточки укачала Мокрица, и он вздремнул. Он готов был поспорить, что она шла более плавно, чем любой новомодный Скорый. Все считали это глупостью, но он не мог отделаться от этой мысли: Скорые всегда казались ему машинами, а Железная Ласточка... кем-то. И все наблюдатели сходились с ним во мнении. Как будто Ласточка была живым воплощением железной дороги.

Шато, выданное в распоряжение короля-под-горой на время его пребывания в Щеботане в качестве участника ультраважного саммита, было воплощением помпезности.

Мокрица у главного входа встретил гном, который был опрятно одет и безоружен, что особенно бросалось в глаза.

– Грох Грохссон, господин фон Липвиг. Я узнал тебя. Твое лицо так часто появляется в газетах.

Внутри Грох сказал ему:

– Позволь мне, как это у вас говорится, расставить все точки, господин фон Липвиг. Король взбешен из-за мятежа и из-за того, что сам не принял вовремя достаточных мер, и если уж откровенно, взбешен мной. Но что я – я смотрю в небеса и обращаюсь к Таку: «Не обижайся, но когда ты сотворил нас, гномов, у тебя выдался неудачный день и в ящике с деликатностью ничего не осталось». Мы готовы скорее драться и ссориться, чем просто жить.

В шато их встретил отряд вооруженных до зубов гномов – до зубов, значит, еще более вооруженных, чем среднестатистический гном, который обычно в одиночку нес на себе оружие, которого хватило бы для целого вооруженного отряда. Они посмотрели на Мокрица обычным для стражников всего мира свирепым взглядом, который намекал: «Ты просто

пыль у нас под ногами, так что берегись». Грохссон проигнорировал их и проводил Мокрица в большую залу, которая гудела как улей.

Теперь ему предстояло встретиться с королем. Дело было деликатное, но Мокриц не собирался позволять придворным и охране помыкать им. Он был наслышан о Рысе Рыссоне как о разумном и влиятельном гноме умеренных взглядов, который смотрит фактам в лицо и знает, что это единственный способ выжить.

Мокриц ждал, пока Грохссон разберется с формальностями, и гадал, сколько присутствующих здесь, в этой пышной зале, были действительно на стороне короля. Недоверие витало в воздухе как пыль и оседало на плечи каждому. В конце концов, началась подпольная война гномов. Куда проще было воевать с троллями. В них всегда можно узнать врага, но как выяснить, где прятались предатели здесь, в этой болтливой толпе?

Один гном из охраны попытался конфисковать у Мокрица его драгоценные отмычки и бросил эту затею, только когда Мокриц вернул их при помощи хитроумного введения в заблуждение и не самой дипломатичной лексики. Он уже несколько лет как не прибегал к отмычкам: слова обычно оказывались куда полезнее кусочков кривого металла, если нужно было куда-то проникнуть. Но Мокриц все равно был очень недоволен и хотел уже сказать кое-что совсем неполиткорректное, когда Грохссон схватил его под локоть и отвел к королю.

Комнаты короля, как ни странно, размещались на верхнем этаже здания. Обычно в среде гномов, чем *ниже* гном жил, тем он был важнее, и Мокриц подумал, что король-под-горой мог поселиться наверху, чтобы спутать планы какого-нибудь консервативного гнома.

Короли не путешествуют налегке и без помпы. Повсюду среди прислуги в шато мелькали гномы, которые собирали вещи и в самой натуральной панике запихивали их в сундуки, как будто за ними уже вышли приставы.

Но наконец Мокриц и Грохссон попали в небольшую приемную залу, где король-под-горой со своим внутренним советом планировал ответный удар. Периодически прибывали новые клики, которые тут же передавались в руки королю.

Рыс Рыссон был миниатюрнее, чем ожидал Мокриц, и в этой забитой людьми комнате его окружали генералы и прочие участники того бродячего цирка, который сопровождает любого монарха.

Мокриц поймал на себе несколько угрюмых взглядов от гномов, недовольных человеческим вторжением. Грохссон поклонился королю и

представил Мокрица.

– Господин фон Липвиг, ваше величество. Доверенное лицо лорда Витинари.

– И убийца предаталей-глубинников, – сказал король Мокрицу. – И не в последнюю очередь банковский управляющий. – Рыс засмеялся. – Сложно, наверное, быть банкиром, а, господин фон Липвиг?

Мокриц попытался посмеяться в ответ.

– Вы даже не представляете, ваше высочество. Но самое важное, что вам нужно обо мне знать, это что я был мошенником и аферистом, притом весьма неглупым. Кто сможет управлять Королевским банком Анк-Морпорка и Монетным двором, как не аферист? У меня привычки афериста, навыки афериста, и я смотрю на жизнь как аферист – я вижу проблемы и я вижу возможности. И я счастливый человек, потому что у меня талант легко заводить друзей.

– Вряд ли с теми грагами тебе удалось подружиться, – заметил король.

– То, что я выжил, чистая удача. Но я выжил и, позвольте заметить, желаю выжить и королю-под-горой и его двору.

«Да уж, – подумал он, – это чистой воды низкопоклонство, но избежать этого никак нельзя. Все это вооружение, мешающееся под руками, топтание на месте... Рано или поздно что-то должно пойти не так».

– Господин фон Липвиг, как тебе известно, у меня возникли непредвиденные неотложные дела, которые требуют моего возвращения в Убервальд как можно скорее. Из полученных этим утром от лорда Витинари сведений мне стало известно, что у тебя есть план, как оперативно меня туда доставить. Я хотел бы услышать этот план.

Опять послышалось ворчание и на него устремились косые взгляды, но Мокриц решил, что не даст себя запугать группе коротышек, которые дулись друг на друга. Он всегда недолюбливал протокол – тот только мешался под ногами и зачастую заслонял грязные и опасные вещи.

– Боюсь, ваше величество, я не готов обсуждать предложение лорда Витинари здесь. Слишком много лишних ушей в одной комнате, и каждый присутствующий может оказаться предателем!

Поднялся гвалт. Ни один мускул не дрогнул на лице Мокрица, пока все протесты не были выпротестованы.

– Я здесь не для дифирамбов. И я повторяю, что, пока наша миссия не будет выполнена, я обязуюсь хранить верность вам, и только вам, ваше величество. Не считая господина Грохссона, я не знаю никого из здесь присутствующих гномов. Оппозиция наверняка достаточно умна, чтобы завербовать себе придворного информатора, который все бы им сообщал.

Мокриц понимал, что зашел слишком далеко, но охрана у гномов оставляла желать лучшего. Они слишком неуклюже себя держали... Больше для вида и помпы.

– Господин фон Липвиг, я хоть и король, но до сих пор жив только потому, что знаю, кому могу доверять. Но я ценю твою скрупулезность. – Король повернулся к стоящему рядом гному: – Арон, нам нужна конфиденциальность.

И гном по имени Арон, которого Мокриц принял за доверенного секретаря, этакую гномью версию Стукпостука, очистил помещение от всех любопытных, оставшись сам и оставив еще Грохссона и нескольких других гномов, явно старших по положению.

– Благодарю, – сказал король. – Итак, господин фон Липвиг, в этом тесном кругу я доверяю каждому. И, хм, я могу даже доверять тебе, потому что ты Мокриц фон Липвиг и мне известна твоя репутация. Ты отовсюду умеешь выкрутиться. Может, ты игрушка в руках богов, а может, величайший пустозвон, каких видывал свет. Тебе все сходит с рук, поэтому я надеюсь, что рядом с тобой и меня не обойдет стороной удача, поскольку не только наши жизни зависят от моего возвращения в Убервальд на Каменную Лепешку, прежде эти скоты уничтожат все, что мне дорого. – Он улыбнулся и закончил: – Не хотелось бы, конечно, давить на тебя.

– Ваше высочество, под давлением начинается все самое интересное, – парировал Мокриц.

Когда король-под-горой и его офицеры тихо покинули шато с черного хода всего лишь часом позже, в полном разгаре была шумная вечеринка, где рекой текла выпивка и горланились гномьи песни. Несколько карет уже приехали и отъехали, так что отъезд еще нескольких был ничем не примечателен.

– Тагвин Тагвинссон прекрасно справляется с ролью короля, – заметил Рыс Мокрицу, когда их карета мчалась по длинной подъездной дорожке. – В этой песне больше ста куплетов. Ее могут тянуть еще неделю!

Когда они прибыли на щеботанский вокзал, их встретила громадная фигура сержанта Детрита из анк-морпоркской Городской Стражи, который сторожил Железную Ласточку, подкидывая свой шматотворец, название которого полностью соответствовало возможностям.

Глаза короля-под-горой загорелись, когда он узнал сержанта, и он воскликнул:

– Детрит! С тобой на борту мне больше не нужны никакие охранники! Сказано это было со смехом, но Мокриц не сомневался, что в этом

была и доля правды.

– Рад видеть тебя, король! – пророкотал Детрит. Он зорко огляделся по сторонам и сказал: – Есть здесь граги? Если так, шаг вперед, пожалуйста.

За спиной короля неизменный Арон сосредоточился на размещении людей и оружия на борту. Он открыл дверь и расторопно провел Рыса в сверкающий вагон.

Грохссон постучал Детрита по колену:

– Я граг, сержант. Делаю шаг вперед, как и велено. Дальше что?

Детрит почесал в голове:

– Не, ты нормальный парень, господин Грохссон. Наш командор тебя знает, и супруга его тоже.

– Значит, я сделаю еще шаг вперед и зайду в поезд? – сказал гном. – Приятно снова повидать тебя, сержант, но не забывай, что граг грагу рознь, – и с этими словами он повернулся, чтобы вслед за Ароном войти в вагон.

Когда вся свита была благополучно загружена в поезд, Мокриц остался стоять на страже, пока Детрит залезал в вагон для охраны, который тяжело заскрипел и закричал. Но ничего не развалилось, так что, отдав сигнал машинисту, Мокриц вскочил в вагон, и они отчалили.

Поезд тронулся, привычно дернулись сцепления, и началось долгое возвращение в Анк-Морпорк. Мокриц неожиданно осознал, что он, в сущности, не был здесь нужен.

В вагонах короля-под-горой его телохранители и советники сгрудились и тихо переговаривались, занятые составлением планов. На площадке машинист сосредоточенно вел королевский груз к месту назначения, целиком посвящая себя этой задаче. Можно было видеть, как концентрация катится с него градом, когда он прислушивался к перестуку колес, звуку рельс, смотрел на огни, проверял датчики и вел поезд со знанием дела, так что, казалось, даже без Железной Ласточки они доехали бы до цели на одной лишь силе воли. А кочегар ясно дал понять, что помощь Мокрица ему не нужна. Так что ему было совершенно нечем заняться, кроме того, чтобы... *ужасно* нервничать.

Король был мишенью. Если граги прознают, что он в поезде, тогда мишенью станет поезд, и Мокриц надеялся, что их все-таки удалось отвлечь.

Со своей стороны Мокрицу казалось, что нападение произойдет в глуши, позже, во время долгого унылого рейса до Убервальда. Несмотря на все то, что Мокриц говорил лорду Витинари, сам он понимал, как легко было пустить под откос поезд. Все продумавший Дик рассказал Мокрицу,

что он проверял это как-то на низкой скорости в отдаленной зоне участка, где никто не увидел бы Ласточку, и результаты получились впечатляющие. Если поезд все-таки сойдет с рельс, то понадобятся силы нескольких троллей и големов, много часов работы и целая система блоков, чтобы поставить состав обратно на рельсы. А если это произойдет с поездом, идущим на полном ходу... «И это, – подумал Мокриц, – человек, который живет по законам счетной линейки, синуса и косинуса, не говоря уже о тангенсе». Мокриц никогда не ставил под сомнение слов Дика, если речь касалась счетной линейки. Дик заставлял числа плясать под его дудку, и Мокриц еще никогда не видел, чтобы Дик ошибался. Все это было как... волшебство, только без волшебников и бардака, который они после себя оставляли.

И будучи инженером, как Дик доказал всем на собственном примере, можно было даже найти себе девушку... Интересная мысль, которая эхом отзывалась в глубине сознания Мокрица. Всем теперь было известно, что Дик и племянница Гарри, что называется, встречались. Якобы однажды вечером он покатал Эмили вокруг участка под звездами, а это что-то да значит, правда? И Дик рассказал Мокрицу тоном человека, который открыл для себя загадочный и манящий новый мир, что Эмили хорошо управлялась с топкой, умудряясь даже не запачкать платья. И он добавил: «Кажется, Железной Ласточке она нравится. На Эмили никогда не остается сажи. Я каждый раз выхожу как трубочист, а она выглядит как какая-нибудь балерина».

Но сейчас думать было больше не о чем. Этот наиважнейший поезд вез свой бесценный груз, и Мокриц знал, что все это мероприятие зиждется на четком исполнении простейших вещей, которые должны приводиться в действие с точностью и в нужный момент. Здесь были люди, которые следили за тем, чтобы на каждом отрезке дороги были запасы угля, и к этому времени Мокриц уже знал, сколько понадобится воды и кто отвечает за то, чтобы она оказалась в доступе, когда потребуется. Но как уследить за тем, чтобы человек, который за этим следил, выполнял свои обязанности? Кто-то должен отвечать за это!

Все эти задачи виделись Мокрицу огромной пирамидой, каждый камень которой нужно было уложить на свое место, прежде чем провернулось бы хоть одно колесико. В каком-то смысле это его даже пугало. Большую часть своей жизни он провел в одиночестве, а что касается банка и Монетного двора, то Витинари все правильно сказал. У него был талант находить и удерживать таких людей, которые умели и любили делать свою работу, а когда дела были перепоручены, вот тогда он

мог быть Мокрицем фон Липвигом, активатором мира. А теперь ему стало понятно, почему люди испытывали приступы тревоги, почему они запирали двери, и, дойдя до половины садовой дорожки, возвращались проверить, закрыли ли они эту дверь, и отпереть ее, чтобы убедиться, и снова запереть и пойти по своим делам, только чтобы вернуться с полпути и повторить всю сводящую с ума процедуру снова.

Но дело обстояло так, что надо было надеяться и верить, что много умных людей по-умному делали много умных вещей и регулярно перепроверяли их, чтобы все, что нужно, работало безукоризненно. Так что беспокоиться было глупо, правда? Но беспокойство просто так не уходило. Оно сидело на плече как маленький гоблин и шептало на ухо. И вот так обеспокоенный человек, живущий в мире всеобщего недоверия, попадал в зону сущего кошмара, и прямо сейчас он, Мокриц фон Липвиг собственной персоной, беспокоился, да, и беспокоился очень сильно. «Что осталось внутри? Что осталось снаружи? Я слышу стук колес прямо у себя под ногами, и я знаю, что поездка займет в лучшем случае четыре дня, без учета поломок, плохой погоды и ураганов высоко в горах, а они бывают безудержны, и это еще не упоминая чокнутых гномов, которых хлебом не корми, а дай испортить людям жизнь».

Стоит отметить, что монолог это был сугубо внутренний. Фактически отдельный внутренний монолог внутреннего голоса, но с виду на лице Мокрица господствовало выражение непоколебимой уверенности в том, что ничто не могло пойти не так. Ведь все технические вопросы решал Дик, а Дик был гений. Не такой гений, как Леонард Щеботанский, но, из верности решил Мокриц, не желая предавать своих, гений в своем, надежном ключе. Леонард наверняка отвлекся бы на полпути на мысль о том, как использовать капусту в качестве топлива, или золу из топки для удобрения капусты, или на рисование шедевра, изображающего нимфу, облаченную в капустные листья и угольки. Но у Дика с головой все было в порядке, даже фуражка сидела как влитая. Ваймс тоже собирался ехать с ними, и, хотя отчасти (в той части, которая до сих пор предпочитала бегать от стражи, даже при самой лучшей маскировке) Мокриц трусил, когда командор смотрел ему прямо в глаза или на любую другую часть тела, остатком себя он был благодарен судьбе за то, что Дежурный по Доске Ваймс окажется на его стороне, если вдруг к ним нагрянут граги...

В общем, Мокрица переполняли внутренние монологи, которые играли друг с другом в догонялки, но потом, поскольку это было его монологи, они решили объединиться в одного Мокрица фон Липвига, чтобы выстоять и выдержать любые испытания.

«Все будет ска... зоч... но... – уверял он себя. – А когда было иначе? Ты же везунчик, Мокриц фон Липвиг!» Внутри него метафорический гоблин сомнений сжался в дрожащий крошечный комок. Мокриц пожелал ему удачи, улыбнулся и попрощался.

Огромный особняк Гарри Короля прекрасно охранялся и потому идеально подходил для тайного ужина, за которым король-под-горой и Витинари могли встретиться, пока остальные готовились к дальнему рейсу до Убервальда. Считалось, что... *помощники* Гарри легко дали бы фору среднестатистическому солдату или стражнику, когда дело касалось потасовок, потому как тех обучали определенным правилам, а подчиненные Гарри не всегда знали даже азбуку. Любой, кто додумался бы слоняться по кустам в обширных владениях Гарри, в темноте и под дождем, был бы безотлагательно ликвидирован.

Хоть ужин был и секретным, это ничуть не смутило Юффи Король. Готовиться она начала с полной самоотдачей, перешла к смятению, а затем принялась командовать процессом, как полномасштабным и прицельным военным наступлением, попутно угрожая поварам и второпях справляясь, какими ложками нужно есть какой суп.

Юффи сделала глубокий реверанс перед королем-под-горой, когда тот вошел в ее обшитую дубом столовую. Она была довольна, как поросенок в амбаре – только в более изысканном и презентабельном варианте.

– Как прошло путешествие, ваше величество? Без хлопот, без осложнений?

Король-под-горой замялся.

– Юфмия, не так ли? – спросил он.

Юффи была на седьмом небе.

– Да, ваше величество, но вы можете звать меня просто Юффи.

Король улыбнулся:

– Очень хорошо, а ты можешь звать меня «ваше величество», леди Король.

Юффи готова была счесть это дерзостью, но тогда король гномов протянул ей руку и сказал:

– А вообще, зови меня как угодно. Это просто старая гномья шутка, только я сам сейчас ходячий анекдот: беглец, который пытается не попасться еще более опасным беглецам и полагается на помощь окружающих, вроде твоего благородного мужа и его друзей.

Мокриц улыбнулся, когда Юффи приосанилась при упоминании благородства.

Король обвел взглядом остальных гостей. Он улыбнулся командору Ваймсу и леди Сибилле и пожал руку Доре Гае, которая, с гордостью отметил Мокриц, производила неизгладимое впечатление, когда была одета не в рабочую одежду. И на этот вечер, если глаза его не подводили, она надела свое самое красивое, а значит, и дорогое платье. Конечно, оно было тоже серого цвета, но в нем была какая-то искра, от которой оно казалось почти праздничным. Это был серый цвет, решивший повеселиться. Ему даже нечего было на это возразить, потому что жена зарабатывала больше него.

Король окинул взглядом помещение и продолжал:

– А лорд Витинари... присоединится к нам? А господин Кекс, технический гений, без которого не было бы вашей удивительной железной дороги?

Гарри огляделся, как раз когда лорд Витинари вышел из тени^[64] и первым подошел к королю грациозным шагом.

– Ваше величество, добро пожаловать в Анк-Морпорк. Господин Кекс остался контролировать последние приготовления состава, который доставит вас обратно домой на ваш законный трон в кратчайшие сроки. Мы не станем полагаться на волю случая, могу вас заверить.

– А, лорд Витинари, прости, я тебя не заметил, – ответил Рыс, и Мокриц чуть не поперхнулся, когда он продолжил: – Только, как я понимаю, осталось уложить еще часть рельсов и укрепить мосты, – он замолчал. – И довольно близко к нашему пункту назначения.

Мокриц кожей почувствовал, как похолодел воздух. Он быстро взглянул на лица Гарри и Витинари и встрял в разговор – для чего же еще он был здесь.

– Прошу прощения, ваше высочество, но господин Кекс выступил с идеей под названием логистика, суть которой можно выразить фразой «решай проблемы по мере их поступления». Фокус состоит в том, чтобы научиться безошибочно определять, что будет первым. Прямо сейчас, поскольку вы не сию минуту прибываете в Убервальд, у наших строительных бригад еще полно времени, чтобы завершить работу на последних оставшихся участках. Вы прибудете в Убервальд в назначенное время, я вам это гарантирую.

Наступившая тишина окончательно подморозила воздух в помещении, и Мокриц считал секунды, пока не услышал неизбежный комментарий от усмехнувшегося Витинари:

– Очень убедительно, господин фон Липвиг. Ты дал это обещание в присутствии всех нас. Отличное выступление! И столько зрителей с

превосходной памятью.

После этого первой подала голос Дора Гая:

– Узнаю своего мужа. Впрочем, не сомневаюсь, что он умудрится все выполнить в самую последнюю минуту. Он всегда так делает. А потом въедет в город верхом на белом коне и будет счастлив как младенец.

В ответ на это король загадочно рассмеялся и сказал:

– Тогда будем надеяться, что он запасся пленками.

– Ваше высочество, господин фон Липвиг всегда достигает поставленных целей, в этом будьте уверены, – сказал лорд Витинари своим лучшим масляным голосом. – Не перестаю изумляться и, разумеется, раздражаться, но он до сих пор не потерпел ни одного поражения, и, собственно, по этой причине все его конечности на своих должных местах.

Присутствующие нервно посмеялись, за исключением лорда Витинари, который просто посмеялся. Король гномов посмотрел на Мокрица, словно видя его в новом свете, и спросил:

– Это правда, господин фон Липвиг?

Мокриц заставил себя сделать такое каменное лицо, что со стороны оно могло бы сойти за натуральный мрамор.

– Да, ваше высочество, все, что должно держаться на месте, держится, не так ли, Дора Гая?

Его жена ничего не ответила. Она только посмотрела на него взглядом супруги, которой приходится мириться с придурью своего муженька, за которую ему еще придется потом расплатиться в семейном будуаре.

А уж после *этого* Юффи улыбнулась широкой взволнованной улыбкой и сказала тоном, которым, по ее мнению, говорили люди из высшего общества:

– Прошу всех занять свои места за обеденным столом, ваше величество, дамы и господа. Все ложки на своих местах, можете не сомневаться.

Разговоры за столом, из уважения к Юффи и острым ушам обслуги, были... учтивы и посвящены преимущественно новым железным дорогам и чудесам, которые будут свершаться с их помощью, не говоря уж о том любопытном факте, что многие богачи уже обзаводились домиками в Щеботане, раз туда стало так просто добираться. Потом состоялся осторожный разговор о том, какой вкусной оказывалась рыба и морепродукты, когда им не приходилось печься на солнце (на эту мысль их, вероятно, навели блюда с горами креветок, обезьяньих моллюсков и неопределенных существ с щупальцами, уложенными в форме затерянного города Лешпа, которым Юффи выделила почетное место в самом центре

стола). И так с различными вариациями продолжалось, пока ужин не подошел к концу и прислуга не покинула столовую, после чего Ваймс наградил Рыса вопросительным взглядом, встал и вышел из комнаты. Он вернулся несколько минут спустя, кивнул королю-под-горой и занял свое прежнее место за столом.

– Дамы и господа, приготовления к отправке закончены. Буквально в эту минуту король-под-горой выезжает на скором экипаже в Убервальд.

И что-то в его тоне заставило Мокрица насторожиться, потому что король-под-горой в данный момент явно сидел с ними в столовой и уплетал дорогое мороженое.

Но действительно, снаружи послышалось, как ко входу подъехала карета, постояла немного и быстро укатила в сопровождении вооруженной охраны.

За столом король облизал ложку в самой царственной манере и хихикнул.

– Это собьет их с толку на какое-то время, – он улыбнулся Ваймсу. – Спасибо за помощь, командор.

– Не стоит благодарности, – мрачно отозвался Ваймс. – Идея верная. И мы с Гарри внесли пару дополнений от себя.

– И кто же уехал в той карете, командор? – поинтересовался Мокриц.

– В карете? – переспросил Ваймс. – Ночь темна, король одет в плащ, и за стеклами кареты ничего не видать, но привычный к темноте глаз разглядит сержанта Шелли Задранец в сопровождении моих самых надежных офицеров из числа гномов. Любой, кто встанет на пути у экипажа и его пассажиров, найдет большие неприятности на свою голову, если не преждевременную смерть.

Король откашлялся, прежде чем сказать Ваймсу:

– Помню сержанта Задранец, когда мы встретились у Каменной Лепешки восемь лет назад. Да, очень хорошо ее помню.

– Она вызвалась добровольно, ваше высочество, – сказал Ваймс.

– Вот оно как, – ответил король. – Что ж, никому не ведомо, что скрывает будущее, но если мой зад все еще будет на Лепешке, когда все это останется позади, то сержант Задранец и ее напарники смогут рассчитывать на любые услуги с моей стороны. Королевская милость должна чего-то стоить, ты согласен, дежурный по доске Ваймс?

Ваймс ухмыльнулся, словно вспоминая старую шутку, и ответил:

– Надеюсь, так и будет, она одна из лучших моих сотрудниц.

– Но сколько Шелли Задранец ты можешь себе позволить? – спросил король с серьезным видом. – Я бы не хотел, чтобы кто-то умер ради того,

чтобы выжил я. Однако, если я намерен прибыть в Убервальд вовремя, нам уже скоро пора выдвигаться, верно?

– Скоро, ваше высочество, – согласился Ваймс. – Железнодорожное движение между нами и Сто Латом работает всю ночь. В настоящее время ходят в основном товарные составы со скоропортящейся продукцией для рынков и почтовыми посылками, но через вокзал постоянно шастают люди. Уследить ни за кем невозможно. Мы все обставили так, что ты будешь выглядеть рядовым безымянным путешественником на платформе, типичный пассажир третьего класса, хотя в случае необходимости выяснится, что ты и твои спутники вооружены до неприличия. И это включая клыки, ваше высочество. Стража никому не позволит себя превзойти в этот раз. Если, сор... этсамое, отхожее место взлетит на воздух, то буквально везде, где мы будем проезжать, за вами будут наблюдать наши люди. А сейчас, если вы с господином фон Липвигом пройдете со мной в соседнюю комнату, мы сделаем так, что ни один из вас не будет похож ни на одного из вас, когда мы с вами закончим.

Повернувшись к Гарри, командор сказал:

– Гарри, можешь ли ты ручаться за молчание своих людей, даже кухарок?

Гарри чуть не отдал ему честь.

– Да, командор. Среди них есть плуты – ну, вы понимаете, но это мои плуты.

– Ах да, – согласился король. – К такому типу плутовства я привык. Они нередко бывают... полезны.

Мокриц многое знал о секретах маскировки, хотя и никогда не увлекался непосредственно гримом. Превратиться в другого человека было делом тонким, и до конца его понимали разве что сморщенные старички в высоких горах, окружающих Ой-Донг, которым были ведомы секреты всей постижимой вселенной, включая даже то, как выбить позвоночник врага сквозь туловище. Они-то точно знали, что истинный камуфляж проистекал изнутри. Ну и да, иногда требовалось сменить гардероб, но вообще Мокрицу было достаточно просто подумать о том, каким человеком он хочет показаться, и все прояснялось. Фальшивый нос был абсолютно противопоказан – любой нос, изготовленный для того, чтобы ты выглядел чужаком, будет казаться чужеродным. И к чему рисковать, когда его собственные черты лица были такими неприметными, что никто и так не мог их вспомнить? Конечно, попытки выдать себя за женщину сопровождались само собой разумеющимися сложностями, но и это ему

порой удавалось, в дурные старые времена, которые, оглядываясь назад, все же были такими славными. А еще Мокриц изображал столько священнослужителей, что сбился со счета. Если и есть такая штука, как искупление, придется им припасти для Мокрица целую бочку. Нет, пивоварню.

Королевская свита разделилась, когда прибыла на вокзал. Рыс теперь был одет как растерянный престарелый гном, и его на расстоянии сопровождали трое других сомнительных персонажей, в то время как остальные рассредоточились по платформе небольшими, не привлекающими внимания группами.

Грох Грохссон галантно вызвался побыть телохранителем, но Мокриц с Ваймсом оба решили, что у него слишком узнаваемое для других гномов лицо (особенно здесь, в его родном Анк-Морпорке), и предложили ему применить свои таланты в другом месте. А темные клерки получили надлежащие инструкции от Витинари, который недавно продемонстрировал, что может стоять в комнате, полной людей, и оставаться незамеченным – вот где было мастерство.

Были еще другие. Возможно, над головами. Что бы ни случилось, командор Ваймс не позволил бы королю-под-горой погибнуть в его присутствии.

Мокриц со вздохом зашагал по платформе в сторону хвоста поезда, жалостно, но без лишнего энтузиазма, подволакивая одну ногу. Там он обнаружил зрителя станции, который отчитывал хорошо одетого человека, рассеявшегося в вагоне третьего класса среди дремлющих чумазных рабочих с инструментами и трубочистов с мешками сажи, неизбежно сыплющейся наружу. Мокриц ничего не имел против простого человека, особенно такого, который мог бы и раскошелиться раз в жизни на кусок мыла и, желательно, не сплевывал каждые пять секунд густые комки слюны, которые, похоже, жили собственной жизнью. А от фронта разило первоклассным бренди, которое аж капало с него, и он задерживал весь поезд, потому что зритель колебался, сбитый с толку заносчивым голосом.

И Мокриц обхватил несносного типа за плечи и с ходу перешел в режим омерзительного пьянчуги, в сочетании с взрывной отрывкой – верное средство, против которого нет приема. Сначала подпустить каплю слюны в уголок рта, добавить мерзкий запах, в чем Мокрицу не было равных, и наконец – беседа, в которой каждое слово было искромсано, оскорблено и истерзано до смерти, и все это время Мокриц неприлично

падал на собеседника, брызгал слюной и заплетался языком.

Франт направился в одиночное купе первого класса в передней части состава уже через минуту. Личный рекорд для Мокрица, который, все еще не выходя из роли пьяного в стельку человека, заплетающимся шагом добрал до своего места точно перед тем, как раздался свисток, и поезд вяло тронулся, что всегда бывает с поездами, пока двигатели еще не отошли от сна. Мокриц был очень горд собой, и он израсходовал только половину лучшей искусственной рвоты со стойким запахом из магазинчика Боффо.

Ночь выдалась холодная для путешествия. Король находился где-то здесь же, но сейчас не время было проявлять к нему какой-то интерес. Оборванная одежда Мокрица худо-бедно справлялась со своей задачей, но в вагоне по полу ветер, и пассажиры плотно кутались и старались не существовать, пока поезд не довезет их до нужного места. Мокриц думал, что нужно непременно воздвигнуть памятник Юффи, которая своими лекциями вынудила мужа защитить даже самые дешевые вагоны хотя бы от дождя [\[65\]](#).

Предводитель глубинников, который следил за главной дорогой из Анк-Морпорка, улыбнулся, когда на горизонте показалась большая карета с эмблемой короля-под-горой. Дождь хлестал по карете, лошади скакали галопом в сторону Пупа, и вождь улыбнулся каплям воды. Как же все, оказывается, просто. Он отдал сигнал ожидающим гномам, и уже через несколько минут кто-то вцепился в упряжь и в поводья, и карета с содроганием встала. Ударом ноги он распахнул дверцу кареты и велел:

– Высаживайте короля, и никто не пострадает.

В карете было тихо, а потом послышался голос:

– Нет у нас никакого короля, кроме Гарри Короля, и не мы тут сейчас страдаем. Считай нас обществом защиты королей, а сэр Гарри Король не любит, когда его друзьям доставляют неприятности. А от тебя, дружок, одни неприятности, и радуется только, что от нас их еще больше. А ну, ребята!

Драка была быстрая и профессиональная, и карета уехала прочь, увозя победителей, которые пели песни и пили под шум грозы, а вода на камнях была окрашена красным.

А тем временем в нескольких милях оттуда другая группа глубинников попала в аналогичную ситуацию с удивительно похожей каретой, в недрах которой среди прочих ужасов скрывалась очень отважная гномиха в шлеме Городской Стражи...

Поезд подошел к Столатскому вокзалу, и Мокриц понаблюдал, как стражник помогал неряшливому жалкому старику-гному спуститься на перрон. У короля-под-горой явно были неслабые актерские навыки. Мокриц увидел, как рядом с ним оказался такой же дряхлый и старый гном, который пожалел «старика» и протянул ему кусок гномьего хлеба, который разрубил надвое. К своему ужасу, Мокриц увидел, как король что-то пробормотал в знак благодарности.

Подойдя к королю, Мокриц прошептал:

– Невероятно... Где вы раздобыли такой запах? Он как будто живет своей жизнью.

Король приложил палец к губам:

– Это не мое. Перекинулось от соседа спереди. Похоже, он не мылся уже много лет. Но ты забываешь, что королю приходится иметь дело и с проблемами пострашнее дурного запаха.

Им нужно было убить несколько часов в ожидании поезда до Земфиса – самой дальней на данный момент точки, куда дотянулась Гигиеническая железная дорога. Увезти короля от посторонних глаз было первостепенной задачей. Риск оставался даже с учетом маскировки.

Оставив Дика и Ваймса следить за станцией, Мокриц с королем, прихрамывая, побрели по улице. Мокриц осмотрелся, выискивая взглядом тех, кто точно должен был находиться где-то здесь, именно потому, что Мокриц никого не видел. Вдруг один оказался прямо у него перед носом, так близко, что они чуть не столкнулись. До этой секунды Мокриц его не замечал. Как будто он вырос из-под земли.

– Господин фон Липвиг, я Годфри, темный клерк. Лорд Витинари организовал конспиративную квартиру, где вы с вашей группой можете остановиться. Господин Кекс предложил дом его матери, это совсем недалеко. Мы познакомились с этой дамой, и она закоренелая монархистка. За любую монархию. Очень рассудительная. Волноваться совершенно не о чем. Клерк Мэвис говорит, что старушка сметливая и понимает ситуацию. Повариха она хорошая, и простыни чистые.

Мокриц посмотрел на промокшего короля, который улыбнулся и сказал:

– В такую ночь это похоже на суший подарок от Така.

Путь к дому госпожи Кекс был недолгим, и, пока они шли по мокрым от дождя безлюдным улицам, Мокриц ни на секунду не забывал о тех, кто их сопровождал, и волосы у него на загривке подсказывали ему, что они были рядом и указывали дорогу. Вскоре они вышли к веселенькому домику

недалеко от центра города. Такие дома еще называют «маленькими дворцами», такие дома покупают сыновья своей овдовевшей матери, чтобы ей не приходилось далеко ходить в магазин.

Они вкрадчиво постучались, внутри послышалось шарканье, а потом на пороге появилась женщина, которая могла быть только госпожой Кекс, и быстренько завела их в дом. Когда все столпились в ее маленьком, но безупречно чистом жилище, она замерла, опустила глаза на короля-подгорой и сделала книксен.

– Премного благодарен за гостеприимство, госпожа Кекс, – сказал король, которому явно не впервой было оказываться в таких ситуациях. – В этом нет нужды, ведь ты произвела на свет гения инженерии.

На госпожу Кекс нахлынула волна материнской гордости.

– Да, ваше высочество, да. Он такой хороший мальчик, наш Дик. А вы знаете, что, когда он был еще маленький, он смастерил мне иконограф, сам поймал в него бесенка, представляете, и прикормил его маслицем. Эти бесенята так любят масло. Очень полезная оказалась вещица, ага.

Пока клерк Годфри бесшумно обходил остальные комнаты, госпожа Кекс повернулась к Мокрицу:

– А тебя я знаю. Ты господин фон Липвиг. Дик хорошо о тебе отзывается. Я как раз вчера видела твой портрет в газете, вместе с Диком. Ах, как я им горжусь. Я-то, конечно, газет не покупаю, преподобный Забавль заходит и читает мне вслух, а то буквы у них больно маленькие. Я сама уж редко выхожу из дома, но вот теперь мальчик мой зарабатывает большие деньги, и каждый день на его поездах доставляют мне всякую свежую еду, так он заботится о матушке. А вчера, о, привезли мне лобстера в мешке со льдом. Пришлось идти до самого нашего дорогого ресторана, чтобы узнать, как это готовить, но хорош получился, пальчики оближешь, и столько мякоти, что хватило накормить и госпожу Дурветер, которая прикована к постели и почти ничего не ест, но видели бы вы, как у нее слюнки потекли, когда она увидела полную тарелку лобстера. Ну а как иначе. Не у каждой старухи есть такой хороший сильный сын, который будет следить, чтобы мать жила в достатке. – Госпожа Кекс вдруг помрачнела и добавила: – А он посылает мне деньги каждую неделю, исправно как часы, столько, что я уж и не знаю, куда их девать, так что раздаю понемногу бедным. Ты ведь его друг, господин фон Липвиг, верно?

– Да, госпожа Кекс, – ответил Мокриц. – Ты даже не представляешь себе, насколько.

В этот момент вернулся клерк Годфри:

– Мы сейчас возвращаемся на станцию к господину Ваймсу и другим

сотрудникам Стражи, которые отправляются с нами в дальний рейс до Убервальда. Клерки Коломбин и Шелкопряд останутся снаружи и к назначенному времени проводят вас обратно до станции, чтобы не опоздать на поезд до Земфиса, – и с этими словами он был таков.

Госпожа Кекс еще раз взглянула на короля-оборванца и заметила с бессознательной фамильярностью:

– Выглядишь голодным, зайка. Знаю, что уже поздно, но у меня остался гороховый пудинг в горшочке... Совсем немного, но он придаст тебе сил и не даст свалиться с ног в ответственный момент.

Оказалось, что гороховый пудинг госпожи Кекс был королем гороховых пудингов, и, хотя ужин у Гарри подавали всего несколько часов назад, Мокриц обратил внимание, что король уплетал угощение за обе щеки. Когда они наелись, госпожа Кекс накрыла горшочек крышкой.

– Оставлю немного сыну, – сказала она. – Работать под открытым небом в такую непогоду... Но ничего, он любит пудинг холодным.

Потом король устроился в кресле вздремнуть. Пока он спал, госпожа Кекс убирала со стола, а Мокриц разглядывал бережно развешанные на стенах портреты улыбающихся детей, ну или одного ребенка, снятого много раз подряд, потому что в младенчестве все дети похожи... на детей, и одни лишь матери способны различить, кто есть кто. Удивительный дар.

– Ничего себе, госпожа Кекс, какие замечательные детки, – отметил Мокриц, когда она вернулась пожелать ему спокойной ночи. – Все твои?

Она рассмеялась:

– Ну что ты, нет, конечно! Дик у меня единственный, но я была повитухой до того, как встретила своего покойного мужа, а ты понимаешь, что это за работа. Роды я всегда хорошо принимала, особенно когда дела шли туго, – она строго посмотрела на Мокрица. – Слышишь, о чем я, господин фон Липвиг? Я одного-единственного ребеночка потеряла, потому что меня не успели найти вовремя, а потом было уже поздно. Как бы то ни было, с тех пор всегда меня зовут, ну и ты понимаешь, как оно. Сын говорит, что мне больше необязательно этим заниматься, но когда у тебя есть имя, оно уже никуда не денется. Особенно если речь о молоденьких отчаявшихся девочках.

Вид у госпожи Кекс был загнанный, но в ее глазах читалась гордость.

Зычно похрапывая в огромном кресле, король повернулся на другой бок. Госпожа Кекс поправила пухлые подушки, чтобы ему было поудобнее, и вдруг что-то приковало ее внимание, и она застыла на секунду. Бросив на Мокрица мимолетный острый взгляд, она напоследок еще разок взбила подушки, после чего выпрямилась и сладко улыбнулась. Что бы это ни

было, оно осталось позади. Мозг Мокрица размяк от усталости, а врожденный дар считывать крошечные намеки, не раз сохранявший ему жизнь, покинул его уже много часов назад. И все-таки Мокриц должен был спросить.

– Госпожа Кекс... Что-нибудь не так?

– Нет, юноша, – тут же ответила она. – Я просто задумалась, как странно, что такой маленький и, это самое, волосатый может быть... королем. Но он же маскируется. Небось в короне и во всем блестящем он отлично выглядит, сидя на своей Лепешке. А теперь, юноша, пора укладывать тебя спать.

Даже смертельно уставший, Мокриц смог распознать тактику отвлечения и продолжил допытываться:

– Госпожа Кекс, ты чего-то не...

– Да ничего, ничего, тебе, во всяком случае, беспокоиться не о чем.

У Мокрица голова пошла кругом, но все эти мысли выветрились у него из головы, когда послышался звук отпирающейся двери и появился Дик, с которого стекали ручьи воды, и поприветствовал мать. Он тащил столько узелков и коробок, что ему пришлось все их поставить на пол в узком коридорчике, где показывали время, дни недели и может, даже фазы луны блестящие часы, а главное, они сообщали, что Дик Кекс покупает для матери все самое лучшее. Она вмиг бросилась ему на шею, свертки посыпались на пол, но Дик рассмеялся и выкрутился из крепких объятий.

Устроившись на кухне небольшого дома, где все еще было тепло, Дик уплетал застывший гороховый пудинг, пока его мать распаковывала свертки.

– Вот это класс, ма! А на улице ветер воет, аж жуть.

Мокриц понял, что устал как собака.

– Я тебе постелила, господин фон Липвиг, – сказала госпожа Кекс. – Королю тоже постелила, но ему вроде и так удобно, не хочу его будить. Дик, ты останешься на ночь?

– Извини, мам, нет, слишком много работы. Мы все работаем по две смены.

Госпожа Кекс перевела на Мокрица исполненный гордости взгляд.

– В этом весь мой сын. Трудяга он у меня, вечно со своей считательной палочкой.

– Это счетная линейка, мам, – сказал Дик и улыбнулся Мокрицу.

– Ну и пускай, – ответила гордая мать. – Мой сынок работает с вашим Гарри Королем и прокладывает себе дорогу в жизни, – и она наклонилась поцеловать Дика, который оторвал ее от земли, чмокнул в воздухе и снова

поставил на место, слегка замочив и перепачкав.

– Ох, мам, не делай из меня какого-то святого, я просто обычный рабочий с немывтыми руками. Короче, пора мне выдвигаться, дела ждут.

На пути к выходу Дик взглянул на короля и спросил:

– Он в порядке, мам?

Мокриц очень внимательно наблюдал за госпожой Кекс.

– Лучше не бывает, сынок, – ответила она. – Ему просто нужно выспаться, не хочется лишний раз будить его.

Дик бросил взгляд на Мокрица, услышав эти слова, и как будто о чем-то задумался, но потом пожал плечами, видимо, решив, что оно того не стоит. Он передал Мокрицу сверток с чистой одеждой для него самого и для короля и еще раз поцеловал мать.

– Проследи, мама, чтобы они не задерживались. Как бы не опоздать на Земфис-экспресс.

Что она и сделала, накормив их сперва горячей и сладкой кашей, какую терпеть не могла Дора Гая. Мокриц чувствовал, что каша как будто липнет к его костям, когда они с королем, улыбаясь, набравшиеся сил после отдыха, покинули тихую обитель госпожи Кекс, как раз когда солнце начало всходить над Сто Латом.

В пещере, близ мрачного и в чем-то даже болезненного города Утолежка, граги обсуждали железнодорожную угрозу и как ее остановить. Они нашли мастера по работе с железом, и, поскольку гном был из Анк-Морпорка, на его долю выпало объяснять им ситуацию.

Гость нервно сидел в тускло освещенной пещере, старательно делая вид, что находится всецело на стороне грагов, в то время как на самом деле он оставался на стороне денег. Кузнец объяснил, что паровозы тяжелые машины и сбить их с рельс удобнее всего в тот момент, когда поезд будет миновать ущелье или идти по горам. Еще он предложил в качестве альтернативы лишить двигатели всего необходимого для их работы – топлива и воды – и напасть, когда поезд окажется в уязвимом положении. Ему повезло раздобыть карту с указанием всех угольных бункеров, колонок и водонапорных башен, и он продемонстрировал ее грагам.

– И если, чисто теоретически, мы захотим остановить один конкретный поезд... Сколько людей нам понадобится, чтобы вывести из строя эти... колонки? – прокряхтел в темноте неизвестный граг.

– Для такой работы – много, – ответил услужливый гном. – Ваш противник наверняка достаточно умен и догадается, что вы бросите свои силы на то, чтобы вывести двигатели из строя, поэтому он обеспечит

колонки и бункеры хорошей охраной. Конечно, – добавил он, – если вы расположитесь высоко в горах, у вас будет серьезное преимущество.

В темной пещере этого почти не было видно, но кузнец выглядел оптимистично настроенным. Он сказал:

– Ну вот на этом и все, господа. Ничего особенно сложного, но вы знаете, где меня найти, если я вам понадобится.

Сказать по правде, в этой пещере у него мурашки по коже бегали, и ему не терпелось как можно скорее оттуда выбраться. Вождь грагов ответил ему:

– Отличная работа, друг мой. Прошу, прими это золото в знак нашей признательности. Да, мы знаем, где найти тебя и всех твоих родичей.

Кузнец заглянул в увесистую кожаную торбу и остался доволен.

– Какая щедрость с вашей стороны, господа. Надеюсь на наше дальнейшее сотрудничество.

И он ушел довольный, получив огромные деньги за столь малый труд. Граги были такие бестолковые! Все равно что отнимать деньги у ребенка. Но вот он улыбнулся и попрощался, и в темноте ему перерезали глотку прежде, чем он успел выйти из сырого грота. Потому что какой граг отдаст свое золото анк-морпоркскому гному? Для грагов все они были отступниками.

Когда Мокриц и король быстрым шагом шли от дома госпожи Кекс обратно на вокзал, Мокриц кожей чувствовал присутствие темных клерков, которые следили за ними, незримо сопровождая их с обеих сторон. Сменив вчерашнюю одежду, наскоро умывшись и приведя себя в порядок, король теперь выглядел как деловой гном, а Мокриц оброс щетиной и был похож на инженера, спешащего к началу рабочего дня.

Проводник прокричал:

– Скоро отправляется с платформы Альтипланский Экспресс, со следующими остановками: Великий Кочан, «Мир Капусты» и Земфис, вид на Земфисские водопады. Спальные вагоны находятся в голове состава. По вагонам, дамы и господа!

Мокриц прошептал королю:

– Вы знаете, что нужно делать, сэр.

Король показал охраннику свой билет, и тот внимательно изучил бумажку, после чего угрюмо сказал:

– Второй класс, середина состава.

Мокриц быстро и не оглядываясь пошел дальше. Чем больше вертишь головой, тем сильнее выдаешь свою нервозность. Приходилось полагаться

на голый инстинкт. Все сами знали, что им нужно делать.

Мокрицу пришлось лавировать между ящиками с курами, и он подумал: почему на вокзалах обязательно есть куры? Судя по их квохтанью, они не очень-то хотели тут находиться. Складывалось такое ощущение, что куры путешествовали во всех направлениях. Мимо пронеслась мать с ребенком. Гоблин помахал кому-то рукой, вероятно, жене, хотя с гоблинами это не так просто понять, и Мокриц бросил взгляд на стражника и наслаждался последним мгновением тишины, а потом поезд ожил.

Он забрался в сторожевой вагон, и первым, кого он там встретил, оказался Детрит. Без значка он выглядел самым обычным троллем и явно чувствовал себя не в своей тарелке. За Детритом Мокриц обнаружил командора Ваймса в костюме стражника, который, по-видимому, получал сказочное удовольствие от происходящего, если, конечно, Мокриц правильно трактовал его кривую ухмылку.

Ваймс помахал клик-бланком и весело заявил:

– Вот идиоты! Взялись за свое прямо на анк-морпоркской территории. Бедняги... Наверное, думали, что перехитрили нас, но Шелли и ее ребята быстро с ними справились. И люди сэра Гарри тоже, судя по всему. Так что теперь обе шайки направляются в Танти, где темные клерки будут проводить с ними разъяснительные беседы. Остается надеяться, что новости не сразу дойдут до командования грагов.

Путь до Земфиса был неблизкий. А оттуда они продолжают путешествие по новому участку дороги, где не проезжал еще ни один пассажир. Но Мокриц твердо сказал себе, что об этом он будет беспокоиться позже, для этого хватит времени. Пока что критически важной оставалась маскировка. Мокриц должен *стать* инженером, тем везунчиком, которому посчастливилось каждый день кататься на новейшем Скором Марк II и *получать за это деньги*.

Проходя по вагонам, он стал приглядываться к окружению. Среди обычного винегрета из анк-морпоркцев и жителей других регионов Равнин и окрестностей, которые были обычными пассажирами на регулярном рейсе до Земфиса, ему встречались гномы, которые путешествовали парами и в одиночку. В одних он узнавал членов свиты короля-под-горой. Другие Мокрицу казались анк-морпоркскими гномами, если он хоть немного в этом понимал. Конечно, анк-морпоркские гномы бывали разные: одни были счастливы назваться гражданами Анк-Морпорка, другие – не очень, и они переживали по поводу своего статуса, не понимая, что в Анк-

Морпорке никто не обращал внимания на то, кем ты был, если только ты не был богачом, в таком случае ты сразу становился центром внимания.

И были еще те, кто старательно делал вид, что они безобидные члены общества. Такие всегда выделялись, и Мокриц недоумевал, как они не понимают, насколько это очевидно для натренированного глаза вечно подозрительного мошенника. Они волновались и изо всех сил пытались не выглядеть взволнованно, но беспечность – настоящую беспечность – очень трудно сымитировать. Если у тебя не было к этому таланта, любительский подход сразу бросался в глаза.

Один гном в особенности привлек внимание проходящего мимо Мокрица. Так что некоторое время спустя он вернулся и сел напротив. Мокриц покачивался в ритм поезда и улавливал в гноме какую-то дисгармонию. Не то чтобы страх, но пульсация страха, загнанного так глубоко, что он буквально пел, и в замкнутом пространстве мыслей Мокрица подозрение разворачивалось, как телеграфная лента.

Мокриц вел себя с умом, не пялился и даже не старался сделать вид, что он вовсе не пялится, – этакая профессиональная беспечность. Но гном, находившийся ниже уровня его глаз, обливался потом. Рано или поздно что-то должно дать слабину.

– О, я тебе знаю! – внезапно воскликнул Мокриц негромким голосом. – Ты из наблюдателей за поездами, я прав? Я везде узнаю эти дождевики.

– Да, да, очень люблю это дело, – отозвался гном ровным голосом, хотя с бороды у него капал пот, а глаза молили о помощи.

– Здорово. Ты, наверное, даже знаешь максимальную скорость Скорого, так ведь? Или нет?

Едва ли хоть одна душа в поезде обратила внимание на то, как Мокриц тихонько допрашивал гнома, хотя он и делал это с тактичностью кузнечного молота. Поведение и разговоры других пассажиров всегда оставались их личным делом, даже если это и мешало их соседям по вагону. Это было непреложное^[66] правило железнодорожного этикета. Гном так и подскочил на скамье, когда Мокриц обратился к нему, но с его лица не сходило глубокомысленное выражение, и, да, он все еще потел, так что Мокриц продолжал тоном старого знакомого, который хочет занять у тебя денег.

– Говорю же, ваши дождевики ни с чем не спутаешь. Стало быть, в Земфис путь держим?

Гном кивнул и коротко ответил:

– Да.

– Видал, на каком мы паровозе едем? – спросил Мокриц. – Вот послушай... Прямо слышу, как цапфы дрожат. А ты слышишь? Может, он прямо с фабрики?

– Э... да... наверное... – проблеял с несчастным видом гном.

Обдумывая свой следующий шаг, Мокриц поглядел по сторонам. Ага, вон там, чуть поодаль, сидел еще один гном, украдкой наблюдая за тем, как Мокриц наблюдает за фальшивым наблюдателем. Лихорадочно соображая, он сосредоточился на испуганном гноме напротив.

– Погоди, я точно тебя где-то видел. У ворот участка, с записной книжечкой? У нас у всех свои записные книжки, дружок, и моя лежит в багаже вот здесь, а у тебя самый чистый дождевик, что мне доводилось видеть. У настоящего наблюдателя дождевик будет весь в грязи и саже... Грязный дождевик – это как удостоверение личности. Только ты ничего не знаешь ни о поездах, ни о наблюдении за поездами, не так ли, господин?

Сказав это, он заметил, как второй гном поднялся с места и беспечно зашагал в другой вагон.

– Ты! Ни с места! – рявкнул Мокриц на гнома напротив, а сам бросился вдогонку за уходящим гномом. Это наконец привлекло внимание остальных пассажиров, и люди заголосили, потому что оставаться безучастными становилось невозможно. Мокриц перекатился, вскочил на ноги и от души пнул гнома своим рабочим башмаком с железной набойкой на мыске, что можно было расценить как настойчивое предложение полежать на земле в корчах боли, даже если на тебе кольчуга.

Мокриц потянулся и дернул за сигнальный шнурок^[67], почти невидимый под потолком, и когда поезд с визгом затормозил, крикнул пассажирам:

– Никому не покидать своих мест, разве что вы умеете летать. Совсем скоро к нам придут гости. Дамы и господа, вы еще будете рассказывать об этом внукам.

Подкрепление поспевало с двух концов: темные клерки с одной стороны и Городская Стража с другой. В данную минуту Стража была представлена командором Ваймсом, который оценил ситуацию с одного взгляда и обратился к присутствующим:

– Нет поводов для паники, дамы и господа. У нас на поезде оказался безбилетник, а наш железнодорожный персонал проявляет большую строгость в отношении подобного поведения...

Удивительное дело, но чуть позже в сторожевом вагоне нервозный молодой гном и его угрюмый надсмотрщик разговаривали с Камнелицем, который сидел за столом и внимательно их слушал.

– Итак, господа, что же у нас происходит?

Он достал большой четырехгранный нож. Серьезное оружие, опасное и подлое. Командор с хищной улыбкой обратился к молодому гному, зажатому между двумя стражниками.

– Это – то, что профессиональные убийцы называют рондель, и должен сказать, даже они таким не пользуются. Они считают такое оружие жестоким и вульгарным. И я склонен с ними согласиться. И мне вот что интересно: с какой целью ты пронес это в поезд?

Ваймс повернулся к другому гному, который был прикован к сержанту Дитриту.

– А ты? Какова здесь твоя роль? Мы в движущемся транспорте, в окружении дикой природы, где может произойти все что угодно. И это самое *что угодно* может произойти с минуты на минуту, если я не услышу ответов на свои вопросы.

Он повернулся к офицеру стражи:

– Фред, Шнобби, юношу в оковы, и оттащите его куда-нибудь в уединенное место, пусть подумает над своим поведением, а я пока продолжу беседовать с этим типом. Кажется, он очень хочет что-то мне рассказать, рассказать ясно, вдумчиво и в деталях, ничего не упуская из виду. Теперь ты, – добавил он, обращаясь уже к Мокрицу. – Тебе я советую возвращаться на свое место. С тобой позже поговорим.

Будучи отпущен и не находя себе лучшего занятия, Мокриц продолжил патрулировать вагоны. До Земфиса было еще далеко, а пейзаж за окнами местами тянулся такой монотонный, что нельзя было описать словами. Чтобы скоротать время, Мокриц побрел к легендарным спальным вагонам первого класса. Не приходилось сомневаться, что к ним приложила руку Юффи. Целая семья анк-морпоркцев вместе со всеми дядюшками и тетушками, дедушками и бабушками и всеми их детишками и, возможно, даже их ослик могли бы свободно разместиться в одном роскошном купе, состоящем из спальни и салона.

А когда Мокриц вернулся обратно в сторожевой вагон, исходив коридоры поезда, и, особо не таясь, постучал, дверь ему открыл Шнобби Шноббс, стражник, который формально был человеком (это подтверждал особый сертификат), но до того был похож на гоблина, что даже встречался с гоблинкой. Дора Гая нередко с ней встречалась и говорила Мокрицу, что Цвета Радуги только зря тратит на Шнобби свои силы.

– Здорово, господин фон Липвиг. Жалко, ты пропустил, как господин Ваймс допрашивал старого гнома. Он засучил рукав, и у подозреваемого

крышу сорвало, я даже не шучу. Как увидел метку на запястье командора, ну так и все, крышу-то и сорвало, пообещал ему все на свете рассказать. Во всю жизнь не видал, чтобы кто-то был так напуган, а ведь Ваймс его даже пальцем не тронул. С ходу раскололся, не знаю, как еще это описать. Раскололся. То есть командор и на меня иногда покрикивает, ну там, например, когда я нашел что-то на дороге и не успел вернуть владельцу, вот это все. Ничего серьезного. Но этот гном... Он прямо лужей растекся. Лужей! Ты в Страже не служил, поэтому не знаком с Это-Все-Я Дунканом, ну так вот, этот сознается во всем, если ему налить и пустить в каталажку переночевать, ну и, может, языками почесать с ним и дать сэндвич с ветчиной. Но это садовое украшение – крепко егохватило.

Мокриц огляделся:

– И где они сейчас?

– Там. А со вторым Фред и Ваймс вместе ушли. – Шнобби кивнул в дальний угол сторожевого вагона. – Помнишь эту свою гениальную идею, господин фон Липвиг?

Мокриц задумался.

– Придется уточнить, Шнобби, у меня много гениальных идей.

– А, ну да... Насчет сортировки почты прямо в поезде?

Мокриц, конечно, помнил и знал, что это обязательно сработает. Но Шнобби еще не закончил.

– Короче, есть в этом поезде один такой вагон. С полками, и с корзинками для голубей, и все как положено.

В почтовом вагоне Мокриц нашел командора и его нового маленького друга в компании Фреда Колона. Ваймс оживленно беседовал с молодым гномом и, завидев Мокрица, быстрым жестом показал, что тот может остаться, но пусть не мешает деликатному делу. Не было ни следов борьбы, ни других подозрительных примет, а в проволочных корзинках для голубей угнездились две чашки кофе. Командор убаюкивающим голосом, будто мамка, утешающая карапуза, разыгрывал такую пастораль, слыша которую присмирел сам Мокриц фон Липвиг, аферист, лжец, мошенник, жулик, плут и король витийства, которое змеилось по земле наподобие ядовитой кобры.

– Ох уж эти граги. Ну-ка, скажи, кто это был? Давай выручай меня.

– Не помню.

– И что они сделали? Не может быть! И что же, это был твой товарищ в соседнем вагоне?

– Наверное, да.

Мокрицу хотелось аплодировать, но представление – если это было представление – еще не закончилось.

Странная красная змея на руке командора поблескивала, а сам он мурлыкал так вкрадчиво, что любое бабушкино чаепитие в сравнении с этим показалось бы бандитским рейдом. Закончил он вздохом и сказал с восхитительно искренним огорчением:

– Конечно, если бы это зависело от меня... Но дело-то все в том, что мне приходится отчитываться перед лордом Витинари и королем-под-горой. Я бы мог замолвить за тебя словечко, юноша, объяснить, как ты нам помог... Да, пожалуй, именно так я и поступлю, большое спасибо тебе за помощь, и поверь мне... – командор пошевелился, и вместе с ним пошевелилась красная змея. – Поверь мне, юноша, какая бы участь тебя ни постигла, с твоей семьей ничего не случится. Единственное, сомневаюсь, что смогу убедить остальных в твоей невинности, если тебя опять поймут, не говоря уж о том, если окажется, что ты мне соврал. Однако теперь, если ты не против, мне снова нужно пообщаться с твоим напарником.

Мокрицу понравилось это «если ты не против». Как будто у бедняги был выбор. Потом темные клерки быстро увели парнишку и вернулись со вторым гномом, после чего тщательный, методичный допрос возобновился, но уже на более громких тонах, потому что этот гном был намного старше. В словах, которые выбирал Ваймс, теперь звучало больше угрозы, но все равно полунамеками он обещал, что дело наладится, если собеседник выложит командору все без утайки о грагах и глубинниках, о его соратниках-заговорщиках, которых бросили на произвол судьбы и оставили в руках короля-под-горой.

– Ты предстанешь перед королевским судом, но, как я и сказал, я замолвлю за тебя слово. На следующей остановке я отправлю сообщение, если твои бывшие друзья не успели сжечь башню, – на этих словах он передернулся. Мокриц с трудом удержался от оваций.

– Фред, – сказал командор. – Пожалуйста, пригласи сюда сообщника этого господина, пусть они составят друг другу компанию до конца путешествия.

Только когда оба нарушителя оказались в почтовом вагоне под пристальным вниманием темных клерков, Ваймс продолжил:

– Хорошо, – сказал он тем же энергичным тоном. – Извините за кандалы, но войдите в наше положение, не можем же мы допустить, чтобы вы сейчас сбежали. И запомните оба – особенно ты, в твоём-то возрасте, – все могло бы быть гораздо хуже. Не скрою, все еще может стать гораздо хуже, но повторяю, я замолвлю за вас слово. За вами будут хорошо присматривать, а я пока организую конвой, чтобы снять вас с поезда. И

если вы что-нибудь вспомните, не стесняйтесь и расскажите страже, а я посмотрю, что можно для вас сделать. Будет лучше для всех причастных, особенно для вас двоих, если до тех пор вас подержат в этом опечатанном помещении, где никто не сможет вам навредить. Надеюсь на ваше понимание. Я лично удостоверюсь, чтобы вас регулярно кормили и поили.

Он кивнул Мокрицу:

– На пару слов, за дверь.

Вернувшись в сторожевой вагон, командор извлек откуда-то сигару и зажег ее, вопиюще нарушая все правила поведения на железной дороге.

– Господин фон Липвиг, – сказал он, присев на лавку. – У тебя такой вид, будто ты хочешь что-то спросить. Не стесняйся.

– Командор, это было блестяще. Вот это номер ты устроил. Они действительно поверили, что ты на их стороне и хочешь им помочь.

Ваймс выпустил облако дыма.

– Но ведь я действительно на их стороне, – возразил командор со всей серьезностью. – И планирую оставаться на их стороне. Это ты у нас прохвост, а не я. Да, я могу превратить их жизнь в ад. За этой конкретной миссией стоит старик, который надолго еще запомнит подошву твоего башмака, а юнец – он у них так, шестерка. Развесили ему лапшу по ушам, очень симпатичную лапшу, наплели, что он, мол, делает священное дело Така. Из него даже наблюдателя приличного не вышло бы. – Ваймс похлопал себя по карману. – Зато теперь у меня есть имена, и очень интересные имена, а когда носителям этих имен растолкуют, что почему, нам станут известны и другие имена, вот тогда мы и посмотрим, как кролики забегают. Работа Стражи состоит не только в вышибании дверей, знаешь ли. Работа Стражи – докапываться до сути вещей, потому что когда дойдешь до самого низа, оттуда видно все вплоть до самой верхушки, и вот верхушка-то мне сейчас и нужна. Скоро остановимся дозаправиться углем и водой в местечке под названием Клюквы, а там должна быть семафорная башня. – Он усмехнулся. – Интересно, как его светлость отреагирует на мой список. Предсказываю, что он дойдет до стадии едкого сарказма, без остановок минуя иронию и язвительность. – Ваймс снова похлопал себя по карману. – Я знаю кое-кого из этого списка. Влиятельные гномы, доблестные защитники короля-под-горой, с одной стороны, и добровольные пособники грагов, с другой. Выношу тебе благодарность, господин фон Липвиг. Ты бы неплохо справился с предотвращением преступности. У тебя ведь такой наметанный глаз, потому что ты узнаешь в них себя, я прав? Это полезно. Я тоже так поступаю. Преступники всегда должны считать тебя своим другом, а ты должен выступать для них в роли

огорченного, но любящего отца. Чтобы они видели в тебе щит, который оградит от пугающего подступающего мрака.

Командор повернулся в сторону и спросил:

– Шнобби, кто дежурит на вокзале в Великом Кочане?

– Сержант Виллард, господин Ваймс.

– Сгодится. – Ваймс снова обратился к Мокрицу: – Это стражник старой закалки. Он пригонит полицейский фургон и представит их пред очи его светлости в два счета. Мятежники в оковах, так что хлопот ему не будет. Знаешь, я им почти сочувствую. Граги, глубинники, как бы они себя ни звали, схема у них одна: найти наивного гнома с хорошими связями и дать ему знать, что если он не будет вести себя послушно и не сделает все, что ему велено, то вся его семья может запросто кануть в Лету. – Он усмехнулся. – Хотя я и сам делаю то же самое, но я-то плюшевый мишка по сравнению с ними, и я на стороне добра.

Ваймс встал и немного помахал руками, разгоняя кровь.

– А теперь, думаю, пора мне пойти к королю и рассказать о нашем любопытнейшем открытии. Не волнуйся, за тебя словечко я тоже замолвлю. Ты внимателен к людям, это уже само по себе великий дар.

Задувающий в вагоны наружный воздух уже наполнился запахами Равнин Сто, то есть, по сути, одним сплошным запахом капусты или чего-то капустоподобного. Это был очень грустный запах, полный безнадеги. Меланхолии. Зато сама капуста там росла отличная, особенно новые сорта.

Город Великий Кочан был бы последним местом, куда захочет приехать любой нормальный человек, если бы городу не приносили популярность парк аттракционов «Капустный Мир» и Капустный НИИ, студентам которого первыми удалось вырастить капусту до пятисот ярдов в высоту на подпитке исключительно из собственного сока. Никто не спрашивал, с чего они взяли, что это было необходимо, но в этом вся суть научно-исследовательской работы и уж точно всех студентов.

Как только поезд остановился у платформы Великого Кочана, у сторожевого вагона возникло несколько стражников. Командор Ваймс передал им пленных, с которыми был ужасно мил, и Мокриц проводил взглядом конвой, увозивший их в фургоне стражи.

Когда экипаж скрылся из вида, Ваймс сказал Мокрицу:

– У нас есть имена и адреса их семей, и к ним будет приставлена круглосуточная охрана, пока вся эта канитель не закончится. Витинари, конечно, пошумит, когда ему придут счета, но когда бывало иначе?

Точно по расписанию поезд отбыл из Великого Кочана, оставляя высокие грязные столбы анк-морпоркского смога далеко за горизонтом.

Мокрица не покидало ощущение, что они движутся в гору, что в какой-то мере и было правдой. Все шло по плану, люди устраивались поудобнее для долгого путешествия, и у него появилось свободное время для размышлений. Теоретически он понимал, что беспокоиться надо, когда что-то идет не так, но чутье пробуждало в нем беспокойство и тогда, когда все шло слишком гладко, чтобы быть правдой, и вот прямо сейчас тревожная грозная туча снова сгустилась у него в мыслях. Молот богов только и ждал, чтобы обрушиться на него. Что он упустил? О чем забыл? Нет, все должно быть хорошо.

Впереди был мост, его неизменно охранял тролль. Семьи железнодорожных троллей воспринимали новенькие и сверкающие мосты как свои собственные. Туннель любому троллю казался приятной прогулкой в парке, но мост, твой собственный мост... Особенно мост с удобствами (с легкой руки Гарри Короля) и достаточно просторный для всей семьи... «Тролли», – думал Мокриц. Кто бы мог подумать, что они будут содержать мосты в такой сияющей чистоте. Но Юффи объявила среди троллей вдоль всей железной дороги конкурс на самый ухоженный мост, с наградой победителю – ни много ни мало в двадцать коз.

Путешествуя по железной дороге, можно было наблюдать за тем, как меняется мир вокруг, когда деревья, дома, фермы, луга, ручьи, деревни, о которых Мокриц прежде никогда не слыхивал и с трудом припоминал даже сейчас – как, например, вот эта, Лучше-Поздно, если верить указателю, – проносились мимо со скоростью поезда. Но кто там жил и чем, Мокриц не представлял.

Поселения железнодорожников Мокрица интриговали. Жены рабочих, заметив, что пассажиры выходят подышать воздухом на частых дозаправочных остановках, проявили такое понимание экономического процесса, какое восхитило бы и лорда Витинари. Они встречали пассажиров и выносили им густой чай со сливками, домашние пироги, вкуснейший горячий кофе, а в одном примечательном случае – маленького поросенка.

Но даже это затмевал трюк, с которым Мокриц столкнулся месяц назад в деревне Дверубашки, которую в Анк-Морпорк считали безнадежной глухоманью. Две предприимчивые дамы установили незамысловатую табличку: «Вяжем пижамки для сна в дороге!» Дамы постоянно вязали, пока их мужья шагали по путям, и сколотили небольшое состояние на тех пассажирах, которые, подобно Мокрицу, улыбались, читая эти слова, и лезли в карман. Мокрицу нравилось, что, рассмешив покупателя, ты всегда

мог рассчитывать на его деньги.

Приближался очередной указатель, и он прищурился, чтобы прочитать название на табличке, и – *фьють* – увидел, что они были в Монашьем-Девериле, или уже не были, потому что поезд стремительно унес городок в прошлое, и – *фьють* – приближался – *фьють* – похоже, Верхний Свистоплюш. А поезд, не замедляя хода, ехал дальше, и Мокриц уже ждал увидеть знак Нижнего Свистоплюша, но они промчались мимо, оставляя неисследованные городишки в забвении. Крохотные населенные пункты со странными названиями на миг словно оживали под триумфальное шествие парового двигателя.

В противоположном направлении мимо них со свистом промчался другой поезд, но откуда? И куда? Мокриц сдался. Частые путешествия по железной дороге делают из тебя философа, хотя и весьма посредственного.

Следующая дозаправка была на станции Семи Хамов. Название ни о чем не говорило Мокрицу, и даже Ваймс развел руками. В таких местах люди спускались с поезда и скрывались в глухомани, и только налоговые инспекторы и почтальоны знали, кто и где живет. А судя по виду Семи Хамов, фискалы скорее взяли бы больничный, чем приехали сюда, да и почтальоны, наверное, тоже, особенно если новости были плохие, вроде того же просроченного платежа по налогам. И тем не менее население Семи Хамов недавно пополнилось четырьмя путевыми обходчиками, чьи семьи устроились в домах неподалеку от путей.

Мокриц спросил у человека, который качал воду из колонки:

– У тебя не бывает проблем со сном, когда мимо проезжает столько поездов?

– Да что ты, господин, вовсе нет, чтоб ты был здоров. Хотя мы сразу акклиматизировались, – и он хохотнул, как всякий человек, который использует новое слово и оно кажется ему таким смешным. – Жена моя спит как убитая, за всю прошлую неделю проснулась ночью лишь однажды, когда Скорый опоздал. Она клянется, что ей стало не по себе от тишины в неположенное время.

Ваймс так и не покидал сторожевого вагона, не считая пары отлучек, чтобы переговорить с королем и его телохранителями, и именно в сторожевой вагон доставляли клик-бланки.

В вагоне постоянно торчали гоблины. Но этого им было мало. Они встречались теперь на каждом шагу: подкручивали болты, смазывали гайки, стучали по железу. Мокриц как-то раз спрашивал про них у Дика, и тот ответил ему, что все, что должно быть смазано, они смажут, и все, что

нужно подбить, они подобьют. В общем, они следили за тем, чтобы ничего не развалилось.

Запах, конечно, никуда не делся, но стоило к нему привыкнуть, как Дора Гая уже долгое время назад, и ты переставал его замечать. И гоблины выполняли любые поручения, если поезд стоял в далеких от цивилизации уголках, и собирали клики со всеми новостями, которые могли касаться путешествия.

Старые добрые семафоры, так говорили о них сегодня. Когда-то башни казались людям бельмом на глазу, а сейчас без них не обходились, даже чтобы узнать, какая погода встретит их по прибытии. Удобная вещь, но вовсе не первой необходимости. Тем не менее стоило кликам выпасть из твоей жизни, ты казался себе неполноценным членом общества. Шпилька часто рассказывала, как клиенты устраивали скандалы из-за завышенных цен на семафорное сообщение, которые, по его личному мнению, вовсе не были так уж завышены. Но в человеческих умах продолжался этот вечный бег по кругу: вот новое, вот нет. Вчера ты даже и помыслить не мог о таком, а завтра уже не будешь знать, как без этого жить. Вот что делали технологии. Они подчинялись тебе, но в некотором смысле все было ровно наоборот.

После увлекательного разговора у колонки Мокриц опять остался скучать. И уже по привычке, как всегда, когда он чувствовал себя неприкаянным, он отправился в сторожевой вагон. Детрит дремал на ящиках для посылок, окруженный неизбежным трудовым хаосом, и храпел. Похоже, все, не считая обычных пассажиров, считали сторожевой вагон своей штаб-квартирой. Наверное, в этом была виновата кофеварка. Нашелся здесь и Из Сумерек Темноты. Он заварил особый кофе и, скалясь, протянул Мокрицу кружку с бурлящей жидкостью. Тот задумался.

– Я все понял. Ты шаман, да?

Оскал гоблина стал еще шире.

– Извини, мимо. Но ты можешь звать меня шагоблином. Звучит не так красиво, но нет в мире совершенства.

Мокриц посмотрел на кофе.

– Пахнет чудесно, но что мне от него будет?

Ша-гоблин подумал и ответил:

– Глаза хоть продерешь, деловая колбаса! Глядишь, и приободришься. Может, в туалет чуть чаще станешь бегать, есть у него такое свойство. – Он бросил на Мокрица косой взгляд, который удавался только гоблину. – Убивать гномов точно не побежишь.

Это и правда был отменный кофе. Надо было отдать гоблину должное.

Мокриц выглянул в окно. Может, у него разыгралось воображение, но лес Скунд становился тем чернее, чем ближе к нему они подъезжали. Этот лес был хуже стланика. Мокриц помнил, что деревья там стояли плечо к плечу. А если вы скажете, что деревья не жмутся, то вы просто не были в лесу Скунд. Это место так и не было до конца вычищено от магии. Там все еще витали древние страхи и фантазмы. Никто не заходил туда без крайней необходимости, разве что случайный лесоруб на спор, не более. Это было темное место, в упор глядящее на равнину и поджидающее удобного момента. Не стоило туда ходить, если вы не хотели, чтобы вам на голову свалился волшебник. Если бы растительность умела рычать, лес Скунд делал бы именно это.

Мокриц воспользовался случаем изучить приборы в вагоне. В рейсе дежурили двое стражников, и, хотя из этого вагона нельзя было управлять поездом, отсюда дежурный мог по крайней мере остановить его – такой факт было полезно знать.

Сгустились сумерки, и храп Детрита стих и стал напоминать уже не звуки двух дерущихся насмерть барсуков, а тихое клокотание, которое резонировало в стенах вагона. Завораживающее было зрелище – наблюдать, как поднимается и опускается каменная грудь. Мокриц не впервые подивился: *«Они – каменные, и нам сказано, что камень – живой...»* И снова его мысли перекинулись на Железную Ласточку, и, к его собственному удивлению, он абсолютно перестал волноваться: лошади, тролли, големы, двигатели, и в чем проблема?

Он посмотрел по сторонам. Не считая спящего Детрита, в вагоне впервые было пусто. Остальные пассажиры устраивались на ночлег в обычных вагонах, занятые своими делами. Командор Ваймс был на обходе.

Мокриц действовал быстро, больше не в силах сдерживать рвущегося из него чертенка. В конце концов, рассуждал Мокриц, он уже давно хотел это сделать, а другого случая может и не представиться. Было все еще достаточно светло. Он открыл дверцу сторожевого вагона, ухватившись за край, выбрался наружу, захлопнул за собой дверь и вскарабкался на крышу вагона. Оказавшись там, Мокриц поднялся на ноги и, отбросив все предосторожности, стал танцевать на крыше поезда, перепрыгивая с вагона на вагон, прислушиваясь к ритму поезда, двигаясь ему в такт, чувствуя двигатель и настроение рельсов, пока ему не начало казаться, что он понимает их. Это был дар или благодать. Нечто особенное, что хотелось заслужить, но, как казалось Мокрицу, оно не позволило бы с собой фамильярничать. Это восторгало его, и Мокриц подумал: «Нет, к пару не

стоит относиться легкомысленно».

Однажды он услышал, как снизу его окрикнули: «Эй!» Мокрица часто называли «Эй». Он свесился вниз и сообщил:

– Мокриц фон Липвиг. Провожу небольшое испытание.

Голос «Эя» проворчал что-то в ответ, и Мокриц оставил его ворчать себе дальше, потому что только об этом танце он и мечтал с того самого момента, как увидел новые Скорые.

Разгоряченный эйфорией, Мокриц спрыгнул обратно в сторожевой вагон, где все еще был только один спящий Детрит. Он пригладил волосы, вытер с лица следы сажи и вышел из вагона с улыбкой на лице.

По всему поезду на ночь гасили свет, когда командор Ваймс вернулся из своей последней экспедиции и налил себе свежего кофе.

– Король и его советники заняты планированием, – рассказал он. – Последние рапорты с клик-башен и... вести с полей, назовем это так... сообщают, что укладка рельсов продвигается успешно, – он хитро поглядел на Мокрица. – Уже совсем скоро, господин фон Липвиг, придется доказывать свои слова на деле. Да, и вот еще что. Клик от твоей дорогой супруги. Даже с учетом того, что новости о перевороте в Шмальцберге продолжают расползаться, нападений на семафорные башни за пределами Убервальда практически не наблюдается.

Мокриц удивился.

– Хорошая новость, – сказал он.

Но Ваймс нахмурился:

– Я бы не расслаблялся. Боюсь, всегда найдутся те, кто опрокинет башню, даже если на ее вершине будет сидеть Так. В том-то и проблема. Когда ты прожил столько лет, что ненависть уже навязла на зубах, ты не знаешь, как ее выплюнуть.

Мокриц заранее позаботился, чтобы у него было отдельное спальное купе – о блаженство! Но, в отличие от номеров первого класса, его купе было более практичным, и развернуться в нем было испытанием, которое пришлось бы по вкусу любителям крутить в руках кубики и другие возмутительные игрушки. Там была раскладная кровать, которая складывалась и била его по голове, и раковина для умывания, в которую кое-как помещалась зубная щетка. К этому прилагалась мочалка, и, поскольку Мокриц отличался достаточной гибкостью, он воспользовался всеми предоставленными удобствами и если не отмылся дочиста, то хотя бы не стал грязнее. И боги, как же он устал. Какая бы сила ни держала его на ногах, ей очень хотелось отдохнуть, но ум был сам себе злейшим

врагом, и чем сильнее Мокриц старался убаюкать себя под музыку железной дороги, тем больше сгущались, как тучи, тревожные мысли.

Пока что им везде везло – всего два шпиона грагов попались им на пути, к тому же еще и не бог весть какие шпионы. Но рано или поздно крысу выпустят из мешка, и грагам станет известно, что Рыс в пути. Дик полагался только на то, что к этому времени они уже переседают на Железную Ласточку. Но может ли Ласточка, фаворитка Дика Кекса, которая привыкла только детишек по двору катать, всерьез на что-то повлиять? «Я готов поклясться, что когда этот паровоз только появился в городе, он был совсем маленьким, и я понятия не имел, как ему справиться с дальней дорогой, хотя бы до Сто Лата», – думал Мокриц. Но сейчас от Ласточки веяло такой силой. И Дик постоянно подновлял ее и ухаживал за ней, как будто случилось бы что-то непоправимое, если она перестанет быть королевой двора. Она никогда не спит. Всегда посвистывает. Всегда позвякивает железом. Даже когда она не работает, от нее слышится тихий механический шелест.

Мокриц подумал о чужаке, который пробрался в депо, чтобы сломать Ласточку, и сам встретил свою смерть, *смерть, смерть, смерть*. Дикий пар вырвался из паровоза, который стоял на месте. Земля, и огонь, и ветер, и дождь сошлись в одной стихии скорости. И постепенно Мокриц уснул, хотя какая-то его часть продолжала слушать перестук колес, прямо во сне, как моряк всегда слушает шум моря.

Пока Мокриц спал, поезд медленным метеором мчал сквозь ночь, всползая по склонам Карракских гор. Луна зашла за облака, и единственный свет в ночи излучали фонарь паровоза и топка, которая мерцала, когда ее дверцу открывали, чтобы кочегар мог подбросить еще угля.

Кочегары Гигиенической железной дороги были людьми особой породы: несловоохотливые, перманентно угрюмые, предпочитающие разговаривать исключительно с машинистами. В неписаной паровозной иерархии машинисты, естественно, занимали верхнюю ступеньку, следом шли кочегары, и только после них – обходчики и стрелочники, профессии непрестижные, но по общему признанию нужные. Иногда казалось, что кочегары мнили себя самой главной составляющей железной дороги, хранителями ее души, так сказать. Свободное от службы время они проводили в своем кругу, ворчали, дымили трубками и больше ни с кем не разговаривали. Но, ворочая целыми днями уголь, они наработывали себе железную мускулатуру, так что все кочегары были сильными мужчинами в

отличной форме, и иногда между сменами они устраивали поединки на лопатах, где за бойцов болели их товарищи.

Один из кочегаров на их рейсе и вовсе был настоящей легендой, если верить остальным, хотя Мокриц еще не был с ним знаком. Кочегар Блейк славился тем, что был страшен в гневе. Все кочегары были отъявленными драчунами, но ходил слух, что к кочегару Блейку никому не удалось даже притронуться. Не по делу использованная кочегарная лопата служила живой иллюстрацией изречения командора Ваймса о том, что мастеровой, умело обращающийся с собственным инструментом, для среднего стражника может стать большой проблемой.

Но кочегары веселились и приплясывали, сражаясь на своих лопатах, и напивались, но только не перед тем, как занять свое место в кабине. Об этом им не нужно было напоминать.

Сейчас, кутаясь от зябкого ветра, гуляющего по кабине, кочегар Джим обратился к машинисту:

– Вот твой кофе, Мик. Завтрак поджарить?

Мик кивнул, не сводя глаз со стелющейся впереди дороги, и кочегар Джим вытянул руку и пожарил пару яиц на заднике лопаты, только что из раскаленной топки.

Невыскательные дома железнодорожников строились вблизи колонок с водой и угольными бункерами, чтобы ценные запасы угля и воды всегда находились под присмотром. Домишки были невелики, что вызывало некоторые трудности, когда там нужно было разместить всех детей и бабушек, но все соглашались, что это было вдвое лучше любого жилья, которое они могли бы позволить себе в городе. И потом, они дышали свежим воздухом – по крайней мере в промежутках между поездами.

Этой ночью госпожа Пламридж, мать путевого обходчика Джека Пламриджа, заметила, что ее ночной горшок переполнился, и отругала себя за то, что не опорожнила его до наступления темноты. Не доверяла она блестящему фаянсу в уборных. Всю свою жизнь она ходила во двор в условленное уединенное местечко, поочередно удобряя свои грядочки, но в этот раз дела чуть не приняли весьма символический оборот, когда ей навстречу выскочил гном и с криком: «Смерть железной дороге!» – замахнулся на нее.

В ответ госпожа Пламридж обрушила на него ночной горшок, да с такой силой, которую никак нельзя было ожидать от старушки, хотя сын ее всегда говорил, что она была вытесана из дуба. Горшок был тяжелым и все еще полным, и крик перебудил всех соседей. А когда мятежный глубинник пришел в себя, он уже был связан по рукам и ногам и ехал в Анк-Морпорк,

чтобы предстать перед судом.

Железнодорожники и их бабушки были людьми приземленными и незамысловатыми, поэтому гному не позволили даже умыться, что при данных обстоятельствах оказалось совершенно невыносимо.

Наутро Мокриц проснулся голодным и с удовольствием обнаружил, что в вагоне-ресторане подавали завтрак (как выяснилось, круглосуточно).

В ресторане было пусто, и только Грох Грохссон и король-под-горой сидели за столом и переговаривались, подобно предпринимателям, которые обсуждали сделку, пользуясь преимуществами роскошного сервиса.

Король негромко поприветствовал Мокрица и сказал ему:

– До сих пор так и не удалось посмотреть на поезд. Как сели, так все это время решали стратегические вопросы с Грохссоном и остальными. Присоединишься к нам?

Мокриц присел, и Грохссон повернулся к нему как к союзнику:

– Пытаюсь уговорить Рыса сказать нам, что же он задумал.

Но король только улыбнулся:

– Я намерен взять Шмальцберг, друг Грохссон, и сделать это без лишнего кровопролития. Поверь мне – хоть об этом и очень легко забыть, но мои враги такие же мои подданные, как и мои друзья. Положение вроде как обязывает. Плох тот король, который убивает своих подданных. Я бы предпочел видеть их подавленными, нежели мертвыми.

– Серьезно? – ответил Грохссон. – После всего, что они натворили? После всего, что произошло по их вине? Выискивать молодых гномов, вбивать им в головы восторги и безумные постулаты...

– У меня есть имена, – сказал король. – Имена лидеров, имена последователей. Нет, их ждет расплата. А не какое-то *аутодафе*.

– Боюсь, в прошлый раз вы проявили излишнюю мягкость, ваше высочество, – сказал Грохссон, осторожно подбирая слова. – Мне нелегко это говорить, но напрашивается вывод, что если и впредь подставлять вторую щеку, они будут и дальше хлестать вас по лицу. Мне кажется, тут ничего не попишешь, нужно прийти, пресечь и победить. Нет смысла снова вежливо стучать и просить: «Пожалуйста, разрешите мне снова сесть на Каменную Лепешку».

К удивлению Мокрица, король ответил:

– Как бы мы ни презирали слово «политика», один из самых важных ее аспектов – это остановить кровопролитие. Нет, кровь несомненно прольется. Но поколения сменяют друг друга, сами люди меняются, и вещи, которые раньше казались совершенно невозможными, вдруг оказываются повседневностью. Необходимостью даже. Как, например,

становится железная дорога. Но кстати, господин фон Липвиг, как продвигается прокладка путей? Как поживает твоя логистика?

– Все на мази, выше высочество. Это инженерный термин, означающий – удовлетворительно.

Король посмотрел на Мокрица. Не надменно, но все-таки по-королевски – и королевский взгляд был любопытным и испытующим.

– Поживем – увидим, юноша, поживем – увидим.

А после завтрака делать было нечего, разве что любоваться горным пейзажем, который разворачивался за окном бесконечной лентой: деревья, камни, снова деревья, валуны, опять деревья, опушка, где работали дровосеки, мимолетная темнота, когда они достигли такого большого каменного выступа, что потребовался туннель, и так далее. Но Мокриц все думал, что за всеми этими деревьями, камнями и корягами стоят фермы и целые деревушки, о которых им ничего не известно, а значит, однажды придется сделать станцию и там... и тут... и там... Чтобы в один прекрасный день какой-нибудь мальчишка из поселка вон там высоко в горах сел на поезд и домчался до Анк-Морпорка, исполненный надежд. Почему бы и нет? Станция за станцией, они меняли мир. И Мокриц позволил себе испытать чувство гордости.

Не считая водопадов^[68], единственной достопримечательностью Земфиса было аббатство Дурнтон. Сейчас оно было разрушено, монахи давно покинули его. Там развернулся своеобразный рынок, гудящая ярмарка, базар, который напоминал Мокрицу анк-морпоркские Тени в праздники.

Все жило постоянным движением. Тишина была редким подарком. И каждый был торгош, и складывалось ощущение, что рано или поздно все и вся можно продать или купить. И при необходимости – заставить исчезнуть.

Особняком выделялась среди торговых дорог города улица Набалдашная, по которой проходили караваны верблюдов, привозившие жителям Равнин крошечные наконечники для обувных шнурков, без которых жизнь любого цивилизованного человека стала бы невыносима и смертельно опасна. Привозили специи из Клатча^[69], сырье с Противовесного континента, которое везли на медленных баржах, и прочие диковинные ценности – и, к несчастью, разнообразные средства, чтобы в очень короткий срок сделаться очень счастливым, а вскоре после этого – стопроцентно мертвым.

Наравне с совершенно легальной продукцией, которая заполняла прилавки, здесь всегда можно было найти и контрафактные товары, поскольку многие торговцы процветали на почве полулегальной торговли. В лавках беззастенчивых торгашей из-под полы можно было приобрести неодомашенных бесенят в клетках, а с наступлением темноты по улицам то и дело тихонько проходили верблюды, таща на себе бочки паточного сырца.

Наиболее осмотрительные путники, которые не хотели расставаться с личными вещами и уж тем более со своими жизнями, предпочитали прислушиваться к советам тех, кто уже успел побывать на базаре и с тех пор обходил его стороной. Некоторые отчаянные туристы все же заезжали в Земфис, чтобы посмотреть на Сосцы Сциллы, скалистую горную цепь, где бывалого альпиниста поджидал целый мешок возможностей быть обнаруженным вниз головой над расселиной или подвешенным за ногу над бурным течением, которое вело себя как праматерь всех жерновов. Кряж состоял из восьми вершин, отвесных и безжалостных, и, если бы существовал путеводитель по лучшим ловушкам мира, это место одержало бы пальму первенства.

Мокриц любовался Сосцами Сциллы с безопасного расстояния – со смотровой площадки, удобно устроенной бюргерами Земфиса специально для тех, кто хотел насладиться видом. Он думал о том, что вскоре их поезд пройдет через эти вершины. На карте они выглядели вполне миролюбиво, но вблизи вызвали благоговейный трепет. Сцилла могла гордиться восемь раз подряд.

Туман стелился над растительностью, облепившей крутые подножия Сосцов. Местность казалась непроходимой, но Дик и его ребята с линейками нашли осуществимый маршрут. Рельсы были уже проложены, и Мокриц знал, что тролли торчали там всю неделю и сторожили дорогу.

В этот момент раздался крик командора Ваймса:

– Липвиг! Ложись!

Мокриц бросился наземь, и тут же что-то просвистело у него над ухом. Он уже собрался встать, когда Ваймс повалил его обратно на пол, а снаряд просвистел в обратном направлении и наконец упал где-то возле их ног.

– Вот так-то, – сказал Ваймс. – Мерзкие типы эти глубинники, но мастерству можно только позавидовать.

Мокриц, прижимаясь к полу, задал бессмысленный вопрос:

– Это точно были они?

– Очень может быть, хотя есть в этих краях и другие возмутители

спокойствия. Ты же понимаешь, что там, где есть туристы, всегда найдутся люди, охочие до их денежек. Не трожь!

Мокриц отдернул руку.

– Это бумеранг, – сказал Ваймс. – Такие штуки водятся во всем мире. Если его хорошенько забросить, твой противник получит внезапный удар в спину. Я слышал, что есть один паренек на Четвертом континенте, которой кидает бумеранг с такой точностью, что тот подхватывает его утреннюю газету и возвращается с ней прямо к нему в руки.

Мокриц недоверчиво посмотрел на командора.

– Ну, уж так рассказывают. Ты же знаешь этих ребят с Форекса, они любят покрасоваться, – продолжал Ваймс, опасливо подбирая бумеранг носовым платком. Он принюхался к нему, скривился и сказал: – От этой штуки, которой его намазали, ты бы, может, и не умер, но ближайшие несколько дней (в лучшем случае) ты бы сам молился об этом. Надо поговорить с Витинари про это место. Тут есть что-то *вроде* правительства, но их правопорядок может пройти разве что в детском садике. Никакой особой коррупции, просто отвратительная организация. Да если бы я Шнобби сюда послал, и то общественный порядок взлетел бы до небес, по сравнению с тем, что сейчас.

– Но ведь полномочия Витинари здесь не распространяются? И это место вне вашей юрисдикции?

Ваймс только рассмеялся в ответ, чего Мокриц не ожидал.

– Не могу говорить за Витинари, но все мы знаем, что у него есть свои... методы и средства. Я вообще думаю, он позволяет этому месту существовать, чтобы оно не начало существовать в Анк-Морпорке. А что до моей юрисдикции, думаю, многие здешние жители захотят навести хоть какой-то порядок на своих улицах. И если так, что ж, мой долг этому поспособствовать. Только не сегодня. – Он похлопал Мокрица по плечу. – Господин фон Липвиг, уверен, в твоей жизни бывали минуты, когда перед тобой возникала блестящая возможность украсть что-нибудь ценное, а ты по каким-то причинам решал этого не делать. Вот и я чувствую себя примерно так же. Это глухомань. И кто знает, что за ужасы творятся тут за закрытыми дверями. – Он пожал плечами. – Но всех дверей в мире не вышибить. А нам предстоят более важные дела.

Мокриц согласился с таким объяснением, и после безрезультатных поисков злоумышленника они развернулись спиной к Сосцам Сциллы, решив отправиться обратно на станцию. Едва покинув смотровую площадку, в отдалении они услышали свисток паровоза. Вдали со стороны Равнин к Земфису приближалась полоса ослепительного света с дымным

хвостом.

Ваймс и Мокриц переглянулись.

– Что за чертовщина? – сказал Ваймс. – Сегодня в расписании нет других поездов.

– Хм... Дик сказал, что хочет почистить Железную Ласточку перед важным мероприятием, и перед нашим отъездом у меня сложилось впечатление, что его любимый паровоз проходит капитальный ремонт. Это, должно быть, Ласточка.

Это был не просто ремонт. Когда Мокриц показал Дику микрокольчугу, которую оставил себе в качестве трофея после битвы с гномами на щеботанской дороге, инженер улыбнулся и сказал:

– Ага, знаю я эту хитрость. Металл крепче железа, но вдвое легче, податливый и никогда не ржавеет. Его делают из редкой руды, а еще он входит в основу нового сплава, который я придумал. Я зову его сорортаний. Господин Громогласс говорит, это значит «сестра железа». Он даже крепче стали! Какие котлы я смогу сделать, если достану много этой руды! Спасибо. Это удивительная вещь, и я точно знаю, как ее использовать.

Пока они с Ваймсом наблюдали за потрясающим паровозом, покорявшим крутые склоны по дороге в Земфис, Мокриц заметил, что паровоз будто стряхнул с себя лишний вес. Скорый, на котором они приехали, весь скрипел, преодолевая последний крутой участок у самого Земфиса. Новый поезд как будто вовсе не замечал уклона.

Ваймс хлопнул себя по лбу.

– Это правда Железная Ласточка? Последний раз, когда я ее видел, она была чем-то вроде игровой площадки для взрослых. Если это Железная Ласточка, – сказал он, тыча пальцем в мерцающее видение, – то она подросла.

– Это Железная Ласточка, – подтвердил Мокриц. – Дик постоянно над ней работает, постоянно что-то меняет, совершенствует при малейшей возможности. А в итоге это все равно прежняя Железная Ласточка. Она навсегда ею останется.

– Но она так блестит, что бросается в глаза... Люди будут замечать ее за много миль! Никаких шансов на незаметный отъезд!

– Знаю, – ответил Мокриц. – Но Дик сказал, что если паровоз *слышно* за много миль, то цвет в принципе не играет никакой роли. Все и так будут знать о ее приближении.

«Хотя в определенной ситуации серебристый панцирь может сыграть ключевую роль», – подумал он.

– Разрешите доложить, *ах граг нан*^[70], мы потеряли двух агентов на одном из поездов, – сказал служитель. – Увы, мы нигде не можем их найти.

Командир-граг поднял голову.

– Ага! – воскликнул он. – И где они были, когда мы в последний раз получали от них известия?

– Регулярный рейс Сто Лат – Земфис. Но они не вышли на связь ни в Великом Кочане, ни раньше, когда поезд проезжал станцию в Клюквы.

– Ты уверен?

Приспешник подскочил.

– Мы действуем втемную, милорд, но есть все основания...

– В таком случае, – сказал граг, – оповести всех, что остальные маршруты нас больше не интересуют. Наш... груз находится в поезде, идущем в Земфис. А там... впереди лежат Сосцы Сциллы, а они не берут пленных. Добыча, друг мой, сама идет в руки. И твари, живущие в Сосцах, станут нашими союзниками! Теперь все сводится к железной дороге, и у наших агентов есть все возможности, чтобы эти чертовы колеса прекратили вращаться. Однако избегайте мостов. Враг покровительствует каменным тварям, которые сторожат их. А туннели всегда могут обвалиться... В самой технологии, будь она проклята, уже заложено зерно катастрофы.

– Да, *граг нан*, нам известно, что поезду нужны частые остановки для пополнения запасов угля и воды. Убрать то или другое – и нет паровоза, осталась только груда железа. Так что угольные бункеры и гидравлические колонки, да. Они, разумеется, находятся под охраной, но это стационарные пункты, но охранников легко обезвредить, когда они стоят на одном месте.

Старший граг вернулся к изучению слова Така с комментариями грага Бедролома.

– Дай знать, когда дело будет сделано.

А на Земфисском вокзале Железная Ласточка вблизи выглядела еще великолепнее. Дик Кекс был модно одет и с гордостью улыбался, хвастаясь сверкающей машиной, и приборчиками, и рычажочками в кабине машиниста. Было неожиданно видеть Дика в одежде, не тронутой мазутом, все равно что льва без гривы.

Среди членов Стражи, прибывших по распоряжению командора Ваймса, наряду с Шелли Задранец Мокриц с удивлением заметил дружелюбное и непритязательное лицо констебля Флюорита, самого крупного стражника-тролля. Флюорит, которого даже Детрит называл здоровяком, по характеру был мягче пуха и никогда не обидел бы и мухи, во всяком случае намеренно, но при необходимости мог и льва надвое разорвать голыми руками. Тем не менее, завидев его на месте любой

потасовки, все пускались бежать наутек, чтобы как-нибудь не столкнуться с этой глыбой лицом к лицу. Он жил в укрепленном доме где-то в Сунинке, небольшом городишке, вопреки логике размещившемся на окраине Анк-Морпорка. Говорили, что поступь идущего на работу Флюорита работала лучше любого будильника.

Ваймс строевым шагом прошел по перрону навстречу новоприбывшим. Шельма имела шельмовской вид, и неудивительно, ведь она побывала подсадной уткой, одержала победу в битве и вышла из нее без увечий, если не считать одного маленького шрама, который обязательно нужно получить, иначе кто тебе поверит.

Завершив экскурсию по кабине машиниста, Дик повернулся к Мокрицу.

– В соответствии с расписанием, нам пора трогаться, – и он подул в свисток. – По вагонам! – крикнул Дик на весь перрон.

Когда королевская свита собралась, чтобы сесть в бронированные вагоны, прицепленные к Железной Ласточке, не привлечь к себе всеобщего внимания было невозможно. Сам паровоз был эффектным, а пассажиры слишком необычными даже для такого города, как Земфис. Там были гномы: король-под-горой и его телохранители, секретарь Арон и Грох Грохссон. Были подозрительно темные тени, которые намекали на присутствие темных клерков. Были особые представители Стражи^[71]. Были гоблины, которые забирались в сторожевой вагон, прицепленный с хвоста поезда. А перед сторожевым вагоном была прицеплена платформа, на которой разместились констебль Флюорит, оборудование и багаж, не уместившиеся под крышей.

Железная Ласточка была уже хорошо под паром, и люди тонули в белых клубах. Механики отправились на финальный обход поезда, и Ваймс ушел с ними. Потом раздался пронзительный свисток и последовал короткий танец на стрелках, который всегда исполняла Железная Ласточка перед тем, как набрать скорость. Из каждого окна выглядывали лица, и специальный экспресс-поезд до Убервальда начал демонстрацию того, на что он был способен.

Местные легенды о Сосцах Сциллы гласили, что этот кряж образовался, когда одна гигантская гора раскололась, оставив после себя предательскую паутину изломанных ущелий (часть которых была вечно затоплена), с шапкой из восьми неприступных вершин, которые словно парили в сыром от туманов воздухе в окружении радуг. После случая с бумерангом Мокриц не горел желанием любоваться на вершины вблизи, но

землемеры Дика превзошли самих себя. Железнодорожные пути прокрались между скалистыми ущельями, и поезд величаво поднимался все выше и выше, оставляя Земфис далеко позади в знойной ряби горного воздуха.

На полпути к угрюмому переезду между двумя самыми высокими вершинами поезд выполз из огромного естественного туннеля и попал в калейдоскоп из радуг. Это очень отвлекало даже тогда, когда люди не швыряли тебе в голову разные предметы.

Без предупреждения перед поездом грохнулся булыжник и прокатился по рельсам, разбившись в овраге с другой стороны. Потом сзади поезда послышался еще один удар. Поезд жутко содрогнулся и продолжил путь.

Мокриц поднял голову и увидел гномов, которые пристроились на утесах по обе стороны каньона и целились булыжниками в поезд. Было слышно, как командор Ваймс ругался и выкрикивал команды в соседнем вагоне. Слова терялись среди грохота новых, еще больших камней, градом сыпавшихся на состав, который двигался вперед медленно, как недоверчиво ступающая старушка.

И Мокриц подумал: «Это конец». Даже если дорога впереди не повреждена, никакой нормальный двигатель не выдержит такой бомбардировки. А потом он заметил, что Железная Ласточка медленно, но верно разгонялась, несмотря на камни, которые не прекращали падать с неба.

Мокриц не сдержался. Он закричал всем, кто мог его услышать:

– Камни отскакивают! Это сорортаний! Он поглощает удар и отбивает камень обратно!

Тем временем в хвосте поезда констебль Флюорит, стоя на своей платформе и мягко покачиваясь в такт движению, громогласно сыпал троллями угрозами, а потом протянул руку и выхватил нападавшего из укрытия, расположенного слишком близко к путям. Когда к нему присоединился Детрит, вандалы быстро сообразили, что кидаться камнями в троллей было напрасной затеей. Те в буквальном смысле находились в своей стихии и попросту ловили булыжники как мячики и с лихвой возвращали туда, откуда они прилетели.

Выглядывая из разбитого окна, Мокриц увидел стайку гоблинов, которые покидали поезд, успел подумать: «Ха, кто бы сомневался, что эти паразиты первыми сбегут с тонущего корабля», – и мысленно одернул себя. Это все детские сказки виноваты. А если смотреть на вещи трезво и с каплей понимания, то становилось понятно, что гоблины поднимались к глубинникам, засевающим в утесах, и, ныряя под многослойные гномьи

одеяния, поколачивали их за милую душу. Гномы быстро усвоили, что очень сложно сосредоточиться и оказывать попытки сопротивления, когда у тебя в трусах гоблин.

Из-под локтя Мокрица вдруг вынырнул Из Сумерек Темноты. На нем красовался шлем, который был ему не по размеру и свободно крутился на голове. Гоблин сунул одну руку в засаленное тряпье, которое он называл курткой, и принял позу.

– Красота, правда? Всегда целься по яйцам.

Гномы вопили, иногда фальцетом, теряли равновесие и падали кто под колеса поезда, кто в воду, все продолжая бороться с вертлявыми гоблинами.

Когда Железная Ласточка на полном ходу преодолевала очередной поворот, голова состава вместе с угольным тендером оказалась в поле зрения Мокрица, и он с ужасом увидел двух глубинников, ухватившихся за решетку. Крепко встать на ноги им мешал почерневший от сажи кочегар, который отважно защищал подступ к кабине, смертоносно размахивая лопатой. Среди хаотично дерущихся тел Мокриц разглядел, как кочегар избавился от одного глубинника, сбросив его с паровоза. Сокрушительный удар лопатой положил конец второму гному, и кочегар скрылся из виду. Эта незамутненная четкость движений вызывала легкую тревогу. «Может, это и есть легендарный кочегар Блейк», – подумал Мокриц, а потом мимо просвистел еще один камень, и он нырнул обратно в вагон.

Наконец обстрел кончился. Пройдя по поезду, Мокриц нашел короля-под-горой в одном из бронированных вагонов вместе с Грохссоном и остальными. На бороде короля была кровь.

– Враг повержен или пустился в бегство, – сказал король. – Раненые будут взяты на борт и посажены под замок, а добрый командор наверняка заставит их разговориться, как будто они его лучшие друзья. Есть у него такой талант.

Когда Мокриц вернулся в сторожевой вагон, командор Ваймс мило беседовал с грагами и их спутниками. Он говорил очень тихим, очень *сочувствующим* голосом.

– Я могу войти в ваше положение. Очень обидно оказаться на вашем месте, особенно когда зачинщики наверняка удрали в закат.

Мокриц не уставал поражаться. Из уст матерого командора словно мед тек. Он продолжал:

– А в знак нашей дружбы ты можешь назвать мне имена. Люблю имена. Они как музыка для моих ушей.

И Мокриц подумал: «Вот он мед, и вот – жало».

Ваймс с добрым видом крестного дядюшки записывал имена, по углам вагона людей бинтовали, мыли и кормили.

И вот, побитая, но не побежденная, Железная Ласточка дала свисток и стремительно набрала ход, покидая Сосцы Сциллы и направляясь в Убервальд. Гоблины были повсюду: они слесарничали, прибирались, смазывали, затягивали, подчищали и почти перестраивали ее на ходу, и Мокриц не мог не отметить, что ни одного из них Железная Ласточка не превратила в розовую дымку. Королева локомотивов дорожила своими подданными.

Взбудораженный засадой, Мокриц совершенно потерял счет времени, однако он решил, что пора пить чай. Это занятие было прервано, когда послышался визг тормозов, за которым последовал толчок, и вся посуда рассыпалась по полу. Это машинист налег на рычаг аварийного торможения, что ни много ни мало заставило железо с воплем тереться о другое железо. А потом поезд замер, и опрокинулось все, что до этого осталось неопрокинутым. Потом с хвоста поезда послышался голос Флюорита:

– Я подумал, что надо тормознуть. Извиняюсь, если что не так.

Мокриц поспешил к платформе тролля.

– Ты что же это, в одиночку остановил поезд? – удивился он и подождал ответа. Когда ты разговаривал с Флюоритом, ждать приходилось подолгу.

Наконец тролль связал нужные слова и, добившись удовлетворительного результата, произнес:

– Извиняюсь, господин фон Липвиг, если я что-то сломал, можешь все вычесть из моего жалованья.

– Это не понадобится, – ответил Мокриц. Он высунулся, чтобы посмотреть на рельсы впереди паровоза. Дик соскочил с подножки и тоже вышел посмотреть.

– Здесь дети! – прокричал он.

Мокриц спрыгнул на пути и подбежал к Дику.

– Дик, предоставь это мне, я разберусь, – сказал он, приближаясь к паровозу. При меркнувшем свете дня он увидел на путях неподалеку от поезда несколько детей. Они размахивали передниками и, видимо, пытались остановить поезд.

Старшей в компании оказалась девочка, она была хорошо одета и чуть не плакала.

– Там обвал, господин, – выпалила она.

– Где?

– Вот за тем поворотом, – сказала девочка.

Мокриц зашагал по рельсам, взгляделся в темноту впереди и действительно увидел груды старой древесины и булыжников посреди еще каких-то обломков. И его озарило. Он старательно сделал грозное лицо и обратился к девочке:

– И как тебя зовут, барышня?

– Эдит, – протянула она, но не слишком уверенно. Мокриц видел, что ей еще незнакома преступная жизнь.

Мокриц подманил девочку ближе.

– Эдит, прости мне мою подозрительность, но интуиция подсказывает, что этот маленький план был придуман для того, чтобы вы, маленькие храбрецы, могли спасти поезд от столкновения и стать героями, я прав?

У детей сразу же сделался несчастный вид, но вечный проходимец в его душе заставил Мокрица сказать:

– Что ж, находчиво, но если об этом услышит лорд Витинари, вы все пообщаетесь с котиками.

Девочка заулыбалась:

– Ой, какая прелесть. Я люблю котиков.

– Это ты сейчас так говоришь, но вряд ли тебе понравится Седрик, который идет с ними в комплекте... Лично я в восторге от вашей изобретательности, но ведь люди могли пострадать. – Он повысил голос. – Вы хоть представляете себе, что это такое – крушение поезда? Рельсы скрипят, люди в вагонах кричат, а если взорвется котел, огнем выжжет всю округу! И ты, девочка, и твои друзья были бы в этом виноваты. Вы бы убили полный поезд людей.

Тут ему пришлось остановиться, потому что девочка побелела как полотно. И, как подсказывало ему чутье, слегка описалась от страха. Она перестала плакать напоказ, но была потрясена и вусмерть перепугана.

Мокриц добавил уже тише:

– Да, вот сейчас ты представила все это в красках, и, может быть, когда тебе снова придет в голову нечто подобное, ты вспомнишь, что однажды чуть не убила очень много людей.

Эдит тоненьким голоском произнесла:

– Мне очень жаль, я больше не буду.

Мокриц возразил:

– На самом деле ничего не произошло. И все же постарайся, чтобы это и не случилось впредь ни здесь, ни где-либо еще. Я понятно объяснил?

Взмокшая и перепуганная, Эдит бессильно проблеяла:

– Да, господин, – и Мокриц услышал подлинное раскаяние.

Он заглянул в ее обнаженное личико и сказал:

– Машинисту я все объясню. А вот на твоём бы месте я взялся за карандаш и превратил все твои хитроумные идеи вроде этой в книжку-другую. Такие бульварные ужастики пользуются большой популярностью на привокзальных развалах. Говорят, на них можно хорошо заработать, и с Седриком знакомиться не придется. Да, и прекращай махать передником на людей. В темноте может сложиться неправильное представление. Итак, где же ты живешь, барышня? Я не видел здесь никаких поселений, только глухой лес.

Она сделала реверанс. Самый настоящий. И с заплаканными глазами сказала:

– Мы живем в домах на железной дороге, у колонки и угольного бункера.

– А твой отец сейчас дома?

Девочка снова побледнела, но нашла в себе силы ответить:

– Да, господин.

– В таком случае, пока рабочие разбирают завал, я бы хотел с ним познакомиться, если ты не возражаешь.

Эдит робко повела его к железнодорожному домику и познакомила Мокрица с дородным, но бодрым на вид человеком, который сидел за столом, поедая хлеб с сыром и запивая пивом.

– Это мой папа.

Человек отложил ломоть сыра и сказал:

– Не могу пожать руку, господин, весь в сыре, где не в мазуте. Звать Несмит.

– Что ж, господин Несмит, может, твоим детям стоит пойти погулять, пока мы с тобой немного поболтаем.

Эдит с остальной ребятней убежали в считанные секунды, и Мокриц сказал:

– Ты же слышал визг тормозов?

– Да, господин, слышал и отправил Джейка и Хамфри посмотреть, что случилось, а то я только со смены домой вернулся.

– Господин Несмит, поздравляю тебя с тем, что у тебя такие опрятные и грамотные дети, но вынужден сообщить, что они были в полушаге от того, чтобы вывести из строя новейший экспресс до Убервальда, и это еще в лучшем случае.

Несмит изменился в лице, мигом вообразив будущее без работы и пенсии, зато, возможно, с судимостью. Масляные слезы покатались по его

лицу, и он спросил:

– Никто не пострадал? Если кто-нибудь пострадал, уж я им задам перцу.

– Разбилось несколько чашек. И мы не сможем продолжать путь, пока не расчистят пути.

Его большое круглое лицо перекошилось.

– Я помогу, господин, я с этим помогу, но я такого перцу им задам, слово даю.

– Нет, господин Несмит, ничего подобного. Если ты позволишь себе распускать руки, то я сделаю все, чтобы ты за это ответил. Лучше послушай. Из-за них могла случиться страшная авария, но главное, что все обошлось. Они хотели выйти храбрецами, если я правильно все понял, и детей нельзя в этом винить. Однако железная дорога – не песочница. Ты это понимаешь, господин Несмит? Так что я бы на твоём месте взял инструменты, твоя сейчас смена или нет, и помог расчистить пути. И береги свою старшую. Когда-нибудь её богатое воображение принесет вам много пользы.

Охулан-Куташ манил. Мокриц знал, что это славное местечко: небольшой торговый городок с провинциальными фермерами и дровосеками. И еще шахтеры – гномы и люди теперь нередко работали на одних шахтах и разрабатывали одни залежи. Город был достаточно велик, чтобы там был свой мэр, а жители – достаточно умны, чтобы завести таверну, которая называлась «Загадка скрипача». Очевидно, сюда еще не успели добраться текущие неприятности.

Когда состав подтянулся к перрону вскоре после полуночи, Мокриц совсем не ожидал увидеть оркестр, и флаги, и народные танцы, и ярмарку. Все это было организовано, чтобы торжественно встретить первый настоящий поезд на специально построенной станции, и продолжалось уже несколько часов.

И как только Железная Ласточка замерла, испустив напоследок шипение, господин Скиллер, хозяин «Загадки скрипача», он же по совместительству мэр города, взял слово, предлагая пассажирам почувствовать себя как дома в их городе. Нет, это не какой-нибудь рядовой захолустный городишко, во всяком случае, не в глазах его мэра. Они вот-вот поравняются с Анк-Морпорком. Мокриц решил побиться об заклад с самим собой, что очень скоро будет сказано что-нибудь про карты.

И, разумеется, мэр, большой и румяный, как и положено порядочному мэру, сказал, когда Мокриц сошел на перрон, глядя под ноги, чтобы никуда

не провалиться:

– Будьте уверены: теперь Охулан-Куташи появится на карте. Мы уже готовим место для таверны побольше и даже с удобствами. – Он серьезно посмотрел на Мокрица и добавил: – В наши дни удобства нужны всенепременно. Мы сами оплатили себе городскую семафорную башню. Наш город очень современный.

Мокриц окинул взглядом мощенную булыжником городскую площадь, которая лежала в двух шагах от платформы. Конечно, было бы лучше, если бы все это происходило не посреди ночи, но мэра время ничуть не смущало, и он радостно объяснял скучковавшимся пассажирам, где находятся все замечательные достопримечательности, которые они обязательно увидели бы, будь сейчас светло.

Мокриц с искренним сожалением ответил:

– К сожалению, мы никак не можем долго задерживаться. Нельзя отставать от графика.

Мокриц не соврал: прямо сейчас из колонки качали воду, в кабину машиниста с грохотом пересыпали уголь, но ничто не могло погасить буйного гостеприимства мэра.

– Но мы хотели устроить мэрский банкет!

– Хм... Я отлучусь на секундочку, господин мэр, прошу прощения.

Мокриц расспросил Дика о следующем этапе их пути, потом перебросился парой слов с Ваймсом, который согласно кивнул и тихо сказал:

– Разумно. Неплохо было бы поесть за столом, который не трясется. И ничего нет дурного в том, чтобы поощрить местный патриотизм. Мэр человек достойный, и у них есть что-то вроде своей Стражи. Два стражника, и не слишком плохих, я-то знаю, потому что лично занимался их подготовкой.

Мокриц вернулся к встречающим, приобнял энергичного краснолицего мэра и сказал:

– Ну что ж, уверен, что мы как-нибудь выкроим время для скромного банкета, пока тяжкое бремя расписания не заставило нас продолжить путь.

Они оставили Дика с его коллегами-инженерами на станции, где они ждали прибытия запасного Скорого, который покинул Земфис несколькими часами позже Железной Ласточки. Король и Арон остались в поезде под надежной защитой бронированных стен, заниматься бумагами и планировать возвращение в Убервальд. Остальные члены королевской свиты вместе с мэром зашагали по площади в гостиницу.

Город очень старался. Святая уверенность мэра в том, что мир

вращался вокруг их городка, ну или вращался бы, если бы хоть иногда к ним заглядывал, распространялась и на его налогоплательщиков, которые хлопотливо подогревали диковинные блюда, приготовленные к подаче несколько часов назад. И проявляли огромное сочувствие, особенно после рассказа Мокрица о происшествии в горах. Он, конечно, навел на события немного лоска, для чего еще, в таком случае, существовал лоск? Его история подействовала даже на участников событий, а Из Сумерек Темноты в какой-то момент встал и отвесил поклон.

А Мокриц, не удержавшись, указал на гоблина и объявил:

– Из Сумерек Темноты и его доблестные товарищи проявили большое мужество, сражаясь рядом с командором Ваймсом.

А потом Мокриц взглянул на командора, который затянулся сигарой и сказал:

– Превосходные бойцы, все до последнего гоблина.

– А мы здесь любим гоблинов, – сказал мэр. – Они управляются с нашей клик-башней. И знаете что, нашествия улиток на грядки капусты порея сразу прекратились, когда они у нас появились.

Подняли еще один тост за клики, отдельно отметив заслуги гоблинов. К тому времени, как вся процессия двинулась обратно к Железной Ласточке, местные девственницы успели засыпать паровоз цветочными лепестками^[72]. Скорый уже приехал и уехал с командой инженеров на борту, к которым присоединилась Шелли Задранец, снова в роли подсадной утки, и другие хорошие бойцы. Сейчас Скорый был уже на пути в Утолежку, выступая первопроходцем и сметая врага с пути.

Когда Железная Ласточка, пуская клубы пара, покинула Охулан-Куташ, пассажиры в большинстве своем отправились спать. Мокриц уступил предоставленное ему спальное купе двум раненым, а сам устроился в сторожевом вагоне, где было достаточно комфортно, особенно если Детрит не храпел, а ты уже устал как собака. Всю свою жизнь Мокриц ухитрялся спать в любых обстоятельствах. К тому же сторожевой вагон каким-то образом оказался сердцем их состава. Но Мокриц всегда спал очень чутко, хотя сам не знал, как ему это удавалось. И сейчас он сквозь сон наслаждался привычными звуками дороги, убаюкивавшими его вплоть до того момента, пока Мокрица не вышвырнуло обратно в реальный мир очередным недовольным скрипом колес и истошным визгом тормозов.

За окном было еще темно. Мокриц сонно преодолел тамбур и стал пробираться дальше. В вагонах хлопали двери, топали ноги. Наконец он добрался до бронированного вагона короля. Там никого не было.

Гном-охранник сказал:

– Король вышел к машинисту, – вид у него был пристыженный. – Я просил, чтоб он позволил мне пойти вместе с ним, но что поделаешь? Он же король.

– Ничего, – ответил Мокриц. – Главное, не сходи с поста. А я пойду и посмотрю, что происходит.

Он знал, что на этот случай должны быть какие-то правила, но куда делся король? Одни проблемы с этой знатью. Какими бы нормальными и понимающими они ни были, они всегда считали, что правила безопасности и прочая чепуха созданы не для них.

Не зная что и думать, Мокриц соскочил на рельсы и побежал вдоль состава к паровозу, где увидел короля. Тот разговаривал с Диком Кексом, который стоял на площадке и все гуще покрывался копотью.

Впереди на путях виднелось бледное пламя, и у Дика было хмурое выражение лица.

– Хорошо, что король был со мной, потому что подставной Скорый перед нами сошел с рельсов, и нас постигла бы та же участь, если бы не он. Он видит в темноте!

– Командор Ваймс, – сказал король запыхавшемуся Ваймсу, который как раз присоединился к ним. – Ты из людей лучше всех знаешь, как зрение привыкает к темноте. Впереди был долгий прямой участок, и Дик не видел помехи, но я успел заметить. Там могут быть раненые.

И король бросился бежать навстречу огню, принимая традиционный вид атакующего гнома, который бежит на врага и размахивает всем оружием, какое может удержать. Но Ваймс кинулся следом и повалил короля на землю ровно в тот момент, когда взрыв сотряс деревья и отозвался эхом в горах. Это взорвался котел Скорого. Теперь перед ними был только теплый туман, и лишь изредка раздавался лязг поврежденного металла.

Ваймс поднял короля на ноги.

– Извиняюсь за оскорбление вашего величества, хотя вам ли не знать, что мы, Ваймсы, в прошлом и не такое себе позволяли. Надо было меня слушать. Всему экипажу подсадного Скорого было велено в случае нападения бежать куда глаза глядят, предварительно удостоверившись, что аварийная втулка котла стянута.

– Ты прав, Дежурный по Доске. Как легко мы возвращаемся к привычкам в чрезвычайных ситуациях. Сожалею, что доставил лишние хлопоты.

– Будет урок паршивцам, – сказал подскочивший к ним Дик, переводя дыхание. – Пусть дважды подумают, прежде чем еще раз соваться к моим

поездам.

Экипаж Скорого отыскался в неглубоком овраге, куда все укрылись от взрыва. Некогда там жили лягушки. Они жили там и сейчас, и несколько телохранителей поднялись из болотца в порванной грязной одежде, которая иногда подпрыгивала, но Шелли Задранец оставалась так же задириста, как и предполагало ее имя.

Грагов не было видно, но, пока Мокриц смотрел по сторонам, с одного дерева упала рука, мертвой хваткой сжимающая палицу. И повсюду, если хватало духу посмотреть (по правде говоря, никому не хватало, но все смотрели), были признаки того, что граги, глубинники и другие твари из темных пещер обрели здесь вечный покой, хотя бы в том смысле, что взрыв котла сделал из них покойников уже навечно.

Из темноты показался Детрит.

– Один или два еще где-то там. Больше нет. – он со звонким лязгом опустил на землю нагрудник кирасы.

– Все в порядке, ребята? – спросил Дик своих инженеров. – Жаль Скорый. Сердце кровью обливается, когда приходится убивать локомотив. К тому же нет теперь у нас ни разведчика, ни запасного двигателя. Сейчас нужно расчистить пути, а остатки подберем на обратной дороге. Мы построим новый Скорый. В конце концов, мы же хорошо набили на них руку. Только смотрите, найдете любой кусочек микрокольчуги, вот вроде этого, – он указал на руку, сжимающую топор, – тащите все ко мне. Зуб за зуб, так сказать. Трофеи для Железной Ласточки.

В сером предрассветном свете тролли расторопно расчищали дорогу. Мокриц наблюдал за их движениями, как вдруг заметил существ, снующих в темноте. Потом тоненький печальный голосок в районе его стопы произнес:

– Пожалуйста, не обижай нас, господин, пожалуйста! Мы тут живем, мы лилипуты, мы башмачники, вот чем мы тут занимаемся, в этом лесу. Мы делаем древесный уголь и еще кое-что на продажу, по дереву работаем, мебель деревянная у нас замечательная, и мы стараемся не путаться ни у кого под ногами, но пришли гномы, и мы боимся, что опять настали плохие времена, – послышался вздох, и голосок продолжал: – Пойми, маленькие народцы – последние, кого берут в расчет, когда великие племена идут друг на друга войной. Я Хлоп, я говорю от имени и по поручению всех, кто прячется в этих горах, потому что мы умеем прятаться. Мы долгие годы оттачивали наше мастерство. Чем мы можем помочь вам?

– Лилипуты! – воскликнул король рядом с Мокрицем. – Я уже сто лет

о них не слышал! Когда-то их было полно.

«Да, – думал Мокриц. – По этим маленьким человечкам топчутся, оставляют их плестись в хвосте, как гоблинов! О, если бы у них нашелся свой заступник, как Из Сумерек Темноты или Слезы Гриба с ее дивной арфой, тогда весь мир услышал бы о лилипутах». Но он смотрел на Хлопа и понимал, что лилипуты прошли все жернова, которые смололи из них мелкую крупку; они были рады выпасть из всеобщего поля зрения и теперь подкатывались к безрадостному забвению.

Король не сводил глаз с лилипутского делегата.

– Я так и знал, что вы прячетесь где-то здесь, в этих лесах. Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросил он.

– Оставили бы вы нас в покое, ваше высочество. Пусть вас тут не станет. Вот и все, чего мы хотим. Чтобы нас не трогали. Чтобы мы жили своей жизнью и чтобы мы вообще жили, – отрывисто заключил лилипут.

Король отступил назад к рельсам, положил ладонь на Железную Ласточку, которая все еще плевалась паром, и произнес со всей серьезностью, будто давал присягу (вероятно, так оно и было):

– Я знал о вашем народе с самого детства. И с этого момента вы можете жить в этих лесах так, как вам нравится, и я буду первым защищать ваше право на это. – он обвел взглядом свою команду и сказал: – Мы должны двигаться дальше. Между нами и Убервальдом все еще немало миль.

Дик, который до этого горячо спорил с Уолли у водяной цистерны, нахмурился.

– Простите, ваше высочество, но у нас проблема. Здесь был склад для угля и воды, но его разворотили, и граги сорвали колонку и слили воду. Уголь у нас есть, но воды едва хватает, чтобы добраться до ближайшего депо. Двигатель без воды не работает. Нужно наполнить цистерну. – Он задумался. – И вообще, где все железнодорожники? Я специально так составил расписание, чтобы они всегда были готовы к нашему прибытию.

Хлоп прокашлялся.

– Мы слышали шум... Звуки борьбы...

Мокриц многозначительно посмотрел на Ваймса.

– Детрит? – окликнул командор. – Сможешь их разыскать?

Стражник со стуком отдал честь.

– Мы с Флюоритом сходим разведаем. Мы людей хорошо ищем. Это у троллей врожденное. Мы их найдем. Живыми или мертвыми.

Два тролля углубились в подлесок, и Мокриц с особой остротой ощутил, что с ними ушла львиная доля их физического превосходства.

Командор был невесел.

Маленький лилипут под ногами Мокрица подергал его за брючину, привлекая внимание.

– Мы можем помочь с водой, – сказал он. – Там за холмом хороший ручей, и нас сотни, и совсем недалеко, и мы мастерим добротные ведра, и думаю, за час-другой управимся и наберем вам полный бак.

И набрали.

Хлоп вынул из курточки свисток и дунул в него, и перед ними возникли сотни неотличимых маленьких лилипутов. Не вышли, не свалились с неба, не выскочили из-под земли. Просто появились, и у каждого было по два ведра в руках. Несмотря на размер, лилипуты явно отличались физической силой. Дик наблюдал, как они бегают до цистерны и обратно, и приглядывался к их крепким башмакам.

– Эй, господин лилипут, вы сами такие башмаки делаете? Я не потешаюсь, просто я таких огромных башмаков на таких маленьких человечках отродясь не видал. А вы знаете, мы столько ходим по путям и по золе, и боги, как же быстро снашивается наша обувь. Ну, ты сам посмотри. В любую погоду я их ношу. Ты говоришь, вы башмачники. А по металлу вы тоже работаете? Потому что ежели да, то нам очень нужны такие ребята, чтобы сработали нам добротные башмаки для железнодорожников. Я до смерти буду вам обязан. Башмаки для парней, которые день-деньской ходят туда-сюда, должны быть долговечными.

Хлоп просиял.

– Дайте нам нужные мерки, и мы мигом организуем вам образец. И к твоему сведению, господин инженер, мы не маленькие человечки. Мы больше изнутри, чем снаружи.

Он прервался, когда из леса вышел Детрит, напоминавший своим видом что-то первобытное. За ним вышел и Флюорит, выполнявший роль тяжелой артиллерии. Флюорит бережно сложил на землю два трупа и покореженную колонку.

Рыс Рыссон чертыхнулся при виде мертвых тел, а Дик расплакался. Но утро уже наступило, и время не ждало. После короткого совещания с командором Ваймсом и королем-под-горой было принято решение уезжать. Когда все заняли свои места в поезде, Мокриц и Дик попрощались с лилипутами.

– Пожалуйста, позаботьтесь тут обо всем и похороните этих ребят с почестями, с надгробным камнем, – попросил заплаканный Дик. – И если вы можете как-нибудь починить колонку...

Хлоп снова улыбнулся:

– Это же просто металл. Я разве не говорил, что мы еще и жестянщики? Как пить дать, все починим.

– Стало быть, отныне, – вмешался Мокриц, – ты и твои люди работаете на железную дорогу, а значит, вы работаете на Гарри Короля, а сэр Гарри не любит, когда с его сотрудниками случается что-то плохое, поверь мне на слово. В будущем здесь часто будут ходить поезда, и я подозреваю, в вашей жизни значительно прибавится работы. Я поставлю Гарри в известность, что вам потребуется вознаграждение.

– Какое еще вознаграждение? – не понял маленький жестящик.

– Там узнаете, – ответил Мокриц.

Железная Ласточка тронулась в Утолежку, а липуны выстроились в рядок и еще долго махали вслед своими крошечными платочками даже после того, как поезд скрылся из вида.

Рыбача тем днем на озере Скок, господин Джоффри Индиго несколько удивился, когда вода в озере вдруг взяла, побулькала и исчезла, оставив после себя лишь трепыхающуюся рыбу, удивленных лягушек и одну привлекательную нимфу, которую такой поворот очень разозлил, и она плюнула в Джоффри, словно это он был виноват. Но Джоффри, написавший популярную книгу «Ловля на живца при любой погоде», решил сохранять спокойствие и подумал, что такой феномен стоит отметить на следующем собрании Общества рыболовов Скока.

Он тщательно почистил снасти и убрал все за собой, а потом услышал журчание и удивился во второй раз, когда дыра в пейзаже стала снова наполняться водой. Пока он изумленно наблюдал за этим, нимфа снова плюнула в него, отчего Джоффри почувствовал себя слегка обиженным. И, хлюпая ногами по дороге домой, он думал, поверит ли ему кто-нибудь.

Когда позднее он пересказал жене события своего странного дня, она только фыркнула:

– Не стоило тебе, Джоффри, брать с собой на рыбалку флягу с бренди!

– Я и не брал, – возразил Джоффри. – Она стоит на серванте, где и всегда!

– Тогда никому больше такого не рассказывай, – решила жена. – Мы же не хотим, чтобы тебя сочли чудаком.

Меньше всего Джоффри можно было назвать чудаком, если только разговор не заходил о рыбалке, и в итоге он решил ничего не рассказывать. Потому что никому неохота выставлять себя на посмешище...

Мокриц уже начинал беспокоиться за Дика Кекса и его команду

перетрудившихся инженеров. Если выдавалась минутка для сна, они залезали в спальные мешки и сворачивались калачиком на вагонных скамьях. Они ели, но ели мало. Их подгоняли только стрелки на часах и страстное желание достигнуть цели. За пределами кабины машиниста они только и говорили, что о механизмах, о колесах, о графиках, но Мокрицу было очевидно, что они выбились из сил за эти бесконечные дни, которые провели на площадке, сражаясь с разнообразными капризами паровоза.

И он решил поговорить об этом с Диком.

– Мы же можем позволить себе немного сбавить темп, чтобы вы с ребятами хоть чуть-чуть перевели дух? Насколько я понимаю, мы обгоняем график.

И в глазах Дика Мокриц увидел не безумие, но чувство более тонкое. Он был уверен, что для этого чувства не существует названия. Оно было похоже на голод по чему-то новому, и сверх того – на желание доказать, что любая вещь может усовершенствоваться до предела и остаться на этой высоте. Такое сплошь и рядом встречалось среди гоблинов, но гоблинам это не шло во вред. Люди были иными существами.

– Они не выдержат, если и дальше продолжать в том же духе, – втолковывал Мокриц Дикю. – Вы все хотите только работать и совсем не спать! Клянусь, иногда мне кажется, что вы такие же механические, как Железная Ласточка, но так не должно быть, вам нужно хотя бы вздремнуть. Не будете отдыхать сейчас – отдохнете на том свете.

Внезапно Дик взвился и налетел на потрясенного Мокрица, как дикий зверь.

– Кто ты такой, чтобы это говорить, а, господин Мокриц? – почти рычал он. – Что ты создал, что построил, над чем радел? У тебя-то, я вижу, ногти все целы. Ты красиво говоришь, это правда, но что ты создал? Что ты есть?

– Я, Дик? Я, если уж на то пошло, мазут, который заставляет колеса крутиться, умы – меняться, мир – вращаться. Или еще можно сказать, что я повар, но в особом роде кулинарии. Вроде твоей счетной линейки: что-то нужно подвинуть на строго определенное расстояние и в определенный момент, и ты получишь нужный ответ. Короче говоря, Дик, я тот, кто делает идеи реальностью. Включая твою железную дорогу.

Юноша покачнулся, и Мокриц заговорил мягче:

– И я теперь вижу, что в мои обязанности входит еще и напоминать, что тебе нужен отдых. Ты выдохся, Дик. Мы неуклонно движемся к Убервальду, и, поскольку за окном светло и горы остались позади, сейчас можно без особого риска обойтись минимумом экипажа. Нам понадобятся

все силы, когда мы подойдем к перевалу. Ты ведь можешь сделать перерыв?

Дик заморгал, как будто впервые видел Мокрица.

– Да, ты прав, – пробормотал он.

У Дика стал заплетаться язык, но Мокриц заметил это, и подхватил парня прежде, чем тот свалился с ног, и оттащил в спальное купе, где уложил его на кровать, и подумал, что Дик не столько провалился в сон, сколько вплыл в него. Сделав дело, Мокриц вернулся в сторожевой вагон. Ваймс пил кофе и внимательно перечитывал материалы допроса захваченных гномов, которые в неволе запели как образцовые канарейки.

– Командор Ваймс, можно тебя на минуточку?

– Какие-то проблемы, господин фон Липвиг?

– Механики работают без остановки, и им кажется, что никогда не спать – это дело чести.

– Молодежь всегда приходится этому учить. Без конца им твержу: берегите ночной сон. Спите всегда, когда есть возможность поспать.

– Это правильно, – сказал Мокриц. – Ты только посмотри на них. Непрерывно крутятся со своими линейками и изводят себя, пытаясь водить вселенную за нос.

– Тут ты прав, – согласился Ваймс, поднимаясь из-за стола.

Вместе они прошли по поезду, из-под палки заставляя инженеров хотя бы вздремнуть под угрозой гнева Гарри Короля. Пару раз Мокриц предлагал Из Сумерек Темноты напоить их каким-нибудь оздоровительным зельем. Но, разумеется, не всех сразу, а то мало ли. Никогда не знаешь, когда может понадобится инженер.

Пока Альбрехт Альбрехтсон сидел в камере, у него было полно времени, чтобы обдумать стратегию Пламена. Тот был зеленым еще юнцом^[73], но уже проявил себя как ушлый манипулятор, ищущий выгоды во что бы то ни стало и любыми средствами. Он как червь протачивал себе дорогу всюду, и Альбрехт понимал, что «червь» здесь было ключевое слово.

Быть узником Пламена было унижительно. Еда была хороша, питье тоже, хотя пиво было и не так крепко, как хотелось бы Альбрехту. Ему даже позволялось читать некоторые книги, если Пламен не считал их антигномьими – уже само это слово говорило все о напыщенном молодом выскочке, у которого молоко еще на бороде не обсохло, а ему уже не терпелось наложить лапы на целый Шмальцберг со всеми его наваристыми антигномьими шахтами.

И в этой тесной темнице Альбрехтсону приходилось терпеть

своекорыстные рассуждения Пламена о роли короля-под-горой. Какая дерзость! Читать нотации ему, передовому специалисту в этом вопросе. Но злиться было рано. Злость была оружием, которое нужно отточить, и беречь, и использовать только в самый подходящий момент. Его размышления были прерваны, когда с каменной лестницы послышался шум. Самодовольный дурак снова пришел к нему, чтобы переманить на свою сторону.

Конечно, поначалу Пламен вел себя как давний приятель, который зашел пожевать крыс, но по ходу разговора Альбрехтсон замечал, как пружины приличия ослабевают и перестают его сдерживать. В конце концов, Пламен противостоял своему правителю, такое не делается с легким сердцем – такое вообще не делается. Пламен должен был отдавать себе отчет в том, какая кара постигнет всех, кто поднимет оружие на короля-под-горой. Несмотря ни на что, где-то в этой голове прятался крепкий ум, который сослужил бы хорошую службу всему гномьему роду, и еще мог ее сослужить, даже если сейчас он и принимал огарки за золото. Не секрет, что гений и безумство часто идут рука об руку.

Ключ провернулся в замке. Пришел Пламен, и выражение его лица не на шутку напугало бывшего наставника. Только тот, кто повидал жизнь, мог почуять такое, но по взгляду всегда можно определить, если кем-то движет идея. Такие типы имели холодно-липкий вид, точно такой же, какой был сейчас у Пламена.

Но Альбрехтсон все же отложил перо и спокойным голосом произнес:

– Как любезно с твоей стороны навестить меня. Насколько я понимаю, благодаря железной дороге король скоро будет здесь. Не правда ли, здорово?

В одном уголке рта Пламена выступила слюна, и он огрызнулся:

– Ты не можешь этого знать!

Альбрехтсон по-приятельски откинулся на спинку стула и ответил:

– Я научил тебя всему, что ты знаешь, юный гном, но я не научил тебя всему, что знаю я. У меня есть таланты, которые я тебе не передал.

– В них, верно, входит гадание. Только у меня есть доступ ко всей информации в Шмальцберге. Все семафорные башни бездействуют.

– Да, я слышал.

– Рыс Рыссон предает гномьи идеалы. И как ты не понимаешь, что ради процветания нашей расы я должен занять Каменную Лепешку! За мной большинство здешних гномов.

Альбрехтсон покрутил в руке перо и сказал:

– Наверное, они стоят за тобой, чтобы не видеть твоего лица, Пламен.

Ты не в себе, и твои дерзкие взгляды подведут тебя под суд, как только король ступит на землю Шмальцберга. Насколько я знаю Рыса Рыссона, он *может* проявить милосердие.

– Я так и думал, что ты скажешь что-нибудь подобное, но все уже сделано.

Альбрехтсон удивился:

– Ты в самом деле занял Лепешку?

На мгновение Пламен растерялся.

– Не так, чтобы... Но все под контролем. Осталось сделать самый последний шаг, и Рыс Рыссон может уйти на покой куда-нибудь подальше отсюда, обратно в свой Лламедос, например.

– Ну так сделай это прямо сейчас. Тебя ведь ничто не останавливает? Только король-под-горой должен быть избран, не так ли? Ты твердо уверен в своих силах? Ты абсолютно уверен, что твои последователи останутся верны тебе? Потому что мне доподлинно известно, что многие не останутся. Ну конечно, сейчас они порхают вокруг тебя и раздают массу обещаний, но поезд уже близко, скоро раздастся свисток перемен, и ты увидишь, что вдруг у них появятся другие дела, и они забудут, что когда-то говорили с тобой про Каменную Лепешку. Это происходит прямо сейчас, а ты и не знаешь.

Это был удар ниже пояса. Пламен сказал:

– Я попросил бы тебя вспомнить, что ты находишься здесь в заточении и единственный ключ у меня.

– Да. Но отнюдь не я из нас двоих обливаюсь потом. Ты удивишься, как много мне известно. Сколько клик-башен выросло на прежних местах, как грибы после дождя? И я знаю, что говорят анк-морпоркские гномы. Хочешь знать? Они говорят: «Почему у нас в Анк-Морпорке нет Каменной Лепешки? Ведь в Анк-Морпорке гномов больше, чем у них в Шмальцберге».

– Ты позволил бы нашей Лепешке находиться в этом богомерзком месте?

– Разумеется, нет. Но я и тебе не позволю сесть на Каменную Лепешку. Твои граги теряют последователей. Не из-за одних клик-башен и не из-за Анк-Морпорка, но потому, что новые поколения смотрят по сторонам и думают: зачем это все? как наши родители могли быть такими идиотами? А народ нельзя остановить так же, как нельзя остановить поезд.

Альбрехтсону стало даже немного жаль Пламена. Можно долго жить в сознательном неведении, но реальность, как змея, нападет и вонзит в тебя клыки.

– Посмотри фактам в лицо, Альбрехт Альбрехтсон. Ты и представления не имеешь, какая сильная у меня поддержка. Гномы должны оставаться гномами, а не подражать людям. Следовать за Рысом Рыссоном – значит, стать д’ркса, недогномом, даже хуже того.

– Да нет, это твой образ мыслей заставляет гномов чувствовать себя мелкими, зацикливает их на себе. Все эти заявления, будто малейшая перемена в том, что называется гномьим, – это какое-то святотатство. Я помню дни, когда кретины вроде тебя запрещали даже разговор с человеком. Но сейчас ты должен понять, что дело не в гномах, и не в людях, и не в троллях – дело в разумных существах, и вот тут докучливый Витинари выигрывает матч. В Анк-Морпорке можно быть кем угодно, и пусть кто-то посмеется, а кто-то – похлопает в ладоши, но самое прекрасное, что по большей части всем все равно. Это ты понимаешь? Гномы уже видели свободу. Она кружит голову.

Пламен отвечал, брызжа слюной:

– Как можешь ты так говорить, когда прежде ты был одним из величайших традиционалистов во всех шахтах?

– Я и сейчас такой. И большинство гномьих традиций возникало, чтобы обеспечить нашу безопасность, точно так же, как граги взрывали метан в традиционной плотной одежде, чтобы самим не сгореть заживо. Это закон шахты. К нему они пришли методом проб и ошибок. Традиции возникают не просто так. От них есть польза. Но почему-то ты и остальные не понимаете, что за пределами пещер мир другой. Да, я все так же чту особые дни, и дважды стучу в дверь, и следую всем заповедям Така. И почему? Потому, что они сплачивают нас, что делали и клик-башни, пока твои драгоценные глубинники не начали их поджигать. Горящие слова, умирающие в небе! Таким будет наследие гномов?

Он замолчал. Пламен побледнел, и его трясло. Но вдруг в его глазах сверкнул огонь, и он прорычал:

– Ты все не сдаешься, Альбрехт, но и я не сдамся. Ни с поездом, ни без него. Да он все равно никогда сюда не доедет. Мир не готов к паровому двигателю.

Он сверлил глазами Альбрехта, который ответил:

– Ну конечно, не готов. Но кое-чего ты не понимаешь. Мир также не был готов к семафорам, но сейчас он бьет тревогу, когда там случается пожар. И что-то мне подсказывает, что паровой двигатель тоже хочет остаться.

Вместо ответа хлопнула дверь и ключ провернулся в замке. Этот кретин запер его на ночь, чего Альбрехт и добивался.

Он знал, что снаружи была охрана, но, как и всякая охрана, она имела склонность засыпать или устраивать перекур на долгих ночных дежурствах, да и в любом случае стражники редко приближались к этой конкретной темнице, потому что никакой здравомыслящий гном не хотел действовать на нервы кому-то вроде Альбрехта. Даже если ты считаешь, что находишься на правой стороне, нельзя знать наверняка, кто выйдет победителем, а мелкие сошки в таких обстоятельствах всегда сгорают первыми...

Некоторое время спустя Альбрехт подобрал ложечку, которой ел свой ужин, и послышался тихий шорох каменной крошки, а следом за этим показался гоблин, который ухмыльнулся ему в темноте.

– Вот и ты, господин. Вот тебе клики, все от командора Ваймса. И бутылка лампового масла. А, и зубная паста, ты спрашивал. Велено передать, что поезд идет без приключений. Должен быть точно по расписанию.

На душе становилось легче, когда он слушал о неизбежном приближении Железной Ласточки.

Запах, идущий от гоблина, казался Альбрехту чем-то метафизическим. Когда он ударял в нос, невольно приходилось задуматься, не проникал ли запах гоблина каким-то образом не просто в ноздри, а непосредственно внутрь головы. Запах даже не был особенно плох. В нем присутствовали горькие нотки старого чулана и полыни.

Альбрехт взял свертки и быстро пролистал клики. Он давно привык быстро впитывать печатный текст. Потом он с интересом побеседовал с молодым гоблином – каста, от которой он прежде отмахивался как от лишней и даже считал источником многих неприятностей. Но гоблины оказались более рассудительными, чем многие его собратья гномы, особенно этот Пламен, и вызывало восхищение то, с какой легкостью они перемещались в темноте Шмальцберга и пускали в дело каждую крысиную нору перед тем, как пустить в дело и крысу.

Гоблин терпеливо ждал, пока Альбрехт составил пару записок от себя для передачи обратно в поезд. А потом старый гном сделал нечто, что удивило его самого.

Он сказал:

– Как тебя зовут, юный гоблин? Позволь испросить прощения за то, что не поинтересовался раньше. Прошу, извини старика, совсем отстал от времени.

Гоблин, застигнутый врасплох, ответил:

– Да, в общем, шеф, дело житейское, а звать меня Перестук Колес.

Мои друзья с железной дороги зовут меня Перри сокращенно. наших старших это страшно бесит.

Альбрехт протянул ему руку. Перестук Колес сделал шаг назад, а потом с опаской приблизился.

– Приятно познакомиться, Перестук Колес. У тебя есть семья?

– Да, ваша милость. Моя мать, Счастья Сердце, отец Неба Край и младший братик Вода Из-Под Колонки, – и еще через пару секунд гoblin добавил: – Вообще-то, господин, можно уже отпустить мою руку.

– Ах да. Пожалуй, мое имя должно звучать как Громом Пораженный. Всего наилучшего тебе и твоей семье. Знаешь, в каком-то смысле я тебе завидую. Но с делами пока закончено, и я просил бы тебя забрать эти бумаги, все, какие есть, и спрятать там, где никакой гном их не найдет.

– Мы чистим отходники, господин. Знаем много-премного мест, куда никто не суется. Завтра в то же время?

Завершив рукопожатие, гoblin скрылся в дыре, которая даже крысе показалась бы узкой. И когда шаги гоблина, карабкающегося вниз по норе, стихли, Альбрехт подумал: «А ведь я никогда не сделал бы этого раньше. Каким же я был дураком».

Госпожа Гвендолин Эвери из Шмарма проснулась посреди ночи от дрожи и дребезжания бесчисленных баночек с антивозрастными мазями у нее на тумбочке. А потом она сообразила, что весь дом сотрясался с ритмичным грохотом.

Когда она в мелодраматичных красках пересказывала этот эпизод своей подруге Дафне на следующее утро, она сказала, что как будто рота солдат промаршировала мимо. Она списала все на шерри-бренди, который выпила перед сном, а Дафна, памятуя о трагически незамужнем статусе Гвендолин, списала все на подсознательные желания.

Земли Утолежки были полутундрой-полупустыней, открытой всем ветрам. Короче, отмерший пейзаж, где не росло ничего, кроме переползиполя^[74] и редких скоплений сосен, шишки которых использовались как средство против меланхолии.

Там была вода, но текла она в основном под землей, а геологи и изыскатели спускали вниз ведра, чтобы набрать воды из глубинных пещер.

Чуть проще было найти воду на высокогорье со стороны Пупа, где с Вечноветреного ледника текли ледяные источники, благодаря чему там можно было разводить коз. И вот именно коз веками и разводила семья юного Кнута, и доила их, и ухаживала за ними. И когда козы ели то, что сходило за зелень на этих вершинах, он мечтал, что однажды перестанет

гоняться за козами по безжизненной земле. Поначалу ему нравилось это занятие, но он становился старше, и внутренний голос говорил ему, что где-то есть лучшая жизнь, чем следить, как обедают козы... однажды, дважды, а то и трижды. Иногда они корчили рожи и этим развлекали его, и Кнут даже смеялся. И все же что-то тянуло его и настаивало, что коз недостаточно.

И вот однажды, когда громкий шум огласил тундру, он побежал посмотреть, откуда доносился этот волшебный звук, и увидел сверкающую линию, ползущую змеей по местности в раннем утреннем свете – и она направлялась в его сторону. Кнут подумал, что, наверное, это как-то связано с теми странными металлическими палками, которые несколько недель назад группа людей осторожно прокладывала по всей тундре вдоль подножия гор. Он выполнял поручения для этих рабочих и продавал им матушкин сыр, но совсем не понимал, что именно они делали, а поскольку козы осторожно переступали через железные палки и им ничего не было, он перестал задавать себе эти вопросы. Но из того, что сказали те парни, Кнут понял, что все это было ради удивительной штуки, которая могла объехать весь мир на силе пара, и сейчас он хотел узнать побольше об этом поющем звере, который рассекал тундру, время от времени отплевываясь огнем.

Оставив коз без присмотра, Кнут сполз со склона туда, где воздух был теплее, и пошел на звук, который привел его к огромному амбару. И только он приблизился к нему, зверь, несущий в себе людей, вырвался из амбара и умчал по железным рельсам вдаль. Кнут провожал его взглядом, пока тот окончательно не скрылся из вида. Позже в городе ему сказали, что эта штука называлась «паровозом», и в душе он почувствовал тягу, которая стала расти не по дням, а по часам. Да, в мире были вещи и кроме коз.

Пока Дик и его коллеги спали беспробудным сном, Мокриц за день весь издергался, все ожидая какого-нибудь подвоха. Потом настал черед Мокрица, и он проспал всю ночь и все утро. Паровоз летел по Утолкежке, по долине реки Смарл; ход поезда убаюкивал его, и Мокриц видел сны о мосте через расселину Дичьего перевала, место неблагоприятное, как ни крути, которое надвигалось на них с неумолимой быстротой налоговой инспекции.

Все что угодно могло случиться еще до того, как они доберутся до этого сухопутного омута из оползней, и камнепадов, и утесов, за которыми подстерегали бандиты всех мастей. Чтобы подобрать метафору, соответствующую ситуации, – это было все равно что лезть на гору по

острым камням босиком. На такой высоте даже галька могла доставить массу неприятностей. Мокрица трясло при одной мысли об этом месте.

Поезд мчался по безбрежному простору. Огромные земли, и так мало городов, лишь кое-где разбросанные редкие поселения. Повсюду было столько свободного места, и Железная Ласточка пожирала его, как тигрица, атакуя горизонт, будто тот нанес ей личное оскорбление, и останавливаясь только тогда, когда поблизости были уголь и вода. Ни того ни другого никогда не бывало слишком много.

К середине дня горные цепи Убервальда стали ближе, воздух сделался холоднее, и бег Железной Ласточки превратился в уверенный подъем в направлении цели.

На обочине дороги иногда виднелись одинокие козопасы, и среди зевак, прибегающих посмотреть на новый механизм, было много женщин в сборчатых юбках с фартуками. В попутных городах люди встречали поезд с флагами и даже с оркестрами, и музыканты под восторженные крики зрителей, впервые увидевших Железную Ласточку, дудели и трубили вовсю. Поезд проезжал мимо них медленно и очень осторожно, чтобы не задавить мальчишек, которые неизменно увязывались за паровозом и догоняли его, словно пытаясь поймать мечту за хвост. От такого зрелища хотелось петь йодлем.

Тогда Мокриц заметил, что Дик начал заметно волноваться, и решил воспользоваться редким перерывом, который Дик проводил вне кабины машиниста, чтобы поговорить с ним наедине.

– Дик, Железная Ласточка – лучший паровоз из всех, что ты построил, верно?

Дик вытер руки о тряпку, которой было вытерто уже немало грязных рук, и ответил:

– Несомненно, так, господин Липвиг, мы все это знаем, но я не за Ласточку переживаю. Я за мост через расселину. Мы сделали все, что смогли, но нужно больше времени. Мост никак не выдержит веса поезда.

– Да, у тебя есть твоя логистика и понимание массы и силы и всех этих счетных дел, и они говорят тебе одно, – ответил Мокриц. – Но я скажу тебе вот что. Если мост до сих пор не укреплен, то, когда мы доберемся до него, я верю, что Железная Ласточка пролетит над расселиной, если мы с тобой будем в кабине машиниста. Можешь считать это ловкостью рук, да хоть фокусом, но мы *полетим*.

У инженера сделался такой вид, как будто ему только что предложили угадать, под каким наперстком пряталась горошина, и в глубине души он понимал, что горошина ни за что не окажется там, куда он укажет.

– Господин Липвиг, ты о волшебстве говоришь? Я ведь инженер. Мы с волшебством не в ладах.

Голос Мокрица струился как патока.

– А вот тут, господин Кекс, ты, кажется, ошибаешься. Ты веришь в солнечный свет, хотя не знаешь, откуда он берется. И раз мы об этом – ну, почти об этом – заговорили, ты никогда не задумывался, на чем стоит Черепаха?

Дик, загнанный в угол, ответил:

– Э, не, это ж совсем другое. Так мир устроен.

– Извини меня, конечно, но ты этого не знаешь. И все же ты спокойно ложишься спать по ночам с верой в то, что мир будет на своем месте, когда завтра ты проснешься.

Дик снова попытался ухватить суть разговора, все еще с видом человека, уверенного в том, что он выберет неправильный наперсток. Не стоило и сомневаться.

– Так мы все же говорим о волшебниках, господин Липвиг?

– О... магии, – поправил Мокриц. – Вся суть магии в том, что ты не знаешь, как это устроено. Твоя линейка – тоже волшебная палочка для большинства людей. И я знаю кое-какую магию. Вот я и спрашиваю, Дик, я хоть раз подводил тебя за время нашего сотрудничества у Гарри Короля?

– О нет, господин Липвиг, – сказал Дик почти оскорбленно. – Ты, как моя бабуля сказала бы, весь прямо шипишь и булькаешь.

Мокриц выхватил из воздуха пару пузырьков и стал ими жонглировать.

– Вот именно, Дик. Я верю тебе, когда ты говоришь, что цифры на линейке что-то для тебя значат. Взамен я прошу немного доверия и ко мне. Пожалуйста, отложи свою линейку. Это неподходящий инструмент для нашего задания. Я знаю одно... Это не совсем магия, но вещь не менее надежная... И когда мы доберемся до моста, тебе покажется, что мы летим прямо по воздуху.

Казалось, Дик вот-вот заплачет.

– Но почему ты не расскажешь мне сейчас?

– Я мог бы, – ответил Мокриц. – Но лорд Витинари меня прибьет.

– О! Этого никак нельзя допустить, господин Липвиг, – испугался Дик. Мокриц приобнял его за плечи.

– Дик, ты можешь творить чудеса, но я предлагаю устроить всему миру спектакль, который еще долго не забудут.

– Погоди, господин Липвиг. Я же простой инженер.

– Не простой инженер, Дик. Ты *Инженер*.

И Дик попытался свыкнуться с этой мыслью, а потом боязливо

улыбнулся и спросил:

– Но как? Времени так мало, и рабочих рук тоже. Гарри Король бросил на это все силы из города и с равнин, и я даже не знаю, откуда еще взять подмогу.

– Придется брать пример с Железной Ласточки, – ответил Мокриц. – Я свистну.

Дик нервно рассмеялся:

– Э, господин Липвиг, а ты остер!

– Вот и хорошо, – сказал Мокриц с уверенностью, которой не чувствовал. – К закату все должно быть готово.

В этот самый момент Железная Ласточка выпустила немного пара, и Мокриц задумался, хорошее это было предзнаменование или не очень, но в любом случае это казалось предзнаменованием, и ему этого было достаточно.

В тот же день, желая развеяться, Мокриц решил разобраться с вопросом, который не давал ему покоя с самого отъезда из Сто Лата. Для этого нужно было поговорить с Ароном.

Секретарь короля был худощав для гнома, почти изящен, очень подвижен и решительно вездесущ. Пока он бегал, решая королевские вопросы, его длинная борода, следуя за ним, развевалась как знамя. Он носил меч, нетрадиционное для гномов оружие, и хорошо проявил себя при нападении в Сосцах Сциллы.

Улучив момент, Мокриц подкараулил Арона там, где они могли поговорить наедине.

– Господин секретарь, я не могу не поинтересоваться, все ли с королем-под-горой обстоит так, как кажется на первый взгляд?

Глаза Арона сузились, рука опустилась на рукоять меча.

– Конечно. Что за нелепый вопрос. И предательский!

Мокриц жестом успокоил его:

– Ты прекрасно знаешь, что я на вашей стороне. Я спрашиваю потому, что заметил кое-что в доме госпожи Кекс.

Арон вздрогнул:

– Ты на своей собственной стороне, господин, и ничьей больше. И что бы тебе ни показалось, это никоим образом тебя не касается.

– Еще как касается, друг мой, – ответил Мокриц. – Боги за мои грехи наградили меня тончайшим нюхом на ситуации, когда метафорический сортир вот-вот взлетит на воздух, и я хочу быть во всеоружии.

Арон стоял как вкопанный и, глядя мимо Мокрица, отвечал:

– Твоя проницательность делает тебе честь, господин фон Липвиг. Равно как и твое молчание.

– Ну же. Что-то происходит, а я не в курсе что. Не вынуждай меня приходить к собственным умозаключениям. У меня очень богатая фантазия.

Но Арону больше нечего было сказать. В другом конце вагона показались двое механиков, и он воспользовался удобным моментом, чтобы завершить этот разговор. Секретарь развернулся на каблуках и гордо зашагал по коридору, а Мокриц остался стоять, и каждый нерв в его теле подозрительно дрожал.

Примерно час спустя стук в дверь сторожевого вагона возвестил о визите королевского секретаря, который на этот раз странно улыбнулся и сказал:

– Король желает дать тебе аудиенцию, господин фон Липвиг. – Он снова улыбнулся. – И я полагаю, это значит прямо сейчас.

Когда Мокриц явился, король сидел за небольшим столом и что-то писал. Рыс подозвал Мокрица к себе, указав на второе кресло, со словами:

– Господин фон Липвиг, как я понимаю, после нашего визита к госпоже Кекс у тебя сложилось впечатление, что я могу... что-то скрывать. Это так, молодой человек?

Король строго посмотрел на Мокрица, почти подбывая его высказать вслух то, что он думал.

– У нее не отнять... женской проницательности... – Мокриц замолк и стал внимательно наблюдать.

Король вздохнул и взглянул на Арона, который стоял в дверях. А потом кивнул и повернулся обратно к Мокрицу:

– Господин фон Липвиг, думаю, ты в курсе, что пол гномов – это зачастую тщательно оберегаемый секрет, и были времена, когда даже вопрос о поле гнома считался ужасной грубостью. Я гномий король-подгорой, но если мы будем углубляться в детали, то я еще и женщина.

Вот оно. Вот что не давало ему покоя с той секунды, когда госпожа Кекс нагнулась подоткнуть одеяло спящему королю – спящей *королеве*, напомнил он себе мысленно – еще в Сто Лате. Мокриц откашлялся.

– У каждого свои недостатки, ваше высочество. Откровенно говоря, я вроде как подозревал это уже некоторое время. Я умею складывать воедино слухи, подозрения и собственное чутье и получать правильный результат, потому что я проходимец. Уверен, лорд Витинари предупредил вас об этом. Я, так сказать, придворный проходимец лорда Витинари.

– Можно подумать, ему он нужен!

– У проходимцев особый взгляд на людей, особый подход к ним: как они держатся, как разговаривают, как сидят. Незначительные детали, которые остаются невысказанными в неподходящий момент...

Королева помолчала с минуту и сказала:

– *Настоящий* проходимец?

– Да, миледи. Я бы сказал, один из лучших, если не лучший, – подтвердил Мокриц. – Но сейчас я приручен и одомашнен, а значит, я очень надежный проходимец.

– Витинари тебя приручил? Ах ты, бедняжка.

С таким видом, будто камень свалился с ее души, королева сказала:

– Имей в виду, господин фон Липвиг, редкие люди посвящены в мой секрет, и им всем можно доверять. В частности, это леди Марголотта и, естественно, лорд Витинари. Мне всегда казалось, что отношение гномов к вопросам пола тормозит нас. Мы упорно настаиваем, что в гномах должны *видеть* мужчин, но как это характеризует наш род, если мы не можем смотреть в лицо собственным матерям? Мы поддерживаем бессмысленный обман и играем в бессмысленную игру, и я не хочу, чтобы это продолжалось и дальше. Да, я королева-под-горой, и я благодарю тебя, господин фон Липвиг, за твое молчание в это нелегкое время.

Королева выглядела невинно, как та гора, которая год от года ничего не делает и только потихонечку дымит, пока однажды не превратит целую цивилизацию в музейную инсталляцию.

– Госпожа Кекс хорошая женщина, – продолжала она. – Впрочем, вероятно, не такая скрытная, как ей кажется... Я знаю, что на тебя можно рассчитывать и ты будешь хранить мой секрет как свой собственный. Лорд Витинари наверняка огорчится, если ты нарушишь слово.

Неунывающая улыбка Мокрица была отполирована до блеска.

– Как я уже говорил, ваше высочество, я прирожденный проходимец, и я научился очень хорошо хранить секреты, а не то не сносить бы мне головы от тех, кто не жалуется проходимцев. А что до госпожи Кекс, она все знала о секрете пара и никому его не выдала.

Королева погладила бороду и сказала:

– Для матери это и впрямь суровое испытание на прочность... Ладно, господин проходимец, я верю в вас обоих. Но мне кажется, Арон начинает терять терпение, так что мне пора вернуться к работе, – и она бросила на своего секретаря взгляд, который Мокриц не мог охарактеризовать иначе, как кокетливый.

Мокриц, для кого так же естественно, как дышать, было внимательно

наблюдать и слушать, особенно то, что оставалось несказанным, почувствовал, что случайно оказался посвящен в еще один секрет, пока еще непризнанный. Королева и ее секретарь, вне всякого сомнения, были любовниками. Возможно, только женатые люди умеют подмечать такие вещи, но их язык тела говорил сам за себя.

Многозначительный кашель Арона привлек его внимание. Секретарь открыл перед ним дверь, недвусмысленно намекая, что аудиенция подошла к концу. Когда Мокриц переступил порог, Арон сказал ему в спину:

– Спасибо, господин фон Липвиг. От нас обоих.

Прежде чем вернуться обратно в сторожевой вагон, Мокриц постоял немного в коридоре, переваривая информацию. Король оказался королевой! Ну да, всем было известно, что гномихи выглядят практически одинаково с гномами, те же бороды и все такое – даже у Шелли Задронец, анк-морпоркской гномихи, каких поискать, и убежденной феминистки, хотя она и настаивала, что под бородами женщины-гномы отличались от мужчин. Поскольку сейчас она занимала высокое положение в Страже, ее требования ввести юбки из микрокольчуги и слегка перековать нагрудники воспринимались естественно, но королева?.. Что будет, если королева огласит правду! То-то будет «жребий брошен»! И повернуть назад уже не получится.

Арон скрылся в бронированном вагоне королевы, и Мокриц прислушался к стуку поезда. «Будущее, – подумал он, – намечается... самое интересное».

Нескончаемый туман переполнял головокружительную расселину, образуя густые клубящиеся тени в редящем свете, когда они подъехали к последнему мосту перед Дичьим перевалом. Туман сам был как живое существо, он шевелился и извивался, вселяя в наблюдателя чувство, что они балансируют на краешке мира.

Дальний конец моста было еле видно, и Дик Кекс вел серьезную дискуссию с главным ответственным инженером по строительству мостов. Темное пятно в тумане рядом с Мокрицем оказалось ухмыляющимся командором Ваймсом.

– Шаткий мост, тяжелый поезд, ужасное падение навстречу неминуемой гибели, жесткие сроки и никакого страховочного плана? – сказал Ваймс. – Ты, верно, чувствуешь себя сейчас как рыба в воде. Инженеры говорят, что это невозможно. Ты и впрямь готов поставить на кон жизнь короля-под-горой и будущее целой страны?

Инженер за их спинами сказал:

– Я бы даже за пенсию там не поехал.

Когда к ним присоединились Рыс и Арон, скрип и стоны древней конструкции усилились и стали казаться почти живыми, как будто какой-то бес подзуживал их бросить вызов судьбе. Самые прозаичные инженеры сказали бы о естественных движениях, вызванных падением температуры с наступлением ночи, но сложно было закрывать глаза на зловещую обстановку этого места, которое казалось почти... мистическим.

Потом Железная Ласточка выдохнула пар, переводя дух, как собака, ждущая, чтобы ее спустили с поводка. Мокриц сделал глубокий вдох, сунул пальцы за лацкан пиджака и улыбнулся с уверенностью, которая окрепла в нем буквально за секунду, когда он наконец услышал тихий звук, которого дожидался.

– Мало кто знает, друзья, что эти туманы обладают фантастической плотностью. Позвольте мне продемонстрировать.

Мокриц сошел с края обрыва у самых рельсов и остался стоять в тумане, клубившемся вокруг его лодыжек. За спиной ахнули. Он развернулся лицом к своим попутчикам, с улыбкой до ушей и тайным вздохом облегчения, после чего ступил обратно на так называемую твердую землю.

– Видите? Хотите, я могу пробежаться до той стороны и обратно, пока длится этот мистический феномен – а он будет длиться, – или сразу тронемся в путь, пока горячо?

– А можно мне попробовать? – спросил Ваймс.

Мокриц увидел в его глазах огонек и ответил:

– Пожалуйста, командор.

И Ваймс скрылся в клубящемся тумане, зажег сигару и сказал:

– Точно на мостовой стою. Фантастика. Что ж, советую тебе поддать пару, господин Кекс! Я не уверен, как долго продлится этот, как ты называешь, мистический феномен. Так что лучше нам действовать в темпе, господа.

Дик, борясь с природным искушением ученого ума исследовать упомянутый феномен тщательнее, посмотрел по сторонам и сказал:

– Ага. Все по вагонам, господа! Поторапливайтесь, – и секунду спустя добавил: – ...пожалуйста.

Мокриц посмотрел на Дика и сказал:

– Теперь ты веришь, Дик?

– Да, господин Липвиг.

– Ты *по-настоящему* веришь?

– Еще как, господин Липвиг! Я верю в счетную линейку, косинус и

тангенс, и даже когда квадратные корни заставляют меня поломать голову, да, я все равно верю. Железная Ласточка – моя машина, я ее построил, целиком до последнего винтика, все своими руками. И я так скажу, что если бы я умел класть рельсы по небу, то Ласточка увезла бы нас на луну!

Мокриц присвистнул и услышал снизу ответный сигнал. Он повысил голос и крикнул:

– Тогда вперед, господин Кекс! – и тут же послышалось знакомое сопение поезда, которому не терпелось отправиться в путешествие и развести пары. Мокриц обожал этот момент, когда сила, накапливаясь медленно и постепенно, подчиняла себе громовыми раскатами всю вселенную, и вот они вкатились в недоброжелательный туман и поднялись на мост.

С площадки ничего не было видно, но Мокриц кое-как мог различить белое как полотно лицо Дика, когда вибрации усилились и мост под ними заходил ходуном. Несмотря на красочную демонстрацию Мокрица, Дик и его команда были до смерти перепуганы, и даже он сам начал сомневаться в том, что мост выдержит такое давление. А потом вдруг тряска прекратилась, и возникло престранное ощущение, что Железная Ласточка оторвалась от рельс и полетела.

Далеко внизу туман клубился, принимая все более странные очертания, закручивался в воронки, взбудораженный движением поезда, и спустя несколько напряженных минут все услышали глухой удар колес о рельсы, когда Железная Ласточка решила сменить полет на более благоразумное перемещение, и Дик подул в свисток, и дул, и дул, и Ласточка снова катилась как ни в чем не бывало, будто и не произошло ничего необычного, необъяснимого, а то и вовсе мистического.

Только когда Мокриц нашел время уединиться после долгих поздравлений, масштаб того, что он только что совершил, обрушился на него, как кузнечный молот. Целый поезд, на полном ходу, со всеми пассажирами! И королем, который, видимо, пролетел прямо по воздуху! И Мокриц покрылся холодным потом, когда подумал, сколько всего могло пойти не так. *Столько* всего, и ему стало казаться, что история может просто взять и открутиться назад и позаботиться, чтобы что-нибудь все-таки случилось. И капли пота катились градом по всему телу, но не будь он Мокриц фон Липвиг, если не сможет оправиться от такого потрясения. Главное, чтобы Витинари *никогда* об этом не услышал.

Мысль о Витинари было непросто выбросить из головы даже под

конец дня, когда Мокриц наконец рухнул спать в сторожевом вагоне. Движение поезда укачало его, и он утомленно и облегченно задремал, как вдруг лицо патриция возникло у него перед глазами. Он содрогнулся, вспоминая их последнюю встречу. Витинари сидел за столом и читал донесения о чем-то, что показалось Мокрицу подозрительно похожим на чужие клик-сообщения^[75]. Патриций нахмурился, увидев Мокрица, и спросил:

– Ну что, господин фон Липвиг, поезд до Убервальда, случайно, еще не готов?

Мокриц скорчил мину, которая не обманула бы и ребенка, что, конечно, так и задумывалось.

– Не совсем, милорд, но перспективы светлеют не по дням, а по часам.

– Витиевато. Слишком витиевато. Говори по существу, если ты умеешь, будь добр. У меня, в конце концов, дела государственной важности.

– Сэр, если вы помните, мы закопали на территории города некоторое количество очень древних големов, и вы поклялись, что к ним прибегнут только в случае угрозы национальной безопасности. И прямо сейчас мне бы не помешало несколько десятков этих ребят, сэр, если вы не против, конечно.

– Господин фон Липвиг, ты испытываешь мое терпение. Мне доподлинно известно, что и у тебя, и у твоей супруги есть все инструменты, чтобы попасть в тайник и дать упомянутым големам необходимые указания, но я все же запрещаю тебе заниматься чем-либо подобным. Я полагаю, это связано с железной дорогой.

– Да, милорд, незначительная проблема на пути к успеху.

– Позволь мне говорить начистоту. Если я получу какие-нибудь свидетельства тому, что ты изъял городских големов из их законного хранилища и вдобавок вывел их за пределы города, ты будешь брошен к котикам. Я ясно выразился?

Лицо Витинари было невозмутимым, непроницаемым и безмятежным, как глубокое море, и Мокриц, отвесив поклон, сказал:

– Уверяю вас, сэр, к вам не попадет ничего подобного.

Слово «если» звенело в воздухе тайным вызовом.

Мокрицу было неуютно от этого голоса в голове. Потеряв всякий сон, он достал клик, полученный от Доры Гаи, касательно продвижения големов, порвал его на мелкие клочки и выбросил в ближайшее окно, глядя, как они исчезают за хвостом их невероятного поезда.

В полумраке сторожевого вагона у него за спиной кто-то многозначительно откашлялся. С вкрадчивой улыбкой вышел на свет Ваймс.

– Правдоподобное отрицание, а, господин фон Липвиг? Но ничего, хорошая работа. И между нами: эти големы, которыми никогда не воспользуются... Как по-твоему, что они сейчас делают?

Мокриц открыл рот, чтобы сказать, что ничего о големах не знает, но передумал. Что-то во взгляде Ваймса придало ему смелости.

– Наверное, копают дорогу домой, – сказал он. – Думаю, дело идет быстро, поскольку сначала они прокопали ее сюда.

А далеко позади поезда шаткий мост по кусочку обваливался в пропасть, и это было что-то вроде занятого механического балета. «Пройдет время, – подумал Мокриц, – пока мост станет вновь пригоден к использованию, но теперь, когда Рыс уже почти на месте, можно будет бросить все силы, чтоб отстроить его как положено».

А несколько часов спустя, когда големы проходили по туннелю под его таверной «Щедрая кружка», герр Муkenфюсс заметил, что пол у него под ногами ходит ходуном, а посуда мелко дребезжит. Несмотря на свое упитанное телосложение, он старательно ловил падающие бокалы и кружки, пока воздух вдруг не замер и в таверне не воцарилась тишина. Он посмотрел на герра Буммеля, своего единственного посетителя, который разглядывал опивки «Старого Блонка» из свежей бочки, который они дегустировали, после чего восхищенно прошептал:

– Я, пожалуй, выпью еще кружечку.

Здец был все ближе, и горы уже проглатывали горизонт, их грозный рельеф четко виднелся на фоне ночного неба, а крутые склоны то и дело отражали лунный свет. Командор Ваймс созвал военный совет в сторожевом вагоне, их штаб-квартире. Пережив засаду в Сосцах Сциллы и крушение Скорого, они теперь знали, что нужно учесть, когда строили скрупулезные планы по обороне поезда и короля.

– А теперь посмотрите вокруг, все вы. Вокруг сплошные каньоны и деревья. Будь я грагом, для меня этот отрезок был бы последним шансом остановить Железную Ласточку.

С лицом мрачнее тучи Ваймс излагал свои предложения, и Рыс кивал в знак согласия, иногда прерывая его, чтобы внести уточнение.

– Также нужно подумать об атаках с воздуха, – продолжал командор. –

Мы все убедились, что Железная Ласточка хорошо укреплена. На ней надет панцирь из нового сплава Дика, но может случиться, придется сражаться и на крышах вагонов. Ага, ты улыбаешься, господин фон Липвиг? Значит, умник, если дело дойдет до этого, можешь составить нам компанию на крыше. Ты за? Учти, будет небезопасно.

Мокриц мысленно погладил себя по головке, припоминая тайное приключение на крыше Скорого. Он мог танцевать на крыше поезда, мог прыгать, и кружиться, и вращаться, потому что он чувствовал настроения каждой части состава.

– Я мечтал об этом с того момента, как впервые увидел паровоз, командор, – признался он.

– Ясно, – отозвался Ваймс. – Этого я и боялся. Так что предупреждаю. Или мы работаем сообща, или становимся трупами поодиночке. – Он указал на деревья, нависающие над глубоким вырубом, по которому они ехали. – В этом проклятом каньоне слишком мало свободного места. А деревья – вообще сорняки, только твердые, помяните мое слово!

– Уверен, все у нас получится, – заявил Мокриц. – Почему не направить на крышу и Детрита заодно?

– Нет. Он хорошо работает на земле, но с маневренностью у него не очень. Да и потом, с Детритом на крыше – крыша очень скоро станет полом, – командор посмотрел по сторонам. – Остальные – вы свои задачи знаете. Не забывайте, мы все на этом поезде затем, чтобы доставить короля домой. Охраняйте его! Не думайте о нас на крыше.

Когда Мокриц смог поговорить с Ваймсом без посторонних ушей, он сказал:

– Мне знаком ритм поезда, командор, но я вовсе не боец. Зачем выбирать меня?

– Потому что ты полцарства отдашь за возможность сказать, что ты дрался на крыше поезда. И я видел тебя в деле, в рукопашной ты зверь, похлеще Шнобби, а этот любит кусать врага за коленки. И тела грагов после происшествия на щеботанской железной дороге я тоже видел. Ты умеешь драться, пусть только от страха, но ведь правду говорят, что из трусов нередко выходят лучшие бойцы.

Когда ночь побледнела в преддверии рассвета, обстановка в поезде изменилась. Вся бригада понимала, что они теперь мчали во весь опор напрямик по территории неприятеля. На каждой скале в горах Убервальда были видны Игоревы огоньки, мигающие и подрагивающие в темноте ущелий; зеленые отблески метались от горгульи к горгулье, как

привидения.

Мокриц обычно предпочитал держаться отсюда подальше. И в Анк-Морпорке, конечно, можно было нарваться на вервольфа или зомби, но в Убервальде они были на каждом шагу. Это был их дом, их правила – включая черноленточников, странноватых типов, которые клялись бороться с искушением пить человеческую кровь и все такое... Но все равно это было странно, даже еще более странно, когда вампиры пили только какао и устраивали по любому поводу шествия с плакатами и барабанами. Но это, конечно, было лучше, чем в те времена, когда их выводили на перекрестки и протыкали колом... в очередной раз. В этом чувствовалась рука леди Марголотты, а Мокриц знал: где была ее рука, там же была и рука лорда Витинари.

Но сейчас в воздухе висела угроза. Мокриц ничего не имел против угрозы как таковой, но от мысли о возможной смерти сложно было отделаться, и маленький внутренний чертенок вопил: «Ха-ха-ха! Помнишь, что жизнь без риска не стоит того, чтобы жить?» И он отважно оставался верен своим убеждениям... Хотя, если совсем откровенно, он предпочел бы стоять на пляже где-нибудь в Щеботане и есть вкусное мороженое в тончайшем рожке, который так восхитительно хрустит на зубах. С клубничным сиропом. И посыпкой.

Мокриц стоял в центре сторожевого вагона, пытаясь прочувствовать телом движение поезда. Он покачнулся, когда вагон накренился, и сосредоточился на том, чтобы не терять равновесия. Он рассудил, что, если будет драка, ноги должны знать, что их ожидает. Ваймс озадаченно смотрел на его движения, но когда Мокриц попытался ему объяснить, командор презрительно хмыкнул:

– Вообще говоря, господин фон Липвиг, я в первую очередь стараюсь обезвредить тех, кто пытается сделать это со мной. Маленькая стратегическая хитрость. Совсем несложно, зато помогает оставаться в живых... И помни, что почти у всех есть пах, а на каждой ноге есть сапог.

На вагоны посыпались камни, звонко отскакивавшие от металла. Этот звук принес успокоение. Как будто долгожданные карты выложили на стол.

Поезд ехал сквозь ущелье, где прежде ходили только телеги, и Железная Ласточка почти касалась бортами каменных стен, ползя мимо них на половинной скорости. Сторожевой вагон оказался в осаде, и только потом Мокриц узнал, что граги спрыгнули на них сверху.

Несколько невезучих гномов приземлились на платформу Флюорита, и хотя у крупнейшего офицера Городской Стражи было сердце хомячка, но двое грагов, попытавшихся отколоть от него булыжники, явно разозлили

его, и хомячок теперь дрался как лев. Он сыпал проклятиями на тролльем языке, которые по-настоящему горели в воздухе алым цветом.

Сглатывая страх, Мокриц схватил лом и открыл люк в крыше сторожевого вагона, чем немало удивил грага, который в это же время пытался пробраться внутрь. Но какую бы радость ни испытал гном, это из него быстро выбил крепкий удар железной палки, пришедшийся ему в челюсть и отозвавшийся удовлетворительным хрустом.

Мокриц не удивился, услышав, как за ним следом выбрался командор Ваймс. И теперь, окруженный растерявшимися грагами, Ваймс сорвал с себя рубаху, и, когда к нему приблизились другие гномы, Мокриц вдруг увидел, как они поняли, что их будущее в руках легендарного Дежурного по Доске. Получив свободу, яркий шрам на запястье командора почти пульсировал в неярком свете. Граги уставились на него, и это стало их первой ошибкой, когда командор, как сказали бы в Анк-Морпорке, убиблиотекарил их в два счета.

Бросившись к дальнему концу вагона, Ваймс отшвырнул одного растерянного грага, да так, что тот приземлился на другого, и оба каким-то почти балетным движением изогнулись и упали на рельсы. А потом подключились гоблины, чтобы сделать жизнь гномов еще веселее: гоблины, забравшиеся тебе в доспехи, очень отвлекают от схватки.

Люк и примыкающую к нему панель оторвало от крыши сторожевого вагона, и, сражаясь с особенно свирепым гномом^[76], Мокриц увидел, как Детрит наводит свой гигантский арбалет через дыру в потолке, и услышал крик тролля: «Шматотворец!» – сигнал всем здравомыслящим людям немедленно занять укрытие. Дротики, которые метал шматотворец, были сделаны из пород твердого дерева и чудовищно опасны. А когда Детрит был особенно в ударе, оружие плевалось деревом с такой частотой, что дротики загорались прямо в полете. Ни грамма металла, только древесина, но летели они с такой невероятной скоростью, что рассыпались в полете на тысячу щепок, и все они били на поражение.

Когда грохот стих, Детрит прокричал:

– Эй, господин фон Липвиг! Вагон едет назад! Эти пещерные коротышки точно знали, где отцепить паровоз!

Мокриц повернулся и с ужасом увидел, как Железная Ласточка стремительно укатывала прочь от их отсоединенного сторожевого вагона. Он перевел взгляд на Флюорита, который держал в каждой руке по грагу. Тот стукнул их лбами, послышался вопль, и он вышвырнул обоих в темноту между рельсами.

– Мы откатываемся назад, Флюорит! – прокричал Мокриц. – Ты

можешь протащить нас вперед?

Толчок – и Флюорит остановил сторожевой вагон, возможно, прямо ногами, и Мокриц соскочил с крыши на неустойчивую платформу.

– Отлично, господин Флюорит. А теперь достань эту штуку, которую тебе приготовили наши инженеры.

Своим неожиданно детским голосом Флюорит сказал:

– Конечно, господин фон Липвиг. Это можно, и взять вагон на буксир тоже можно.

Ваймс спрыгнул с крыши, где он так навалял всем глубинникам, что буквально сровнял их с землей, и закричал:

– Что, черт возьми, происходит? Почему мы встали и где остальной поезд?!

– Эти мерзавцы нас отцепили! – крикнул в ответ Мокриц. – Но ничего... У Флюорита на платформе есть дрезина, на всякий пожарный!

И действительно, когда педали дрезины начали крутиться, сторожевой вагон набрал скорость и помчал стрелой к исчезающей из вида Железной Ласточке.

Большое лицо Флюорита сияло, когда он крутил педали как, собственно, Флюорит, потому что никто, кроме него, не смог бы заставить дрезину лететь по рельсам. Она гремела, и скрипела, и стонала, но тролль так часто перебирал огромными ногами, что они превратились в размытое пятно, и внутренний чертенок Мокрица фон Липвига нашептал ему: «Компактная pedalная машина для быстрого перемещения? Такую идею надо запомнить».

Свисток Железной Ласточки эхом прокатился по каньонам, и Ваймс закричал:

– Подгони ближе к поезду, констебль!

Тролли не потеют. Вместо этого они как будто покрываются налетом. Флюорит прокряхтел:

– Немного запыхался, командор... Но я постараюсь.

Дрезина Флюорита, все еще таща за собой сторожевой вагон вместе с поверженными гномами, врезалась в последний вагон состава, и, прежде чем платформа успела отскочить обратно, тролль потянулся и ухватился с обеих сторон за буфер. Ваймс опрометью бросился бежать по широченной спине Флюорита в осажденный поезд. Мокриц изо всех сил пытался за ним поспевать. Граги и глубинники были повсюду, они по-прежнему пытались проникнуть в бронированный вагон впереди, а дальше дело было только за тем, кто друг, а кто враг, и друзей было значительно меньше, отчего замечать врагов было намного проще.

– Ну же, парни! Не трепите языком, сыновья вы такой-то матери! – кричал Ваймс оставшимся в сторожевом вагоне. – Вы знаете, кто враг и что делать... Бейте их, пока они вас не побили, и не подпускайте их и близко к королю! Я на крышу!

Стоя на крыше раскачивающегося бронированного вагона, Ваймс обрушил всю свою мощь на врага, который соскакивал со стен каньона на движущийся поезд. К несчастью для нападавших гномов, проблема такого тактического решения состояла в том, что защитники поезда могли заранее прикинуть, где ты должен приземлиться, и тебя сразу на месте встречали крепким ломом. Если Мокриц и Ваймс хорошо свыклись с движением поезда и легко могли удержаться на ногах, то гномы даже при выигрышно расположенном центре тяжести никак не могли драться в полную силу на раскачивающемся вагоне, поэтому вдвоем они раскидывали гномов, как кегли. Мокриц даже им сочувствовал. Идейные идиоты, и вдобавок с такой идиотской идеей.

И пока он наблюдал за Ваймсом, который отбивал атаку двух гномов, его настиг удар из темноты, который вышиб из него весь дух, и Мокриц повалился на спину. Он раскрыл глаза и заглянул в лицо безумию. Тому самому, особому безумию, отравленному фанатизмом. Такое безумие злорадствует, а это не лучшее поведение в сложившихся обстоятельствах. Граг замахнулся топором, но Мокриц, отреагировав чисто от ужаса, успел откатиться, и могучее лезвие вонзилось в крышу рядом, расколов древесину в щепки там, где только что была его голова. Граг поднял топор еще раз, и Мокриц успел подумать: «Ну вот, видимо, и все... Жизнь без риска не стоит того, чтобы жить... Может, следующая будет еще лучше...»

Но потом он заметил кое-что и улыбнулся. Въезд в туннель. И он подмигнул, как умел подмигивать только Мокриц фон Липвиг, и сказал:

– Прощай.

Посыпался дождь из искр, и Мокриц не сразу понял, что произошло. То есть, к сожалению, *не* произошло. Туннель оказался слишком высоким. Грага не укоротило, как представлялось Мокрицу, и его топор скреб по крыше туннеля, оставляя за собой эффектный фонтан из искр и освещая всю сцену в достаточной мере, чтобы Мокриц смог прицелиться и нанести удар, отчаянно надеясь, что *этот* гном не окажется женщиной. Удача оказалась на его стороне, и, увы, не на стороне грага, которой уронил топор, схватился за мошонку и неуклюже свалился с вагона под поезд.

Вынырнув из туннеля, поезд резко затормозил. Мокриц поднялся на ноги, соскочил вниз и побежал по платформе, чтобы выяснить, что случилось с остальными. Он с облегчением обнаружил, что в сторожевом

вагоне все остались более или менее целы, включая Из Сумерек Темноты и всю его братию, Фреда Колона, Шнобби Шноббса, Шелли Задранец, Детрита и Флюорита, который продолжал цепляться за последний вагон, удерживая половинки поезда вместе. Там же оказались несколько потрясенных механиков и машинистов, которые как раз пытались вздремнуть, когда началась схватка, но и они приняли в битве посильное участие.

Во время боя Мокриц не заметил Шнобби и Колона, но подумал, что он не удивится, если услышит о проявленном ими героизме, и вообще, какая жалость, что все остальные были слишком заняты и не видели их геройств. Но, оглядывая побитых грагов, разбросанных по поезду, Мокриц признал, что Шнобби и Колон, если загнать их в угол, тоже дерутся как львы – львы, владеющие коварным оружием улиц, где все шло в ход и всякий раз причиняло сопернику много боли. Колон, например, был мастером бить ниже пояса, и в кряхтении грагов Мокрицу слышалась знаменитая колыбельная анк-морпоркских улиц.

Мокриц никогда не считал себя чьим-то вождем, так что он при первой возможности перекладывал обязанности на других. Роль распорядителя досталась Фреду Колону, славившемуся своим крикливым голосом, который окрашивал его лицо в нездоровый пунцовый цвет и звучал на такой ноте, что даже Железная Ласточка могла бы позавидовать.

Грагов, которые остались живы или еще до конца не умерли, связали и бросили в сторожевой вагон, где, как подозревал Мокриц, командор Ваймс собирался побеседовать с ними о том о сем, о явках и паролях и об их ужасных манерах. Просто замечательно.

Из бронированного вагона высунулась голова Арона.

– Король цел и невредим! Спасибо вам всем! Железная Ласточка попала под обстрел, но грагов, которым удалось прорваться в кабину машиниста, пустил на растопку кочегар Блейк.

Мокриц поежился. Он не раз оказывался вблизи топки, когда ее открывали кочегары, и жарило там, как в бане, но если в ответственный момент оказаться ближе, чем положено, то неминуемо поджаришься сам.

Остаток путешествия (уже после того, как вагоны сцепили обратно) проходил безрадостно как для победителей, так и для выживших гномов, с ужасом ожидавших предстоящего разговора с Дежурным по Доске, который, поговаривали, мог сделать так, чтобы ни тебя, ни твоей семьи будто и не существовало на свете. Сотрет, как мел с доски.

А потом Железная Ласточка поцеловала буфер на конечной станции в Здеце, и первым на спешно возведенный перрон сошел Рыс Рыссон. Его

приветствовал большой и крайне взбудораженный пухлый человек, у которого буквально на лбу было написано слово «бургомистр». Бургомистр жутко потел – на толстяках всегда испарины не меньше, чем на паровозах. Он преклонил колени перед королем, что было внушительным достижением, учитывая его, откровенно говоря, шарообразную форму.

– Добро пожаловать домой, ваше высочество, – сказал он, отдуваясь. – Жители Здеца всегда гордились хорошими взаимоотношениями с вашими земляками, и я от души надеюсь, что и впредь мы будем оставаться в согласии.

Он выпалил это приветствие скороговоркой, и Мокриц услышал в его голосе мольбу: «Пожалуйста, не трогайте нас, мы порядочные люди и всегда признавали право вашего величества на Каменную Лепешку». И молчаливая приписка: «Пожалуйста, не трогайте нас, и главное, не нарушайте устоявшиеся экономические отношения. Пожалуйста. Пожалуйста?»

Рыс пожал протянутую вспотевшую ладонь и сказал:

– Я ужасно сожалею, что наши недавние разногласия доставили тебе такие неудобства, Хамфри.

После таких слов бургомистр расплылся в улыбке.

– О, вовсе нет, ваше высочество, ничего страшного. Поначалу досаждало, когда вы... то есть они... начали сносить башни и все такое. Ну, вы сами понимаете, как оно бывает. Вроде как семейная ссора у соседей: понимаешь, что не твое это дело, и остается только заваривать чай да предлагать дружеское плечо и, если надо, бинты с лекарствами. А в следующий раз встречаешься с соседской парой и уже не обращаешь на нее особого внимания, потому что у тебя свои заботы, и на завтра вы снова друзья. К тому же вмешалась ее светлость, и после пары образцово-показательных... В общем, все хорошо, что хорошо кончается, клик-башни снова работают. Она тверда, но справедлива, наша леди Марголотта, и удивительно расторопна.

Потливый Хамфри говорил о самой влиятельной вампирше в мире и прекрасно понимал это, но в то же время ему удалось придать ей облик этаким пожилой дамы, которой достаточно постучать по полу клюкой, чтобы заслужить всеобщее уважение.

– Но во всех семьях бывают свои нелады, – продолжал Хамфри. – Начинаются с сущего пустяка, забываются через день и не приносят никому серьезного вреда.

За спиной бургомистра выгружались из поезда пассажиры, а Железная Ласточка временами шипела и плевалась, как любят делать паровозы, давая

понять, что она еще не совсем уснула.

Мокриц слышал, как Ваймс разговаривает с единственным вампиром в Страже, капитаном Салли фон Хампединг, которая была прикреплена к управлению Стражи в Здеце. Потом они подошли к Мокрицу.

– Салли говорит, несмотря на то что все сообщение со Шмальцбергом было отрезано, до Стражи доходили известия о том, что среди заговорщиков не все гладко, – сообщил Ваймс. Он посмотрел на Салли в ожидании подтверждения.

– Да, – сказала она. – Наши источники сообщают, что граг по имени Пламен...

Она умолкла, когда Рыс яростно фыркнул, а его сгрудившиеся земляки затрясли топорами.

– Опять он! – процедил Рыс.

– Да, – подтвердила Салли. – Он и некоторые другие лица, которых мы пытаемся разыскать с самой резни в Щеботане. Похоже, Пламен и его последователи теряют поддержку. Они не получают того, что хотят. Начинаются волнения...

– Это хорошо, – оборвал ее Рыс. – Это можно использовать.

– А Альбрехтсон? – спросил Арон.

Салли улыбнулась, чуточку сверкнув клыками, и, надо сказать, это было самое подходящее место в мире для того, чтобы выпустить их на свет.

– Хорошо. Остается верен вам, ваше высочество.

Юркий посыльный гоблин протиснулся через толпу и передал сообщение Салли, которая прочла его.

– Ага, – сказала она. – Это от Альбрехтсона. Похоже, заговорщикам известно о вашем возвращении. Альбрехтсон хочет, чтобы вы знали, что обращаются с ним хорошо и что он следил за продвижением Железной Ласточки благодаря помощи гоблинов.

Рыс повернулся в сторону Дика с Мокрицем и сказал:

– Благодарю вас и сэра Гарри за то, что доставили меня сюда в целости и сохранности. И Железной Ласточке я тоже благодарен. Когда придет время, вы убедитесь, что моя благодарность не знает границ. Я хотел бы поговорить с вами дольше. Но прошу меня извинить. Мне пора вернуть свое королевство.

Обращаясь к собранию гномов, которые теперь все столпились на платформе, вооруженные до зубов, он провозгласил:

– Пусть всем будет известно, что король-под-горой прибыл и готов воссесть на Каменной Лепешке. Всякий, кто вознамерится отказать ему в этом простом удовольствии, пусть будет готов подкрепить свои внятные и

аргументированные возражения оружием. Все просто. Пусть это послание огласит в Шмальцберге Грох Грохссон, многоуважаемый и мудрый гном, который не нуждается в представлении, а сопровождать его будет мой доверенный секретарь Арон. С ними я отправляю следить, чтоб все было честно, командора Ваймса, Дежурного по Доске и бывшего посла. Помните, что нанесение ущерба королевским гонцам во всех без исключения случаях равносильно государственной измене. Имейте в виду, я с вами нянчиться не буду. Мятежные гномы получают по справедливости.

Нарушая наступившую тишину, Ваймс громко зажег сигару.

– Пусть остальные идут, я через пару минут догоню, – сказал он.

Мокрица, понятное дело, не было в Кумской долине, но он боялся, что вот-вот станет свидетелем ее второго пришествия, только на этот раз гном пойдет против гнома. «Это безумие!» – хотелось вскричать ему, и вдруг он осознал, что действительно выпалил это вслух.

Он удивился ответу короля:

– Еще какое, господин фон Липвиг. В голове не укладывается, не так ли? Но рано или поздно наступает момент, когда приходится оглашать имена и рубить головы. Увы, это мало похоже на светскую беседу, но вот что происходит, когда рассудок перестает быть главным.

– Но вы же все гномы. Чего вы надеетесь этим достичь? – простонал Мокриц, который до конца своих дней будет помнить голос короля...

– Завтрашнего дня, господин фон Липвиг. Мы надеемся достичь *завтрашнего дня*.

Прибытие королевских гонцов вызвало невероятный переполох в бесчисленных пещерах Шмальцберга, который удивительным образом всегда становился центром вселенной, когда дело касалось очередных волнений, и жернова слухов здесь молили активнее, чем жернова богов. Слухи растекались точно ртуть. Это можно было бы назвать гномьим семафором, если бы не то обстоятельство, что семафоры не сочиняют клики на ходу. Так думал Мокриц, шагая следом за Рысом и его свитой приближенных гномов в глубь муравейника под названием Шмальцберг. Мириады звуков поднимались из его недр по туннелям и пещерам и сливались в некий общий шумовой фон или, подумал Мокриц, туман. Он назойливо клубился где-то у мочки уха, звуча ужасом и сумятицей войны.

Постепенно все четче становились отдельные звуки. Повышенные тона, крики, лязг оружия, пересыпанный восклицаниями и гномьими ругательствами, которые, как известно, живут своей жизнью. Спустившись еще ниже, они столкнулись с Ароном, который встретил их с обнаженным мечом. С меча капала кровь. Заметив взгляд Мокрица, Арон пожал

плечами.

– Там был граг. Он хорошо сражался, но отказался покориться, предпочитая гибель бесчестью... Я согласился с ним. – Последняя фраза была сказана с таким оттенком, какого Мокриц давненько не слышал. Арон повернулся к Рысу и доложил: – Здесь имела место определенная разница во взглядах, ваше высочество, – сказал он и указал на скопление гномов, за которыми ухаживали в импровизированном полевом госпитале, если это можно было так назвать за неимением поля.

Внизу шли в ход мечи, молоты и топоры, а король продолжал свое шествие, пока наконец они не оказались в огромной пещере, которая, видимо, и была тронным залом.

Они ступили в зал, и Мокриц застыл как вкопанный, пытаясь освоиться в этом подземном интерьере, освещенном огромными люстрами с оплывшими свечами, и факелами, и бочками, полными извивающихся вурмов^[77] по углам. «Значит, у них все же есть свет», – удивлялся Мокриц. Но непривычный свет, который как-то торговался со зрением. Было видно, но видел ты темноту.

– Что ж, это уже не война, – сказал Ваймс, внезапно очутившийся рядом с ним. – И серьезных жертв не очень много, среди грагов больше. Гном на гнома. Это всегда сплошной ор, взаимные обвинения и оплевывания. Чем-то напоминает кошачью драку, но таковы уж гномы. Они не конченые болваны. Бравады выше крыши, мечи чуть что наголо, но вообще-то никто не хочет жертвовать жизнью. Ты дерешься и надеешься, что обойдется поверхностной раной, которая потом будет эффектно смотреться. Чтобы было чем похвастаться перед внуками. Но когда доходит до того, чтобы идти друг на друга, как правило, они быстро перегорают.

Ваймс выдохнул сигарный дым и продолжал:

– Нет, конечно, если бы гном шел на тролля, кровь здесь лилась бы реками. А так смахивает на кабаки Анк-Морпорка в субботу вечером. Всех распирает от энергии, бездумной храбрости и пива. Слишком много пива. А в итоге все просто стонут, пока у них в голове не прояснится.

Мокриц видел неподалеку маленькие компании гномов, некоторые из них были забинтованы и сидели в позах, которые предполагали, что война если не закончена, то по крайней мере отложена, чтобы перевести дух и заложить за воротник. Гномы помоложе ходили от одного раненого к другому с флягами. И один за другим гномы поднимались, обменивались рукопожатиями с ближайшим соседом и вслепую переходили к следующей группе, где присаживались поболтать и, наверное, сочиняли истории об удачных выпадах и ловких защитах и прочие хмельные похвальбы. Мало-

помалу нормальная гномья жизнь вновь устанавливалась в Шмальцберге.

– Пьяны в хлам, – заметил Ваймс. – Но в сущности не так уж плохи, только впечатлительные больно. – Он опять вздохнул. – Может, хоть на этот раз усвоят урок. Но скорее Шнобби Шноббс станет рыцарем в сияющих доспехах.

И все? Мокриц не понимал. После такого выброса адреналина во время поездки, после засад, атак... мост... бессонные ночи... ожидание на каждом повороте услышать свист косы и обнаружить, что на этот раз удача действительно отвернулась от тебя... а потом Рыс произнес красивую речь и просто вошел и вернул себе свое царство?

– Я ожидал более серьезного сопротивления, – сказал Мокриц. – Славной битвы, о которой потом будут слагать легенды.

– Какие глупости, господин фон Липвиг, – сказал Ваймс. – Нет ничего славного в таких временах... Люди погибли. Не очень много, и не обязательно хорошие люди, но тем не менее. На поле битвы должно взирать с серьезным лицом, пока трупы не приберут и реальный мир не восстановится в своих правах.

Мокриц, чувствуя, как краска заливает его с головы до пят, сказал:

– Командор, мне стыдно за свои слова, честное слово.

Ваймс вдруг стал сверлить его взглядом, а потом воскликнул:

– Seriously? Похоже, железная дорога – не единственное открытие века!

В кои-то веки не найдя ответа, Мокриц повернулся посмотреть, как дела у Рыса и его свиты.

Рыс Рыссон не вошел, а вбежал в тронный зал. Он направился напрямик к его центру, где лежала Каменная Лепешка. Только потом он огляделся.

– Где Пламен? Привести его сюда, – велел он, – и всех его последователей, которые еще здесь. Хотя я даже не сомневаюсь, что большинство разбежались. Здесь полно тайных выходов.

Раздался крик Гроха Грохссона:

– Этот проходимец у меня, ваше высочество!

Собрание гномов погрузилось в привычный для них и как будто бесконечный гвалт, который оборвался коллективным вздохом, когда вперед вывели Пламена. Выражение его лица Мокриц не мог разгадать. Но, будучи знатоком настроений, он сразу понял, что Пламен уже переступил границы безумия, в то время как Рыс оставался спокоен и невозмутим как всегда, даже если внутри он и испытывал страх. Но Мокриц готов был

биться об заклад, что король сейчас вообще ничего не боялся. Что-то в его осанке предполагало незыблемую уверенность в том, что этот день принадлежал ему («Или все-таки ей», – напомнила Мокрицу о себе мысль из глубин сознания).

Восседая на священной Лепешке напротив Пламена, Рыс сказал:

– С тобой обошлись милосердно после Кумского соглашения, и все же ты счел себя вправе отнять у меня мое королевство. Ты вдохновлял тех, кто истязал целые семьи, чтобы получить желаемое. Что скажет народ, если я проявлю еще хотя бы минутную слабость и продолжу проявлять к тебе доброту? Ты неглуп, и многие гномы о тебе высокого мнения, но ты использовал свой ум, чтобы подорвать мою власть и выставить гномов злобными и глупыми преступниками в глазах всех других рас. Что ты можешь сказать в свое оправдание передо мной и перед лицом твоих сородичей?

Пламен молчал.

– Хорошо, – сказал король. – Не отвечай. Ты не оставляешь мне выбора. В былые времена король гномов не моргнув глазом казнил бы такого, как ты.

И тут послышался звон металла, и король встал, держа в руке топор. Наконец в глазах Пламена забрезжил страх.

– А, понимаю, – сказал король. – Тогда, быть может, раз уж я такой... новатор, как ты всегда говоришь с издевкой, то, наверное, я и разберусь с тобой как должно новатору. Ты пойдешь под суд. И я прослежу, чтобы среди присяжных оказались родственники тех, кого замучили граги, и выжившие гости со свадьбы в Лламедосе, и все те, чьи жизни без нужды были потревожены твоим существованием в этом мире. Вот они могут проявить милосердие. И я соглашусь с их вердиктом.

Пламен по-прежнему молчал, и король сказал:

– Закуйте его в цепи и уведите отсюда, но сохраняйте ему жизнь, хотя бы для того, чтобы я не забывал, что быть королем – нелегкая работа.

Пламена увели под оглушительные овации, и Рыс повернулся к собранию.

– А теперь пусть кто-нибудь приведет ко мне моего друга Альбрехта Альбрехтсона, который, к всеобщему позору, был закован в кандалы и брошен в темницу. И пусть эти же люди раздобудут для него флягу бренди, а потом уж, по возможности, бегут наутек. У него оригинальное чувство юмора.

Рыс опустил на Каменную Лепешку. Его голос эхом отражался от стен пещеры:

– В этом месте мне полагается обратиться к вам и назвать своими собратями... – все дружно затаили дыхание, и король продолжал: – Но сегодня я скажу «дамы и господа гномы»... Я здесь не только для того, чтобы вернуть свою Каменную Лепешку, которая за долгие годы перевидала много знатных и важных ягодиц. И мне интересно, сколько из них за все это время были женскими?

Коллективный гномий вздох как будто высосал из зала весь воздух, но король-под-горой продолжил:

– Выслушайте меня! Вам всем известно, что пол гнома – это целиком и полностью его секрет до тех пор, пока он сам не решит раскрыть его. И я помню, что несколько лет назад в Анк-Морпорке проходил модный показ только для гномов. Я был там – инкогнито – и узнал кое-кого из здесь присутствующих. Вы делали покупки, но, вероятно, использовали их строго в стенах собственного дома? «Шобла» заработала немалую сумму в тот день, и мне известно, что мадам Шарн хотела открыть у нас второй магазин. Здесь, в Шмальцберге! Эта мысль никого не пугает? Думаю, сегодня уже никого. И все, что я хочу сейчас сделать, друзья, это сообщить вам кое-что важное. Это истина! Та самая истина, которая остается, когда с нее обгорит вся ложь. И вот теперь я скажу вам, что я решил более не быть вашим королем!

Охи и ахи стали раздаваться еще громче обычного, и народ всюду строил вполголоса догадки, и все боялись отвести глаза от короля. Чары были разрушены или, наоборот, умножены тишайшим звуком чиркнувшей спички командора Ваймса. Толстая сигара засветилась как маячок. Ваймс улыбнулся и кивнул королю, и в этот момент Мокриц понял, что Ваймс, скорее всего, знал правду о Рысе с самого начала, или, во всяком случае, с того самого знаменитого приключения несколько лет назад, когда он был послан по случаю избрания Рыса на пост короля-под-горой.

Толпа расступилась, чтобы пропустить достопочтенного Альбрехта Альбрехтсона. Он подошел и встал рядом со своим королем, который тепло приветствовал его в традиционной гномьей манере – стукнувшись с ним шлемами^[78].

– Рад видеть тебя, друг. Мне жаль, что... мое отсутствие доставило тебе такие неудобства. Виновники понесут ответственность, – заявил он громко, буравя взглядом толпу. И добавил уже тише самому Альбрехту: – Ты прибыл вовремя. Я как раз делаю объявление.

– Я слышал, – сказал Альбрехт. – Но что вы делаете? Вам незачем уходить с должности. Вы победили.

Король-под-горой засмеялся:

– Уходить? Ну уж нет. Сейчас ты все поймешь.

Повернувшись обратно к толпе, Рыс сделал глубокий вдох и сказал:

– Для многих моих подданных эти новости будут неожиданными, но я женщина. Я того же пола, что и ваши матери, и стало быть, на самом деле я ваша королева!

И вот опять. Знаменитый коллективный гномий вдох. Даже Альбрехтсон не ожидал такого. Мокриц посмотрел на Арона и заметил, что рука гнома в кольчужной рукавице совсем легонько покоилась на рукояти его меча. Прямо позади Альбрехтсона стоял Грохссон и внимательно наблюдал за ним. Рядом с Мокрицем Ваймс очень осторожно отложил тлеющую сигару на каменный бортик и напрягся. «Все еще может обернуться непредсказуемо», – думал Мокриц.

– И если вы думаете, что ваша королева не будет таким же хорошим правителем, как ваш король, то неужели вы правда считаете, что ваша мать была хуже вашего отца? – Королева засмеялась. – Вижу, вы все устыдились. Это хорошо. Стыд пройдет, но вы никогда не забудете, за что вам было стыдно.

В настроениях толпы произошла заметная перемена, и королева продолжала:

– Я видела, что в наших теплых сердцах кроется истина, которую невозможно отрицать, но мы гномы, мы противимся всему, строя свои отдельные мирки внутри одного большого мира. Невольно задаешься вопросом: от чего мы бежим? Разве что от самих себя. Да, мы гномы, но мы можем стать лучше наших предков, не вылезавших из нор.

Королева умолкла, обвела взглядом своих подданных и добавила:

– Ну что? Никто из мужчин не посмеет бросить мне вызов?

Несколько пар глаз повернулись в сторону Альбрехтсона, который выглядел задумчиво, но не пошевелился. Грохссон слегка расслабился.

И вдруг королевский перст указал на одного гнома, и она сказала:

– Шов Рудокол, я всегда считала тебя здравомыслящим гномом, у которого крыша хорошо прикручена, пускай и поперек резьбы.

Мокриц физически ощущал ликование тех, на кого не указывал палец королевы, и отчаяние Шва Рудокола, и он задумался: то ли голос королевы-под-горой изменился, то ли всегда был таким? Она не произносила угроз, но они ощутимо висели в воздухе. Она держала их всех в руках и сжимала пальцы в кулак. Гном, на которого она указала, отступил назад.

– Где теперь твои граги, Шов Рудокол?

Этот самый Шов был просто паникой во плоти.

– Это не мои граги, ваше высочество!

Это наверняка было как-то связано с пухлой папкой, которую Арон передал королеве. Она облизнула палец, пролиставла страницы, посмотрела на Рудокола сверху вниз и спросила:

– Ты уверен? Значит, меня дезинформировали.

Она повернулась к остальным гномам и спросила:

– Может, меня обо всех вас дезинформировали?

Но гномы не сводили глаз с переворачивающихся страниц, стараясь не вытягивать шеи, чтобы посмотреть, было ли в списке их имя... Это выглядело до смешного нелепо. Королева крепко держала их за причинные места... а потом она сказала:

– Странно, не так ли, что, когда падает одна костяшка домино, она увлекает за собой другие. Если кто-то желает оспорить мое право на трон, пусть выступит немедленно.

Начался шепот, потом традиционный гвалт, без которого никогда не обходилось. Гномы переглядывались, но затем заговорил Альбрехтсон, и все притихли.

– Моя королева, – сказал он, и гвалт поднялся опять. Это был неожиданный момент: великий защитник гномьих традиций пересматривал свои взгляды. – Моя королева, мы, к счастью, остались в живых, и значит, должны извлечь урок. Я всегда считал себя ученым мужем, истинным знатоком учения Така, но минувшие дни показали, что даже мне еще есть чему поучиться. В своей маленькой темнице я слышал, как меняется мой образ мысли, и постиг смысл смирения. Я даже готов признать перед лицом всех вас, что часть этого урока преподал мне гоблин, во много раз младше меня, которого я с гордостью назову своим другом.

Мокриц заметил, что старый гном плачет. Альбрехтсон помедлил, а потом воскликнул:

– Так, храни королеву! И я готов сразиться с каждым, кто скажет иное.

И Мокриц подумал: «Вот черт, сейчас все начнется по новой».

Но гномы не выступили против Альбрехтсона. В зале было целое море лиц, и все казались одинаково потрясенными, как будто кто-то сообщил им, что золото, если честно, вовсе не такой уж интересный предмет.

Королева любезно поблагодарила Альбрехтсона, потом поднялась на ноги и изрекла:

– Я прекрасно понимаю, что многие из вас давали деньги грагам и их свите, и да, мне известны имена, разумеется, я знаю имена тех, кто готов убивать за устаревшие догмы. Когда придет срок, они ответят за это по всей строгости. Мы были милостивы после Кумской долины, и это был наш промах. Но если граги и их приспешники считают, что могут

выдернуть из-под меня Лепешку, они узнают, кто я такая. Ваша королева. Думаю, все вы слышали о королеве Юнси из Ланкра? Я считаю ее своим примером для подражания, но прямо сейчас я хочу мира во всем мире, и особенно мира для себя и своего будущего ребенка.

Эти слова были встречены шепотом, от которого закладывало уши, а подле королевы встал один гном. Арон обнажил меч, не против кого-то в частности, но в полной боевой готовности защищать свою жену и своего нерожденного ребенка.

Перекрикивая поднявшийся гвалт, королева сказала:

– Кто-нибудь еще сомневается, что я ваша королева по праву? Мне кажется, наши предки считали своих матерей низшими существами. Но я скажу так. Скоро я сама стану матерью, так кто из вас, господа, хочет попробовать отнять у меня Лепешку?

Мокриц посмотрел по сторонам. Претендентов не было. Казалось, что к королеве опасно прикасаться, а у нее даже не было в руках оружия. Это была полная, безоговорочная и бессрочная капитуляция.

– Вот и замечательно, – подытожила королева-под-горой. – Всех, кто пришел с добрыми намерениями, ждет пир горой и, разумеется, мед-пиво. – С улыбкой она добавила: – И коктейли, если кто-то их предпочитает. Да, мир перевернулся вверх тормашками, но поверьте, так он и задумывался. Славьте Така! И славьте Железную Ласточку и всех тех, кто ее строил, кормил и холил.

– У Пламена безвыходное положение, – сказал Альбрехт позже на банкете. – От него все откололись, надеясь избежать неизбежного. Вы правы, ваше высочество. Мы забыли, что значит быть настоящими гномами, и тогда начались проблемы! Порядочные гномы стали опасаться за свою жизнь. Маленькие комочки ртути слились воедино, а в итоге оказалось, что все укрепления Пламена оказались построены на песке.

Ваймс поглядел по сторонам со своего почетного места за низким столом и сказал:

– Посмотрите на них. Мир действительно перевернулся вверх тормашками. Они еще поворчат, конечно, но когда вы, гномы, не ворчите?

Альбрехт хмыкнул:

– Они заслуживают более серьезной расплаты.

– Да ну? – отозвалась королева. – Я не намерена начинать новую жизнь с кровавой бани. Правосудие будет свершено. Все знают, кто исполнял главные роли, мы всегда это знали. У нас есть имена и письменные показания. Мир гномов маленький, здесь негде спрятаться, и откровенно

говоря, дело уже почти сделано. Стоящие за переворотом глубинные граги потеряли лучших бойцов в попытках уничтожить Железную Ласточку во время ее передвижения по стране. Что это было за путешествие! И я открыла для себя логистику. Будущее за поездами. Поезда сближают людей. Только подумайте. Люди бегут, чтобы посмотреть, как проходит мимо поезд. Почему? Потому что он движется в будущее, он идет из прошлого. Лично я очень жду будущего и хочу сделать так, чтобы гномы стали его частью, если еще не поздно.

Ваймс усмехнулся:

– Что ж, ваше высочество, у вас как раз есть такая возможность. Если я правильно понял юного Дика Кекса, мост через Дичий перевал нужно будет восстанавливать несколько месяцев, и его потребуется хорошо укрепить, чтобы он мог выдержать вес полностью груженного поезда. А значит, Железная Ласточка и весь состав будут ждать здесь до восстановления линии.

Он посмотрел туда, где за столом сидел Мокриц, погруженный в горячую беседу с Грохом Грохссоном.

– Господин фон Липвиг будет счастлив проконсультировать вас по вопросу... коммерческих перспектив.

Рыс улыбнулась:

– Да, я наслышана о репутации господина фон Липвига, и на меня произвели положительное впечатление его... таланты. Однако мне кажется, было бы вернее позвать нашего законника, господина Громогласса, чтобы решить все вопросы честно и справедливо.

Ваймс посмеялся:

– Очень мудро.

– Наверняка нам понадобятся рабочие руки, чтобы помогать со строительством? – спросила королева. – Особенно молодежь. Ей уже не так интересно работать в шахтах, но все-таки молодым гномам нужна стабильная работа, где можно много стучать молотком по железу. Мы же гномы как-никак.

Впоследствии королева обошла своих предположительно верноподданных, и это было великое шествие, и периодически из толпы робко выходили вперед гномы в кольчужных юбках или с красиво заплетенными бородами, выражая королеве свою преданность. Как сказал впоследствии Ваймс, в тот день она одержала безоговорочную победу, особенно в связи с тем, что огромное количество гномов, с которыми она сейчас разговаривала, были женщинами, которые очень долго ждали дня, когда они смогут открыто это признать.

Вечером накануне отъезда в Здец Мокриц побрел к железной дороге, лениво рассуждая о недавних событиях. Он думал о том, что мир узрел Железную Ласточку, а королева вернула себе корону, и, если верить командору Ваймсу, худшие из грагов были или мертвы, или за решеткой.

На временной станции Ласточку сторожили Шнобби Шноббс и Фред Колон, которые оба крепко спали. Ласточка, однако, бодрствовала, хотя котел еле кипел после долгого дня катания местных с одного конца одноколейки до другого.

Мокриц на цыпочках подошел к пустому паровозу и прошептал:

– Что же ты такое, Железная Ласточка?

Сначала ответом была тишина, а потом что-то слабо сверкнуло, когда ключья пара поднялись в ночное небо над паровозом, и в голове Мокрица зазвучал шепот, мягкий, теплый и как будто влажный.

«Подумать только, господин фон Липвиг, ты, верно, не так умен, как о тебе говорят. Я это я. Я Железная Ласточка. Людям нужно только поверить, и тогда я перестану быть игрушкой, собранной умными инженерами. Я мысль, я нечто из ничего, и мое время пришло. Некоторые даже называют меня богиней».

Мокриц успел мельком вспомнить традиционные изображения богинь в прозрачных ночнушках и с вазой в охапке, но голос вмешался, продолжая уже напористее:

«Разве я не красавица? И я знаю, что мои дети будут еще лучше! Стройнее, и красивее, и сильнее! Уже сейчас господин Кекс творит для меня моих деток. Вскоре я стану естественным элементом окружающей среды, облагороженной моим мимолетным присутствием. Я каждый день слышу восхваления, которые говорят мне, что я есмь сила во плоти, и те, кто вздумает противостоять мне и погасить мой огонь, будут повержены. Я, господин фон Липвиг, я буду править повсюду, вверх и вниз по линии».

В сумерках Мокриц увидел худощавую фигуру, приближающуюся к Железной Ласточке. Дик Кекс перекрыл какой-то шипящий клапан, и голос, такой дивный голос, смолк.

– Эх, хороша! Пришел повидаться с ней последний раз перед тем, как мы вернемся в город, да, господин Липвиг? Я тебя понимаю. Все хотят с ней повидаться, и не стану врать, сердце на куски рвется оставлять ее вот так, но у нее тут много славных дел впереди. Железная Ласточка у нас отличная девочка. Сила в чистом виде, и дала себя обуздать, ох. Обуздать синусом и косинусом, и даже тангенс внес свою лепту. И не в последнюю очередь – счетная линейка. – Дик усмехнулся Мокрицу. – Люди видят

Железную Ласточку и сами не верят, на что бывает способна математика! Не надо бояться, что она обожжет тебя живым паром, потому что она так не сделает. Я поработал над этим. Она навсегда останется моим любимым паровозом, господин фон Липвиг, королевой всех остальных. Она живая. Как кто-то может сказать, что нет?

Мокриц огляделся и увидел, что они окружены гоблинами, которые сидели тихонько, собравшись в большой круг, как прихожане в храме, и Дик повторил:

– Сила, господин фон Липвиг. Обузданная сила.

Мокриц редко лишался дара речи, но сейчас он мог сказать только одно:

– Удачи тебе, господин Кекс. Удачи.

И машинист стал творить свою магию. Открылась топка, разбросав танцующие алые тени по всей кабине. Потом послышался шум, толчок, Железная Ласточка напряглась и выдохнула пар, чтобы пуститься в новую поездку по линии, а гоблины захлопали в ладоши, захихикали и вскарабкались на ее бока. Потом раздалось первое «чух», потом второе «чух», а потом частое пыхтение, и Железная Ласточка преодолела силу трения и тяготения и полетела по рельсам.

Дик Кекс прикурил трубку от горячего уголька и сказал в ночь:

– Эх, хороша!

Когда несколько дней спустя Стукпостук вошел в Продолговатый кабинет, его встретила знакомая тишина, нарушаемая только скрипом карандаша, когда аскетичная фигура за столом заполняла клеточки кроссворда. Стукпостук кашлянул.

– Да?

Лицо патриция было неприступным. Бровь вопросительно поднялась – характерное движение, которое ввергало многих в ужас. Стукпостук улыбнулся.

– Мои поздравления! Выражение лица отточено до безупречности, акцент не подвел. И, разумеется, брови! Брови тебе всегда особенно удавались. Вот стой он рядом с тобой, я бы не сразу понял, кто есть кто.

Вдруг лицо патриция исчезло, и остался клоун Чарли в одежде лорда Витинари, крайне смущенный.

– Было несложно, господин Стукпостук, ты давал мне столько ценных подсказок.

– О нет, – возразил Стукпостук. – Это было блестящее исполнение. Две недели ты изображал его светлость и не сделал ни одного неверного

шага! Но перейдем к делу. Сумма, о которой мы условились, будет переведена на специальный счет в Королевском банке уже завтра. – Стукпостук еще раз улыбнулся и спросил голосом доброго дядюшки: – Как поживает супруга?

– О, Генриетта прекрасно, господин Стукпостук, спасибо за беспокойство.

– А твой малыш, Руперт? У него ведь сейчас каникулы?

Чарли робко посмеялся:

– Уже не малыш, господин, растет как на дрожжах, хочет стать машинистом.

А Стукпостук ответил:

– Ну вот, Чарли, у тебя как раз теперь достаточно денег, чтобы обучить его ремеслу где угодно, и еще останется твоей дочери на королевское приданое. Ты ведь живешь все в том же доме? Замечательно!

– О да, и благодаря вам мы обустроили детям отличные комнаты и теперь копим на квартиру для бабули, когда сможем позволить себе бабулю. А Генриетта в полном восторге от денег, которые я тут получаю, и теперь даже может позволить себе стричься у господина Форнасита, как все богатые дамочки. Она на седьмом небе. – Он закричал. – Кукольником и клоуном я столько не зарабатывал.

Стукпостук опять улыбнулся:

– Не сомневаюсь, его светлость будет рад слышать, что у тебя в семье все счастливы и... живы. Пусть так и продолжается. Я буду рекомендовать, чтобы тебя повысили. А теперь, когда возвращение его светлости ожидается с минуты на минуту, предлагаю выйти через черный ход. Нам же не нужно, чтобы два Витинари оказались в одном месте одновременно, правда?

Чарли побледнел и сказал:

– О, ну конечно, господин, этого нам совсем не нужно.

– Тогда мы этого не допустим, – сказал Стукпостук. – Ступай, а я за тобой закрою.

Когда счастливый Чарли поспешно исчез, Стукпостук, немного погодя, сказал темному клерку Измаилу:

– Полагаю, его светлость захочет, чтобы мы уточнили местонахождение салона этого господина Форнасита и школы, которую посещают дети нашего доброго друга. Все точно так же, как и в прошлом году?

– Да, господин, – ответил клерк. – Я перепроверил накануне.

– Молодец.

Как говорит его светлость, «при достаточных мерах предосторожности меры предосторожности никогда не понадобятся». Нужно было только убедиться, что у Чарли не возникнут никакие... оригинальные планы насчет собственного будущего.

Никогда еще Мокриц не был так счастлив видеть свой дом, и, когда он поднялся на порог, жена первая открыла ему дверь и сказала:

– А, это ты. Живой? Хорошо. Как все прошло?

– Неплохо. Големы были выше всяких похвал. Грустно, что пришлось оставить Ласточку, пока не починят мост. Хотя там сейчас столько големов Гарри и рабочих, что Витинари уже скоро сможет кататься туда хоть на своем личном поезде, если пожелает.

– Чтобы поддерживать отношения между Убервальдом и Анк-Морпорком... в сердечном согласии, не сомневаюсь, – ответил его жена с улыбкой.

У Мокрица за спиной Из Сумерек Темноты сказал:

– Убервальдские гоблины уже дают себе железнодорожные имена. Говорят смешно, но соображают быстро, как все гоблины.

– Ах да, – сказала Дора Гая. – Чуть не забыла. Пока ты был в отъезде, мы получали доклады от семафорщиков вдоль путей в Графствах о некоторых необычных происшествиях. Странные шумы, пар из кротовин и тому подобное. Ты, случаем, ничего об этом не знаешь?

Из Сумерек Темноты нацепил выражение лица, максимально (для гоблинской мимики) приближенное к невинности.

– Ни малейшего представления, госпожа. Дымящиеся кротовины? Не иначе корова съела плохой травы. Но так-то мнооого гоблинов любят все парящее. Кто-то даже мастерит собственные паровозики. В образовательных целях! Умные гоблины.

Этот разговор точно мог подождать до завтра. Мокриц, благодарно вздыхая, направился к мягким подушкам.

– Сначала посплю, а завтра вернусь в банк. Наверняка там скопились бумаги на подпись. Как хорошо некоторое время поделаться что-нибудь простое.

Дора Гая фыркнула:

– И как долго это продлится?

Мокриц помедлил.

– Пару недель? Бумаг наверняка скопилось *очень* много.

– Да, и не тебе ими заниматься, – сказала Дора Гая. – Ты знаешь, что господин Бент все содержит в лучшем виде. Тебе нужно только ходить по

банку и любезничать со всеми.

– Зато никто не пытается меня убить, Шпилька.

– Остается надеяться, – ответила Дора Гая.

За завтраком леди Сибилла сказала мужу:

– Похоже, это было то еще приключение, Сэм. А королева, я слышала, сменила имя на Блодвен. По-лламедосски это значит «прекрасный цветок». Не правда ли, прелесть? Нужно непременно ей написать.

– Она будет рада, – согласился Ваймс.

Талант его супруги поддерживать связь со всеми, кого она встречала в своей жизни, был притчей во языцех и часто играл ему на руку. Особенно в политических ситуациях. Командор опустил глаза в тарелку с мюсли и сказал:

– А знаешь, этот тип, Липвиг, вовсе не так плох, как я думал. Выставляет себя прохвостом, но толковый парень в ответственный момент. Говорить ему этого я, конечно, не собираюсь.

Он повозил ложкой по полезной клетчатке в миске, с тоской вспоминая кочегарскую яишенку.

– Но ему явно нравится быть в центре внимания.

– Да, дорогой, с мужчинами это бывает.

Леди Сибилла помолчала с минуту и сказала:

– Сэм, я понимаю, что у тебя впереди много дел из-за долгого отсутствия и вообще. Но могу ли я попросить тебя об одолжении?

– Что угодно, дорогая.

– Когда линию до Убервальда откроют, я бы хотела навестить королеву, а главное, я бы хотела отправиться в путешествие по железной дороге. И Юный Сэм без ума от поездов, сам знаешь. Он уже от корки до корки исписал первую записную книжечку.

– Ты же знаешь, что когда я беру отпуск, то попадаю прямиком на какое-нибудь преступление, – ответил Ваймс.

Леди Сибилла доела яйцо.

– Вот и славно, дорогой, тебе понравится.

Гарри Король почти не удивился, когда на следующий день на участок прибыл Стукпостук и заявил:

– Его светлость приказывает вам с леди Король прибыть к нему в течение часа, – и секретарь неожиданно подмигнул Гарри, а жена, когда Гарри передал ей эту новость, по ее же словам, страшно перевозбудилась.

– Через час во дворце! Разве женщина может прихоршиться всего за

час?

– Ну, Герцогиня, – сказал Гарри. – Ты всегда выглядишь как с картинки и только молодеешь с каждым днем.

– О, Гарри Король, ты мне льстишь.

Но Гарри ответил:

– Карета ждет, чистая как стеклышко, и его светлость полагает, что точность – вежливость королей, а это касается и тебя, юная Эмили. Не думаю, что твой молодой человек захочет, чтобы ты опаздывала. На железной дороге так не делается.

Гарри не сказал жене, чего ожидать, предпочтя сделать сюрприз, и вот, когда карета подъехала ко дворцу, она вновь чуть не перевозбудилась, потому что здесь собрался великий и славный Анк-Морпорк, и нелепый и грязный Анк-Морпорк тоже, просто чтобы посмотреть, как Гарри Короля провозгласят лордом. *Лорд Король Железных дорог*. И после восхитительной церемонии, которая за этим последовала, супруга лорда Гарри стала настоящей герцогиней.

Дика Кекса посвятили в рыцари и заодно в мастера инженерии, стараниями самого главного начальника шахты, и теперь он счастливый стоял рука об руку с лучезарной Эмили. Командор Ваймс, облаченный в парадные лосины и негодовавший по этому поводу, уже был навьючен всеми титулами, которые его светлость имел в распоряжении, но ему выдали очередную медаль, отлитую из сорортания, с изображением Железной Ласточки собственной персоной. По медали досталась и каждому стражнику, который находился на борту поезда, и каждому члену экипажа, включая гоблинов.

Настало время для неизбежной аудиенции в Продолговатом кабинете. У края стола стоял вездесущий Стукпостук и вел записи.

– Насколько мне известно, господин фон Липвиг, – сказал патриций, оглядывая из окна простертый внизу город, – за время вашего путешествия произошло несколько примечательных событий.

Мокриц не изменился в лице, но почувствовал, как вокруг шеи затягивается призрачная петля.

Патриций продолжал:

– Туман, который так кстати обрел плотность, поезд, который перелетел через расселину... и мне до сих пор приходят донесения о подземных феноменах отсюда до самого Здеца. И аркканцлер заверил меня, что магия ко всему этому отношения не имеет. Ты помнишь, конечно, что я прямым текстом запретил тебе использование захороненных големов в железнодорожном предприятии и что любое свидетельство того, что они

принимали в этом участие, станет твоим пропуском к котикам?

Он подошел к камину, который уже начинал затухать, и поворошил его кочергой – с избыточной, как показалось Мокрицу, силой.

– Прошу меня простить, милорд, но вы нашли такие свидетельства?

Витинари повернулся к секретарю:

– Мы нашли свидетельства, Стукпостук?

Стукпостук посмотрел на Мокрица:

– Нет, сэр, не нашли.

– Ну, тогда не о чем говорить, – сказал патриций. – В конце концов, странные и необъяснимые вещи происходят у нас чуть ли не каждую неделю.

Стукпостук прочистил горло.

– Да, сэр. Как раз на прошлой неделе на рыбном рынке случился дождь из пианино. Это побочный эффект жизни в Анк-Морпорке.

– В самом деле, удивительное нас не удивляет. К тому же некоторые вещи можно причислить к феноменам совершенно беспричинно, – сказал Витинари великодушно, насколько это можно сделать, держа в руке раскаленную кочергу и будучи лордом Витинари.

– Кстати говоря, господин фон Липвиг, ты проявил замечательную удачу в драке на поезде! Хотя, конечно, без *маленькой* помощи не обошлось.

Мокриц поднял взгляд на патриция, чей силуэт вырисовывался на фоне пламени, и в голове у него с пугающим шумом что-то щелкнуло. Он ахнул:

– Вы! Вы кочегар Блейк! Это же невозможно!

– В самом деле? – сказал патриций. – Так же невозможно, как летящий по воздуху поезд? Или ты не веришь, что я могу забрасывать уголь в топку? Это цветочки по сравнению с руководством Анк-Морпорком, с его тоннами проблем, которые ежедневно требуют моего внимания. Могу тебе сказать одно, господин фон Липвиг, я обладаю многими талантами, и о некоторых из них тебе лучше не знать. По сравнению с ними и кочегар Блейк покажется тебе невинным младенчиком.

– Вы имеете в виду драки на лопатах? – спросил Мокриц.

– Ах, господин фон Липвиг, как тебя легко удивить. Неужели ты забыл, что я проходил обучение в Гильдии Убийц? Моим предшественником на посту кочегара был Убийца Джон Вильстафф, так вот, говорят, он сущий хомячок в сравнении со мной. Мне действительно понравилось быть кочегаром Блейком. А какие полезные навыки я приобрел. Лопата – удивительное оружие. А что до остальных кочегаров, то я завел среди них

друзей, да, между нами существовало определенное товарищество. В целом я немного отдохнул от тягот городского управления. Я даже смею сказать, что не буду против вернуться в кабину машиниста, когда у меня появится такое настроение.

– Но почему?

– Почему, господин фон Липвиг? Это ты задаешь мне такой вопрос? Тот, кто танцевал на крыше поезда, тот, кто активно ищет неприятностей, желательно связанных с какими-нибудь безрассудствами? Хотя в твоём случае я бы рекомендовал почаще вспоминать о рассудствах. Иногда, господин фон Липвиг, тот юнец, с которым ты расстался много лет назад, возвращается, похлопывает тебя по плечу и говорит: «Вот момент, когда цивилизация не имеет значения, когда правила больше не держат тебя. Ты дал этому миру все, что мог ему дать, и теперь настало время только для тебя, возможность пойти ва-банк и крикнуть последнее ура. Ну вот – ура!»

Витинари провел кочергой по каминной решетке, отчего искры в камине заплясали. Он посмотрел на них, элегантно движением развернулся к Мокрицу и сказал:

– А если ты, господин фон Липвиг, кому-нибудь об этом расскажешь, господин Трупер будет рад снова с тобой встретиться. Мы друг друга поняли? Вот и славно.

Можно подумать, кто-то ему поверит, если он хотя бы об этом заикнется! Мокриц и сам с трудом верил, даже слыша это из первых уст. А пока он пытался осмыслить услышанное, слова патриция о его собственной удали разожгли в нем новую обиду.

– Вы всем на поезде дали по медали, даже Шнобби Шноббсу. Неужели мне ничего не полагается, милорд?

Повисла пауза, и Витинари ответил:

– Почему же, господин фон Липвиг, полагается, и это нечто особенно ценное: это дар жизни.

И позднее, когда Мокриц поразмыслил об этом как следует, он подумал, что, в сущности, это был очень хороший расклад. И к тому же *он танцевал на крыше мчащегося поезда*. Вот это была настоящая жизнь!

Несколько недель спустя Стукпостук уговорил лорда Витинари спуститься вместе с ним на задний двор, где по цепочке из труб текли сточные воды и жались друг к другу разномастные бараки, в которых размещались прачечные и другие полезные предприятия, без которых не может существовать ни один современный дворец^[79].

Там их встретил юный гоблин. Он заметно нервничал и держал в

руках странную конструкцию о двух колесах, которые непонятно чем удерживались вместе. Колеса вращались.

Стукпостук откашлялся:

– Покажи его светлости свое новое изобретение, господин Из Колеса Спица.

Витинари с невозмутимым видом смотрел, как гоблин оседлал свое изобретение и, крутя педали, по кругу объехал прачек, которые всплеснули руками и заговорили: «Ну право слово! Что ж дальше-то будет?»

И самая старшая прачка сказала:

– Поди, на подушечку сзади можно и девушку посадить.

Лорд Витинари сказал:

– Полагаю, ты тоже хочешь себе такую вещь, да, Стукпостук?

– Сэр, – ответил Стукпостук. – Это даже не совсем механизм. Это как продолжение твоего собственного тела. Смотрите, ни пара, ни сажи, только пот.

– Любопытно, – согласился патриций. – Один человек, сам себе двигатель.

Когда гоблин наконец остановился перед Витинари, он вопросительно посмотрел на Стукпостука, который терпеливо ожидал решения своего хозяина.

Наконец Витинари улыбнулся и произнес:

– Замечательный *велосипед*, господин От Колеса Спица. Кажется, у Леонарда Щеботанского была похожая идея, но теперь, когда весь наш мир приходит в движение, не вижу в ней никаких проблем. Похоже, каждый сможет сам заменить себе лошадь. Предлагаю тебе, юный гоблин, показать свой прототип командору Ваймсу. Приспособление, на котором можно перемещаться вдвое быстрее, чем пешком, не раз придет на выручку стражнику, который вечно куда-нибудь спешит, или, точнее, вечно медлит. Господин Стукпостук, будь добр, составь командору записку. Я подпишу. В самом деле, в Страже многим не помешают физические упражнения. А на твоём месте, – он повернулся обратно к гоблину, – я бы обратился к троллю-законнику по имени Громогласс и слушался всего, что он говорит. Мир меняется, но миру всегда будут нужны пастухи, а иногда и мясники. В данном случае я выступаю в роли пастуха. Твое изобретение замечено. И всем нам остается только задаваться вопросом: что дальше? Какая вещица изменит мир, потому что мастера продолжают мастерить?

Благодарности

В написании этой книги мне оказали неоценимую помощь джентльмены в спецовках с железнодорожной линии Уотеркресс в Хэмпшире, которые показали мне... в сущности, они показали мне все, от своих мастерских до кабины машиниста и топки движущегося поезда, и даже чудо из чудес: сигнальную будку – настоящую сокровищницу из красного дерева и меди. Шедевр!

И, разумеется, я выражаю сердечную признательность Робу за то, что он не дает этой истории сойти с рельсов, и моему редактору Филиппе Дикинсон, которая выручала меня советом, кормила батончиками, а главное, не теряла терпения.

notes

Примечания

1

По этому поводу отпускались кое-какие непристойные комментарии, но, к прискорбию местных незамужних девиц, всем стало ясно, что Чокнутый Железный Кекс и его механики интересовались своими железяками куда больше, чем женщинами.

2

Правильно произносится: Задец.

3

От гномьего *дезка-ник*, букв.: начальник шахты.

Тут человек мог бы сказать «быковать», но гномы не питали теплых чувств к коровьему семейству, тогда как на крысятину всегда можно было положиться.

Скаутское движение троллей, гномов и людей зародилось вскоре после подписания Кумского соглашения по инициативе лорда Витинари, чтобы дать молодому поколению трех доминирующих видов возможность познакомиться друг с другом и найти общий язык. Естественно, молодые поколения любых видов, собранные вместе, вместо того чтобы вцепиться друг другу в глотки, объединят силы в борьбе против реального врага – своих родителей, учителей и прочих авторитетов, которые *ужасно* отстали от жизни. И идея возымела успех, ведь это был Анк-Морпорк, верно? Никому нет дела, какой ты формы, но кто-то всегда может заинтересоваться тем, сколько у тебя денег.

Не говоря уже о том, что кувшин был династии Максвине и потому стоил баснословных денег. Зато фарфоровые черепки на полу не показались Гарри такими уж дорогими.

На големов это не распространялось. В то темное время, когда компания, принадлежавшая ее семье, была узурпирована коммерсантами, Дора Гая направила все свои силы на освобождение големов. Она и сейчас продолжала сотрудничать с Трастом Големов, но приятно удивлявший темп перемен в Анк-Морпорке означал, что големы теперь могли прекрасно справляться и без нее.

Дора Гая была затейливо плохой кухаркой и прекрасно об этом знала, полагая приготовление пищи напрасной тратой времени для женщины, у которой есть хотя бы одна рабочая извилина. А поскольку Мокриц придерживался аналогичного мнения касательно физического труда, достигнутый компромисс устраивал всех участников.

И это было все его имя.

Раздельные ванны комнаты, естественно, залог успеха любых семейных отношений.

Шпилька, как любя называл ее муж. Брат звал ее Убийцей, но в хорошем смысле.

Литературное название стаи гоблинов.

Восхитительно пестрая древесина дуба из Чортова леса пользовалась большим спросом на рынке элитных столярных изделий.

Известный в народе как «Липкая голова».

Если можно так назвать человека, которому каждый день приходится подписывать документы, посещать неприличное число встреч *по поводу* встреч и разбирать даже самую ничтожную корреспонденцию.

Это кристаллическое соединение черного цвета активно применялось женщинами троллей в качестве антивозрастного крема. Проведя тщательное исследование, Дик Кекс выяснил, что, оказывается, это был очень эффективный смазочный материал.

Стоит отметить, что непосредственным председателем был Шалопай, *гав-ный* председатель.

Термин, означающий, что строитель спекулирует на том, как далеко он успеет убежать и с какой суммой денег, прежде чем заказчик обнаружит, что подпоры ничего не подпирают, отстойник закопан на один фут и заваливается на бок, а кирпичи обязаны своим существованием самому естественному и бесценному из всех стройматериалов – коровьему навозу. Процесс обычно начинается с планирования (во всех смыслах слова). Строились целые районы под обманчивыми названиями вроде Соловьинной рощи или Подсолнечных садов, где соловей ни разу не пролетал, а подсолнух не распускался, но тем не менее они выставлялись на продажу компанией Внекотромродедвижимости СРБН Достабля и партнеров, у которой дела шли вольсю.

Ой-Донг во многом был похож на Шангри-Ла.

Пер. с гномьего – «садовое украшение».

Не путать с Рыцарями Нуги, прославленными в гномьей мифологии первопредками, которые на заре времен сотворили паточные залежи и прочие подземные сладости.

Мокриц задумался, лотосы они или все-таки лотусы, но быстро решил, что разницы никакой.

Здесь требуется участие человека, который произносит слово «барыш», многозначительно потирая большой и указательный пальцы, ну, ты ж меня понимаешь, шеф?

Как только Мокриц услышал его имя, он метнулся за словарем и с облегчением выяснил, что форнасит – это редкий минерал, хром-арсенат свинца и меди. Троль был приятного синевато-зеленого цвета.

Люди бы, конечно, сказали: «Туда, где не светит солнце».

Некоторые разногласия вызвало слово «гигиеническая», но Мокриц остался в меньшинстве. Остальные сочли, что оно задает тон всему проекту. Леди Король сказала, что в этом есть «некое *же не се куа*», и кто бы отважился возражать Герцогине?

Хотя для своего супруга она навсегда осталась Герцогиней – это было ласковое прозвище, которым называл ее только он.

Бесчеловечная пытка котиками на самом деле была придумана самим Мокрицем, и Витинари проникся его идеей. В дворцовых подземельях стояла большая «железная дева», которой редко пользовались. По нынешним временам пытка котиками была актуальным наказанием, которое заставляло злоумышленника дважды задуматься, прежде чем совершить то, за что ему грозило подземелье с котиками. Уход за механизмом и за животными осуществлял Седрик, человек недалекий, но его устраивало ежемесячное жалованье, и он был заядлым любителем котиков, которыми были запружены улицы Анк-Морпорка. Котиков в большом количестве помещали в «железную деву», туда же отправляли и злоумышленника, которому еле хватало места, чтобы сесть. Внизу был проделан маленький люк, куда можно было просунуть блюдце с молоком. Как только котик начинал нервничать и издавать характерные звуки, Седрик отпирал «железную деву» и лупил пытаемого дубинкой, причем сила ударов была прямо пропорциональна состоянию расстроенного котика. Находились глупцы, которым это казалось смешным, но пытка была действенной, и после нескольких порций дубинки наблюдатели могли только дивиться на атмосферу счастья, царящую в «деве», откуда доносилось такое громкое мурлыканье, что оно отражалось эхом от стен темницы.

Вид боевых искусств, при котором руки движутся одновременно и во времени, и в пространстве, когда боец в процессе скручивает пространство у себя за спиной.

Мастерство Джолсона в высокохолестериновой кулинарии помогло ему обзавестись многими полезными друзьями, а обмен горячих пирогов на горячие новости оказался очень прибыльным делом.

Чувство, которое разделяли и многие журналисты, побоявшиеся заляпать грязью свои новые туфли и подвергнуться нападению фазанов.

Протектор Восьми Протекторов и Императрица Длинной Узкой Спорной Полосы К Пупу От Сто Керрига.

Залов ожидания было на самом деле два, первый – для мужчин и семей, второй – для одиноких дам. Как и следовало ожидать, Юффи твердо стояла на том, что железная дорога во всех аспектах должна быть чистой, безопасной и в буквальном смысле гигиеничной – тема, которая была ей очень близка.

В итоге заголовок был такой: «Как расслабиться в поезде». Видимо, господину де Словву с супругой пришлось по душе санитарно-гигиенические условия.

А когда тролль говорит что-то во всеуслышание, то слышат действительно все.

Даже профессору Ринсвинду, который большую часть поездки провел, прячась под сиденьем в твердой уверенности, что паровой двигатель – это такая штука, которая приводит к неминуемой гибели, пришлось признать, что поезда могут принести ощутимую пользу, если кому-то нужно быстро куда-то добраться, а уж тем паче – откуда-то удрать.

Немалая часть которой состояла из глухого захоlustья, что для города-государства в целом обычное дело.

Тюремщики никак не могли взять в толк, как ему удалось сбежать. Только потом до них дошло, что свое белье назад они не получают.

Он, конечно, понимал, что нельзя употреблять здесь это разговорное наименование, но ведь звали же щёботанцы жителей Анк-Морпорка *задницами*. В шутку. Как правило.

Люди сказали бы – слишком низко пал. Ужасно низко.

Анк-морпоркский гражданин не допускает мысли, что в мире есть места, которые хоть в чем-то могут сравниться с их родным городом, и относится к подобным идеям с веселым презрением. Сама поговорка восходит к анекдоту о некоем анк-морпоркце, который увидел в Псевдополисе гигантскую статую всадника и выразился так: «Что это, конь? Як? Мне бы пивка, я с Анк-Морпорка», – приведшими к возникновению популярнейшей трактирной песни.

Который не столько маскировал вездесущий гоблинский запах, сколько придавал ему дополнительные пикантные нотки.

Горшки коготт – так они назывались – занимали в культуре гоблинов центральную роль и обладали сакральным значением. В Анк-Морпорке предприимчивые гоблины изготавливали на продажу липовые коготт, которые выглядели совсем как настоящие, если верить словам Доры Гаи, однако были лишены всякой магии и представляли собой красивую пустую оболочку. И лучше было не вникать, для каких целей *изначально* создавались эти горшки...

Чем могли кормить их матери вместо молока, лучше было не задумываться. Мокрица от одной мысли выворачивало наизнанку.

Все детеныши гоблинов называются козявками.

Общественный транспорт, состоящий из тролля и двух комфортабельных корзин, пристегнутых по бокам, вместительностью до четырех человек.

За исключением отдельных походов с клиентами в «Розовую киску», что создавало иллюзию хорошего времяпрепровождения и позволяло совать деньги в чулки вертлявым молодым барышням; но едва ли это вообще можно было считать зазорным в свете его преждевременно наступившего среднего возраста. Это, скорее, было печально и хотя приносило мимолетное удовольствие, но грозило смертным приговором в том случае, если Дора Гая когда-нибудь об этом узнает.

Колон и Шнобби провели достаточно лет на опасной службе, чтобы точно выяснить, как не умереть при исполнении. Секрет был в том, чтобы прибывать на место преступления, когда злодеи успеют разбежаться.

Казалось невежливым спрашивать у Отто напрямую, как ему удается везде успевать быстрее всех. То, что Отто – вампир, ни для кого не было секретом, но он оставался законопослушным черноленточником, поэтому, что бы они о нем ни думали, за спиной о нем не судачили.

Пакт, обернувшийся плачевными последствиями для компании «Вагоны Брокколи», где паровозы и рельсы калибровались по меркам стандартных гужевых телег, использовавшихся для транспортировки капусты.

И все равно для всех Гарри оставался Титаном – этому прозвищу, шутливо характеризующему человека с глубокими карманами и короткими пальцами, он был обязан своей привычке смотреть на подобное расточительство нехотя, как на удаление зуба руками стоматолога-тролля.

Фини повезло. Имя для гоблина – это всегда его имя, оно неприкасаемо и является неотъемлемой частью самого гоблина.

Или, точнее, *дарами моря* его собственного труда.

Мокриц подозревал, что такое наименование состав получил с легкой руки Витинари, ибо в Псевдополисе отродясь не было королей, зато его раздирал столь ненавистный патрицию недуг демократии.

Население Равнин Сто и некоторых других регионов до сих пор не смирилось с концепцией удобств в... доме. Туалет в садике, на свежем воздухе, считался куда гигиеничнее, а при известной аккуратности ваши томаты уродятся всем на зависть. (Если вам непонятно, что это значит, спросите у бабушки с дедушкой.)

Гарри пришлось силой остановить ее, чтобы она не установила биде в поездах щеботанской линии.

Состояние, которое было бы еще больше, если бы вовремя не подсуетился Громогласс и Гигиеническая железнодорожная компания не успела бы урвать свой куш.

Гарри был на седьмом небе от счастья. Он старался ничем не выдавать своего восторга, но узнав, что станет частью игрушечной железной дороги, он улыбнулся до ушей, хотя Юффи и возмутилась, что в виде игрушки он был слишком толстый.

Все гоблины, особенно самцы, были существами удивительно жилистыми. Все их туловище как будто состояло из одних жил, связанных узлами с другими жилами. Разум возражал, что, конечно, где-то там должны быть и мышцы, но им, похоже, было непросто уместиться среди всех этих жил.

Было доподлинно известно, что забраться на гору Челести можно. Многие скалолазы пытались покорить эту вершину, и почти все терпели неудачу, но история гласит, что одной компании престарелых господ с артритными руками и кривыми ногами это удалось, и они тут же погибли героями, ради чего по большому счету все и затевалось. Другим устремленным и в немалой степени утомленным скалолазам удавалось подняться на небольшую высоту по так называемой Тропе Света, о которой ходили легенды, будто она не выносит тех, кто не является истинным героем. И все же многие до сих пор питают надежды покорить Челести, ну или сломать позвоночник, но хотя бы попытаться.

Дэйзи Снейпс официально стала первым человеком, родившимся на борту движущегося поезда, благодаря повитухе, которая устроила роженицу в вагоне для поездной стражи. Малышка родилась на скорости тридцать миль в час, и счастливые родители окрестили ее Локомотива Снейпс. Однако Мокриц узнал об этом и всучил ей и всей ее семье бесплатный сезонный абонемент на пользование железной дорогой, высказав заодно предположение, что Локомотива будет звучать лучше в качестве среднего имени.

Болота в этой части света славятся своей орнитологией, но это печальная слава, потому что здешние болота постоянно перемещаются и делают это быстро. Здесь сложно найти сухую землю. Люди, населяющие эту территорию, живут на больших плотках, которые служат одновременно и домом, и огородом. Представителей старших поколений отличают перепончатые лапы, которые те надеются развить и в своих отпрысках, потому что перепонки демонстрируют, что их обладатель – великий болотный охотник. У них нет врагов, преимущественно потому, что никто не хочет лезть в болота. Они охотно помогают путникам и настаивают бесценные лекарственные препараты на плавучей болотной флоре и фауне, которые представлены, в частности, дынькой-вертлявкой и отъявленной мухоловкой, чей яд используется при изготовлении тонкой чугунной гравировки и к которой нужно подступать с исключительной осторожностью, потому что своим ядом она плюется на расстояние до нескольких ярдов.

В Нидергандах явно действовало волшебство, и они курировались профессором Ринсвиндом из Незримого Университета, который признавал их потенциал в качестве фармакологической столицы мира. Его донесения свидетельствуют, что сок, выжатый из определенного желтого цветочка, повышает уверенность пациента на пятнадцать минут. Удалось установить с уверенностью, что на этот короткий срок пациент становится абсолютно уверенным во всем без исключения. Более подробные исследования показали, что водяной плавучий гиацинт таит в своих недрах полную неуверенность во всем на целых полчаса. Философы увлеченно придумывают способы применения для этих зелий, и продолжается поиск растения, которое сочетало бы свойства их обоих, что представляет особый интерес для теологов.

Во всяком случае, по собственному представлению. Стоит отметить, что они не стали рисковать и предпочли свергнуть короля-под-горой, когда тот укатил далеко в Щеботан.

По крайней мере, Мокриц подумал, что он был в тени. По части маскировки Витинари был одним из лучших студентов за всю историю Гильдии Убийц, так что тень была, скорее, состоянием сознания.

Единственными вагонами без крыши оставались вагоны для пассажиров особо крупных размеров (преимущественно троллей), которые больше никуда не помещались, и то потому, что по сути это были платформы для угля. Никто не возражал – троллям дождь не страшен, у них от него только лучше растет лишай, а уголь сходил за угощение в долгой дороге.

И противоестественное для любого человека, рожденного и выросшего в Анк-Морпорке.

Несколько месяцев назад Редж Башмак ехал один в пустом купе, как вдруг окно вагона неожиданно захлопнулось и прищемило ему пальцы. К тому моменту, когда поезд остановился на вокзале, господин Башмак успел потерять фалангу одного пальца. Он возмущался этим инцидентом, но, будучи зомби, в целом отделался легким ущербом. Однако по настоянию Юффи Дик спроектировал сигнальный шнурок: это была веревка, протянутая вдоль всего поезда, с колокольчиком, привязанным к каждому его концу. В случае ЧП любой пассажир мог дернуть за шнурок, и охранник поезда или машинист, услышав колокольчик, должны были срочно остановить состав.

Мокриц видел однажды здешние водопады. Они представляли собой... ну... водопады. Довольно неплохие по меркам водопадов, но хватало нескольких минут, чтобы посмотреть на них, и начинались вопросы: «Где здесь поблизости подают кофе?»

А если знать, у кого спрашивать, то можно было найти и легендарные клатчские кочующие болотные трюфели, которые хоть по вкусу и внешнему виду поразительно напоминали клатчскую болотную лягушку, но были очень редкими, что автоматически делало их деликатесом.

Пер. с гномьего: милорд.

Исключая Шнобби Шноббса и сержанта Фреда Колона, которые не были такими уж особыми, но, насколько знал Мокриц, приносили много пользы, отчего Ваймс и мирился с их присутствием.

Во всяком случае, назвались они девственницами. Лепестки точно были лепестками.

Гномы считаются юнцами только по достижении пятидесятилетия.

Переползи-поле – это как перекасти-поле, только менее динамичное. Это все, что вам нужно знать об Утолке.

Никто и никогда не высказывал его светлости подобных обвинений. Впрочем, точнее будет сказать, что никого не нашли.

Мокриц сражался хаотично, придерживаясь того мнения, что если он сам не знал, какой выпад сделает следующим, то враг не узнает и подавно. Все-таки это была рукопашная, а в рукопашной нет правил. С тем же успехом можно попытаться контролировать ураган.

Вурмы – это что-то вроде светлячков, только светится исходящий от них запах. Они обитают в глухих темных местах, где кормятся миазмами всех живых существ, которые могут там оказаться. Они очень полезны для расхитителей гробниц и прочих птиц того же полета, которые в свою очередь полезны вурмам, особенно птицы.

Часть гномьего кодекса поведения, который посторонние практически не в состоянии освоить, традиционное столкновение шлемами чуть менее интенсивно, чем прием, на улицах Анк-Морпорка известный как «поддельнобразный поцелуй», но в то же время не настолько нежно, чтобы дать повод подумать, будто один из участников – тряпка.

Нечто подобное можно сказать практически о любом дворце. Лучше никогда не заглядывать на задний двор.